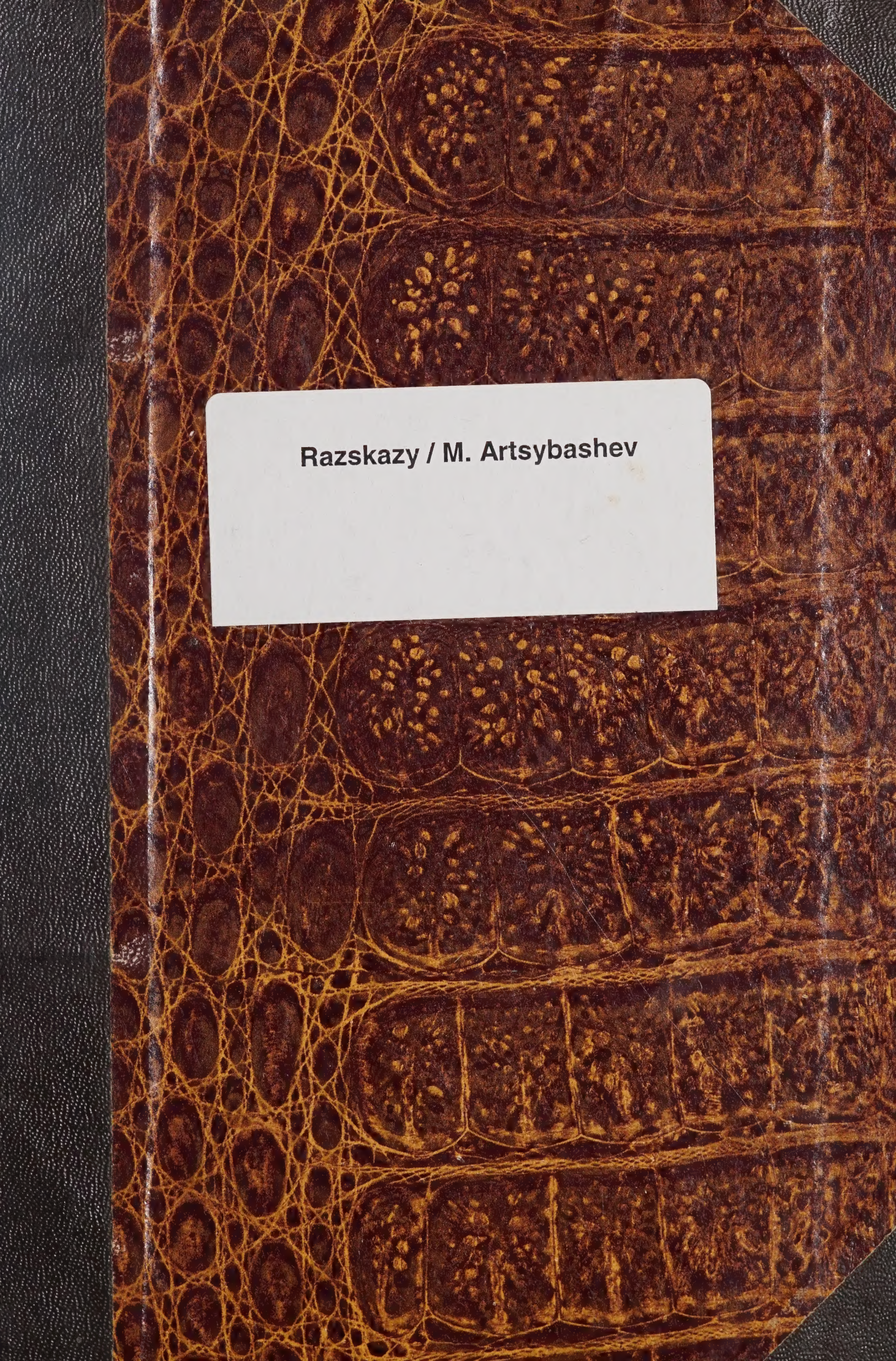
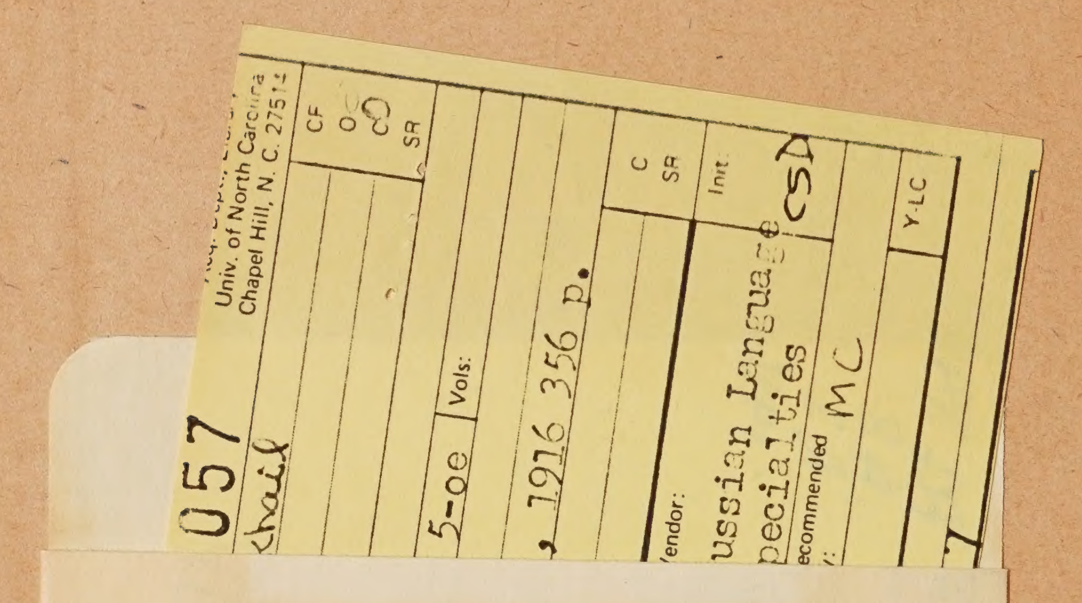

Razskazy / M. Artsybashev



М. АРЦЫБАШЕВЪ.

РАЗСКАЗЫ.

ИЗДАНІЕ ПЯТОЕ.

„МОСКОВСКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО".



Типографія „ЗЕМЛЯ", Москва,
1-я Мѣщанская, д. 5.

ПАША ТУМАНОВЪ.

I.

Передъ закрытой желтой дверью пріемной полицмейстера, въ маленькой грязной передней съ давно некрашеннымъ поломъ, опершись спиной о вѣшалку, стоялъ рябой малорослый полицейскій солдатъ въ перепачканномъ пухомъ и мѣломъ и разорванномъ подъ мышкой мундирѣ.

Видъ у этого солдата былъ самый смиренный и глупый, но это не помѣшало ему изобразить на своей физіономіи начальственную строгость, когда въ переднюю вошелъ посторонній.

Этотъ посторонній, попавшій въ комнату, куда постороннимъ входъ строго воспрещается иначе какъ въ указанное, отъ 12 до 3-хъ часовъ, время, былъ юноша въ худой гимназической шинели и такой же фуражкѣ. Росту онъ былъ средняго, большеголовый, съ некрасивымъ, но довольно симпатичнымъ лицомъ; на щекахъ и верхней губѣ его вполнѣ ясно обозначался неровный пухъ усовъ и бороды. Онъ былъ красенъ и, видимо, возбужденъ.

Вошелъ онъ очень быстро, точно за нимъ кто гнался, и, войдя, сейчасъ же снялъ шапку.

— Здѣсь пріемная полицмейстера?—спросилъ онъ такъ громко, какъ-будто давно приготовилъ этотъ вопросъ въ такой именно громкой и рѣшительной формѣ.

— Здѣся,—отвѣтилъ солдатъ, съ видимымъ неудовольствіемъ покидая свое занятіе и отдѣляясь отъ вѣшалки.

«И чего шляются,—подумалъ онъ:—сказано отъ двѣнадцати до трехъ, ну и нечего... только народъ безпокоятъ!»

— Сюда пройти? — такъ же громко и рѣшительно спросилъ гимназистъ, дѣлая движеніе къ запертой двери пріемной.

— Сюда. Да только они не принимаютъ,—отвѣтилъ солдатъ, загораживая дверь.

— Мнѣ нужно.

— Пожалте отъ двѣнадцати до трехъ, — равнодушно сказалъ солдатъ и потянулся рукой къ своему носу.

— Мнѣ сейчасъ нужно.

— Не приказано пущать.

Гимназистъ какъ-то весь осѣлъ и замялся, обезкураженный этимъ ничтожнымъ и неожиданнымъ препятствіемъ, сбивавшимъ его съ того торжественнаго, важнаго и печальнаго пути, который представлялся ему, когда онъ ѣхалъ сюда. Этотъ равнодушный и неряшливый солдатъ такъ не вязался съ его представленіемъ, что одну секунду онъ едва не вышелъ изъ передней. Но въ дверяхъ остановился, побагровѣлъ и выпалилъ:

— Мнѣ надо заявленіе: я человѣка убилъ!

— Чего-съ?—глухо спросихъ солдатъ.

И гимназистъ молчалъ и смотрѣлъ на солдата, и солдатъ, выпучивъ глаза и глупо ухмыляясь, смотрѣлъ на него.

— Пожалте... — наконецъ сказалъ солдатъ, сомни-

тельно кивнувъ головой, толкнулъ дверь въ пріемную и посторонился.

Гимназистъ надѣлъ зачѣмъ-то фуражку, но сейчасъ же снялъ ее и вошелъ. Солдатъ тупо поглядѣлъ ему въ спину.

II.

Въ большой свѣтлой комнатѣ, украшенной портретами особъ царствующей фамиліи, находились въ это время четыре человѣка: самъ полицмейстеръ, видный, представительный мужчина съ большими усами и перстнями на пальцахъ; его помощникъ, толстый человѣкъ съ большимъ животомъ и багровой физіономіей, съ трудомъ ворочающейся на короткой шеѣ безъ кадыка, и приставъ, высокій, худой, чахоточный, на узкихъ плечахъ котораго мундиръ и шашка висѣли какъ на вѣшалкѣ. Четвертый былъ господинъ въ вицъ-мундирѣ съ форменными пуговицами, съ большой рыжей бородой и синими очками на кончикѣ толстаго угреватаго носа. Онъ перебиралъ бумаги на столѣ у самаго окна, стоя и черезъ плечо прислушиваясь къ тому, что говорилъ полицмейстеръ.

А полицмейстеръ, сидѣвшій лицомъ къ входной двери, облокотясь обѣими руками на столъ, покрытый зеленымъ сукномъ, разсказывалъ, смѣясь и жестикулируя, какъ дочь одного часового мастера, еврея, захваченная облавой на проститутокъ, несмотря на увѣренія отца, что она—«еще совсѣмъ дитю», оказалась беременной.

— Ха-ха-ха, совсѣмъ дитю!—беззаботно смѣялся полицмейстеръ, и его здоровый корпусъ, туго затянутый въ полицейскій мундиръ, колыхался во всѣ стороны.

Помощникъ, — который вообще никогда ничего не чувствовалъ, кромѣ своей толщины,—страдалъ отъ жары и скуки, хотя и улыбался, когда смѣялся полицмейстеръ.

Приставъ какъ палка стоялъ передъ ними и тоже улыбался, хотя ему было тяжело стоять, потому что онъ былъ слабый и больной человѣкъ. Онъ смотрѣлъ на здороваго, сильнаго, вкусно смѣющагося полицмейстера, передъ которымъ долженъ былъ стоять, съ ненавистью и злобой, не смѣя, конечно, прервать его никому не нужную, праздную болтовню напоминаніемъ о принесенной имъ срочной бумагѣ.

Секретарь же, который терпѣть не могъ полицмейстера за его грубость и бурбонство, слушалъ его съ наслажденіемъ, потому что сегодня узналъ изъ вѣрныхъ устъ, что конецъ полицмейстерской карьеры близокъ. Объ этомъ ему говорили въ канцеляріи губернатора, какъ о рѣшенномъ дѣлѣ, тогда какъ самъ полицмейстеръ, очевидно, ничего не подозрѣвалъ.

«Не смѣялся бы ты, если бъ зналъ!» злорадно думалъ секретарь.

Когда вошелъ гимназистъ, всѣ сразу повернули къ нему головы, и полицм йстеръ замолчалъ на половинѣ фразы.

Гимназистъ, какъ вошелъ, такъ и сталъ посреди комнаты, торопливо вытаскивая что-то изъ кармана шинели, что цѣплялось тамъ и упорно не хотѣло вылѣзать на свѣтъ.

Приставъ счелъ своимъ долгомъ подойти и опросить его, а такъ какъ то же думалъ и секретарь, то они оба разомъ спросили:

— Что вамъ угодно?

Но гимназистъ молчалъ и растерянно поглядывалъ то на одного, то на другого, продолжая тащить что-то изъ кармана. Оттуда посыпались крошки, должно быть, пирожнаго. Гимназистъ сопѣлъ и краснѣлъ, лицо у него сдѣлалось жалкое, безпомощное, шея вспотѣла.

Приставъ, изогнувъ, какъ дятелъ, голову набокъ, заглянулъ однимъ глазомъ ему въ карманъ и что-то хотѣлъ

спросить, но въ это время гимназистъ, совсѣмъ выворотивъ карманъ, вытащилъ наконецъ маленькій блестящій револьверъ и подалъ его почему-то прямо полицмейстеру. Тотъ невольно протянулъ руку и взялъ.

— Я директора убилъ,—вдругъ заявилъ гимназистъ жидкимъ заплетающимся голосомъ.

— Какъ-съ?—спросилъ полицмейстеръ, высоко поднимая брови.

Кого?—произнесъ и его толстый помощникъ, на жирномъ лицѣ котораго появился испугъ.

— Директора... Владиміра Степановича...—совсѣмъ упавшимъ голосомъ повторилъ гимназистъ.

— Вознесенскаго? Владиміра Степановича? — воскликнулъ полицмейстеръ.

— Да,—прошепталъ гимназистъ.

— Тогда всѣ сразу задвигались, заговорили и засуетились. Полицмейстеръ началъ прицѣплять шашку, путая портупею; приставъ побѣжалъ рысью приказать подать дрожки, помощникъ ужасался и искалъ шапку, и всѣ что-то кричали, перебивая другъ друга и совершенно позабывъ о виновникѣ происшествія. Уже уходя полицмейстеръ вспомнилъ о немъ и обратился къ нему негодующимъ тономъ:

— Да вы кто такой?

Гимназистъ не отвѣчалъ. Онъ, очевидно, не особенно хорошо сознавалъ, что съ нимъ произошло, и безсмысленно мялъ фуражку своими потными ладонями.

Приставъ подскочилъ къ нему и прошипѣлъ ему почти на ухо:

— Кто такой?

— Павелъ Тумановъ... шестого класса...—машинально отвѣтилъ гимназистъ, поворачиваясь прямо къ нему, отчего приставъ даже немного сконфузился и сдѣлалъ рукой такое движеніе, будто почтительно направлялъ отвѣтъ въ сторону полицмейстера.

— Надо ѣхать, — взволнованно проговорилъ полицмейстеръ.

— Какое несчастіе! Матвѣй Ивановичъ,—обратился онъ къ помощнику,—вы со мной?

— Да, да, запыхтѣлъ помощникъ, торопливо берясь за фуражку.

— Викторъ Александровичъ, — почтительно остановилъ полицмейстера приставъ,—а какъ же съ ними?—онъ кивнулъ въ сторону гимназиста.

— А, да... задержать здѣсь до моего возвращенія.

— А револьверчикъ?

— А, да... какъ же, какъ же,—вещественное доказательство... спрячьте! Да вы со мной поѣдете, а этого... Андрей Семеновичъ распорядится. Распорядитесь, Андрей Семеновичъ! — кинулъ полицмейстеръ, исчезая въ дверяхъ.

— Хорошо-съ, — хмуро отвѣтилъ секретарь, не двигаясь съ мѣста.

Приставъ просительно кивнулъ ему и тоже убѣжалъ. Черезъ минуту подъ окнами прогремѣли одна за другой двѣ пролетки, уносившія полицейскія власти на мѣсто преступленія.

III.

Въ пріемной остались секретарь за своимъ столомъ и гимназистъ, все еще съ вывороченнымъ карманомъ стоявшій посреди комнаты. Въ открытую дверь заглядывали, уже прослышавшіе о происшествіи, писцы и городовые, любопытно оглядывая гимназиста.

Секретарь чувствовалъ себя неловко. Онъ, зачѣмъ-то ступая почти на цыпочкахъ, прошелъ черезъ комнату, заперъ дверь, любопытнымъ погрозилъ пальцемъ и, возвращаясь на свое мѣсто, пробормоталъ:

— Садитесь... Что же вы стоите...

Гимназистъ машинально отошелъ къ стѣнѣ и сѣлъ на стулъ, не переставая мять потными ладонями свою фуражку.

Секретарь тихо усѣлся на свое мѣсто. Ему было жаль мальчика, и ему какъ-то не вѣрилось, что передъ нимъ—убійца. Онъ притворился, что не обращаетъ на гимназиста никакого вниманія и усердно сталъ шуршать бумагой, только изрѣдка съ любопытствомъ кидая быстрые взгляды на неподвижно сидѣвшаго преступника.

Паша Тумановъ сидѣлъ подъ самымъ окномъ и въ неудобной напряженной позѣ и не шевелился, крѣпко сжавъ губы и сопя носомъ. Онъ смотрѣлъ въ одну точку—на просыпанныя имъ на полъ крошки пирожнаго и чувствовалъ мучительное желаніе ихъ убрать: ему казалось, что онѣ нестерпимо рѣзко видны на желтомъ, чисто вымытомъ полу и имѣютъ какое-то отношеніе къ тому, что случилось.

Но ему только казалось, что именно эти крошки возбуждаютъ въ немъ такое тяжелое желаніе, на самомъ дѣлѣ—его мучила потребность убрать куда-нибудь то безобразное и нелѣпое, что случилось съ нимъ въ это утро и острымъ клиномъ торчало теперь въ его жизни, уродуя и коверкая ее. На него нашло какое-то мертвое отупѣніе. Онъ даже не могъ отдать себѣ яснаго отчета въ томъ, какимъ образомъ началось, продолжалось и окончилось «это», и какъ онъ очутился здѣсь и зачѣмъ сидитъ въ большой пустой комнатѣ, въ присутствіи большого бородатаго въ синихъ очкахъ господина, шелестящаго бумагой. Порой ему казалось, что надо встать и уйти, и тогда все это просто кончится и окажется какимъ-то пустякомъ, даже веселымъ и юмористичнымъ... но сейчасъ же все обрывалось и сбивалось въ безтолковую массу какихъ-то картинъ, обрывковъ словъ и красныхъ пятенъ, которыя начинали расплываться, расширяться и

наконецъ заливали все багровой мутью, гдѣ прыгали какія-то знакомыя, но ужасныя лица.

Тогда Паша Тумановъ встряхивался гдѣ-то внутри себя и на мгновеніе опять видѣлъ большія свѣтлыя окна, силуэтъ бородатой головы и слышалъ короткій шелестъ бумаги.

Это было состояніе, близкое къ бреду.

Среди безформеннаго хаоса, расплывчатаго, тяжелаго, Паша Тумановъ чувствовалъ, что видитъ что-то, что надо сейчасъ же сдѣлать: что-то очень важное, имѣющее рѣшающее значеніе, но что именно, онъ не могъ отдать себѣ отчета, и это начинало мутить его такъ, что крошки на полу стали казаться пустякомъ. Онъ сдѣлалъ усиліе и поймалъ...

Это оказалось вывороченнымъ карманомъ шинели.

Паша Тумановъ положилъ фуражку возлѣ себя на стулъ и старательно вправилъ карманъ на мѣсто, при чемъ рука его нащупала въ немъ еще нѣсколько кусочковъ раздавленнаго пирожка, который ему дали, когда онъ утромъ выходилъ изъ дому.

И вдругъ ему стало чего-то ужасно жалко, и самъ онъ сталъ въ своемъ представленіи маленькимъ-маленькимъ.

Паша Тумановъ заплакалъ, сначала тихо, а потомъ все громче и громче.

Секретарь испугался. Онъ вскочилъ, уронилъ перо и, наливъ въ стаканъ воды изъ стоявшаго на окнѣ графина, поднесъ ее Пашѣ. Но Паша Тумановъ не пилъ и рыдалъ, захлебываясь и трясясь какъ въ лихорадкѣ.

— Ну, ну, полно, что вы... пустяки... это ничего... выпейте воды... — бормоталъ испуганный секретарь и вдругъ, повинуясь непонятному ему свѣтлому движенію души, неожиданно для самого себя, погладилъ Пашу по головѣ и пробормоталъ:

— Бѣдный мальчикъ!

Паша услыхалъ это жалкое слово, и плачъ его перешелъ въ истерическія рыданія. Ему показалось, что на всемъ свѣтѣ нѣтъ человѣка, который пожалѣлъ бы его, кромѣ этого секретаря. И Паша Тумановъ, уткнувшись головой въ жилетъ секретаря и больно царапая носъ о форменную пуговку, зарыдалъ еще больше.

Секретарь безпомощно оглядывался вокругъ.

IV.

Наканунѣ этого дня, около двѣнадцати часовъ ночи, Паша Тумановъ лежалъ на старомъ диванчикѣ, который служилъ ему постелью, и, положивъ подъ голову помятую подушку, отъ которой ему было жарко и неудобно, глядѣлъ внимательно и напряженно, какъ лампа мягко и ровно свѣтила со стола изъ-подъ толстаго зеленаго абажура. На столѣ ярко были освѣщены книги и тетради, красная ручка рѣзко торчала изъ чернильцы; ближе къ Пашѣ чернѣлъ силуэтъ спинки стула, а возлѣ него все мягко стушевывалось въ зеленоватомъ полусумракѣ.

Паша Тумановъ лежалъ, тупо и неподвижно уставясь въ одну точку, хотя и зналъ, что каждый часъ дорогъ. Онъ легъ съ отчаянія, когда убѣдился, что усилія его въ два-три дня пополнить все упущенное за семь лѣтъ ни къ чему не приведутъ, и теперь не чувствовалъ силы вновь приняться за долбежку.

Почему такъ много, неопредѣленно много было упущено, Паша не зналъ. Отчасти это случилось по лѣни, отчасти по обстоятельствамъ, отъ Паши не зависящимъ, а главнымъ образомъ отъ того, что настоящая, дѣйствительная жизнь цѣликомъ захватывала своими интересами живого Пашу Туманова, а эта жизнь шла далеко въ сторонѣ отъ мертвой, неподвижной гимназіи.

Когда Паша окончательно понялъ истинное положеніе дѣла и убѣдился, что не можетъ обмануть самого

себя относительно его безнадежности, имъ овладѣло тупое отчаяніе, граничащее съ апатіей. Онъ отошелъ отъ стола, даже не закрывъ книги, легъ на диванъ и чувствовалъ всѣмъ существомъ своимъ, что онъ глубоко несчастенъ. Одновременно съ чувствомъ жалости къ себѣ у него закипало и глухое озлобленіе противъ людей, которыхъ онъ считалъ виновными въ своемъ несчастіи— противъ директора гимназіи и преподавателя латинскаго языка. Онъ ошибался: причины его несчастія заключались вовсе не въ этихъ двухъ чиновникахъ министерства народнаго просвѣщенія, не въ ихъ относительныхъ достоинствахъ и недостаткахъ, какъ преподавателей,—людей и чиновниковъ, а въ томъ противоестественномъ положеніи вещей, по которому двадцатилѣтняго юношу, жаждущаго смысла и интереса въ жизни, заставили зубрить неинтересные, лишенные жизненнаго смысла учебники и, наоборотъ, лишали того, чего онъ въ теченіе всей юности добивался. Тѣмъ не менѣе Паша Тумановъ именно директора и учителя Александровича считалъ причиною того, что онъ несчастенъ, а завтра, навѣрное, будетъ еще несчастнѣе.

Чувство озлобленія, тяжелое для его добраго и мягкаго сердца, все усиливалось и доходило минутами до того безобразнаго кошмара, въ которомъ человѣкъ съ мучительнымъ наслажденіемъ, свойственнымъ только больному организму, припоминаетъ какія-нибудь ничтожныя подробности,—въ родѣ походки, голоса, манеры говорить—человѣка, кажущагося ему врагомъ, и находитъ эти подробности до того противными, мерзкими, что мысленно плюетъ на нихъ, топчетъ ихъ и издѣвается надъ ними.

Паша сталъ задыхаться въ удушливой атмосферѣ своего озлобленія. Ему казалось, что даже огонь лампы упалъ и сталъ какимъ-то тяжелымъ, зловѣщимъ; а шумъ въ ушахъ превращался то въ глухой шопотъ за стѣной,

то въ уныло доносящуюся откуда-то издалека тягучую пѣсню ненависти и тоски. Паша понималъ, что надо стряхнуть съ себя это тягостное состояніе, но тупая и вялая безнадежность пересиливала его волю, и онъ продолжалъ неподвижно лежать и страдать нравственно и физически.

У него заболѣла голова.

Дверь въ комнату тихо и осторожно отворилась: послышался веселый смѣхъ и другіе рѣзкіе и отчетливые живые звуки изъ третьей комнаты, гдѣ сидѣли сестры Паши, и прислуга накрывала на столъ, стуча тарелками и бряцая ножами.

Вошла мать Паши, Анна Ивановна, вдова полковника, живущая на пенсію и на какое-то вспомоществованіе, откуда-то выдаваемое на воспитаніе дѣтей. Она была заморенная, безсильная женщина, съ тихимъ голосомъ, большимъ запасомъ безхарактерной доброты и вялымъ, преждевременно состарившимся лицомъ. Она тихо прошла по комнатѣ, потрогала лобъ Паши теплой мягкой рукой и сѣла возлѣ стола.

— Пойдемъ ужинать. Усталъ?

Изъ того, что она сѣла, позвавъ его ужинать, и по знакомому ему немного жалкому и боязливому выраженію спрашивающихъ глазъ, Паша понялъ, что ей нужно. Но такъ какъ ему было тяжело лгать, а правду сказать онъ не могъ, то Паша промолчалъ и только кивнулъ головой на вопросъ матери объ усталости.

Анна Ивановна сидѣла у стола, перебирая пальцами листы книги и понуривъ голову, и грустно думала о томъ, какъ дѣти вообще жестокосерды и неспособны понимать заботы родителей. Ей казалось, что если бы Паша понялъ, какъ она страдаетъ и боится за него, онъ сейчасъ же началъ бы хорошо учиться и вышелъ бы въ люди.

А Паша смотрѣлъ на нее искоса и думалъ почти то же: что мать его—жестока и неспособна понять, какъ

трудно и скучно учиться, и что онъ, Паша, все-таки прекрасный, добрый мальчикъ, несмотря на то, что не можетъ выдержать экзамена. Ему хотѣлось пожаловаться матери на то, какъ ему тяжело и какъ злы учителя, которые, по его мнѣнію, одни были виноваты въ его несчастіи, потому что и они и никто не потерялъ бы ничего, если бы они поставили ему не единицу, а четыре или хоть три. Но Паша чувствовалъ, что мать, несмотря на свою доброту, неспособна понять его и не повѣритъ въ злобу учителей. А потому и къ ней онъ начиналъ питать смутное озлобленіе. Онъ упорно молчалъ и смотрѣлъ на лампу.

Наконецъ Анна Ивановна грустно и безнадежно вздохнула и встала.

— Ну, пойдемъ ужинать.

Но Паша зналъ, что она такъ не уйдетъ и что надо солгать.

— Что же ты, Паша... выдержишь?—съ усиліемъ и страхомъ спросила наконецъ Анна Ивановна.

Раздраженіе вспыхнуло въ душѣ Паши до того, что онъ едва не закричалъ:

— Да оставьте меня въ покоѣ! Почемъ я знаю!

Но, увидѣвъ большіе ласковые глаза съ выраженіемъ тревоги и любви, вдругъ почувствовалъ такую нѣжность и жалость къ ней, что всталъ, обнялъ ее за талію и, краснѣя въ полусумракѣ, сказалъ притворно-смѣлымъ голосомъ:

— Вы-держу! Пойдемъ, мама, ужинать... моя хорошая...

И онъ прижался къ ней съ чувствовамъ безотчетнаго умиленія.

Анна Ивановна съ тревогой пытливо посмотрѣла на него, вздохнула и ненадолго успокоилась.

За ужиномъ Паша былъ возбужденъ и много смѣялся, остря надъ сестрами; но когда вернулся въ свою ком-

нату, раздѣлся и легъ, потушивъ лампу, то сначала тревога, а потомъ и прежнее озлобленіе вернулись къ нему съ удвоенной силой и не давали ему спать. Онъ посмотрѣлъ въ темноту воспаленными круглыми глазами и чувствовалъ ненависть ко всему свѣту и жалость къ себѣ...

Когда онъ наконецъ заснулъ, ему снились деревья, солнечный свѣтъ, знакомыя лица и много чего-то свѣтлаго и радостнаго.

V.

Утромъ Паша Тумановъ всталъ очень рано и сейчасъ же вспомнилъ, что надо итти на экзаменъ. Его обдало холодомъ, и сердце непріятно и тоскливо сжалось.

Паша долго и порывисто, то торопясь, то безъ надобности копаясь, одѣлся, умылся и вышелъ въ столовую, гдѣ блестѣлъ холодный, только что вымытый полъ и на столѣ, покрытомъ свѣжей скатертью съ залежавшимися складками, стоялъ чистый шумящій самоваръ.

Сестры еще спали, но Анна Ивановна уже сидѣла за самоваромъ и улыбнулась Пашѣ робкой и тревожно-вопросительной улыбкой.

Паша тоже улыбнулся, но не могъ смотрѣть матери въ глаза и уткнулся въ свой стаканъ.

— Поздно уже, Паша,—сказала Анна Ивановна.

Паша непріятно поморщился.

— Еще половина девятаго,—сказалъ онъ.

— Пока дойдешь... — коротко отвѣтила мать, ставя чайникъ на камфорку самовара.

Эти простыя и обыкновенныя слова, которыя Паша слышалъ каждый день, теперь раздражали его.

— Поспѣю, — грубо сказалъ онъ, — дайте хоть чаю напиться!

Анна Ивановна робко и огорченно на него посмотрѣла.

— Пей, пей... я такъ...—виновато сказала она.

Пашѣ было больно, что онъ огорчилъ грубымъ тономъ мать, и хотѣлось извиниться, но, уступая давленію усиливающейся тревоги, онъ не извинился, а, напротивъ, насупился и, принявъ обиженный видъ, всталъ, взялъ ранецъ, вынулъ оттуда нужную ему книгу и надѣлъ фуражку.

Анна Ивановна смотрѣла на него изъ-за самовара, ожидая, что онъ подойдетъ, какъ всегда, съ поцѣлуемъ и крестомъ, которымъ она осѣняла сына, куда бы онъ ни шелъ. Паша видѣлъ это, но чувство озлобленія толкало его, и онъ вышелъ изъ комнаты, не подойдя къ матери.

Паша Тумановъ быстро шелъ по улицамъ, по которымъ гремѣли ломовики, съ чувствомъ тяжести и отъ страха экзамена и отъ жалости къ матери, которую обидѣлъ. Чѣмъ ближе онъ подходилъ къ гимназіи, тѣмъ больше замедлялъ шаги, и наконецъ остановился на мосту и долго смотрѣлъ, ничего не понимая, какъ какой-то старичокъ въ помятой дворянской фуражкѣ, засучивъ панталоны, стоялъ по колѣни въ водѣ и удилъ рыбу. Пара сапогъ съ рыжими голенищами торчала на гладкомъ прибрежномъ пескѣ рядомъ съ коробочкой изъ-подъ ваксы для червяковъ и ведеркомъ для рыбы.

Солнце свѣтило ярко, тепло и весело.

Старичокъ замѣтилъ Пашу и нѣсколько разъ взглянулъ на него, улыбаясь какъ старому знакомому. Никонецъ онъ тронулъ фуражку и спросилъ:

— На экзаменъ идете?

Паша Тумановъ сдѣлалъ надъ собою усиліе, чтобы понять, о чемъ его спрашиваютъ, и отвѣтилъ не скоро:

— На экзаменъ.

Старичокъ кивнулъ головой.

— По-латинскому языку? — Знаю... У меня сынишка... можетъ, знаете, Василій Костровъ, Васька... тоже на экзаменѣ сегодня.

Паша Тумановъ приподнялъ шапку и пошелъ дальше. Старичокъ пошевелилъ неодобрительно губами и потащилъ изъ воды серебристую плотичку. Потомъ посмотрѣлъ, прищурясь на солнце, и опять закинулъ удочку. Пойманная рыбка билась въ ведеркѣ и разбрызгивала на песокъ блестящія капельки воды.

Паша Тумановъ шелъ и думалъ, что Костровъ, Васька Костровъ, навѣрное, тоже не выдержитъ экзамена. Кострова онъ зналъ: это былъ высокій, худой юноша, всегда плохо одѣтый, плохо учившійся и вмѣстѣ съ своимъ пріятелемъ Анатоліемъ Дахневскимъ, юркимъ полячкомъ, постоянно проводившій время въ билліардныхъ, тайкомъ отъ начальства. Оба они играли мастерски и одѣвались, да и кормились почти исключительно билліардной игрой.

Паша Тумановъ подумалъ, что и Дахневскій, навѣрное, не выдержитъ экзамена, и ему стало веселѣе.

Придя въ гимназію, онъ прошелъ по чисто подметенному широкому коридору въ шестой классъ и сейчасъ же отыскалъ глазами Кострова и Дахневскаго, которые сидѣли на подоконникѣ и разговаривали. Паша подошелъ къ нимъ.

— Я ему двадцать очковъ дамъ,—спокойно говорилъ Костровъ своимъ глухимъ баскомъ.

Увидѣвъ Пашу Туманова, онъ подалъ ему руку и весело спросилъ:

— Боитесь?—и добродушно засмѣялся.

Но Пашѣ не стало весело. Ему, противъ ожиданія, показался даже противенъ Костровъ съ своимъ безшабашно-равнодушнымъ отношеніемъ къ собственной участи и вѣчными разговорами о билліардной игрѣ.

Онъ не выдержалъ и спросилъ почему-то не Кострова, а Дахневскаго:

— А вы боитесь?

Тотъ посмотрѣлъ на него съ разсѣяннымъ удивленіемъ.

— Нѣтъ... что же... — неопредѣленно отвѣтилъ онъ, и снова обратился къ Кострову.

— Видишь ли, у Маслова ударъ, можетъ быть, и хуже, чѣмъ у тебя, но у него терпѣніе дьявольское, онъ измором возьметъ... Двадцати ты ему не дашь!..

— Нѣтъ, дамъ! — увѣренно возразилъ Васька Костровъ, глядя черезъ Дахневскаго на Пашу Туманова и чему-то ухмыляясь. Улыбка у него была добрая и немного насмѣшливая.

— Вы не бойтесь,—сказалъ онъ вдругъ;—не выдержимъ такъ не выдержимъ, бѣда невелика!..

Дахневскій внимательно поглядѣлъ на Пашу.

— Охота придавать такое значеніе!—презрительно пожалъ онъ плечами.

Но Васька Костровъ отодвинулъ его рукою и сказалъ:

— Оставь... у всякаго свои обстоятельства.

Прибѣжалъ надзиратель, робкій, торопливый человѣкъ, съ сѣденькой подстриженной бороденкой, добрымъ и ничтожнымъ лицомъ. Онъ быстро всунулся въ двери, крикнулъ: — «Господа, на экзаменъ!..»— и исчезъ, торопливо помахивая рукой.

— Ну-съ, «господа»,—улыбнулся Васька Костровъ, вставая и потягиваясь,—пойдемъ.

Всѣ толпой вывалили въ коридоръ, и пошли на другой конецъ его, къ актовому залу, гдѣ происходили экзамены.

Опять гнетущее чувство страха захватило Пашу Туманова съ такой силой, что колѣни у него стали дрожать. Безъ всякой надобности онъ остановился у столика съ водой и сталъ пить воду, показавшуюся ему удивительно невкусной.

— Скорѣе, скорѣе, господа! — подгонялъ гимнази-

стовъ внезапно появившійся надзиратель, укоризненно качая головой и торопливо потирая худые пальцы.

Въ это время изъ дверей на другомъ концѣ коридора показались фигуры экзаменаторовъ, вышедшихъ изъ учительской комнаты. На фонѣ освѣщеннаго окна и блестящаго пола они появились одними темными силуэтами, съ болтающимися фалдами вицъ-мундировъ. Паша Тумановъ едва успѣлъ войти въ залъ и занять первое попавшееся на глаза свободное мѣсто, какъ они уже вошли, одинъ за другимъ, и стали размѣщаться вокругъ большого стола, покрытаго краснымъ съ золотой бахромой и кистями сукномъ.

VI.

Начался экзаменъ.

Это былъ обыкновенный экзаменъ средне-учебнаго заведенія,—обычай, который никакъ не могутъ совершенно оставить даже люди, признающіе его безсмысленность. Педагоги, великолѣпно знавшіе относительныя знанія и способности своихъ учеиковъ, вызывали ихъ къ столу, задавали наудачу, согласно взятому на счастье билетику, нѣсколько пустяшныхъ вопросовъ и притворялись, что ставятъ отмѣтки именно по тому, какъ отвѣчаютъ ученики, а не по давно сложившемуся у нихъ мнѣнію о томъ или другомъ ученикѣ, которое было извѣстно не только одному изъ нихъ, но всему педагогическому совѣту.

Пока вызывали другихъ, по одному, то съ начала, то съ конца алфавита, Паша Тумановъ, напряженно и неудобно усѣвшись, тупо смотрѣлъ на учителей. По временамъ ему казалось, что необходимо еще что-то прочесть, просмотрѣть слабое мѣсто; но когда онъ судорожно переворачивалъ книгу и отыскивалъ то мѣсто, ему бросались въ глаза тысячи строкъ, казавшихся совер-

шенно незнакомыми, забытыми, и Паша безсильно бросалъ книгу, обливаясь холоднымъ потомъ, а черезъ секунду опять искалъ какое-то мѣстечко.

Наконецъ вызвали съ конца Ухина, а съ начала Кострова.

— Василій Костровъ, — довольно тихо прочелъ директоръ.

— Костровъ Василій, — громко, съ разстановкой, повторилъ преподаватель.

Откуда-то изъ-за спины Паши Турманова выдвинулась фигура Васьки Кострова, и онъ прошелъ къ столу.

Паша Тумановъ вздрогнулъ, встрепенулся и замеръ, облившись потомъ. Слѣдующимъ долженъ былъ быть онъ.

— Павелъ Тумановъ,—сказалъ голосъ директора.

— Тумановъ Павелъ,—такъ же громко повторилъ преподаватель.

Паша Тумановъ машинально всталъ, уронилъ книгу, хотѣлъ поднять, запутался и, не поднявъ книги, деревянными шагами пошелъ къ столу. По дорогѣ онъ столкнулся съ возвращавшимся на свое мѣсто Васькой Костровымъ. Тотъ былъ красенъ, но, ничуть не смущаясь, глядѣлъ Пашѣ въ лицо и улыбался. Онъ провалился съ трескомъ.

Потомъ былъ періодъ въ нѣсколько минутъ, когда Пашу Туманова что-то спрашивали, а онъ что-то отвѣчалъ и чувствовалъ, что отвѣчаетъ чепуху, и даже хуже, чѣмъ могъ бы; но онъ уже махнулъ рукой, чувствовалъ себя точно въ безводушномъ пространствѣ и валилъ, что попало, стараясь только остановить дрожащія колѣнки. Только подъ конецъ мысли у него немножко прояснились, и на вопросъ объ оборотѣ рѣчи онъ совершенно правильно отвѣтилъ:

— Ablativus absolutus.

— И это все, что вы знаете, — холодно произнесъ преподаватель и тутъ же, на глазахъ Таши Туманова, поставилъ ему единицу.

Все упало внутри Паши, и онъ едва не крикнулъ:

— Не надо!..

Преподаватель вопросительно посмотрѣлъ на директора; директоръ махнулъ рукой, серьезно взглянулъ поверхъ синихъ очковъ въ лицо Пашѣ Туманову и чуть-чуть качнулъ головой.

— Можете итти,—сказалъ преподаватель и, не глядя на Пашу, выкрикнулъ:

— Полонскій Митрофанъ.

Острое чувство страшной злобы сдавило Пашѣ горло. Онъ машинально повернулся и вышелъ изъ зала, стараясь не смотрѣть на товарищей, провожавшихъ его испуганными взглядами.

Въ коридорѣ онъ встрѣтилъ Кострова и Дахневскаго уже въ фуражкахъ. Васька Костровъ его остановилъ.

— Ну, что?—спросилъ онъ, ласково глядя на него своими темными глазами.

Паша Тумановъ хотѣлъ отвѣтить; но у него задрожала нижняя челюсть и онъ только махнулъ рукой.

— Тэкъ-съ,—сказалъ Васька Костровъ.

Паша Тумановъ прошелъ мимо.

— Послушайте, Тумановъ! — крикнулъ ему Васька Костровъ.

Паша остановился.

— Если увидите моего pater'а,—онъ тамъ у моста рыбу удитъ,—такъ скажите ему, что...

Васька Костровъ не договорилъ и махнулъ рукой, копируя Пашу, но придалъ этому жесту комическій оттѣнокъ и засмѣялся.

Дахневскій засмѣялся тоже.

— А вы сами... что же?—спросилъ Паша.

— А мы съ горя пойдемъ на билліардѣ партійку сыграемъ,—отвѣтилъ Васька Костровъ, улыбаясь, и ушелъ.

Паша Тумановъ отыскалъ фуражку, вспомнилъ, что оставилъ въ залѣ книгу, но махнулъ рукой и вышелъ на улицу.

VII.

Яркій солнечный свѣтъ и грохотъ мостовой, смѣшанный съ живыми голосами и неистовымъ чириканьемъ воробьевъ, ошеломили его и какъ-будто ободрили. Но это былъ обманъ: сейчасъ же безнадежное горе охватило его и сжало съ новой силой; онъ самъ себѣ показался точно неживымъ, маленькимъ и ничтожнымъ; сгорбился и пошелъ въ тѣни подъ заборами. Ему казалось, что всѣ по его лицу видятъ, что онъ провалился.

Онъ вышелъ на мостъ и сейчасъ же увидалъ старика Кострова.

Костровъ сидѣлъ на берегу и натягивалъ за ушки рыжій сапогъ, высоко поднявъ ногу и глядя на мостъ. Онъ замѣтилъ Пашу и весело кивнулъ ему головой.

Паша Тумановъ остановился и, глядя внизъ, злорадно произнесъ, точно вымещая на немъ свое горе:

— Вася провалился!

Старикъ быстро опустилъ ногу на песокъ, подумалъ и вдругъ залился дребезжащимъ смѣхомъ, скрививши̇мъ его большой беззубый ротъ. Паша Тумановъ глядѣлъ на него съ удивленіемъ.

— Вотъ, говорилъ же ему,—съ веселой досадой сказалъ Костровъ,—говорилъ: провалишься ты со своимъ билліардомъ!.. Такъ провалился? — съ любопытствомъ переспросилъ онъ.

— Провалился,—подтвердилъ Паша и зачѣмъ-то сошелъ съ моста на берегъ. Заглянулъ въ ведерко: тамъ бились пять плотичекъ и бойкій красноперый окунекъ.

— Мало клюетъ,—пояснилъ Костровъ.—И съ трескомъ провалился?

— Съ трескомъ.

— Ну, вотъ... — утвердительно проговорилъ Костровъ.

Онъ обернулъ ногу портянкой, заворотилъ штанину и сталъ надѣвать другой сапогъ.

— Ну, а вы?—спросилъ онъ.

Паша густо покраснѣлъ.

— Тоже? Гм...

Костровъ всталъ, взялъ ведерко, поднялъ удочку и сказалъ:

— Пойдемте... Вамъ куда?

Пашѣ надо было итти прямо, но онъ почему-то не могъ отстать отъ Кострова. Ему было легче въ присутствіи этого взрослаго человѣка, такъ легко и просто относившагося къ такому важному дѣлу, которое сердило, волновало и мучило всѣхъ другихъ людей. Поэтому Паша Тумановъ отвѣтилъ:

— Я съ вами пройдусь.

— Идемъ,—согласился Костровъ, снялъ шапку, поглядѣлъ вдоль рѣки, рябившей золотомъ на солнцѣ, погладилъ лысину, опять надѣлъ шапку и повторилъ:

— Ну, идемте...

Они пошли вдоль рѣки по мелкому влажному песку, по которому валялись мелкіе круглячки и осколки ракушекъ, спутанныхъ свѣжими и засохшими водорослями. По временамъ попадались старыя лодки, грузно насѣвшія на берегъ своими черными кормами. Сверху по рѣкѣ валилъ пароходъ, и дымъ его, бѣлоснѣжно бѣлый на солнцѣ, только чуть-чуть отклонялся въ сторону. Было тихо, свѣтло и тепло. Волны, мелкія и прозрачныя, тихо вползали на смытый песокъ и слабо всплескивали. Въ ведеркѣ Кострова изрѣдка плескалась пойманная рыбка.

Паша Тумановъ смотрѣлъ на рѣку и чувствовалъ, что все это лишено жизни и очень тѣсно, а свѣтъ солнца казался ему тусклымъ и тяжелымъ. Костровъ находилъ иначе: онъ сладко прищуренными глазами вглядывался вверхъ по рѣкѣ, иногда прикладывая ладонь щиткомъ надъ глазами, слѣдилъ за пароходомъ, сбрасывая ногою мелкіе камешки въ воду и, блаженно улыбаясь, наблюдалъ, какъ дробится алмазная струйка, разбѣгающаяся по отмели. Вздыхалъ онъ легко и привольно и наконецъ проговорилъ:

— Благодать!

Паша промолчалъ. Костровъ поглядѣлъ на него съ сожалѣніемъ.

— Хорошо, говорю! — повторилъ онъ. — Ишь ласточки-то какъ... ишь, ишь!.. А вы чего такой хмурый?

Пашу Туманова взяло зло: ему показалось, что старикъ дразнитъ его, а самъ все отлично понимаетъ. Онъ опять промолчалъ.

Костровъ вздохнулъ и широко улыбнулся.

— Это что «экзаментъ» свой не выдержали? Плюньте-ка на это дѣло!

Паша Тумановъ посмотрѣлъ на него со злостью.

— Чего жъ вы сердитесь? — добродушно спросилъ Костровъ.

— Я не сержусь,—пробормоталъ Паша.

— Нѣтъ? А мнѣ показалось, что вы обидѣлись... А что я говорю—плюньте, такъ это я вѣрно говорю. Ну, не выдержали вы экзамена... Васька мой тоже не выдержалъ? Ну, да... А вѣдь онъ, навѣрно, и въ усъ не дуетъ. Вы его видѣли?

— Онъ пошелъ на билліардѣ играть,—сказалъ Паша.

Костровъ точно обрадовался.

— Ну, вотъ... А отчего? Оттого, что ему — наплевать!

— Какъ же это можно наплевать?—возразилъ Паша, глядя себѣ подъ ноги.

— А что? Оно, конечно, получить свидѣтельство тамъ, на мѣсто поступить.. это хорошо... А только не въ этомъ сила...

— А въ чемъ?

— Вы думаете, мой Васька гимназіи не могъ бы кончить? Дудки-съ! Не одну эту паршивую гимназію вашу, а сто такихъ гимназій кончилъ бы, если бы захотѣлъ... И вы бы кончили. У меня есть пріятель одинъ... маленькій человѣчекъ, какъ и я самъ, да еще и кривенькій... Такъ онъ мнѣ разсказывалъ — мы съ нимъ рыбу удимъ вмѣстѣ часто—про эту вашу гимназію и университетъ этотъ... Взвинтовъ — его фамилія. Такъ, вотъ, этотъ Взвинтовъ — репетиторствуетъ — и говоритъ, что самые естественные болваны лучше всѣхъ и учатся... такъ ужъ дѣло, видно, поставлено! Да я все по себѣ знаю: я вѣдь тоже учился и вылетѣлъ... Много ли ума нужно, чтобы латинскія спряженія да геометрію съ исторіей вызубрить? Сиди да зубри... сиди да зубри — только и всего. И не нужно это никому, а такъ только, чтобы мѣстечко похлѣбнѣе потомъ добыть. Такъ, вѣдь, это какъ кому: иному ничего, кромѣ мѣстечка, не нужно, ну тотъ и зубритъ, и старается... а иному вотъ эта рѣка тамъ, да воздухъ, тому какое зубренье? Тотъ и не зубритъ. А развѣ хуже онъ оттого, что ради теплаго мѣстечка не старается? Такъ-то... да.

Костровъ прищурился, поглядѣлъ по рѣкѣ и остановился.

— Ну, вотъ мы и разстанемся... мнѣ сюда въ переулочекъ.

Паша Тумановъ молча протянулъ ему руку.

— Да, молодой человѣкъ, напрасно вы такъ... Ну, провалились... оно, конечно, непріятно, но ни хуже вы отъ этого не стали, ни лучше... такой, какъ были, такимъ

и остались. Право!.. Такъ-то Васькѣ билліардъ, мнѣ рѣка да рыбка, вамъ... еще тамъ что-нибудь. Мы зубрить не можемъ, а все-таки мы люди ничуть не хуже другихъ, и такія же дѣти Создателя нашего. Каждому свое... Ну, до свиданья... Ласточки-то, ласточки... ишь!..

Костровъ засмѣялся, приподнялъ картузъ и поплелся вверхъ по берегу, между полуразвалившимися заборами слободки, къ маленькимъ деревяннымъ домишкамъ, грязно и безтолково разсыпаннымъ по берегу.

Паша Тумановъ остался одинъ.

Онъ долго смотрѣлъ на воду и думалъ о томъ, что сказалъ Костровъ, и хотя не могъ понять его словъ въ томъ глубокомъ смыслѣ, который вкладывалъ въ свои спутанныя рѣчи старый рыболовъ, но ему все-таки стало легче. И сейчасъ же сводъ неба раскинулся, вода стала прозрачнѣе и плескала звучнѣе, струйки весело зазвенѣли и заговорили на гладкомъ пескѣ, солнце стало ярче и теплѣе, послышалось много новыхъ звуковъ, живыхъ и смѣлыхъ, которыхъ онъ до этого не замѣчалъ.

Послышались голоса рабочихъ съ барокъ, звучно перекликавшихся и переругавшихся незлобно и весело; засвисталъ бойко и беззаботно пароходикъ; волна набѣжала на берегъ и отхлынула, радостно захлебнувшись; ласточки зачирикали, плавая въ морѣ воздуха, свѣта и голубого простора.

Паша Тумановъ смотрѣлъ на все широко открытыми глазами и не вѣрилъ самъ себѣ: неужели онъ, въ самомъ дѣлѣ, могъ такъ огорчиться изъ-за единицы? Ну, не выдержалъ... что жъ изъ этого? Вѣдь онъ все такой же Паша Тумановъ, какъ и былъ: такъ же слышитъ и чувствуетъ... такъ же любитъ мать и сестеръ и... хоть и ненавидитъ директора и того, какъ его... но чортъ съ ними! Стоятъ они того, чтобы здоровый, веселый Паша Тумановъ мучился?

VIII.

Но такое настроеніе продолжалось недолго, оно скоро смѣнилось чувствомъ неловкости, которую Паша Тумановъ старался сначала объяснить тѣмъ, что все-таки непріятно сказать матери не то, что она ожидаетъ.

Впрочемъ, это ничего! Онъ перескажетъ ей слово въ слово то, что говорилъ Костровъ... этотъ славный старикъ... философъ! Разскажетъ о томъ, какъ легко относятся къ своему провалу Васька Костровъ и Дахневскій. Какой все симпатичный народъ! Надо съ ними подружиться.

Но чѣмъ ближе подходилъ Паша Тумановъ къ дому, тѣмъ онъ чувствовалъ себя тревожнѣе и тяжелѣе. А когда онъ вошелъ во дворъ, то сердце его опять упало и колѣни задрожали, какъ на экзаменѣ.

Сестры сидѣли въ палисадникѣ. Старшая—Зина варила варенье, а младшая—Лидочка читала книгу и жевала длинный хвостикъ морковки.

— Паша пришелъ!—сказала она, увидѣвъ брата, и сейчасъ же бросила книгу и подошла къ нему, съ любопытствомъ въ веселыхъ смѣющихся глазахъ.

Зина подошла тоже, держа въ рукѣ ложку съ вареньемъ.

У обѣихъ были добрыя, веселыя лица, но Паша зналъ, что они должны стать злыми и хмурыми, когда узнаютъ правду.

— Что такъ скоро? Выдержалъ?—наперебой спрашивали сестры.

Все, что говорилъ Костровъ, безсильно мелькнуло въ Пашиной головѣ, и онъ невольно, неожиданно для самого себя, выпалилъ:

— Выдержалъ... Гдѣ мама?

— Молодецъ, на тебѣ ложку варенья за это!—сказала Зина.

Лидочка запрыгала на мѣстѣ и захлопала въ ладоши.

Паша Тумановъ, притворяясь веселымъ и радостно возбужденнымъ, облизалъ ложку, но совсѣмъ не замѣтилъ, какое на ней было варенье.

— Гдѣ мама?—повторилъ онъ.

— Въ церковь ушла... сейчасъ придетъ, уже отзвонили,—сказала Лидочка.

— Что тебѣ попалось?

— Такъ... пустяки. Я пойду, отнесу книгу,—сказалъ Паша, забывая, что книги съ нимъ нѣтъ.

— Да ты отъ радости обалдѣлъ! — сказала Зина, смѣясь.

Паша покраснѣлъ и смутился.

— Тьфу! Забылъ книгу. Ну, пойду умоюсь... усталъ...

— Семиклассникъ!—шутливо прокричала Лидочка ему вслѣдъ.

Паша тоскливо улыбнулся и поторопился уйти.

Теперь онъ уже понималъ, что нечего и думать сказать матери то, что говорилъ Костровъ. Онъ самъ удивился, какими глупыми показались ему его мысли на берегу! Костровъ старый пьяница-нищій въ рыжихъ сапогахъ, два билліардныхъ завсегдатая, его сынъ и Дахневскій... Паша теперь не могъ даже себѣ представить, какъ это онъ обратилъ вниманіе на глупости какого-то пьяницы!

Разумѣется, этотъ сбродъ ничего не потеряетъ оттого, что не будетъ у него диплома: другое дѣло Паша Тумановъ!

Въ комнатѣ Паши было темно и грязно, постель валялась неприбранная; книги были разбросаны по полу и выглядѣли какъ-то жалко и печально. Паша стоялъ посреди комнаты и думалъ о томъ безвыходномъ положе-

ніи, въ которое запутала его ложь сестрамъ, и о томъ, что не стоитъ жить.

Въ головѣ его мелькали планы одинъ фантастичнѣе другого и разбивались вдребезги, безслѣдно исчезали, доходя до одного пункта: мысли о матери. Паша Тумановъ мало-по-малу примирялся со всѣми непріятностями отъ невыдержаннаго экзамена, но мысль о томъ, какъ онъ скажетъ матѐри и увидитъ на ея лицѣ выраженіе знакомаго ему безсильнаго отчаянія и укора, наполняла его душу ужасомъ и холодомъ. Папа не понималъ, что счастье его не въ дипломѣ, а въ искреннемъ общеніи съ самымъ близкимъ его человѣкомъ мъ мірѣ — съ матерью, въ томъ, чтобы любить ее и заботиться о томъ, чтобы она была счастлива, имѣя здороваго и счастливаго сына. Не понималъ онъ этого потому, что и всѣ вокругъ не понимали этого, а думали, что счастье и прямыя обязанности человѣка заключаются не въ томъ, чтобы быть хорошимъ и свободнымъ человѣкомъ, а въ томъ, чтобы получить дипломъ, и съ нимъ—право получать больше денегъ. А такъ какъ мать Паши думала такъ же, какъ и всѣ, то вмѣсто того, чтобы утѣшить дорогого ей любимаго сына, она должна была плакать и мучить его больше всѣхъ. И Паша Тумановъ, готовый перенести насмѣшки и выговоры ото всѣхъ, при одной мысли о слезахъ и упрекахъ матери падалъ духомъ, потому что она была ближе и важнѣе для него, чѣмъ всѣ остальные, вмѣстѣ взятые.

И отсюда у него явилась мысль, что жить нельзя.

Если бы Паша Тумановъ обладалъ сильнымъ характеромъ, то онъ сейчасъ же убилъ бы себя. Но онъ боялся не только смерти, но и всякаго рѣшительнаго конца. А потому, хотя онъ и зналъ, что экзаменъ дѣйствительно не выдержанъ и онъ, какъ «второгодникъ», выгнанъ изъ гимназіи, но мысль о томъ, что все безповоротно кончено, не вязалась у него въ головѣ.

У него мелькнула мысль пойти и упросить директора

о переводѣ его въ седьмой классъ. Паша Тумановъ не допускалъ, чтобы его нельзя было упросить, чтобы у человѣка, живого человѣка, которому никто ничего не сдѣлаетъ дурного, если онъ переведетъ Пашу, хватило бы безцѣльной жестокости, въ угоду правилу, формѣ, не сдѣлать этого и испортить ему жизнь. Паша разсуждалъ такъ:

«Ну пусть, я учился скверно, но вѣдь въ сущности никому, кромѣ меня самого, мамы, Зины и Лиды, нѣтъ никакого дѣла до того, перешелъ ли я! А мнѣ и мамѣ, Зинѣ и Лидѣ это очень, неизмѣримо важно! Значитъ, всякій мало-мальски не злой человѣкъ долженъ понять и перевести меня».

Пашѣ показалось это вполнѣ ясно и правильно. Онъ рѣшилъ итти къ директору сейчасъ же, пока не пришла мать.

Паша Тумановъ сообразилъ, что если онъ пройдетъ мимо сестеръ, не дождавшись матери, то онѣ сразу угадаютъ правду; поэтому онъ рѣшилъ вылѣзть въ окно и перебраться черезъ заборъ.

Паша выбросилъ въ окно шинель и шапку и осторожно сталъ отворять его шире, чтобы пролѣзть самому. Въ обыкновенное время онъ отворялъ это окно смѣло, со стукомъ, и никто не обращалъ на это вниманія, но теперь ему казалось, что стоитъ только скрипнуть, и всѣ сейчасъ же сбѣгуться къ нему. Пашу бросало въ жаръ и въ холодъ. Для того, чтобы вылѣзть въ окно, онъ потратилъ минутъ пять.

Когда онъ очутился на улицѣ, то услышалъ со двора голосъ Лидочки:

— Мама, Паша пришелъ... выдержалъ!

И почувствовалъ, что все кончено и возврата нѣтъ. Это и оглушило его и придало рѣшимости. Онъ тихо, на цыпочкахъ побѣжалъ по переулку, пригибая голову, хотя заборъ былъ гораздо выше его.

IX.

Когда Паша Тумановъ опять пришелъ въ гимназію, экзаменъ уже окончился въ ихъ классѣ и начался въ другомъ. Директоръ былъ занятъ. Паша Тумановъ заглянулъ сквозь стеклянныя двери въ залъ и увидѣлъ тотъ же красный столъ и знакомыя фигуры учителей. Преподавателя латинскаго языка, Александровича, поставившаго Пашѣ единицу, тамъ не было. Паша сообразилъ, что онъ сидитъ въ учительской комнатѣ, и рѣшилъ попробовать переговорить раньше съ преподавателемъ.

Онъ прошелъ къ учительской и съ бьющимся сердцемъ и горящими щеками попросилъ проходившаго учителя чистописанія вызвать къ нему Александра Ивановича.

— Зачѣмъ вамъ? — спросилъ надзиратель, но такъ какъ ему ровно никакого до этого дѣла не было, то, не дожидаясь отвѣта, онъ широко раскрылъ двери учительской и громко позвалъ:

— Александръ Ивановичъ!

Сквозь открытую дверь Паша увидѣлъ два большія окна, уголъ стола и голубыя полосы табачнаго дыма, въ которомъ, какъ въ туманѣ, двигались чьи-то синеватые силуэты. Изъ облаковъ дыма выдвинулась маленькая, деревянная фигурка Александровича, съ острой бородкой и длинными прямыми волосами. Онъ подошелъ къ двери и выглянулъ.

— Вотъ... къ вамъ, — сказалъ учитель чистописанія и ушелъ.

Александровичъ посмотрѣлъ на Пашу Туманова холодными оловянными глазками и вышелъ въ коридоръ.

— Что вамъ?—спросилъ онъ, закладывая руки подъ фалды мундира.

— Александръ Ивановичъ, вы мнѣ поставили единицу, а я на второй годъ и... меня исключатъ...

Паша говорилъ заикаясь, но притворялся улыбающимся. Александровичъ смотрѣлъ куда-то мимо него неподвижными, апатичными глазами, а когда Паша кончилъ, то тягучимъ тономъ, съ наслажденіемъ отбивая слоги и ударенія и покачиваясь съ носковъ на каблуки и обратно, заговорилъ:

— Вы не мальчикъ и знаете, къ чему приводитъ лѣнь. Вамъ это должно быть извѣстно еще изъ прописей. Сколько вы заслужили, столько я и поставилъ. Совѣтъ согласился съ моимъ опредѣленіемъ вашихъ успѣховъ... Надо было учиться!

Александровичъ взглянулъ Пашѣ въ лицо и поворотился къ двери.

— Александръ Ивановичъ! — звенящимъ голосомъ воскликнулъ Паша.

— Нѣтъ, нѣтъ... — рѣшительно отвѣтилъ Александровичъ и плотно притворилъ за собой дверь.

Паша Тумановъ заскрежеталъ отъ злобы. Онъ съ наслажденіемъ бросился бы на учителя, но вмѣсто того нерѣшительно отошелъ къ окну и тупо уставился на улицу.

Къ нему подошелъ надзиратель, тотъ самый торопливый, напуганный и смиренный человѣчекъ, который велъ ихъ сегодня на экзаменъ.

— Вы не выдержали, Тумановъ?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ,—сдавленнымъ голосомъ отвѣтилъ Паша.

Надзиратель уныло покачалъ головой и вздохнулъ.

— Какая непріятность Аннѣ Ивановнѣ, — сказалъ онъ.—Что же вы теперь думаете дѣлать? — спросилъ онъ съ соболѣзнованіемъ.

— Буду просить директора,—отвѣтилъ Паша Тумановъ, вопросительно глядя на надзирателя.

— Врядъ ли... А все-таки попробуйте... Да вотъ они идутъ!—прибавилъ надзиратель шопотомъ, застегивая вицъ-мундиръ.

Изъ дверей экзаменаціоннаго зала вышли толпой учителя, и опять на фонѣ освѣщеннаго окна видны были только безличные синеватые силуэты съ болтающимися фалдами вицъ-мундировъ. Впереди всѣхъ шелъ съ журналомъ въ рукахъ директоръ Владиміръ Степановичъ Вознесенскій, высокій плотный человѣкъ въ синихъ очкахъ, съ большой бородой и прядью волосъ на лбу.

Онъ увидѣлъ Пашу Туманова и подошелъ прямо къ нему.

— Вы будете исключены,—сказалъ онъ, глядя черезъ Пашу.

Онъ былъ очень добрый человѣкъ, и глаза у него были добрые, но онъ былъ большой формалистъ, а глаза его скрывались за синими очками.

Паша Тумановъ прекрасно зналъ, что онъ будетъ исключенъ, но все-таки при этихъ спокойныхъ словахъ человѣка, котораго онъ пришелъ просить и который говорилъ объ его исключеніи, какъ о самомъ рѣшенномъ дѣлѣ, его обдало холодомъ.

— Владиміръ Степановичъ,—произнесъ онъ такимъ же звенящимъ голосомъ, какимъ говорилъ съ преподавателемъ.

Директоръ притворился, что не слышитъ.

— Мы дадимъ вамъ свидѣтельство объ окончаніи шести классовъ, но безъ права перехода въ седьмой... Надо было учиться!—добавилъ директоръ.

— Я буду учиться, — какъ маленькій, дрожащими нотками сказалъ Паша.

— Теперь уже поздно,—спокойно отвѣтилъ директоръ, уволившій на своемъ вѣку много мальчиковъ, — надо было раньше думать о послѣдствіяхъ! Увольнительное свидѣтельство...

— Владиміръ Степановичъ, мама... — замирая прошепталъ Паша Тумановъ.

— Вы получите въ канцеляріи,—поморщившись договорилъ директоръ и пошелъ дальше.

Паша пошелъ за нимъ.

Когда онъ подошелъ къ директору, то думалъ въ трехъ словахъ разсказать ему свое безвыходное положеніе и убѣдить его. Паша думалъ, что будетъ имѣть дѣло съ сердцемъ директора, но доступъ къ нему былъ загроможденъ массой условныхъ понятій о долгѣ и обязанностяхъ педагога и директора. Поэтому слова не выходили изъ устъ Паши, и онъ только могъ прошептать, чувствуя уже на глазахъ слезы безсилія:

— Вла...диміръ Степановичъ...

Директоръ, доброму сердцу котораго все-таки, несмотря на долголѣтнюю привычку, было больно, но который не допускалъ и мысли объ удовлетвореніи «незаконной» просьбы мальчика, — нашелъ выходъ изъ непріятнаго положенія въ томъ, что притворился опять, будто не слышитъ, и поспѣшилъ войти въ учительскую.

Паша остался въ коридорѣ одинъ, со стиснутыми зубами и полными слезъ глазами, въ которыхъ расплывались силуэты двухъ вѣшалокъ, стоявшихъ по бокамъ учительской, и подходящаго къ нему съ жалкимъ, соболѣзнующимъ лицомъ надзирателя.

Паша Тумановъ вдругъ весь наполнился страшной злобой и, чтобы избѣжать разговора съ надзирателемъ, безплодныя соболѣзнованія котораго, онъ чувствовалъ, только усилили бы злобу и горе, быстро пошелъ по коридору, схватилъ шапку и шинель и вышелъ на улицу съ неизвѣстно въ какой моментъ явившейся, но твердой и вполнѣ опредѣленной идеей мести людямъ, которые не обращаютъ вниманія на его просьбы и слезы.

А директоръ былъ разстроенъ непріятной исторіей до того, что въ первый разъ за свою службу посѣтовалъ на гимназическія правила и ушелъ къ себѣ на квартиру сильно не въ духѣ.

X.

На углу главной улицы города, гдѣ стояло зданіе гимназіи, только на противоположномъ концѣ ея, заканчивающемся площадью, находился большой оружейный магазинъ. На двухъ высокихъ съ толстыми стеклами окнахъ были выставлены горки, уставленныя ружьями всѣхъ системъ, а на подоконникахъ, красиво обитыхъ зеленымъ сукномъ, лежали симметрично разложенные пистолеты, револьверы, охотничьи ножи и ящики съ патронами. Всѣ эти орудія убійства, продаваемыя открыто, были новенькія и аккуратно блестѣли своими гладкими, полированными частями. Тутъ же постоянно выставлялись чучела звѣрей и птицъ въ мертвыхъ, неестественныхъ положеніяхъ. Они скалили зубы на проходящихъ людей, которые останавливались смотрѣть на ихъ тусклые стеклянные глаза и восхищались искусствомъ тѣхъ, кто убилъ этихъ животныхъ и потомъ постарался придать имъ жизнь, выгнувъ ихъ спины и оскаливъ ихъ пожелтѣвшія мертвыя челюсти.

Гимназисты, возвращаясь изъ гимназій, постоянно толпой останавливались у этихъ оконъ и мечтали объ оружіи и охотахъ, никогда ими вблизи невиданныхъ, но казавшихся особенно заманчивыми, потому что оружіе было изящно и блестѣло, а звѣри и птицы красиво изгибались блестящими шкурками и пестрыми перьями.

Паша Тумановъ тоже подолгу, случалось, простаивалъ у оконъ и съ чувствомъ неопредѣленной зависти осматривалъ ружья и пистолеты. У него была здѣсь своя завѣтная легкая двустволка, о которой онъ давно уже мечталъ и для пріобрѣтенія которой давно копилъ деньги. Двустволка стоила двадцать пять рублей, а Паша Тумановъ скопилъ только двѣнадцать. Онъ всегда, проходя къ магазину, тревожился объ ея участи и успо-

каивался только тогда, когда двустволка, никѣмъ еще не купленная, оказывалась на своемъ мѣстѣ.

Паша Тумановъ направился прямо къ магазину и остановился передъ окномъ противъ облюбованнаго ружья. И, несмотря на тяжелое настроеніе духа, онъ все-таки ощутилъ радостное чувство, увидѣвъ его гладкое, ровное дуло и красивой формы крючковатые курки. Но онъ сейчасъ же поймалъ себя на этомъ чувствѣ, и ему стало стыдно, что, рѣшаясь на такое дѣло, онъ интересуется двустволкой.

«Все равно... — подумалъ онъ, — купить его не придется...».

Чувство грусти сжало его сердце.

Паша Тумановъ встряхнулся и, преувеличенно сморщивъ брови, рѣшительно толкнулъ дверь и вошелъ въ магазинъ.

Тамъ были только приказчикъ и кассирша. Приказчика Паша зналъ хорошо, потому что часто видѣлъ его черезъ окно, когда тотъ протиралъ замшей выставленное оружіе. Кассиршу же видѣлъ въ первый разъ. Ему стало неловко. Чтобы затушевать эту неловкость. Паша опять-таки преувеличенно развязно подошелъ къ прилавку. Приказчикъ серьезно и, какъ показалось Пашѣ Туманову, недовѣрчиво посмотрѣлъ на него поверхъ очковъ.

— Что вамъ угодно?—спросилъ онъ.

У Паши мелькнула мысль, что ему, какъ гимназисту, не продадутъ оружія, и онъ поблѣднѣлъ.

— Мнѣ нуженъ пистолетъ,—сказалъ Паша напряженнымъ голосомъ.

Приказчикъ молча повернулся къ полкамъ.

Тутъ у Паши Туманова очень ясно и просто явилось соображеніе, что, кромѣ директора, надо убить и учителя латинскаго языка, а потому лучше купить револьверъ, чѣмъ пистолетъ.

«Къ тому же можетъ выйти осѣчка,—весьма спокойно и резонно подумалъ Паша,—и тогда будетъ очень смѣшно».

Онъ вспыхнулъ, представивъ себѣ, что было бы, еслибы вышла осѣчка, и торопливо поправился:

— Или нѣтъ, лучше покажите револьверъ.

Приказчикъ такъ же равнодушно оставилъ ящикъ съ пистолетами и взялъ другой, съ револьверами.

— Вамъ въ какую цѣну?—спросилъ онъ.

— Рублей въ десять,—затруднился Паша, никогда не покупавшій оружія.

Приказчикъ подумалъ и положилъ на стекло прилавка три или четыре револьвера.

Паша взялъ одинъ изъ нихъ, и съ видомъ знатока заглянулъ въ дуло. Тамъ была круглая черная дырка и больше ничего. Паша почему-то вздрогнулъ и взялъ другой.

— А они не испорчены?—спросилъ онъ.

— Мы продаемъ только первосортный товаръ,—равнодушно отвѣтилъ приказчикъ.

— А что... этотъ сильно бьетъ?—съ дѣтскимъ любопытствомъ спросилъ Паша. Ему почему-то хотѣлось, чтобы приказчикъ былъ разговорчивѣе.

— На шестьдесятъ шаговъ пробьетъ человѣка насквозь,—равнодушно протянулъ приказчикъ.

Паша вздрогнулъ и смутился. Продавецъ сказалъ это совершенно случайно, отвѣчая на заданный вопросъ, но Пашѣ показалось, что всѣ уже знаютъ о его намѣреніи, и потомъ ему представился человѣкъ, насквозь пробитый пулей.

Если бы приказчикъ обратилъ вниманіе на Пашино лицо, то замѣтилъ бы, что дѣло не ладно; но онъ былъ старый, привычный торговецъ оружіемъ; ему не разъ, продавъ револьверъ, на другой день приходилось читать въ газетахъ о самоубійствахъ и самыхъ звѣрскихъ убій-

ствахъ; онъ давно привыкъ къ этому, привыкъ расхваливать смертоносныя качества своего товара и, продавая новый револьверъ, думалъ не о тѣхъ неудачникахъ и злодѣяхъ, которые кончали съ собой или съ другими купленнымъ у него оружіемъ, а о томъ процентѣ, который получитъ онъ съ каждой проданной дороже стоимости вещи. Онъ былъ очень добрый и нѣжный человѣкъ, превосходный семьянинъ, любящій своихъ дѣтей и жену, а потому-то ему и былъ важенъ проданный револьверъ, а не покупатели. На волненіе Паши Туманова онъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія.

— Я возьму этотъ,—вздрагивающими губами сказалъ Паша Тумановъ.

Приказчикъ поклонился, забралъ остальные и положилъ ихъ въ ящикъ.

— Прикажете завернуть?—спросилъ онъ.

— Да... нѣтъ,—смѣшался Паша.

— Какъ вамъ угодно. Патроновъ прикажете?

— Да, да... какъ же... — вспомнилъ Паша. — Непремѣнно.

— Прикажете зарядить или возьмете коробку?

— Лучше зарядите, — сказалъ Паша Тумановъ, вспоминая, что и заряжать онъ не умѣетъ.

Приказчикъ взялъ револьверъ, высыпалъ на стекло изъ коробки хорошенькіе желтые патроны и зарядилъ, ловко щелкая затворомъ. Подавая револьверъ Пашѣ, онъ спросилъ:

— Больше ничего не прикажете?

Паша покачалъ отрицательно головой.

— Десять рублей двѣнадцать копеекъ, — сказалъ приказчикъ, указывая на кассу.

Паша Тумановъ положилъ револьверъ въ карманъ шинели и подошелъ къ кассѣ.

Молоденькая, съ безкровнымъ лицомъ кассирша взя-

ла отъ него деньги, дала ему тридцать восемь копеекъ сдачи и внимательно поглядѣла ему вслѣдъ.

Она была еще очень молода и потому сердечнѣе и наблюдательнѣе приказчика. Когда Паша Тумановъ ушелъ, она сказала:

— Какое странное лицо у этого гимназиста. Еще застрѣлится.

— Кто ихъ знаетъ,—равнодушно отвѣтилъ приказчикъ.—Который часъ, Марія Александровна?..

— Первый, — отвѣтила кассирша, взглянувъ на свои маленькіе часики, вынутые изъ-за корсажа.

— Боюсь я, — заговорилъ приказчикъ, — за Колю, что-то похожее на скарлатину у него... Хоть бы ужъ скорѣе три часа... пойти взглянуть. Проклятая должность: сынъ умретъ, а ты и не узнаешь!..

Онъ ушелъ за прилавокъ и принялся собирать разбросанныя для Паши вещи.

— Зачѣмъ имъ продаютъ оружіе,—замѣтила кассирша, думая все о Пашѣ, — еще надѣлаетъ бѣдъ мальчикъ... какое у него лицо. Не надо такимъ бы продавать.

— Такихъ правилъ нѣтъ, — сухо сказалъ приказчикъ, думая о больномъ сынишкѣ.

XI.

— Гдѣ директоръ? — спросилъ Паша Тумановъ, входя въ прихожую гимназіи.

— На квартирѣ у себя. Сейчасъ съ екзамента пришли. Должно въ кабинетѣ, — позѣвывая, отвѣтилъ старый рябой сторожъ изъ отставныхъ солдатъ.

— Пойди, Иванычъ, доложи, — попросилъ Паша.

— Да они заняты, должно, — неохотно замѣтилъ солдатъ.

— Ничего... мнѣ нужно очень...

— Не знаю... Да вы бы надзирателя поспрошали.

Паша Тумановъ испугался.

— Нѣтъ... Я по секрету... попросить...

— Не выдержамши? — спросилъ солдатъ, которому такія просьбы приходилось слышать не разъ.

— Ну, да...

— Я что жъ, я доложу,—сказалъ солдатъ и, тяжело ступая, пошелъ въ директорскую квартиру.

Паша Тумановъ остался въ прихожей. Онъ весь замиралъ и трепеталъ отъ страха; но о револьверѣ онъ какъ-то сразу забылъ и только хотѣлъ попросить директора и боялся отказа.

Солдатъ вернулся.

— Пожалте въ кабинетъ,—сказалъ онъ.

Паша снялъ шапку и калоши и вошелъ въ темную переднюю директорской квартиры, откуда дверь вела въ кабинетъ директора. Паша прекрасно зналъ и эту комнату и кабинетъ, небогато обставленный, съ двумя большими окнами на улицу и большимъ письменнымъ столомъ, на которомъ стояло бронзовое пресс-папье, изображающее дикаго кабана, и лежали какія-то бумаги въ синихъ обложкахъ, съ наклеенными на нихъ бѣлыми ярлыками.

Владиміръ Степановичъ Вознесенскій сидѣлъ бокомъ къ столу, спиной къ двери и, согнувъ голову на бокъ, писалъ что-то знакомымъ Пашѣ крупнымъ, разгонистымъ почеркомъ. Возлѣ него на краю стола лежала и дымилась папироса.

При входѣ Паши, Владиміръ Степановичъ обернулся черезъ плечо и нахмурился. Ему было жаль мальчика, и въ то же время онъ не могъ понять, какъ это Паша Тумановъ не видитъ того, что такъ ясно для него: невозможности, вопреки закону, перевести его въ слѣдующій классъ. И хотя онъ былъ добръ, но сейчасъ сдѣлался злымъ и сухимъ, потому что думалъ, что Паша Тумановъ—надоѣдливый лѣнтяй, который могъ бы учиться,

если бы хотѣлъ. Такъ думали всѣ, и директоръ думалъ, какъ всѣ: онъ былъ самымъ обыкновеннымъ, съ ходячими понятіями, человѣкомъ.

— Что вы мнѣ хотите сказать? — рѣзко спросилъ онъ, не глядя на Пашу.

— Владиміръ Степановичъ, переведите меня... — попросилъ Паша Тумановъ.

— Не могу, — пожалъ плечами директоръ.

— Я буду учиться, Владиміръ Степановичъ,—уныло проговорилъ Паша.

«Если я заплачу, то это будетъ даже хорошо», подумалъ онъ, чувствуя, что слезы подступаютъ къ горлу. Но тѣмъ не менѣе, онъ изъ всѣхъ силъ старался не заплакать.

— Ахъ, Боже мой! — сказалъ директоръ, искренно страдая, но дѣлая суровое и скучающее лицо.

— Владиміръ Степановичъ, если я не кончу гимназіи, мнѣ нельзя будетъ въ университетъ.

— Само собой разумѣется, — невольно усмѣхнулся директоръ.

«Совсѣмъ не то говорю», мелькнуло въ головѣ Паши.

Директоръ взялъ папиросу, пыхнулъ ею раза два, затянулся, приподнявъ брови, и, аккуратно укладывая ее на край стола, заговорилъ рѣшительно и рѣзко:

— Послушайте, Тумановъ, я очень хорошо знаю, что положеніе ваше, а тѣмъ болѣе вашихъ родителей, становится очень непріятнымъ, если вы будете исключены... Я лично ничего не имѣю противъ васъ, какъ не имѣютъ и всѣ господа учителя, но у васъ есть свои обязанности, а у насъ свои: вы были обязаны учиться... вы этого не дѣлали, ну, и за это исключаетесь изъ гимназіи. Исключаетесь не нами, потому что мы только исполнители, чиновники, и не будь насъ, васъ исключили бы другіе. Мнѣ лично васъ жаль, и если бы это отъ меня зависѣло, я выдалъ бы вамъ дипломъ, хоть совсѣмъ не провѣряя ва-

шихъ познаній. Но у насъ есть обязанность переводить только учившихся, а тѣхъ, кто ничего не знаетъ, мы обязаны исключать подъ страхомъ соотвѣтствующаго наказанія за неисполненіе своей обязанности. Ну, мы и исключаемъ васъ, но вы не правы жаловаться и осуждать насъ и... ничего я сдѣлать не могу. Кажется, ясно?

Директоръ взглянулъ на Пашу сквозь очки.

— Ради Бога, Владиміръ Степановичъ... — черезъ силу выговорилъ Паша Тумановъ, чувствуя, что все валится въ какую-то бездну.

Директоръ съ раздраженіемъ повернулся къ нему.

— Да чего вы отъ меня хотите? Я не могу... понимаете—не мо-гу!

— Что же я буду дѣлать?—машинально спросилъ Паша Тумановъ.

Если бы директоръ сочувственно отнесся къ его горю, посовѣтовалъ бы ему какой-либо пустякъ, Паша Тумановъ, вѣроятно, ушелъ бы домой. Но директоръ думалъ, что важнѣйшая его задача не въ томъ, чтобы дѣлать дѣтей счастливыми, а въ томъ, чтобы исполнять свой служебный долгъ и переводить только тѣхъ учениковъ, которые въ среднемъ выводѣ имѣютъ опредѣленное число балловъ. И это было вовсе не потому, что онъ былъ черствый человѣкъ, а потому, что идеалъ современной учебы не въ томъ, чтобы изъ дѣтей дѣлать счастливыхъ и добрыхъ людей, а въ томъ, чтобы надѣлать изъ нихъ по извѣстной мѣркѣ способныхъ къ борьбѣ за лучшее мѣсто въ обществѣ рекрутовъ общегражданской арміи. И еще потому, что директоръ, по своему зависимому положенію, былъ лишенъ всякой самостоятельности и обязанъ былъ дѣйствовать по плану, начертанному людьми, не соприкасающимися близко съ дѣтьми и не любящими ихъ; а планы эти были построены только по статистическимъ цифрамъ, какъ бы не имѣя въ виду живыхъ дѣтей.

А такъ какъ Паша Тумановъ ничего этого не пони-

малъ и, вопреки словамъ директора, видѣлъ здѣсь не отвлеченный планъ, а личность учителей, то въ немъ сразу проснулась ненависть къ директору, возбудившему ее своимъ офиціальнымъ, казавшимся Пашѣ злымъ, тономъ.

Паша Тумановъ вспомнилъ о револьверѣ. И когда вспомнилъ, то все показалось ему еще болѣе яснымъ и простымъ, и конецъ такой, а не иной — неизбѣжнымъ. Онъ засунулъ руку въ карманъ и, глядя возбужденными сухими глазами и чувствуя что-то холодное и грозное въ груди, сказалъ незамѣтно для самого себя, угрожающимъ тономъ:

— Переведите меня, Владиміръ Степановичъ, а то...

Директоръ странно взглянулъ на него, поблѣднѣлъ и медленно всталъ, отстраняясь отъ него.

— Что... что вы?

Тутъ только Паша замѣтилъ, что держитъ револьверъ въ рукѣ. Онъ увидѣлъ въ лицѣ директора выраженіе дикаго испуга, и имъ овладѣло вдругъ какое-то веселое бѣшенство; онъ протянулъ руку съ револьверомъ и, тупо улыбаясь, сталъ цѣлиться прямо въ очки директора.

— Ай, Боже мой!..—воскликнулъ директоръ, уклоняясь и заслоняясь руками отъ направленнаго въ него дула; и вдругъ, изогнувшись всѣмъ тѣломъ, шмыгнулъ мимо Паши Туманова и грузно побѣжалъ изъ кабинета, крича какимъ-то хлипающимъ голосомъ:

— Ой, ой, ой... помогите!..

Мучительно-пріятное бѣшенство разлилось отъ этого крика по всему тѣлу Паши. Онъ показался самъ себѣ ужаснымъ и огромнымъ и, наслаждаясь этимъ, побѣжалъ за директоромъ, но на порогѣ, цѣля въ спину, выстрѣлилъ разъ и другой. Сквозь дымъ, котораго ему показалось ужасно много, онъ видѣлъ, какъ директоръ тупо ткнулся всѣмъ тѣломъ объ дверь, взмахнувъ руками и,

какъ мѣшокъ, грузно осѣлъ назадъ головой къ ногамъ Паши. Очки его слетѣли, и добрые близорукіе глаза, искаженные смертью, взглянули мимо Паши въ потолокъ.

Но Паша уже не видѣлъ и не слышалъ ничего. Съ чѣмъ-то похожимъ на истерику бѣшенства, онъ выскочилъ въ коридоръ и побѣжалъ наверхъ, къ комнатѣ учителей, держа передъ собою револьверъ.

Дверь въ учительскую была открыта. Тамъ попрежнему облаками ходилъ голубой дымъ и двигались силуэты учителей. Когда Паша Тумановъ появился въ дверяхъ, всѣ сразу обернулись къ нему и поняли, что произошло что-то безобразно-ужасное.

Паша видѣлъ, какъ всѣ шарахнулись отъ него, и выросъ въ упоеніи бѣшенства самъ передъ собой въ гигантскую фигуру. Онъ отыскалъ глазами Александровича и выстрѣлилъ. Звука выстрѣла онъ точно не слыхалъ, а сквозь дымъ видѣлъ только, что учитель не то упалъ, не то бросился подъ столъ, но уже не владѣя своими поступками, онъ повернулся и, стремительно выскочивъ вонъ, побѣжалъ внизъ, прыгая, какъ ему казалось, черезъ десятокъ ступеней сразу.

Пробѣгая черезъ прихожую, онъ мелькомъ видѣлъ торчащую изъ открытой двери ногу, съ странно вытянутымъ носкомъ и блѣдное лицо солдата Иваныча, пугливо шарахнувшагося отъ него въ сторону.

Какъ Паша Тумановъ вскочилъ на извозчика и очутился въ пріемной полицмейстера, онъ уже не сознавалъ ясно; опомнился онъ только тогда, когда секретарь сказалъ:

— Бѣдный мальчикъ.

И только тогда понялъ онъ, какое дурное, злое и несправедливое дѣло онъ сдѣлалъ, и какъ онъ несчастенъ.

1901 г.

КУПРІЯНЪ.

I.

Купріянъ усталъ и обмокъ.

Ноги его безсильно расползались по скользкимъ мокрымъ кочкамъ; сапоги намокли, облипли грязью съ сухими листьями и стали пудовыми. Купріянъ съ трудомъ вытаскивалъ ихъ изъ липкой, жирной грязи.

Купріянъ былъ голоденъ и не спалъ прошлую ночь; въ головѣ у него шумѣло, надъ глазами висѣла какая-то непріятная тяжесть. Къ этимъ ощущеніямъ присоединялось еще и постоянное смутное сознаніе опасности, стоящей за плечами.

Купріяну было скверно, какъ бываетъ скверно отощалому волку, котораго начинаютъ травить со всѣхъ сторонъ.

Небо обложило еще со вчерашняго дня, и все время шелъ дождь. Въ лѣсу было темно и сыро, какъ въ погребѣ. Еле-еле можно было различить тонкіе бѣлые стволы березокъ, сквозь жидкую осеннюю листву которыхъ, тихо шурша, непрестанно пробивался мелкій назойливый дождикъ. Вверху было темно, пусто и холодно, внизу — мокро и тоже холодно. Отъ мокрыхъ деревьевъ, мокрой

земли и моросившаго въ воздухѣ дождя получалось одно общее впечатлѣніе мокраго холода.

Купріянъ почти ощупью пробирался впередъ, то и дѣло скользя съ пригорковъ и бухая по колѣно въ глубокія рытвины, наполненныя холодной водой. Онъ шелъ молча и усиленно сопѣлъ носомъ, думая, машинально и тяжело, какъ больной, только о томъ, чтобы поскорѣе добраться въ село Дерновое, лежавшее версты за четыре отъ мѣста, гдѣ онъ шелъ. Купріянъ не зналъ этого и думалъ, что онъ гораздо ближе къ селу.

Мысли у него были спутанны и неясны: то мелькалъ въ нихъ кусокъ хлѣба, котораго хотѣлось Купріяну, то выростала смутная тревога, туда ли онъ идетъ. Потомъ все смѣшивалось и оставалось одно тупое ощущеніе усталости.

Вдругъ впереди послышались какія-то звуки, едва слышно пробивающіеся сквозь шумъ дождя. Казалось, что кто-то осторожно постукиваетъ палкой по стволамъ березъ.

Купріянъ насторожился.

Звуки приближались и становились яснѣе. Скоро Купріянъ разобралъ осторожный стукъ колесъ по корнямъ и тихое пофыркиваніе лошади.

Въ этомъ мѣстѣ деревья быстро рѣдѣли и жалкими группами и одиночками тонкихъ чахоточныхъ березокъ и осинокъ разбѣгались по широкой просѣкѣ, конецъ которой тонулъ за дождемъ и темнотой.

Снизу просѣка была сплошь покрыта молодой и сильной зарослью дубовъ, елочекъ и свѣжихъ бѣленькихъ березокъ. Отсюда было видно небо, съ котораго неустанно моросилъ невидимый дождикъ. Здѣсь было гораздо свѣтлѣе; стволы березокъ явственно бѣлѣли и казались тоненькими живыми существами. Купріянъ могъ различить расплывающуюся въ темнотѣ фигуру лошади, шагомъ бредущей въ сторонѣ отъ дороги, прямо по заро-

елямъ и кустамъ. За лошадью неопредѣленно мерещилась телѣга и тощая длинная фигура мужика, неподвижно сидящаго на телѣгѣ, свѣсившаго ноги. Телѣга сворачивала все дальше и дальше отъ дороги, къ лѣсу, прямо по тому мѣсту, гдѣ, притаившись за елкой, стоялъ Купріянъ.

— Эхъ! — неопредѣленно крякнулъ онъ, присмотрѣвшись, и, сразу шагнувъ изъ-за елки, схватилъ лошадь за чолку.

Та нисколько не удивилась, мотнула головой и стала, ласково принюхиваясь къ Купріяну.

— Ну, ну... Чаво ты? — пробормоталъ мужикъ, сидѣвшій въ телѣгѣ.

— Чего шляешься? — въ свою очередь спросилъ довольно дружелюбно Купріянъ.

— Я, ваше скородіе, самъ по себѣ, — заговорилъ мужикъ необыкновенно хриплымъ и дрожащимъ фальцетомъ, — а ежели насчетъ лѣсу, то-есть, такъ... какъ передъ Богомъ, потому я, значитъ... по своему дѣлу, а не то, что...

— Эхъ, ты... «ежели насчетъ лѣсу», — передразнилъ его Купріянъ. — На ворѣ шапка горитъ! Чорта мнѣ въ твоемъ лѣсѣ, руби хоть весь... Жертвую!..

Купріянъ засмѣялся.

Мужикъ недоумѣло молчалъ, неподвижно сидя на телѣгѣ.

— Изъ села? — спросилъ Купріянъ. — Ишь ночку выбралъ. Али съ вечера въ кустахъ хоронился? Ахъ, ты...

— Ну, ну... Чаво ты! — заговорилъ мужикъ и тронулъ вожжи.—Но!

— Тпру! — осклабясь, тпрукнулъ Купріянъ.

— Но!

— Тпру!..

Лошаденка сбилась и безтолково замоталась на одномъ мѣстѣ, перебирая ногами по грязи.

Мужикъ помолчалъ.

— Ну, ты... Пусти, что-ль! — озлился онъ вдругъ.

— А то что? — весело спросилъ Купріянъ, очень довольный, что онъ не одинъ въ лѣсу.

— А то того, ежели... видишь—топоръ? Ну!..

— Ишь ты, какой страшный! Дурья ты голова, Игнатъ, своего не призналъ...

Мужикъ встрепенулся.

— Ты?

— А то нѣтъ?..

— Неужели Купря?..

— Онъ самый и есть! — осклабился Купріянъ и, бросивъ лошадь, начавшую щипать какіе-то листики, подошелъ къ телѣгѣ.

Мужичонко ужасно обрадовался.

— Купря и есть! Я смотрю: кой чортъ балуетъ? А оно—Купря, Купріянъ, чортъ!..

— Такъ топоръ, говоришь? — спросилъ Купріянъ, ухмыляясь такъ, что въ темнотѣ сверкнули его зубы.

— Ну тя къ лѣшему!.. Топоръ... запужалъ вовсе. Я думалъ—што? А оно—Купря... Куда несетъ?

— На село.

— А для ча?

— Старшину давно не видалъ, соскучился...

— Вре,—недовѣрчиво протянулъ мужикъ и, вдругъ сообразивъ, ударилъ себя обѣими руками объ полы и захохоталъ:

— Ну тя къ лѣшему! Балагуръ...

— Ну, ну... Хохочи у меня! — оглянувшись, прикрикнулъ Купріянъ. — Вотъ услышитъ Вавилычъ, онъ те дастъ... Лошаденка-то, чай, одна...

— И что ты! — испугался мужикъ и замолкъ.

Опять стало слышно, какъ дождь шуршитъ по ли-

стьямъ, точно по всей просѣкѣ кто-то осторожно пробирается сквозь кусты.

— То-то... потише, говорю. Долго ли...

Мужикъ инстинктивно подобралъ вожжи и тронулъ лошадь мимо Купріяна.

— Стой, чортъ! Стой, говорю...

— Чаво!

— На деревнѣ тихо? — спросилъ Купріянъ.

— Урядникъ наѣзжалъ,—почесываясь, сказалъ мужикъ. — Опосля становой... Поспрашалъ кой-кого. Меня спрашивалъ.

— Ты что жъ?

— Что я... ничаво. Мое дѣло сторона. Увели точно у господина земскаго начальника лошадей, про то слыхалъ, но, одначе, не знаю... Однова ткнулъ въ это мѣсто. Пошелъ, говоритъ; самъ — воръ, вора и покрываешь.

Купріянъ помолчалъ.

— А Ваську видѣлъ?

— Третьяго дня на огородѣ у Ѳедора Кривого водку пилъ, а какъ услышалъ, что становой, сейчасъ шиганулъ въ лѣсъ... Только его и видѣли...

Оба замолчали. Купріянъ задумался, поводя широкими плечами.

— Ну, прощай, Купря! — сказалъ мужикъ.

— Прощай,—разсѣянно отвѣтилъ Купріянъ.

Мужикъ, котораго звали Мозявымъ и который былъ самымъ захудалымъ мужикомъ въ селѣ, и не думалъ, однако, трогаться съ мѣста. Лошаденка понуро щипала молодые побѣги; Купріянъ задумчиво поглядывалъ на небо, соображая, что если наѣзжали урядникъ и становой, то не сегодня-завтра надо ждать обыска и облавы. Мозявый тупо смотрѣлъ на Купріяна, моргая подслѣповатыми глазками. Дождь все шуршалъ, шуршалъ тоскливо! По временамъ по лѣсу пробѣгалъ вѣтеръ. И

тогда таинственный протяжный гулъ заглушалъ шуршаніе дождя, но потомъ опять начинался его тягучій шопотъ.

— Ты что?—спросилъ, очнувшись, Купріянъ.

Мозявый вдругъ оживился.

— А ты вотъ что, Купря,—быстро заговорилъ онъ,—ежели насчетъ бабы, такъ я тебѣ говорю—боюсь!..

— Что?—неласково переспросилъ Купріянъ.

— Егоръ домой пришелъ!—выпалилъ Мозявый.

Купріянъ невольно выпустилъ изъ рукъ вожжу, которую захватилъ было опять, безъ причины снялъ шапку, опять надѣлъ ее и пробормоталъ спавшимъ голосомъ:

— Вре...

— Правильно говорю, — съ чувствомъ возразилъ Мозявый. — Зачѣмъ врать. Я тебѣ, Купріянъ, безтолковый человѣкъ, правильно говорю: пришелъ седни и бабу билъ... Матрену!

— Билъ? — машинально переспросилъ Купріянъ.

— Смертнымъ боемъ! — съ форсомъ отвѣтилъ Мозявый.

Купріяна передернуло, точно ему сразу стало холодно.

Мозявый захлебнулся отъ возбужденія.

— На-смерть билъ! Чей парнишка? спрашиваетъ... это Ѳедька-то! Какой, говоритъ, парнишка? Какая причина парнишкѣ быть... Ѳедькѣ, то-есть... ежели твой законный мужъ, то-есть пять лѣтъ въ отсутствіи? Билъ бабу оченно.

Мозявый покачалъ головой.

— Ну?—хрипло протянулъ Купріянъ.

— Ну, Матрена и повинилась: такъ и такъ, молъ... Потому, то-есть, парнишка, а парнишкѣ безъ причину никакъ быть невозможно. Ежели онъ, точно, пять лѣтъ...

Купріянъ сосредоточенно молчалъ, поводя плечами.

— Такъ ты бабу-то теперича брось. Плевое дѣло!

Егоръ вчера подъ винной похвалялся: я его!.. это тебя, то-есть. Да! Бутылку самъ выпилъ.. Питерскій! Я его, говоритъ... Говорю, брось бабу, и на село — ни Боже мой! Ушибетъ Егоръ. Серьезный человѣкъ... Кулачищи — во!

Мозявый въ темнотѣ развелъ руками.

Купріянъ вдругъ озлился.

— Ну, ну, проѣзжай! Чего сталъ.. Кулачищи! Ты смотри у меня: живымъ манеромъ лошаденку-то...

Мозявый испуганно взглянулъ на него и дернулъ лошадь. Колеса застучали по корнямъ.

Купріянъ мгновенно успокоился.

— Эхъ-ма!—присвистнулъ онъ вслѣдъ Мозявому:— Фью! Тоже мужикъ называется! — презрительно сплюнувъ, добавилъ онъ, машинально прислушиваясь къ слабому стуку колесъ, осторожно попрыгивающихъ по корнямъ и кочкамъ въ глубину лѣса.

Силуэтъ мужика, лошади и телѣги постепенно стушевывался въ темнотѣ, стукъ становился слабѣй и слабѣй, смѣшался и исчезъ въ шумѣ дождя. Купріянъ вздохнулъ, снялъ шапку, почесалъ затылокъ и задумался.

— Ишь, ты... вернулся солдатскій чортъ... не сдохъ, —пробормоталъ онъ.—А баяли, дюже былъ боленъ... не то померъ, не то помретъ... Вернулся! Матрена-то теперь, чай...

Чувство ревности и мучительнаго недоумѣнія охватило Купріяна. Онъ опять съ трудомъ зашагалъ по дорогѣ.

«Жаль бабу, — думалъ онъ, шлепая по лужамъ и путаясь въ мокрой травѣ, —забьетъ ее Егоръ... Звѣрь, вѣдь, чистый звѣрь!.. Да и то, ежели по правдѣ, ему тоже не очень-то... Другая, ежели бы на ея мѣстѣ, отпоръ дала бы, а эта нѣтъ, не такая баба... смирная...».

Лѣсъ опять сталъ рѣдѣть.

II.

Между деревьями замелькалъ свѣтъ, блѣдный и расплывчатый. Дорога выходила въ поле.

Купріянъ постоялъ на опушкѣ, глядя на село, лежавшее, какъ куча навозу, посреди голаго чернаго поля, задернутаго жидкой навѣсой обложного дождя.

«Итти, что ль? — думалъ Купріянъ. — Васька, чай, если не утекъ съ перепугу, такъ, навѣрное, у Ѳедора въ ригѣ ночуетъ».

Онъ сталъ медленно подниматься по размокшей черной дорогѣ и уже думалъ больше о томъ, гдѣ укрыться и что его могутъ схватить. Мысли его всецѣло перешли на пріѣздъ мужа его любовницы, солдата Егора Шибаева. Ему было очень тяжело отъ сознанія неотвратимости бѣды, и это чувство усиливалось отъ усталости.

Онъ былъ весь мокрый отъ пота и дождя.

Въ лѣсу у него не было такого гнетущаго чувства, какъ въ полѣ. Посреди этого чернаго простора, надъ которымъ низко и тяжело стояло сѣрое мутное небо. Купріянъ самъ себѣ казался маленькимъ, беззащитнымъ и одинокимъ. Его стала забирать тоска.

Мимо него потянулись низенькіе полуразвалившіеся плетни, отъ которыхъ мѣстами торчали только мокрые колья.

Купріянъ перешагнулъ черезъ плетень, прошелъ по мокрымъ, рыхлымъ и липкимъ грядкамъ, спотыкаясь о сухія кочки прошлогодней капусты, невидныя въ темнотѣ; потомъ перескочилъ канаву, чуть не упалъ и пошелъ огородомъ къ одинокому, полуразвалившемуся сараю, который чернымъ пятномъ вырисовывался на блѣдномъ фонѣ ночи. За сараемъ виднѣлись угрюмо-шатающіяся метелки сухого камыша. Тамъ начиналось болото,

а за нимъ опять поле. Возлѣ сарая торчала чахлая березка, лишенная листьевъ, плаксивая и жалкая.

Купріянъ подошелъ и прислушался. Внутри было тихо, но ему сейчасъ же показалось, что въ этой тишинѣ есть кто-то живой, пристально слѣдящій за нимъ изъ темноты.

— Васька! — тихо позвалъ Купріянъ.

Никто не отвѣтилъ, только березка скрипнула.

— Васька, я... Не призналъ?—повторилъ онъ.

— И то... Иди—отвѣтилъ сдавленный голосъ такъ близко отъ него, что Купріянъ вздрогнулъ.

— Ишь ты... притаился!—усмѣхнулся онъ и полѣзъ въ сарай.

Здѣсь было совсѣмъ темно, пахло сухимъ сѣномъ и лежалой пылью. Шумъ дождя, барабанившаго по соломенной крышѣ, былъ сильнѣе и рѣзче.

— Гдѣ ты тамъ?—спросилъ Купріянъ.

Кто-то зашевелился въ глубинѣ.

— Сюда... Да на оглюблю не напорись,—отозвался Васька.

Купріянъ полѣзъ на голосъ прямо по сѣну и наткнулся на человѣка.

— Тише ты, чортъ! — огрызнулся Васька и затѣмъ весело спросилъ:—Откелева? Дѣло сдѣлалъ?

— Продалъ. Твоихъ шестнадцать...

— Ловко!—радостно прищелкнулъ пальцами Васька.

Купріянъ возился въ сѣнѣ, устраиваясь поудобнѣе.

— Не ворошись,—замѣтилъ Васька.

— Обмокъ.

— Дѣло привычное,—беззаботно отозвался Васька.

— Мокрень, — жаловался Купріянъ, начиная дрожать отъ мокраго армяка, казавшагося теперь, въ теплѣ клуни, холоднѣе и противнѣе.

— Обсушимся... во!..

Васька съ торжествомъ что-то показалъ въ темнотѣ.

— Что?—спросилъ Купріянъ, постукивая зубами.

— Водка, — коротко пояснилъ Васька, — она самая. Мы, братъ, объ этомъ положеніи отлично извѣстны... Случалось... Хлебни,—глотку обожгешь и чудесно! Во!..

Послышалось бульканье.

Купріянъ сплюнулъ.

— Иродъ!

Васька засмѣялся.

— Важно! Такъ по суставамъ и прошло. Другъ сердечный, хлебни малость. Уважь!—лѣзъ онъ въ темнотѣ на Купріяна.

— Отчего не уважить! — усмѣхнулся Купріянъ.

Онъ съ жадностью пилъ водку, чувствуя, что дрожь утихаетъ съ каждымъ глоткомъ.

— Важно, — приговаривалъ Васька:—добре... эхъ! Ты, братъ, этакъ всю водку выхлещешь— Ну-у... что...

Васька безпокойно зашевелился.

— На.

Васька ловко перехватилъ посудину и опять забулькалъ водкой.

Купріяну стало лучше; дрожь почти улеглась, и въ груди точно помѣстилось что-то теплое. Купріянъ сталъ осматриваться; глаза его попривыкли къ темнотѣ, и въ клунѣ ему уже не казалось такъ темно. Въ широкія щели проходилъ блѣдный бѣлесый свѣтъ и видны были очертанія какихъ-то поломанныхъ колесъ, бочекъ и жердей. Смутно обрисовывался силуэтъ Васьки, по горло зарывшагося въ сѣно.

Дождь шумѣлъ все такъ же однообразно. По временамъ налеталъ вѣтеръ, и что-то, не то березка, не то стропило, жалобно скрипѣло.

Купріянъ опять вспомнилъ Матрену и вздохнулъ.

— Чего ты? — спросилъ Васька, котораго разобрало отъ выпитой водки, и ему хотѣлось поговорить.

— Скверность, братъ...

— Чего?—глупо переспросилъ Васька.

— Скверно, говорю!—повторилъ Купріянъ.

Васька равнодушно сплюнулъ.

— А по мнѣ наплевать! Ну...

Онъ помолчалъ.

— Словятъ ежели... эка, подумаешь, невидаль — острогъ-то. Прежде оно точно, а теперя...

Васька махнулъ рукой и повернулся къ Купріяну.

— Я, братъ, — жидкимъ, безшабашнымъ голосомъ заговорилъ онъ,—восемь фабрикъ спиной вытеръ, такъ меня острогомъ не удивишь! Однова работали мы на цинковомъ заводѣ... Эхъ, Купря! Видалъ пекло? Такъ оно само и есть! Ни тебѣ дыхнуть, ни тебѣ смотрѣть! И глаза и нутро ѣстъ... Суставы ломитъ... Ложись прямо и помирай! Ну, на ткацкой, папиросной опять же, тамъ точно легче... а все-таки супротивъ фабрики, я тебѣ скажу, ни одному острогу не выстоять.

— Не въ острогѣ дѣло, дурья голова! — угрюмо сказалъ Купріянъ.

— А въ чемъ?

— А такъ...

— Ну?

Купріянъ помолчалъ, потому что не могъ точно оформить свое душевное состояніе.

— Я, собственно... Ты, братъ, безъ году недѣлю такъ-то, а я сызмальства мыкаюсь. Ну... двѣнадцати годовъ съ батькой первую лошадь свели...

— Ишь ты... ловко...—похвалилъ Васька.

— У насъ всѣ такъ... Еще дѣдъ промышлялъ. Потому нѣтъ никакой возможности: земли мало, да и ту хоть брось! На фабрику которые идутъ... Не охота! А тутъ голодное брюхо подводитъ. Ну, съ дѣда и начали...

— Это бываетъ,—равнодушно отозвался Васька.

— Батьку убили на этомъ дѣлѣ... Брата тоже убили,

а меня не тронули—малъ очень былъ. Одначе, выпороли здорово!

— Такъ...

— Ну, послѣ и ихъ не мало въ Сибирь ушло...

— Бываетъ, дѣло такое,—опять отозвался Васька.

Купріянъ задумчиво посмотрѣлъ въ щели на небо.

— Оно, конечно, все одно...—заговорилъ онъ опять, —вездѣ плохо... а только не по мнѣ это... живешь, какъ волкъ, безъ дому... Свисти за вѣтромъ и все тутъ... Хуже собаки! Иной разъ тянетъ на пашню по веснѣ... такъ бы и взрылъ всю землю и чтобъ зеленя, зеленя пошли вокругъ... Тошно мнѣ! на мужиковъ завидно!

Васька поднялъ голову и вяло, но убѣжденно сказалъ:

— Вре... зря болтаешь; а дали бы соху опять каменья да глину драть—такъ первый сбѣжалъ бы...

— Не, — кротко отвѣтилъ Купріянъ.

Оба замолчали, и опять стало слышно, какъ шумитъ дождь и скрипитъ березка.

— Что жъ, — вдругъ съ неожиданной грустью, не вязавшейся съ его ухарскимъ голосомъ, проговорилъ Васька:—можетъ и такъ... Ты думаешь, вотъ онъ Васька... ни Богу свѣчка, ни чорту кочерга!.. А, вѣдь я, братъ... сказать... вовсе не то думалъ... У меня когда-то тоже дума была... Помню, вышелъ весною подъ вечеръ, журавли вверху кричатъ, землей пахнетъ густо такъ... да... Пѣлъ я тогда очень хорошо; теперь голосъ пропилъ, а тогда здорово пѣлъ. Учитель нашъ, Иванъ Семеновичъ, говорилъ, что кабы меня учить.. о-го-го! А то хотѣлось мнѣ описать все, какъ люди живутъ. Стою вечеромъ, слушаю, какъ журавли кричатъ, и, чортъ его знаетъ отчего, плакать вотъ такъ и хочется... Разсказалъ бы кому, никто не понимаетъ, батька ругается, ну... ходу никуда нѣтъ. Ушелъ на фабрику, и такая меня злость взяла! Пить началъ здорово... Ну, а тамъ и пришло... Все одно!

— Такъ,—грустно сказалъ Купріянъ.

Сскрыы,—жалобно скрипнула березка. Долго было тихо и глухо.

— Егоръ пришелъ? — спросилъ вдругъ Купріянъ.

Васька сразу поднялся и сѣлъ.

— Пришелъ,—сказалъ онъ.

— Ты видѣлъ?

— Собственными глазами удостоился. Здоровый чортъ, и съ медалями. Усы, какъ у солдата слѣдоваетъ быть...

— Давно пришелъ? — сквозь зубы спросилъ Купріянъ.

Ему стало особенно непріятно, когда онъ узналъ, что Егоръ имѣетъ и медали. Но онъ не зналъ, что это ревность, и даже самъ удивился своему чувству.

— Вчера, кажись...

— Ну, и что?

— Да что... Разсказывали: пріѣхалъ, да на станціи и встрѣть писаря. Ну, выпили первымъ дѣломъ, а выпивши писарь ему все и выложилъ... ребеночекъ, молъ, и все прочее. Ну, тотъ, попервоначалу, говорятъ, какъ бы въ безчувствіе впалъ, а потомъ и загулялъ. Пришелъ въ село не то пьяный, не то ошалѣлый и сейчасъ это бабу бить. Боялись, чтобы не убилъ...

— Мнѣ Мозявый сказывалъ, — хрипло проговорилъ Купріянъ.—Я его въ лѣсу сейчасъ встрѣтилъ.

— Мозявый?..

— А скверное ея дѣло выходитъ!

— Это точно! Я Егора знаю... бѣшеный человѣкъ. Убить, можетъ, не убьетъ, а что много муки баба приметъ, такъ это вѣрно... Да что... знала на что шла!

— Не говори.

— Чего такъ?

— Ты говоришь — «сама шла»! Я, братъ, коней красть тоже, чай, самъ шелъ, никто въ шею не толкалъ, а все-таки... Жаль бабу.

Васька усмѣхнулся.

— Нашелъ чего жалѣть! Ну, изуродуетъ онъ ее малость, да и то нѣтъ, потому самому баба нужна, а опосля она ему еще шестерыхъ ребятъ принесетъ! Дѣло обнаковенное...

— Хилая она... не сдержитъ бою.

Васька махнулъ рукой и вытащилъ изъ сѣна бутылку.

— А не сдержитъ — помретъ. Это ужъ безпремѣнно,—философски заключилъ онъ и забулькалъ водкой.

Но Купріянъ продолжалъ:

— Жаль бабу и мальчонка жаль. Несмыслящій вѣдь еще.

Васька на секунду задумался.

— Это ты вѣрно,—тряхнулъ онъ головой,—его житье плохо: въ гробъ вгонитъ. Бабу изуродуетъ, нѣтъ ли, а парнишкѣ — каюкъ! Фью!.. Онъ ему какъ бѣльмо на глазу, да и бабѣ срамъ одинъ... Да туда и дорога.

— А за что? — глухо спросилъ Купріянъ, глядя сквозь щель на качавшуюся отъ вѣтра тѣнь березки.

— Что собственно? Ты о чемъ?—не понялъ Васька.

— Парнишку за что, говорю! Онъ чѣмъ виноватъ?

— Фью! Этихъ дѣловъ, братецъ ты мой, не разбираютъ. Виноватъ? Тоже сказалъ! Не ко двору, приблудный, ну, и ступай откедова пришелъ. Вѣрно. Да и что жалѣть, много ли ему радости-то? Мужика сынъ...

— А жаль,—повторилъ про себя Купріянъ.

Васькѣ надоѣлъ этотъ разговоръ. Его душа, страшно и непонятно уничтоженная фабриками и заводами, гдѣ человѣкъ сотавляетъ только часть огромной машины, совершенно уже не воспринимала чувства состраданія. Ребенка онъ даже и за человѣка не считалъ. Посмотрѣвъ въ пыльную, затхлую и темную пустоту подъ крышей, гдѣ на жерди возилась какая-то птица, Васька медлительно, съ чувствомъ сплюнулъ, а потомъ заснулъ.

Купріянъ же долго ворочался на сѣнѣ. Ему было неловко отъ мокраго, липнущаго къ плечамъ платья, и нехорошо отъ думъ, въ которыхъ первое мѣсто занимало всеподавляющее чувство одиночества и тяжелое, тупое недоумѣніе отъ тщетнаго желанія уяснить себѣ жизнь, вставшую передъ нимъ непонятнымъ и страшнымъ вопросомъ.

Потомъ армякъ согрѣлся въ сухомъ сѣнѣ, и изморенный Купріянъ задремалъ.

Сѣрое утро пробралось въ широкія щели и освѣтило пыльнымъ молочнымъ свѣтомъ двѣ спящія фигуры самыхъ грозныхъ конокардовъ округи.

Купріянъ спалъ, вытянувшись на спинѣ, и его чернобородое, скуластое, крѣпкое лицо было по-мужицки серьезно и неподвижно; дышалъ онъ тяжело и ровно, широко работая грудью. Васька спалъ, свернувшись калачикомъ, поджавъ длинныя худыя ноги въ прорванныхъ порткахъ и положивъ руку подъ голову. Его безбородое и безусое худое лицо мертвенно неподвижно и при слабомъ свѣтѣ утра казалось землянымъ; дышалъ онъ нервно, со свистомъ и прихлипываніемъ; тонкая шея его вытягивалась и вѣки слегка вздрагивали, какъ у человѣка, готоваго всякую минуту вскочить и бѣжать.

На деревнѣ пѣли пѣтухи сиплыми, простуженными голосами; а за ригой, за мокрымъ, покрытымъ сухимъ обломаннымъ камышомъ, болотомъ тянулись безотрадныя, сѣрыя мокрыя поля. Надъ ними плыли сѣрыя тяжелыя тучи и моросилась жидкая завѣса дождя.

III.

Васька сказалъ Купріяну неправду: Егоръ Шибаевъ ничего не зналъ до самаго возвращенія домой.

За пять лѣтъ солдатчины Егоръ Шибаевъ совершенно отвыкъ отъ жены, но тѣмъ не менѣе хорошо помнилъ,

что въ деревнѣ у него осталась жена, и хотя самъ, какъ всякій солдатъ, жилъ съ другими женщинами, кухарками и проститутками, онъ твердо вѣрилъ въ несокрушимость своихъ правъ надъ женой. Мысль о томъ, что жена можетъ «забаловать», очень рѣдко приходила ему въ голову. Чѣмъ больше онъ натирался городскимъ лоскомъ, соединеннымъ съ нашивками и медалями, тѣмъ больше проникался уваженіемъ къ себѣ, и ему казалось невозможнымъ, чтобы жена промѣняла его на простого мужика.

Вспоминать о женѣ всегда было ему пріятно, не потому, чтобы онъ ее любилъ, а потому, что онъ чувствовалъ себя солиднѣе, имѣя жену и домъ. Съ посторонними о женѣ говорилъ всегда полупрезрительно: «Баба, извѣстно!». Но иногда, въ особенности когда получилъ унтера, сталъ называть ее: «наша супруга». Любилъ писать ей письма и писалъ каждый мѣсяцъ самъ. Письма наполнялъ поклонами всей деревнѣ и въ концѣ подписывался: «Унтеръ-офицеръ такого-то полка, такого-то баталіона и роты Егоръ Ивановъ Шибаевъ».

Когда онъ ѣхалъ домой, то нарочно не писалъ женѣ, чтобы больше поразить и ее и всю деревню неожиданнымъ великолѣпіемъ своего унтерскаго вида.

Въ городѣ и солдатчинѣ онъ совершенно забылъ деревню, и его не тянуло туда, но когда поѣздъ двинулся и понесся по чернѣющимъ распаханнымъ полямъ съ кучами гнилого навоза и черными грачами, разгуливающими по межѣ, хорошее, радостное и оживленное чувство пробудилось у него въ душѣ, и онъ уже по цѣлымъ часамъ глядѣлъ въ окно вагона на безконечныя сѣрыя равнины, затянутыя сѣрой завѣсой дождя и сливающіяся на горизонтѣ съ такимъ же сѣрымъ небомъ.

Все то грязное, скверное и безтолковое, что насадила ему въ душу безсмысленная, непонятная его мужицкому уму и сердцу, солдатская жизнь, разомъ исчезло, усту-

пивъ мѣсто сначала безотчетно радостному настроенію человѣка, приближающагося послѣ долгаго отсутствія къ роднымъ мѣстамъ, а потомъ и дѣловымъ соображеніямъ хозяина-мужика, проснувшагося въ немъ, несмотря на колоссальную величину той мерзости, разврата и лѣни, которая насѣла на него въ казармахъ.

Чѣмъ ближе онъ подъѣзжалъ къ родинѣ, тѣмъ пріятнѣе становилось ему при мысли, что онъ ѣдетъ не на голое мѣсто, а въ домъ, гдѣ есть всякое хозяйственное обзаведеніе и жена тоже. Послѣднюю онъ вовсе не отдѣлялъ отъ перваго, и ему не приходило въ голову, какъ встрѣтитъ его жена?

Съ возвращеніемъ домой у него было связано представленіе объ удивленіи односельчанъ, объ ихъ любопытныхъ разспросахъ, о своихъ хвастливыхъ разсказахъ и еще о водкѣ.

Больше всего его тѣшило и занимало, что писарь, старшина и прочія сельскія власти, пять лѣтъ тому назадъ сдавшіе его, какъ барана, отупѣвшаго отъ страха и непониманія окружающаго, въ рекруты, теперь встрѣтятъ его какъ равнаго, потому что онъ—унтеръ, заслуженный человѣкъ.

Выйдя изъ вагона на станціи, лежавшей въ десяти верстахъ отъ села Дерновогo, Егоръ Шибаевъ почувствовалъ себя совершенно дома и тутъ же подтянулся, принявъ солидный и молодцеватый видъ.

И его радовало, что это удается ему хорошо и что среди мужиковъ, оборванныхъ, сѣрыхъ и грязныхъ, онъ имѣетъ видъ начальства.

Между мужиками оказались и его знакомые, въ томъ числѣ писарь и старшина.

Писарь Исаевъ былъ тотъ же курчавый, красивый, но заплывшій жиромъ человѣкъ, съ маленькими постоянно бѣгающими глазами и одышкой, одѣтый въ картузъ, пальто и блестящія резиновыя калоши.

Старишина Головченко, пожилой, высокій и очень сутуловатый мужикъ съ низкимъ лбомъ, на которомъ скобкой были подрѣзаны волосы, былъ такой же, какъ и пять лѣтъ тому назадъ, и такъ же тупился и сопѣлъ носомъ.

Съ ними былъ еще и третій дерновскій мужикъ съ бляхой сотскаго на груди, съ длинной палкой и суровымъ, угрюмымъ лицомъ. Егоръ Шибаевъ зналъ его. Это былъ сильный и пьющій запоемъ мужикъ по-имени Шпрунь.

Односельчане сейчасъ же узнали Егора Шибаева. Писарь воззрился на него и, отдуваясь и улыбаясь, поздоровался съ нимъ, какъ образованный человѣкъ, за руку.

Старшина снялъ картузъ и поцѣловался съ нимъ три раза. Сотскій Шпрунь поднялъ шапку, но подойти не посмѣлъ. Егоръ Шибаевъ, хотя мальчикомъ и парнемъ часто былъ битъ пьянымъ Шпрунемъ, не подошелъ къ нему, думая, что недостойно его званія здороваться съ простымъ мужикомъ.

— Какими судьбами?—спросилъ Шибаевъ писаря.

— По дѣламъ больше. А вы окончательно въ наши палестины?

— Да.

— Ну, что же-съ? Послѣ Питера вамъ, конечно, все оченно плохо покажется?

Егоръ принялъ значительный видъ.

— Да, оно, конечно... то столица, а это, конечно, деревня,—снисходительно отвѣтилъ онъ.

— Что ужъ тутъ,—тяжело, точно сокрушаясь, замѣтилъ старшина и вздохнулъ.

— Рады, чай, все-таки, что домой прибыли?—съ любопытствомъ и бѣгая глазами по сторонамъ, спросилъ писарь.

— Какъ водится. Все-таки солдатъ, хоть тамъ и уи-

теръ-офицеръ тоже, человѣкъ военный — ни кола, ни двора, какъ говорится, не имѣетъ. А тутъ все въ порядкѣ... домъ, хозяйство.

— Супруга ваша здравствуетъ,—сообщилъ писарь.

Ему очень хотѣлось сообщить Егору Шибаеву объ измѣнѣ жены, но онъ не рѣшался.

— Благодаримъ васъ... Опять же вотъ жена,—продолжалъ Егоръ солидно и внушительно: — солдатомъ, конечно, баловаться приходилось... по разнымъ тамъ... а тутъ все-таки, какая ни на есть, законная жена.

— Оно конечно!—согласился писарь, бѣгая глазами по-сторонамъ и не рѣшаясь сказать то, что ему хотѣлось.

Старшина вздохнулъ и потупился.

— Одно слово—въ гостяхъ хорошо, а дома все лучше!—сострилъ писарь и самъ коротко и съ одышкой засмѣялся.

Егоръ Шибаевъ радостно улыбнулся.

— Что и говорить!

— Вы, собственно, давно изъ Дерновой?—спросилъ онъ.

— Со вчерашняго дня.

— Что такъ?

— Да такое дѣло вышло... конокрадишки у насъ завелись... У господина земскаго начальника лошадь свели... хорошую лошадь... Ну, и подозрѣніе есть такое, что изъ нашихъ же дерновскихъ.

— Ну?—спросилъ Егоръ Шибаевъ, очень довольный, что писарь посвящаетъ его въ такія дѣла, о которыхъ съ простымъ мужикомъ и говорить бы не сталъ.

— Да-съ,—вздохнулъ писарь,—можетъ, помните Купріяна Тесова... вотъ, что еще при васъ въ острогъ свезли?

— Помню, какъ же...

Писарь подумалъ и, окончательно рѣшивъ ничего не говорить Егору о его женѣ, продолжалъ съ одышкой:

— Бѣжалъ, изволите видѣть, и такъ полагаютъ— его рукъ дѣло.

— Такой родъ у нихъ, — вставилъ старшина и тяжело вздохнулъ, потому что боялся за свою тройку.

— Скажите... тэкъ-съ. А какимъ бы родомъ мнѣ до Дерноваго добраться?

Писарь сообразилъ, пошевелилъ толстыми пальцами.

— Мужичокъ тутъ есть нашъ. Можетъ, тоже помните: Мозявымъ прозывается. Такъ онъ, надо быть, въ скорости домой. Онъ муку привезъ начальнику, господину Твердохлѣбову, начальнику станціи...

Егоръ Шибаевъ кивнулъ головой, хотя совершенно не зналъ этого начальника станціи. Но ему казалось почему-то, что не знать начальника станціи неприлично для его унтерскаго и столичнаго достоинства.

— Ну, такъ вотъ имъ муку-съ... а теперь, надо полагать, и въ обратный. Вы попросите его. Онъ мужикъ ничего, хорошій мужичокъ.

— А гдѣ бы мнѣ его?

— А вотъ сейчасъ... Шпрунь, а Шпрунь!—крикнулъ писарь сотскому, который съ начала разговора изъ уваженія къ начальству отошелъ.

— Тутъ я,—отозвался онъ густымъ и хриплымъ съ недавняго перепоя голосомъ.

— Ты... найди тамъ Мозяваго и спроси—не подвезетъ ли вотъ ихъ?.. Это вашъ сундучокъ?

— Мой.

— Вотъ ихъ съ сундучкомъ. Скажи я спрашиваю.

Сотскій мрачно повернулся и пошелъ, топая пудовыми сапогами и стуча палкой.

Писарь посмотрѣлъ ему вслѣдъ.

— Тоже, вотъ... обстоятельный мужикъ, а только зашибаетъ.

— Бываетъ,—сказалъ Егоръ Шибаевъ.

Ему было очень лестно, что писарь отзывается при немъ, о другихъ мужикахъ, какъ бы не причисляя его, Шибаева, къ нимъ.

А потому онъ счелъ нужнымъ поддержать свое достоинство и, разгладивъ усы, сказалъ:

— Вотъ у насъ, въ третьей ротѣ, тоже одинъ солдатикъ, изъ цыганъ онъ, Бѣлокопытинъ по-фамиліи, такъ тоже, ежели трезвый—куда хочешь его ткни, а напьется и—дрянь человѣкъ. Ужъ его и такъ и этакъ... А тоже обстоятельный, какъ слѣдоваетъ быть, по всей формѣ солдатъ...

— Это случается,—согласился теперь писарь.

Въ это время старшина кашлянулъ и раскрылъ ротъ.

На платформѣ показался сотскій Шпрунь, со своей палкой и бляхой, а за нимъ, въ оборванномъ азямѣ, въ стоптанныхъ лаптишкахъ,—Мозявый.

— Вотъ,—сказалъ сотскій, икнулъ и изъ уваженія къ начальству отошелъ.

Мозявый поспѣшно сдернулъ шапчонку и остановился въ трехъ шагахъ отъ нихъ, вывернулъ носки и вытянувъ тонкую черную шею .Слезящимися глазками онъ глядѣлъ на начальство съ видомъ забитаго животнаго, потому что Шпрунь не заблагоразсудилъ пояснить ему, зачѣмъ онъ понадобился начальству, а самъ по себѣ, по опыту и вкоренившейся привычкѣ, онъ отъ начальства добра не ждалъ.

Писарь сразу превратился во властное начальство.

— Эй ты, вотъ отвезешь ихъ въ Дерновое. Ты сейчасъ?

— Сею минуту,—поспѣшно и хрипло, точно слова съ усиліемъ выходили у него изъ горла, отвѣтилъ Мозявый.

— Сундучокъ тамъ у нихъ... вотъ этотъ самый.

Мозявый посмотрѣлъ на сундучокъ и заморгалъ глазами: сундучокъ былъ довольно великъ, а лошадь у него

была плохая и некормленая цѣлый день. Мозявому было жаль своей лошади, но ослушаться писаря онъ не посмѣлъ, и даже съ видомъ готовности засуетился, засунулъ шапку за поясъ и обхватилъ обѣими тонкими и корявыми руками сундукъ, но съ трудомъ только приподнялъ его. Онъ засуетился еще больше, переложилъ шапку подъ мышку и опять ухватился за сундукъ.

Шпрунь смотрѣлъ на него съ явнымъ презрѣніемъ.

— Пущай.

Онъ оттолкнулъ Мозяваго, взялъ безъ всякаго усилія сундукъ и понесъ. Мозявый, почесывая спину движеніями костлявыхъ лопатокъ и производя посомъ хлипающій звукъ, пошелъ за нимъ.

— Тэкъ-съ,—сказалъ писарь,—вотъ онъ васъ и доставитъ.

— А теперь до свиданья-съ, — сказалъ Егоръ Шибаевъ,—премного вамъ благодаренъ.

— Не за что-съ—возразилъ писарь, — я всегда съ моимъ удовольствіемъ приличному человѣку всякое одолженіе... До свиданья-съ. Изволите кланяться вашей супругѣ.

— Оченно вамъ благодаренъ. До свиданья-съ.

— До свиданья-съ.

Старшина опять ничего не сказалъ, вздохнулъ и неловко, не сгибая своихъ заскорузлыхъ пальцевъ, тряхнулъ руку Шибаева.

IV.

Мозявый ждалъ, стоя около своей телѣги, на которой уже громоздился сундукъ.

Они усѣлись, и лошаденка, пузатая и шершавая, поплелась вялой рысцой.

Сначала мимо тянулись желѣзнодорожные пути, груды гнилыхъ шпалъ, ржавыхъ рельсъ и безконечно длин-

ные ряды товарныхъ вагоновъ, между которыми, шипя, двигался взадъ и впередъ рабочій паровозъ и рѣзко брячалъ буферами. Потомъ пути стали рѣже и пустыннѣе и скоро слились въ одну ровную, гладкую ленту, убѣгавшую вдаль къ горизонту; а по сторонамъ пошли опять голыя, то черныя, то рыжія поля, съ тѣми же грачами, гуляющими по пахотѣ, и сухимъ чернобыльникомъ, уныло мотавшимся по межѣ.

Мозявый сидѣлъ понуро, далеко выдвинувъ сухія лопатки, и изрѣдка тоненько причмокивалъ, подергивая голову лошади веревочными вожжами. Лошаденка помахивала рѣдкимъ хвостомъ и трясла ушами.

И опять душу Егора Шибаева охватило радостное чувство простора.

Тучи на небѣ стали разрываться мѣстами; по равнинѣ пробѣгалъ тусклый мимолетный солнечный лучъ и, скользя по блѣдной спинѣ пузатой лошаденки и рваному армяку Мозяваго, ярко золотилъ ихъ.

Мозявый чуть-чуть подымалъ ему навстрѣчу свои подслѣповатые слезящіеся глазки и поводилъ худыми лопатками. Егору же становилось еще лучше и радостнѣе и хотѣлось говорить.

— Чай, меня не знаешь, дядя?—спросилъ онъ.

Мозявый быстро взглянулъ на него и поспѣшно отвѣтилъ:

— Призналъ... какъ же...

Потомъ помолчалъ и вдругъ прибавилъ такимъ тономъ, что видно было, какъ всецѣло завладѣла имъ эта мысль.

— А меня драть будутъ.

Егоръ Шибаевъ поразился и отъ неожиданности заявленія, и отъ сомнѣнія, что такого стараго и худого мужика можно драть.

— За что?—спросилъ онъ.

— Лѣску, значитъ... казеннаго, который...

Шибаевъ подумалъ, что ему, какъ начальству, слѣдуетъ внушить и, принявъ строгій видъ, сказалъ:

— Какъ же ты, братъ, это?..

Мозявый быстро повернулся къ нему и вдругъ озлобленно заговорилъ—не однимъ языкомъ, а какъ-то всѣмъ тѣломъ, жестикулируя руками, плечами и тонкой шеей:

— А потому, милый человѣкъ, невозможно... Землицы нѣтъ, а которая есть, та вся одна глина... А у меня ихъ шестеро ртовъ не сумлѣвайся... Во-какъ!.. А теперича драть? Да рази я по-дурости? Ежели шесть ртовъ... Вотъ ты и понимай... Изба—одна смѣхота: ты ее не подопри седни,—завтра она тебя и задавитъ, во-какъ. А за это тоже не хвалятъ нашего брата...

— И выдерутъ чай?

Мозявый опять весь пришелъ въ движеніе.

— За милую душу... вотъ какъ! Отдерутъ, это ужъ вѣрно. Писарь не сказывалъ?

— Нѣтъ.

— Отдерутъ,—убѣжденно и какъ-будто грустно подтвердилъ Мозявый.

И вдругъ хвастливо прибавилъ:

— А мнѣ—наплевать.

Егоръ Шибаевъ съ достоинствомъ сказалъ:

— А развѣ не стыдно?.. Старый ты мужикъ...

Мозявый забѣгалъ глазками по-сторонамъ и зашевелился безпокойно и пуще прежняго.

— А мнѣ что? Я рази на такое дѣло ихъ подбивалъ, что ли? Пущай дерутъ за милую душу... драли ужъ...

— Драли?

— Извѣстно,—подернулъ лопатками Мозявый,—исхлестали за милую душу. До сей поры спина-то полосатая... Здорово...

— И не стыдно?—съ любопытствомъ спросилъ Егоръ Шибаевъ, отвыкшій въ большомъ городѣ отъ такихъ грубыхъ и скверныхъ дѣлъ.

Мозявый сгорбился, помолчалъ, причмокнулъ на лошадь и нехотя отвѣтилъ:

— Не... спервоначалу, какъ рубаху стали заворачивать, дюже стыдно было, а опосля ничего... Чего тамъ стыдно?..

Мозявый съ неудовольствіемъ подернулъ лопатками и замолчалъ.

Егоръ Шибаевъ посмотрѣлъ ему въ спину и недоумѣвающе ухмыльнулся. Ему было странно и то, что Мозявый какъ-будто находилъ болѣе стыднымъ дѣло поровшихъ его, а ужъ потомъ ставилъ свой стыдъ; и то, что въ городѣ онъ видѣлъ много очень дурныхъ людей, дѣлавшихъ мерзкія и ужасныя преступленія,—ихъ за это ссылали въ тюрьмы и на каторгу, но не пороли, какъ этого сѣдого и хлипкаго мужика.

Впрочемъ мысли Шибаева долго не могли сосредоточиться на одномъ.

За косогоромъ выглянули какія-то жерди, за ними сейчасъ же вытянулись крылья мельницы, а потомъ и сама почернѣвшая, съ крышей, поросшей зеленымъ мхомъ, выглянула мельница. За ней другая, третья, десятая; нѣкоторыя стояли неподвижно, нѣкоторыя съ легкимъ скрипомъ, доносившимся до Егора Шибаева, вертѣли крыльями:

— Дерновое,—сказалъ Мозявый.

Но Шибаевъ и самъ узналъ знакомое съ дѣтства мѣсто, и счастливое чувство давнуло у него въ груди такъ, что слезы выступили на глазахъ.

Петроградъ? съ его шумомъ, скучной и потому тяжелой казарменной жизнью, нелѣпыми парадами и ученьями, сразу точно растаялъ въ туманѣ, а на мѣстѣ его и на самомъ дѣлѣ выдвинулось село Дерновое, съ его бѣлой церковью, развалившимися тынами, ощипанными вербами на черныхъ огородахъ, съ избами, похожими из-

дали на кучи прѣлаго навоза и покрытыми издерганными сѣрыми крышами.

Тутъ Егоръ Шибаевъ вдругъ вспомнилъ о женѣ, и совсѣмъ не такъ, какъ вспоминалъ раньше. Ему захотѣлось произвести на нее хорошее впечатлѣніе. Егоръ Шибаевъ пріободрился; и у него даже сердце застучало и стали дрожать ноги.

Мимо потянулись плетни и избы со своими мутными окошками. Стали встрѣчаться бабы и мужики. Они останавливались и смотрѣли на Егора, долго провожая его глазами, а потомъ шли по своему дѣлу. Куры съ кудахтаньемъ разлетались съ дороги; какая-то мохнатая собачонка, какъ шарикъ, понеслась за телѣгой, но увидѣла свинью и бросилась за ней.

Егоръ Шибаевъ смотрѣлъ на все радостными глазами и все выглядывалъ поверхъ головы Мозяваго и дуги, не увидитъ ли гдѣ жены.

Солнце выглянуло на мигъ и облило яркимъ блескомъ село, золотя грязную солому и мокрыя крыши и сверкая на далеко видной новой, нарядной вывѣскѣ волостного правленія.

V.

Онъ еще издали узналъ свою избу, и она показалась ему совсѣмъ особенной, не похожей на другія избы. И ея пыльныя, давно небѣленныя стѣны, старый плетень, растрепанная крыша, покрытая зелеными лишаями, все — вплоть до вороны, сидѣвшей на заборѣ, показалось ему точь-въ-точь такимъ же, какимъ было пять лѣтъ тому назадъ, хотя тогда ему и въ голову не приходило разсматривать это все.

И сейчасъ же онъ почувствовалъ такое нетерпѣніе скорѣе увидѣть жену, что ему стало казаться, будто онъ только ее и хотѣлъ видѣть и всегда о ней думалъ.

Проѣзжая мимо избы, онъ радостно и немного даже конфузливо заглянулъ въ ея крошечныя пыльныя окна, но ничего, кромѣ какой-то зеленой бутылки, заткнутой тряпкой, не увидѣлъ.

— Тпрру...—сказалъ Мозявый тоненькимъ голосомъ и натянулъ вожжи, какъ дѣлаютъ это кучера, лихо подкатывая на горячихъ коняхъ.

Взъерошенная лошаденка очень покорно остановилась и, разставивъ ноги, тяжело вздохнула, высоко поднимая свои втянутыя ребра и раздутый животъ.

— Ишь, дохлая... — пробормоталъ Мозявый, потому что ему было жаль заморенной лошади, и вздохнулъ такимъ же тяжелымъ, покорнымъ и долгимъ вздохомъ, какъ и его лошаденка.

Егоръ Шибаевъ молодецки выскочилъ изъ телѣги, разминая сильно затекшія ноги, взялъ безъ всякаго усилія свой сундукъ и шагнулъ къ калиткѣ.

— Спасибо, дядя,—буркнулъ онъ Мозявому.

Мозявый посмотрѣлъ ему вслѣдъ, вздохнулъ опять и тронулъ лошадь уже шагомъ.

Лошаденка, бойко, помахивая головой, пошла къ дому и даже попыталась закрутить ощипаннымъ и грязнымъ хвостомъ.

— Ишь, дохлая... — повторилъ Мозявый и пріободрился.

Помахивая кнутомъ, онъ мечталъ о томъ, что соберется съ деньгами и по-осени купитъ новую лошадь, хотя прекрасно зналъ, что собираться ему не изъ чего и что новой лошади онъ ни въ какомъ случаѣ не купитъ.

Но онъ мечталъ объ этомъ всю жизнь.

Егоръ Шибаевъ отворилъ калитку, повернувшуюся на ржавыхъ петляхъ съ тѣмъ же самымъ унылымъ и протяжнымъ визгомъ, какимъ она проводила его въ рекрутчину.

Егора Шибаева сразу обдало знакомой обстановкой.

Дворъ показался ему уютнымъ и какъ-будто теплымъ. Тѣ же сараи шли вокругъ заросшаго пыльной травой двора. По травѣ бѣжали протоптанныя неровныя сѣрыя дорожки, а у сараевъ прѣли кучи навоза, въ которомъ рылись двѣ курицы и хриплый пѣтухъ. Было то же старое, низкое, въ одну ступеньку, крытое крыльцо, и подъ навѣсомъ его болтались пучки сухихъ капустныхъ листьевъ и торчали сломанныя вилы.

Когда Егоръ Шибаевъ проходилъ отъ калитки къ крыльцу, въ окнѣ мелькнуло чье-то лицо и сейчасъ же спряталось. Потомъ выглянуло и другое, показавшееся Егору лицомъ его жены, и тоже спряталось. Но навстрѣчу ему никто не вышелъ, и дверь въ сѣни оставалась запертой.

Егоръ Шибаевъ взошелъ на крыльцо, опустилъ къ сторонкѣ свой сундукъ, потому что хотѣлъ войти въ избу честь-честью, и только что взялся за дверь, какъ она отворилась изнутри и какая-то босоногая дѣвочка въ красномъ платкѣ съ визгомъ шмыгнула мимо него, шлепнула разъ-другой босыми пятками и мигомъ исчезла за калиткой.

Егоръ Шибаевъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ и, отворивъ дверь, нагибаясь, вошелъ въ избу.

Тамъ было чисто прибрано и пахло хлѣбомъ, щами и мокрой мочалой. На палатяхъ лежала ситцевая розовая подушка первая бросилась ему въ глаза.

Потомъ онъ увидѣлъ и жену.

Матрена, худая и высокая баба, лѣтъ двадцати пяти, но казавшаяся старше отъ своей худобы, одѣтая по-городски, какъ одѣваются мѣщанки и торговки—нелѣпо и некрасиво, сидѣла у стола, положивъ одну руку на столъ, другую на колѣни.

Егоръ Шибаевъ улыбнулся радостно и смущенно. Жена ему сразу понравилась, хотя онъ ее воображалъ совсѣмъ иной. Пріятно поразилъ его и ея городской на-

рядъ, потому что ему, какъ унтеру, не подходила, по его мнѣнію, жена, одѣтая попросту.

Его очень удивило, что жена не встаетъ ему навстрѣчу.

Когда Егоръ вошелъ, она вскинула на него глазами и сейчасъ же потупилась и поблѣднѣла.

— Здравствуйте-съ, — уже нерѣшительно сказалъ Егоръ Шибаевъ.

Матрена молча встала и поклонилась ему въ поясъ.

И изъ этого нѣмого поклона, и изъ того, что жена не смотрѣла на него, Егоръ Шибаевъ сразу увидѣлъ что-то, о чемъ онъ никогда серьезно не думалъ, но о возможности чего зналъ, случилось съ нимъ.

Онъ растерялся.

— Здравствуйте,—пробормоталъ онъ опять.

Матрена пошевелила тонкими безкровными губами и опять молча поклонилась въ поясъ, на этотъ разъ касаясь рукой полу.

И отъ этого вторичнаго поклона въ груди Шибаева точно что-то оборвалось и кинулось ему въ лицо, отчего онъ вдругъ густо покраснѣлъ.

— Вотъ какъ-съ,—хрипло проговорилъ онъ.

Матрена, не поднимая головы, исподлобья вскинула на него глаза.

Егоръ Шибаевъ нерѣшительно, но съ недоумѣніемъ сдѣлалъ три шага и сѣлъ на лавку.

Въ головѣ у него все такъ смѣшалось отъ неожиданности, что онъ ошалѣлъ и какъ-будто не могъ чего-то сообразить.

— Такъ-съ...—повторилъ онъ и положилъ на столъ шапку.

И тутъ увидѣлъ то, чего раньше не замѣтилъ: за спиной Матрены стоялъ, ухватясь за ея юбку, ребенокъ лѣтъ трехъ, въ грязной синей рубашонкѣ, босикомъ, съ измазаннымъ грязнымъ личикомъ, бѣловолосый и бѣлоглазый.

Засунувъ палецъ въ ротъ и отдувая обѣ щеки, онъ прехладнокровно смотрѣлъ на Егора и на его шапку.

Съ минуту и Егоръ смотрѣлъ на него, раскрывъ ротъ и выпучивъ глаза. Потомъ у него потемнѣло въ глазахъ и захолонуло внутри. Съ бѣшенствомъ ударивъ кулакомъ по столу, такъ что шапка полетѣла на полъ, онъ перегнулся къ самому лицу Матрены и прохрипѣлъ:

— А, такъ ты вотъ что... Паскуда!

Матрена подняла на него прямо въ лицо свои, отъ ужаса ставшіе круглыми, глаза и молчала.

Егоръ Шибаевъ на минуту задохнулся, а потомъ заоралъ на всю избу:

— Ахъ, ты, стерва! Говори—кто?

Матрена продолжала смотрѣть ему въ лицо, обезумѣвъ отъ страха, и молчала.

Но зато ребенокъ визгливо и испуганно завизжалъ, закрывъ глаза и растопыривъ пальцы.

Шибаевъ даже зубами скрипнулъ и рванулся къ нему, но Матрена машинально чуть-чуть подвинулась между ними. На секунду Егоръ Шибаевъ застылъ, все болѣе и болѣе наливаясь кровью, и вдругъ съ размаху ударилъ жену кулакомъ по головѣ.

Она чуть не упала и схватилась за столъ; платокъ слетѣлъ у нея съ головы на шею, и космы волосъ повисли поперекъ лица.

Отъ перваго удара Егоръ почувствовалъ такой приливъ злобы, что чуть не задохнулся. И невольно давая выходъ этому чувству, не помня себя и крѣпко стиснувъ зубы, онъ схватилъ жену изо всей силы сначала за руку, а потомъ за волосы и выдернулъ на середину комнаты. Она съ размаху сѣла на полъ и закрылась локтемъ. Егоръ ударилъ ее колѣномъ въ спину и потащилъ за волосы по полу, приподнялъ и опять бросилъ.

Нѣсколько секундъ онъ стоялъ неподвижно, широко

разставивъ ноги и тяжело дыша, весь красный и потный, съ ополоумѣвшими глазами и трясущимися руками.

Матрена сидѣла на полу и закрывалась отъ него рукой.

Но когда она опустила руку, онъ опять началъ ее бить и билъ долго, руками и колѣнями, бормоча сквозь зубы ругательства и таская ее за волосы по избѣ. Юбка съ нея слетѣла, и когда онъ тащилъ ее за волосы, она покорно переступала босыми ногами, прикрытыми одной толстой рубахой.

Нѣсколько горшковъ слетѣло съ лавки; какая-то палка упала Егору подъ ноги, и онъ сталъ бить этой палкой жену по спинѣ и плечамъ.

Матрена закричала тонкимъ, пронзительнымъ голосомъ и хотѣла бѣжать, но Егоръ такъ толкнулъ ее въ спину, что она ударилась всѣмъ тѣломъ о печку и свалилась на полъ.

Егоръ бросилъ палку, тяжело опустился на лавку и весь осѣлъ, туго дыша, красный, съ волосами, прилипшими къ потному лицу.

Тутъ онъ вспомнилъ, что навѣки опозоренъ передъ всей деревней, и подумалъ, что всѣ мечты его о почетѣ рушились, что ему уже нельзя будетъ показывать свою столичность и что все это благодаря его женѣ.

Онъ опустилъ голову на локоть и зарыдалъ, чувствуя, что испорчено навсегда и еще что-то хорошее, чего онъ и самъ не сознавалъ. Слезы градомъ катились по его толстому красному лицу.

Матрена неслышно поднялась и, шатаясь, задвигалась по избѣ, пугливо поглядывая на мужа. Одинъ глазъ у нея совсѣмъ запухъ, отчего лицо ея было жалкое, страшное и нечеловѣческое. Она спрятала волосы подъ платокъ, надѣла юбку и вышла въ сѣни. Тамъ она намочила водой тряпку и стала мочить синякъ.

На глаза попался ей маленькій Ѳедька, сидѣвшій за

помойнымъ ведромъ и беззвучно ревѣвшій отъ ужаса. Матрена вывела его на крыльцо.

— Бѣги, родной, на улицу...

А Егоръ сидѣлъ въ избѣ и все плакалъ, думая о томъ, что жена испортила ему всю жизнь, тогда какъ могло быть очень хорошо. Ненависть къ ней опять стала закипать въ его сердцѣ.

Онъ пересталъ плакать, озвѣрѣлъ опять, вышелъ въ сѣни и молча сталъ бить жену и таскать по полу за волосы, чувствуя жгучее желаніе сдѣлать ей какъ можно больнѣе.

Матрена не плакала и не кричала даже тогда, когда Егоръ нашелъ старую мокрую веревку и началъ этой веревкой хлестать ее по чему попало.

Она думала, что такъ и должно быть, и только, задыхаясь отъ ужаса и боли, боялась, что не выдержитъ, пока мужъ отведетъ надъ ней душу, и онъ ее забьетъ до смерти.

А еще больше она боялась, чтобы Егоръ не вывелъ ее на улицу голую, привязанную къ телѣгѣ, и не сѣкъ ее кнутомъ при народѣ, какъ это было въ обычаѣ дѣлать съ измѣнившими женами.

VI.

Вечеромъ, когда Егоръ Шибаевъ, еще разъ, уже слабѣе, побивъ жену, немного успокоился и даже сталъ подумывать о томъ, что все это еще дѣло поправимое, да и обычное,—онъ ушелъ изъ избы къ винной лавкѣ.

Матрена завязала глазъ платкомъ и вышла во дворъ.

Былъ хорошій, ясный и теплый вечеръ. Небо было совсѣмъ прозрачное и въ немъ ужъ чуть-чуть мерцали звѣздочки. Внутренность двора, огородъ и садъ потемнѣли, отъ нихъ тянуло сырой прохладой и пахло мокрой землей и мокрымъ навозомъ.

Матрена стояла на крыльцѣ и однимъ глазомъ смотрѣла черезъ заборъ на улицу, гдѣ слышались звонкіе голоса, скрипъ воротъ и мычаніе коровъ.

Калитка осторожно скрипнула и во дворъ заглянула та самая дѣвчонка, что давеча попалась подъ ноги Егору. На рукахъ она съ усиліемъ тащила Ѳедьку, прижавъ его поперекъ живота, чѣмъ онъ нисколько не смущался.

Дѣвочка остановилась у калитки и боязливо смотрѣла на Матрену. Ѳедька тянулся къ матери и пускалъ пузыри.

— Поди сюда, Анютка,—позвала Матрена.

Дѣвчонка нерѣшительно зашлепала босыми ногами. Ѳедька замахалъ руками и издалъ хлипающій звукъ.

Матрена взяла его на руки.

— Ушелъ?—тихо спросила Анютка.

Матрена махнула рукой.

— Би-илъ?—тихо протянула дѣвочка.

Матрена вздохнула.

— Ишь ты,—съ удивленіемъ сказала Анюта и сейчасъ же затараторила скороговоркой: — къ винной пошелъ, сердитый такой! А у него на шинели мидаля баальшущая!.. Дядинькѣ Купріяну сказать?

Матрена опять вздохнула и промолчала.

— Я скажу... — сказать? — Матрена кивнула головой.—Чтобы пришелъ, скажу... А куда жъ ему притить?—съ дѣловымъ видомъ спросила Анютка.

Матрена подумала и потупилась.

— Чтобы на огородъ... Задами пусть придетъ... завтра къ вечеру... Скажешь?

— Я скажу, я скажу... А теперь, тетка Матрена, я пойду; я боюсь...

— Ну, иди...

— Пойду... Такъ сказать?

— Скажи.

— Ужо скажу.

Анютка шлепнула пятками, выскочила за ворота и зашлепала по улицѣ, изъ всѣхъ силъ топоча ногами.

Матрена осталась одна, смотрѣла однимъ глазомъ на улицу и тревожно прислушивалась, думая, что мужъ придетъ пьяный и опять будетъ бить ее.

Тѣло у нея болѣло и ныло и въ груди чувствовалась какая-то тяжесть. Она плюнула и долго не могла выплюнуть сбившейся мокроты.

Ѳедька заснулъ, свѣсивъ голову съ ея рукъ.

Матрена тихо прошла въ каморку, нагромоздила на лавку тряпья и уложила спящаго Ѳедьку, загородивъ его, чтобы не упалъ, двумя полѣнами.

Потомъ она опять вышла на крыльцо, сѣла на ступеньки и тогда уже тихо и горько заплакала, опустивъ голову на рукавъ. Она чувствовала себя несчастной не оттого, что тѣло у нея было избито въ сплошной синякъ, не оттого, что ждала новыхъ побоевъ, а оттого, что не могла представить себѣ будущей жизни, казавшейся ей какой-то темной и страшной дырой.

О мужѣ она вовсе не думала, потому что онъ былъ мужъ и казался ей неизбѣжнымъ и неотвратимымъ, а его побои должными и заслуженными.

Больше всего ей было жаль Купріяна. При воспоминаніи о немъ она плакала сильнѣе и съ тоской. По временамъ ей хотѣлось прямо побѣжать къ нему, только побѣжать, потому что защитникомъ отъ мужа, по ея мнѣнію, онъ быть не могъ. Матрена думала, что теперь нельзя уже будетъ его любить и горько всхлипывала.

Но изъ всего того, что должно случиться, судьба маленькаго Ѳедьки одна была ей совершенно ясна и понятна:—забьетъ онъ его...

И ей это тоже казалось неизбѣжнымъ и какъ бы законнымъ.

VII.

Купріянъ проснулся отъ скрипа воротъ и струи холоднаго воздуха, хлынувшаго ему въ лицо, разгоряченное отъ сна и выпитой ночью водки.

На дворѣ было уже свѣтло, хотя солнце еще не всходило. Ворота изъ темной риги представлялись ослѣпительно бѣлымъ четыреугольникомъ, и на ихъ свѣтломъ пятнѣ вырисовывалась черная фигура мужика, высокаго, сѣдого и широкоплечаго, въ длинной рубахѣ и полосатыхъ штанахъ, босого.

— Тута, что ли? — спросилъ онъ хриплымъ голосомъ.

Васька тоже поднялъ голову съ сѣномъ въ волосахъ.

— Тутъ,—отвѣчалъ Купріянъ.

Мужикъ шагнулъ въ ворота, видимо, со свѣта ничего не разбирая. Ощупью онъ нашелъ старый улей и медленно опустился на него, почесывая грудь и зѣвая.

— Пронесло дождь-то,—сказалъ онъ.

Голосъ у него былъ густой, какъ изъ бочки, и усы мѣшали ему говорить.

Васька опять опустилъ голову.

Мужикъ подождалъ молча, пока глаза не освоились съ темнотой, и потомъ повернулъ голову къ Купріяну.

— Егоръ пришелъ,—сказалъ онъ.

— Знаю ужъ,—пробормоталъ Купріянъ.

Мужикъ помолчалъ.

— Что жъ думаешь?—спросилъ онъ, серьезно глядя на него изъ-подъ мохнатыхъ бровей.

— Тамъ видно будетъ,—смущенно выговорилъ Купріянъ.

— Такъ,—неопредѣленно буркнулъ мужикъ.

Васька быстро поднялъ голову.

— Чего жъ тутъ думать? — насмѣшливо спросилъ онъ.—Плюнуть, да и все тутъ!

Мужикъ недружелюбно поглядѣлъ на него, вздохнулъ и промолчалъ. Купріянъ потупился.

— Анютка у нихъ на дворѣ была вечоръ,—заговорилъ мужикъ опять, поворачиваясь къ Купріяну.

— Ну?

— Сказывала, чтобы тебѣ притти сегодня... попозднѣй на огородъ. Матрена наказывала...

Купріянъ помолчалъ.

— Ладно, приду,—буркнулъ онъ.

— Такъ,—сказалъ мужикъ и всталъ. — Хлѣбъ-то есть?—спросилъ онъ.

— Хлѣбъ есть,—отвѣтилъ Васька,—а вотъ водку всю вылакали... Пошли посудинку-то...

— Давай бутылку. Какъ откроютъ винную, пошлю.

Мужикъ вышелъ, затворивъ за собой ворота.

— Слышь, Купря,—заговорилъ Васька,—намъ должно удирать... Махнемъ въ Тарасовку къ Пузатову.

Купріянъ отвѣтилъ не сразу, точно не рѣшался высказать что-то.

— Ну...—сказалъ онъ,—до завтра тута побудемъ...

Васька удивился.

— Какого чорта? Гунявый говоритъ—облава будетъ, исправникъ пріѣдетъ ввечеру.

Купріянъ опять замолчалъ.

— А чортъ съ нимъ!—съ досадой махнулъ онъ рукой и легъ.

— А словятъ?..

— Поглядимъ,—упрямо возразилъ Купріянъ.

— Да ты чего тутъ не видалъ...

И Васька вдругъ проворно сѣлъ.

— Неужели изъ-за бабы остаешься?..

— А хоть бы и такъ,—глядя въ сторону, отвѣтилъ Купріянъ.

Васька улыбнулся во весь ротъ и поправилъ картузъ.

— Что тебѣ ее жаль что ли?—спросилъ онъ.

— Жаль,—буркнулъ Купріянъ, стараясь не смотрѣть на Ваську.

Васька поглядѣлъ на него, потомъ присвистнулъ и разсердился.

— Жаль, жаль... Ишь какой жалостливый! Дуракъ. Чего жалѣть? Что ей ребра пересчитали, такъ это дѣло житейское... не помретъ. А помретъ, похоронимъ, пироги поѣдимъ, честь-честью! Да и чего жаль-то? Я и самъ ее въ такомъ разѣ потрепалъ бы...

Купріянъ покраснѣлъ и нахмурился.

— Звѣрье вы всѣ, одно слово!—хрипло выговорилъ онъ.

— А ты—баба!—издѣвался Васька.—Ишь разжалобился... Баба самая непутевая, спуталась на сторонѣ. Ну, мужу, конечно, нелестно... Онъ и поучитъ! Ты не билъ бы, небось?

Купріянъ тяжело сопѣлъ носомъ.

— Нѣтъ, ты скажи,—приставалъ Васька.

— Можетъ, и поучилъ бы, а можетъ и нѣтъ... А Матрену точно что жалко. Баба очень тихая!

— Пойди, утѣшь.

— Пойду.

— Пойди, пойди, — издѣвался Васька, — тамъ те Егоръ научитъ, какъ чужихъ бабъ утѣшать! А къ исправнику такъ прямо въ карманъ...

— Плевать мнѣ твоему исправнику въ рыло,—грубо буркнулъ Купріянъ.—Захочу, такъ я ихъ всѣхъ... А ты не лѣзь...

Васька хотѣлъ что-то сказать, но промолчалъ, увидя, что Купріянъ разсердился.

Онъ плюнулъ, махнулъ рукой и завалился на сѣно.

— Иди куда хошь, шалый,—пробормоталъ онъ,—хоть къ чорту въ зубы.

И запѣлъ довольно пріятнымъ разбитымъ голосомъ:

Эхъ, у попова тына-а
Повстрѣчалася дывчина-а...
Повстрѣчалася—разсталася...
Другую встрѣчу-у,
И ту привѣчу-у,
Эхъ, повстрѣчалася—разсталася...

Купріянъ ухмыльнулся и мотнулъ головой.

Васька подмигнулъ ему и еще удалѣй запѣлъ:

Повстрѣчалася—разсталася-я!..

— Вотъ какъ, братъ!—ухнулъ онъ.

Купріянъ опять насупился.

— Эхъ, гармоники нѣтъ! — щелкнулъ пальцами Васька, — нашему брату-фабричному безъ гармоники смерть! Я бъ, кажись, и помиралъ—на гармоникѣ вѣчную память игралъ!

Васька засмѣялся своей остротѣ.

— Складно,—одобрилъ Купріянъ.

За стѣной послышались тяжелые шаги. Вошелъ старикъ Гулявый, какъ и прежде, онъ сначала подождалъ, пока глаза освоятся съ темнотой.

— Водку принесъ?—спросилъ Васька.

— Не,—сумрачно отвѣтилъ Гунявый и почесалъ волосатую грудь.

— Что такъ?

Гунявый помолчалъ.

— Вы вотъ что, — заговорилъ онъ, — валите пока что къ лѣсу... Сейчасъ писарь пріѣхалъ. Сказываютъ, урядникъ нонче пріѣдетъ, а завтра становой съ исправникомъ; облава на васъ будетъ...

— Вотъ такъ фунтъ!—поблѣднѣлъ Васька.

Купріянъ нахмурился и всталъ.

— Тэкъ-съ, — сказалъ онъ. — Слушай, дѣдъ, мы, значитъ, сейчасъ къ лѣсу черезъ село. Ежели кто увидитъ, скажемъ, что отъ облавы идемъ. Писарь, чай, увидитъ. Ну, облаву утромъ въ лѣсъ, а мы вечеркомъ изъ лѣсу сюда... пусть ищутъ.

— Ладно,—усмѣхнулся себѣ въ усы Гунявый.

Васька посмотрѣлъ на Купріяна, почесалъ затылокъ и замялся.

— Ты что?—спросилъ Купріянъ.

— Да, я ничего,—смущенно возразилъ Васька.

Ну...

— Я лучше задами пройду,—пробормоталъ онъ.

Купріянъ подумалъ.

— Ну, и чортъ съ тобой! Оно и лучше...

Гунявый презрительно крякнулъ.

Купріянъ порылся подъ стрѣхой и вытащилъ одностволку съ длиннымъ порыжѣвшимъ дуломъ.

— Заряжена?—спросилъ онъ Гунявого.

— Не,—отвѣтилъ старикъ.

Купріянъ порылся еще, досталъ рожокъ съ порохомъ и сталъ заряжать ружье тщательно и медленно. Гунявый и Васька молча смотрѣли на его работу.

Кончивъ, Купріянъ всталъ, вскинулъ ружье на плечо и тряхнулъ волосами.

Такъ-то лучше,—сказалъ онъ.

— Итти, что ль?—спросилъ Васька.

— Валяй. Около болота встрѣтимся.

Они вышли.

Былъ уже день, но сѣрый и блѣдный. Дождь пересталъ, но тучи шли низко и тяжело.

Васька пошелъ вдоль огорода, оглядываясь по сторонамъ. Купріянъ съ Гунявымъ прошли черезъ дворъ, и Купріянъ вышелъ на улицу.

— Ты того...—сказалъ старикъ, стоя въ калиткѣ.

— Что?

— Егора опасайся... Ему ужъ доложено...

— Кто?—хмуро спросилъ Купріянъ.

— Палашка, чай, солдатка... ея дѣло. Такъ ты, говорю, опасайся...

Купріянъ почесалъ затылокъ.

— А ну его къ чертямъ въ болото! Не дюже испугался,—сказалъ онъ и пошелъ вдоль улицы.

Гунявый долго смотрѣлъ ему вслѣдъ своими маленькими острыми глазками изъ-подъ сѣдыхъ нависшихъ бровей. Потомъ вздохнулъ, почесалъ грудь и пошелъ къ сараю, гдѣ сбивалъ бочку.

Купріянъ шелъ посвистывая и думалъ, что надо сдѣлать такъ, чтобы его замѣтили въ волостномъ правленіи. Когда онъ вышелъ на площадь и пошелъ мимо волости, навстрѣчу ему попался столяръ Семенъ, слегка выпившій молодой мужикъ.

— А, Купріянъ Васильевичъ, наше вамъ! — сказалъ онъ, весело скаля зубы.

— Здорово,—отвѣтилъ Купріянъ и остановился.

— За чьими лошадками пожаловали? — спросилъ Семенъ.

— Твоей не возьму—насмѣшливо возразилъ Купріянъ.

У Семена, пьяницы и пустого, лѣниваго мужика, была самая плохая и старая на селѣ лошадь.

Семенъ засмѣялся.

— Ну, и то ладно! —сказалъ онъ. — Ты бы у старшины посмотрѣлъ: ха-арошую тройку купилъ!

— Поглядимъ,—хладнокровно проговорилъ Купріянъ и пошелъ дальше, замѣтивъ движеніе въ окнахъ волостного правленія.

Попадавшіеся ему навстрѣчу мужики угрюмо отворачивались и что-то бурчали. Купріянъ поглядывалъ на нихъ съ усмѣшкой и скоро вышелъ въ поле.

VIII.

Тройка земскихъ круглыхъ и сытыхъ лошадокъ выѣхала изъ лѣсу отъ станціи и, вспользши на гору, бойко покатила къ Дерновому.

На козлахъ сидѣлъ ямщикъ, парень лѣтъ девятнадцати, съ совершенно круглой рожей, веселый, курносый, съ большими, толстыми губами. Въ бричкѣ помѣстились старшина Головченко и урядникъ, коренастый пожилой человѣкъ, съ большой бородой и въ порыжѣвшей полицейской формѣ, съ шашкой черезъ плечо.

Старшина изрядно выпилъ на станціи, а потому былъ веселъ и умильно поглядывалъ вокругъ; носъ у него покраснѣлъ и глаза замаслились; онъ былъ въ разговорчивомъ настроеніи, какъ всегда, когда былъ пьянъ. Урядникъ тоже былъ подъ хмелькомъ, но держался съ достоинствомъ.

Таратайка подпрыгивала по ухабамъ, лошади помахивали подвязанными хвостами. Ямщикъ посвистывалъ, помахивая локтями, и поглядывалъ по сторонамъ.

— Вотъ, изволите видѣть, Максимъ Ивановичъ, — говорилъ урядникъ, когда тройка выѣхала на гору, — какія требованія предъявляетъ намъ начальство. Взять и словить конокрадовъ!.. А какъ ихъ словить, когда я на пятьдесятъ верстъ одинъ чинъ полиціи...

— Словимъ,—увѣренно возразилъ старшина.

— Да, какъ же, дожидайтесь!

— Отчего не словить? Словить можно...

— Чорта мы словимъ, когда я не знаю, какъ и за дѣло взяться-то,—сумрачно отозвался урядникъ,—я вѣдь, собственно, больше по торговой части имѣю способности, а не конокрадовъ ловить. Какъ ихъ ловить? На всю округу первые разбойники... Кого будетъ разспрашивать, ежели...

— Кого? А прохожихъ!

Старшина сказалъ это совершенно случайно, просто потому, что впереди на дорогѣ, мимо Дерновскихъ мельницъ, уныло торчавшихъ на косогорѣ, шелъ человѣкъ съ ружьемъ.

— А, это Иванъ Семенычъ идетъ, — замѣтилъ урядникъ.

Старшина сталъ всматриваться.

— Учитель, дяденька, — звонко подтвердилъ ямщикъ.

Дерновскій учитель Иванъ Семеновичъ, страстный охотникъ, одѣвался по-русски.

— Онъ самый,—согласился старшина.

Тройка, позвякивая бубенчиками, катила дальше, догоняя прохожаго, а урядникъ возвратился къ интересующему его вопросу:

— Опять же, какъ его словить? Облаву нужно, а какая облава, ежели всѣ мужики, коли Купріяну не пріятели, такъ боятся его хуже чорта.

— Да, ужъ это такъ, — подтвердилъ старшина, — кому охота съ нимъ связываться: ему, бродягѣ, ничего, а коли ежели онъ краснаго пѣтуха...

— Ну, вотъ, — съ досадой крикнулъ урядникъ, — лови его, ежели самъ старшина отъ него на утекъ—первый...

Старшина обидѣлся.

— Ну, это дѣло оченно темное: кто изъ насъ на утекъ, значитъ.

Урядникъ спохватился, что обидѣлъ старшину.

— Нѣтъ, я не то, что... а конечно... Вотъ эти олухи, чай, всѣ прыснутъ во всѣ стороны!—ткнулъ онъ пальцемъ въ спину ямщика.

Тотъ обернулъ къ урядику свое курносое круглое лицо и, скаля зубы, сказалъ:

— Чаво? Не...

— Убѣжишь, ежели Купріянъ, примѣрно, встрѣтится?—пошутилъ старшина.

Ямщикъ еще больше осклабился и тряхнулъ волосами.

— Я нѣтъ... чаво?

— А ежели онъ изъ ружья?

— Ну, что жъ... это—ничаво!

Въ это время старшина снялъ шапку и замахалъ ею по воздуху, крича:

— Иванъ Семеновичъ, наше вамъ!

Прохожій, не поворачиваясь, приподнялъ шапку.

— Вы откелева?—спросилъ старшина.

Прохожій неопредѣленно махнулъ рукой.

— Въ лѣсъ, чай, ходили? Охотиться изволите все?—спросилъ въ свою очередь урядникъ.

Ямщикъ весело осклабился; почесалъ затылокъ и повернулся къ старшинѣ:

— Дяденька, этта Купріянъ.

— Чаво?—спросилъ, не разслышавъ, старшина.

— Купріянъ этта,—весело повторилъ ямщикъ.

Тройка уже обогнала прохожаго.

— Что ты врешь...—началъ было старшина.

Урядникъ поблѣднѣлъ.

— Револь... вертъ... тутъ... — заплетающимся языкомъ забормоталъ онъ, шаря рукой подъ сидѣньемъ.

Старшина сразу протрезвѣлъ.

— Гони ты,—толкнулъ онъ ямщика.

Ямщикъ удивился и, придержалъ лошадей, весело спросилъ:

— А ловить не будете?

Урядникъ спохватился.

— Позвольте, Максимъ Ивановичъ... это ежели... того... Купріянъ, то... Можетъ, не онъ?

— Енъ самый, — увѣренно возразилъ ямщикъ и, поворачиваясь назадъ, крикнулъ:

— Купріянъ, а, Купря!..

— Чего тебѣ?—спросилъ Купріянъ.

Онъ давно уже замѣтилъ ѣдущихъ старшину и урядника и сначала хотѣлъ было спрятаться, но потомъ что-то нашло на него, и ему захотѣлось покуражиться. Онъ только повернулъ и пошелъ опять къ селу.

Ямщикъ осклабился во весь ротъ.

— А мы тебя ищемъ! — сообщилъ онъ, совсѣмъ останавливая лошадей.

— А я васъ! — сказалъ Купріянъ, тоже останавливаясь и протягивая руку за ружьемъ.

— Поди сюда!—крикнулъ ямщикъ.

Купріянъ тихо снялъ ружье, приложился и выстрѣлилъ.

— Н-на!—весело и злобно крикнулъ онъ.

Выстрѣлъ гулко раскатился по косогору, дробясь между мельницъ и вспугнувъ стаю галокъ, маршировавшихъ по дорогѣ. Лошади испуганно дернули, и ямщикъ вверхъ ногами слетѣлъ въ бричку.

— Караулъ, ратуйте!—завопилъ старшина.

Урядникъ дрожащими руками схватилъ вожжи и, замахиваясь на лошадей ножнами шашки, погналъ ихъ подъ гору.

Бричка запрыгала, затрещала по всѣмъ швамъ и со звономъ понеслась внизъ.

А Купріянъ повернулъ прочь и побѣжалъ отъ дороги къ лѣсу, глубоко увязая въ размокшей землѣ и шлепая ногами по лужамъ.

Тройка съ трескомъ и звономъ влетѣла въ околицу, понеслась по селу и остановилась, храпя и шатаясь, противъ волостного правленія. Старшина и урядникъ тяжело вывалились изъ брички. Старшина былъ безъ шапки.

— Вотъ такъ исторія! — хлопая себя по колѣнамъ, сказалъ онъ, еле переводя духъ.

— Упустили Купріяна! — почесалъ затылокъ ямщикъ, невозмутимо взбираясь на козлы.

— Ну, ты... молчи у меня! — замахнулся на него урядникъ.

Ямщикъ испугался.

— Я што? Я ничаво... А только какъ онъ стрѣльнулъ! — съ восторгомъ вспомнилъ парень и даже зажмурился отъ удовольствія.

— Стрѣльнулъ! А если бы тебѣ въ башку? — укоризненно замѣтилъ старшина.

— Ну что жъ? Это ничаво, — равнодушно отвѣтилъ ямщикъ.

— А вы что же, Иванъ Филипповичъ, не стрѣляли?— спросилъ старшина.

Урядникъ сконфузился.

— Да чортъ его знаетъ... Револьверта никакъ найти не могъ, а тутъ лошади... ну, и того...

Изъ волости выбѣжалъ писарь Исаевъ и писарьчуки.

— Кто стрѣлялъ? — спросилъ писарь съ любопытствомъ.

— Купріянъ, — отвѣтилъ съ козелъ ямщикъ,—ловко стрѣльнулъ: трошки по головѣ не задѣло! — осклабился онъ.

— Врешь!

— Да, точно, — подтвердилъ урядникъ, — пойдемте, я вамъ разскажу, а то тутъ не того...

Власти ушли въ волостное правленіе.

— Я такъ и думалъ, что онъ, — сказалъ писарь, когда урядникъ разсказалъ происшествіе. — Онъ тутъ мимо волостного съ ружьемъ прошелъ... только что...

— Что же вы не держали? — спросилъ урядникъ.

Толстый писарь присвистнулъ.

— А вы почему не держали? — не безъ ехидства спросилъ онъ въ свою очередь.

— Да... знаете...

— То-то и знаете, Иванъ Филипповичъ... А я такъ полагаю, что господину исправнику о семъ случаѣ докладывать не слѣдуетъ.

— Ну, конечно... зачѣмъ же? — согласился урядникъ.

— Да ямщику накажите, чтобы не болталъ.

Ямщика позвали и приказали ему держать языкъ за зубами.

Ямщикъ вышелъ, взмостился на сидѣніе брички и, тихо позвякивая бубенчиками, тронулъ тройку на почтовый дворъ.

— Эхъ! — встряхивалъ онъ по временамъ головой.

Купріянъ тѣмъ временемъ по оврагу добрался до болота, гдѣ уже сидѣлъ Васька.

Купріянъ запыхался и усталъ, но былъ очень доволенъ, что напугалъ начальство.

— Ты стрѣлялъ?—спросилъ Васька.

— Я... старшину чуть не подстрѣлилъ...

— Врешь!

— Ей-Богу!

И Купріянъ разсказалъ, какъ было дѣло.

— Вотъ такъ ловко! — восхитился Васька. — Знай нашихъ!

— Ладно,—насупился Купріянъ, вспомнивъ утреннюю трусость Васьки.

Васька умолкъ.

— Жрать нечего?—спросилъ Купріянъ.

— Хлѣбъ есть,—отвѣтилъ Васька.

Они поѣли и легли на кучѣ мокрыхъ вялыхъ листьевъ.

Опять пошелъ дождь. Небо спустилось еще ниже, и вѣтеръ сталъ задувать, качая вокругъ черныя рогатыя вѣтки.

Уже вечеромъ Купріянъ и Васька прошли задами въ Дерновое. Васька пошелъ къ Гунявому, а Купріянъ пробрался по огородамъ къ избѣ Егора Шибаева.

IX.

Вечеръ былъ темный, вѣтренный и тоскливый.

Купріянъ тихо посвистывалъ и поглядывалъ вверхъ, черезъ огородъ, по рыжимъ пустымъ грядкамъ котораго вилась протоптанная дорожка до воротъ со двора. Отсюда Купріяну была видна крыша избы, темный берестъ надъ нею. Въ щелку плетня мелькалъ огонекъ изъ окна, и то исчезалъ, то появлялся опять. Кто-то двигался по избѣ.

«Ужинать собираютъ», сообразилъ Купріянъ, и тоскливое чувство безпріютности и одиночества скользнуло у него въ груди.

Ему вдругъ особенно стало обидно, что онъ долженъ ждать Матрену на огородѣ, на вѣтру, на дождѣ, а Егоръ Шибаевъ сидитъ на лавкѣ, спокойно ждетъ ужина и во всякое время можетъ сдѣлать съ бабой, что пожелаетъ. Ревность все сильнѣе овладѣвала душой Купріяна. Ему ясно представлялось, съ какимъ покорнымъ лицомъ Матрена смотритъ теперь на мужа, готовая безпрекословно подчиниться ему и для побоевъ и для ласки. И Купріяну дальше стало уже думаться, что она вовсе не такъ боится Егора, а, можетъ, и сама не прочь развязаться съ нимъ, Купріяномъ, и опять полюбить мужа, благо тотъ здоровый, красивый, да еще и унтеръ, солдатъ, что всѣмъ бабамъ нравится.

Удушливый спазмъ схватилъ Купріяна за горло.

Лицо у него искривилось въ злую и неестественную усмѣшку. Купріянъ широко разставилъ ноги, уперся спиной въ холодный стволъ осины и, чувствуя, какъ

мурашки пробѣгаютъ у него по спинѣ, закрывъ глаза, и, самъ того не замѣчая, громко произнесъ:

— Извѣстно—баба... имъ все одно!..

Вѣтеръ шумѣлъ въ верхушкахъ осины, и онѣ все больше темнѣли. Дальнія совсѣмъ слились въ одну темную качающуюся массу. Огонекъ въ избѣ сталъ ярче, блисталъ въ щель плетня какъ звѣздочка и пересталъ мигать.

«Сѣли», подумалъ Купріянъ.

Ноги у него ныли, плечи сильно зябли, и весь онъ сталъ дрожать крупной дрожью при каждомъ порывѣ вѣтра. Но онъ все стоялъ и не сводилъ съ огонька широко раскрытыхъ глазъ. Отъ этого глаза у него стали слезиться и огонекъ двоиться, вытягиваться и пускать острыя золотыя стрѣлочки.

Вдругъ онъ потухъ.

Купріянъ вздрогнулъ.

«Легли,—подумалъ онъ.—Сейчасъ выйдетъ... Анютка сказала, какъ тотъ чортъ угомонится...».

Съ этимъ послѣднимъ словомъ передъ Купріяномъ мелькнула отвратительная картина.

«Онъ, жеребецъ-то, въ солдатахъ сколько времени былъ... ему лестно! А ей все одно!» подумалъ Купріянъ и повелъ плечами, точно они у него заныли.

Чувство ревнивой, холодной злобы двинулось въ немъ и прилило къ головѣ, такъ что на секунду у него потемнѣло въ глазахъ.

И вмѣстѣ съ ревностью и злобой къ Егору Шибаеву въ душѣ у него стала шевелиться и глубокая ненависть къ Матренѣ, которая уже не казалась ему несчастной.

Купріянъ снялъ шапку и опять надѣлъ, все не мигая, глядя на темную теперь избу. Стемнѣло уже настолько, что ибза, плетень и берестъ слились въ одну непроницаемую темную массу.

Вдругъ что-то смутно забѣлѣло въ темнотѣ на дорожкѣ, мелькнуло и точно растаяло.

У Купріяна стукнуло въ сердцѣ, и онъ весь вытянулся впередъ. Всѣ чувства сразу вылетѣли у него изъ головы, и тамъ осталось одно ощущеніе не то радостнаго, не то пугливаго ожиданія.

Бѣлое пятно замаячило ближе и яснѣе и быстро вытянулось въ длинный и тонкій силуэтъ женской фигуры, закутанной съ головой въ большой платокъ.

Матрена, торопливо и не оглядываясь, шла по дорожкѣ, Купріянъ выдвинулся ей навстрѣчу.

— Ты?—спросила она такъ тихо, что Купріянъ еле разслышалъ.

— Я... кому жъ еще?.. — сорвавшимся голосомъ отвѣтилъ Купріянъ.

На ней былъ большой платокъ, который она у подбородка поддерживала спрятанными руками такъ, что видны были только брови и большіе боязливые глаза.

Оба молчали.

Оба чувствовали странную неловкость отъ того, что между ними легло появленіе Егора, Купріянъ притворно равнодушно посвистывалъ, глядя по сторонамъ и заложивъ руки въ карманы; а она въ нерѣшимости неподвижно стояла противъ него и глядѣла изъ-подъ платка пытливо и печально.

«Ишь, теперь совсѣмъ... не то...», мелькало въ головѣ Купріяна.

А Матренѣ было больно и обидна была ей такая встрѣча, потому что ничѣмъ противъ любовника она себя виноватой не считала.

— Ну что жъ... здравствуйте, Купріянъ Васильевичъ,— тихо выговорила она наконецъ.

— Здравствуйте...—пробормоталъ Купріянъ.

Матрена помолчала. Потомъ пріоткрыла лицо и виновато улыбнулась.

— Что жъ такъ?—сказала она.

Купріянъ посмотрѣлъ на нее, отчаянно тряхнулъ волосами и обхватилъ ее обѣими руками. Она выпростала свои руки изъ-подъ платка и обняла его. На ней, кромѣ юбки, была одна рубаха, и отъ голой груди ея пахнуло на Купріяна горячимъ и влажнымъ воздухомъ.

Нѣсколько минутъ они стояли такъ молча и тяжело дыша.

По небу гнались разорванныя облака съ чуть видными просвѣтами. Вѣтеръ подхватывалъ порывами и приносилъ съ болота долгій стонущій звукъ сухого тростника и звенящіе всплески воды.

— Сядемъ, Купря, — дрожащимъ голосомъ прошептала Матрена.

Недалеко отъ осины уныло чернѣло полуразвалившаяся копна мокраго сѣна. Они прошли туда, путаясь ногами одинъ за другого, и опустились въ прѣлую траву. Вѣтеръ шумѣлъ и шумѣлъ.

— Мнѣ пора, Купря, — шепнула Матрена, спустя полчаса.

— Чего тамъ...

— Хватится... боюсь...

Купріянъ сразу остылъ и опять у него, какъ давеча, потемнѣло въ глазахъ.

— Ну, и иди... — рѣзко сказалъ онъ, отодвигаясь отъ нея.

Матрена посмотрѣла на него и не шевелилась.

— Серчаешь?—спросила она.

— Ну, что тамъ серчать... извѣстно — мужъ, — закусивъ губу, пробормоталъ Купріянъ.

— Да развѣ я...

— Да знаемъ мы! — грубо, и самъ не зная что и почему говоритъ, сказалъ Купріянъ.

— Что знаешь? — спросила Матрена, и въ голосѣ у нея послышались слезы и обида.

Купріянъ промолчалъ и глядѣлъ въ сторону.

— Ну, что жъ ты молчишь, Купря? А? Купря...

— Да... пойди ты къ чорту! — прорвался Купріянъ и всталъ.

Матрена тоже встала и, завернувшись въ платокъ, смотрѣла на него.

Вѣтеръ шумѣлъ.

— За что же ты?—спросила она.

Купріяну хотѣлось сказать что-нибудь злое и обидное, но онъ не зналъ что, и молчалъ.

Матрена тихо протянула изъ-подъ платка руку и взяла его за рукавъ.

Купріянъ грубо вырвался.

— Да ну тебя!.. Всѣ вы... — онъ грубо и скверно выругался.

И тотчасъ ему жаль стало Матрену, и зло взяло на себя.

Матрена опустила руку и заплакала.

— Развѣ же я... волей—спросила она.

Купріяну было скверно, тяжело и стыдно, но ревность заглушала въ немъ всѣ чувства, и потому онъ грубо, зная, что говоритъ неправду, сказалъ:

— Не хотѣла бы, такъ не пошла бъ.

Матрена сквозь слезы съ недоумѣніемъ посмотрѣла на него.

— Какъ же?..

— Да такъ, — упрямо отвѣчалъ Купріянъ, — нечего тутъ... иди!..

— Онъ же мужъ мнѣ, Купря, а развѣ я...

— Пошла, убирайся! — злобно крикнулъ Купріянъ и поднялъ руку съ сжатымъ кулакомъ.

Матрена пугливо посторнилась и вся сразу съежилась, ставъ меньше и тоньше.

— Не бей...—испуганно проговорила она.

Купріяну хотѣлось ее ударить, чтобы дать выходъ жгучему чувству ревности, душившему его.

— Иди... — хрипло проговорилъ онъ, подвигаясь къ ней.

Матрена инстинктивно подняла локоть въ уровень съ лицомъ, но отъ этого движенія Купріяна точно прорвало.

— Паскуда! — прохрипѣлъ онъ и толкнулъ ее.

Матрена коротко и жалобно охнула и пошатнулась. Платокъ слетѣлъ у нея съ головы, и длинныя космы волосъ, мигомъ подхваченныя вѣтромъ, упали ей поперекъ лица.

— Грѣхъ вамъ, Купріянъ Васильевичъ, — сказала она, подымая платокъ, — я вамъ... всегда... а тому я не причинна.

И она опять заплакала.

Купріяну стало мучительно стыдно и жалко ее.

— Что тамъ...—пробормоталъ онъ.

Матрена перестала плакать и утерла глаза уголкомъ платка.

— Купря...—умоляюще позвала она.

Но Купріянъ опять вспомнилъ, что все все равно кончено и Егору она не сегодня-завтра должна быть женой, и онъ опять почувствовалъ приливъ ревнивой злобы и безнадежнаго чувства.

— Чего — Купря?.. Ступай къ своему жеребцу!..

— Куп...

— Ступай, ступай, — стиснувъ зубы, проговорилъ Купріянъ и съ новымъ приливомъ злобы схватилъ ее за тонкія, худыя плечи, прикрытыя однимъ платкомъ, грубо повернулъ ее и толкнулъ...

Матрена чуть не упала, заплакала и пошла по дорожкѣ.

Купріянъ мрачно смотрѣлъ ей вслѣдъ.

Она остановилась. Купріянъ молчалъ.

— Купріянъ Васильевичъ!—позвала она.

Купріянъ не отвѣчалъ и все блѣднѣлъ.

— Купря!—громче сказала она.

Купріянъ не шевелился.

Она постояла еще. За вѣтромъ не слышно было, звала ли она его опять. Потомъ она пошла вверхъ тихо и нерѣшительно, и ея силуэтъ сталъ сливаться съ темнотой.

— Мотря! — не выдержалъ Купріянъ.

Но она не слышала и исчезла, точно растаяла въ туманѣ.

Вѣтеръ шумѣлъ осинами, и яснѣе былъ слышенъ стонъ тростника и всхлипыванія воды. По небу быстро неслись тучи уже сплошной массой, и первыя капли дождя тяжело шлепнулись на мокрыя грядки.

Купріянъ стоялъ, разставивъ ноги, глубоко засунувъ руки въ карманъ, и все глядѣлъ на темный силуэтъ избы, забора и качающагося по вѣтру береста. Во дворѣ залаяла собака и замолчала. Дождь все усиливался, и тьма вокругъ сгущалась все больше. Дальнія деревья вдругъ сразу утонули въ темнотѣ за пологомъ хлынувшаго дождя. Только ближняя осина была видна, тоскливая и ощипанная, отчаянно мотавшая по вѣтру своими корявыми обломками-вѣтками.

Купріянъ встряхнулся, съ безнадежной тоской посмотрѣлъ еще разъ назадъ и пошелъ по огородамъ, увязая въ грязи.

X.

Въ окнѣ избы Өедора Гуняваго чуть-чуть мерещился свѣтъ сквозь какія-то тряпки, навѣшанныя на окно.

Купріянъ постучалъ.

Въ избѣ кто-то зашевелился, тѣнь промелькнула въ окнѣ, и послышался стукъ открываемой двери.

— Кто тамъ?—спросилъ изъ сѣней Гунявый.

— Свой, — отвѣтилъ Купріянъ,—отворяй.

— Сичасъ.

Запоръ взвизгнулъ, и дверь осѣла назадъ на неровныхъ петляхъ. Купріяна обдало запахомъ прѣлой соломы, куринаго помета и дыма. Куры зашевелились и захлопали гдѣ-то въ темнотѣ. Пѣтухъ сонно и протяжно икнулъ.

Купріянъ прошелъ въ избу. Гунявый, почесывая грудь, посмотрѣлъ на небо, затворилъ дверь, пошелъ за нимъ, зѣвая и крестя ротъ.

— А-ахъ, Господи, Боже мой... Что поздно?

Васька, спавшій на лавкѣ подъ кожухомъ, тревожно поднялъ всклокоченную голову, но, разсмотрѣвъ Купріяна, опять опустилъ ее на кожухъ.

Купріянъ, не спѣша, снялъ картузъ, сапоги и сѣлъ на лавку.

Гунявый тоже присѣлъ у иконъ. Въ однихъ пестрядинныхъ штанахъ, босой, въ сѣрой толстой рубахѣ, съ развязаннымъ воротомъ, сквозь который виднѣлась темная волосатая грудь, онъ казался еще длиннѣе и тоще. Онъ почесалъ себѣ грудь и спину, кашлянулъ и понурился.

Васька глядѣлъ изъ-подъ кожуха.

Въ избѣ было темно, грязно и душно. На полатяхъ и на полу подъ кожухами и рогожами спали дѣти Гунявого, на всѣ лады посвистывая носами. Тараканы бѣгали по стѣнамъ, и тѣни ихъ бѣгали за ними. За печкой однообразно свирѣстѣлъ сверчокъ, и слышно было, какъ вѣтеръ рвалъ мокрую солому съ крыши.

Купріянъ сидѣлъ молча.

— Можетъ, ѣсть хочешь?—спросилъ Гунявый.

Купріянъ нехотя качнулъ головой.

— Не...

Гунявый почесалъ грудь корявыми пальцами, подумалъ и нахмурилъ свои нависшія брови.

— Видѣлъ Матрену-то? — пытливо спросилъ Васька, приподнявъ голову.

— Видѣлъ.

— Что жъ?

— Ничего,—неохотно отвѣтилъ Купріянъ.

— Что такъ?—глухо сквозь усы спросилъ Гунявый.

— Да что...

Купріянъ махнулъ рукой.

— Дѣло ея, бабы-то, плохое! — проговорилъ Гунявый и вздохнулъ, пожевавъ беззубымъ ртомъ.

— Да ужъ, конечно... не медъ!—отозвался Васька.

Купріянъ промолчалъ.

— Эхъ, Купря... Богъ-то видитъ, — пробормоталъ Гунявый.

Купріянъ взглянулъ на него и потупился.

— Я что жъ...

Васька усмѣхнулся пренебрежительно.

— Что онъ ее силкомъ, что ли, тащилъ? Сама шла...

Гунявый насупился.

— Тоже, чай, калачомъ манить не пришлось... Сама знала, гдѣ сладко!—засмѣялся Васька.

Гунявый вздохнулъ.

— А все Купрѣ — грѣхъ... Потому баба—что? Баба дура, а онъ того... бабу въ грѣхъ ввелъ... ему и грѣхъ-то!

Купріянъ потупился еще больше.

— Заладилъ: грѣхъ!—презрительно отозвался Васька.—Знаемъ мы.

— Вотъ и не знаешь...

— Лошадей краденыхъ сбывать да конокрадовъ укрывать тоже, чай, грѣхъ?..

Гунявый помолчалъ.

— То особь дѣло,—спокойно возразилъ онъ: — лошадь—животная, а то баба...

— Ну, и баба тоже особь дѣло, — хихикнулъ Васька. — На то они и созданы, значитъ...—У насъ на фаб-

рикѣ, что дѣвчонка ни поступитъ, ужъ я того... Я по этой части ходокъ...

— Эхъ... заводская твоя душа, пропащая! — съ острою укоризною прогудѣлъ сквозь усы Гунявый и, повернувшись къ Купріяну, сказалъ:

— Ты бабу-то брось... Пошалилъ, сатану потѣшилъ, сейчасъ брось! Забьетъ вѣдь Егоръ бабу-то...

— Я что жъ... — съ тоской нерѣшительно пробормоталъ Купріянъ.

— Почто жъ смущаешь бабу? — строго спросилъ Гунявый.

— Да я...

— Испортилъ бабу... солдатку...

Васька захихикалъ.

— Такой ужъ ей предѣлъ положенъ, потому солдатка. Солдаткѣ самъ Богъ велѣлъ...

— Богъ? — величаво и презрительно переспросилъ Гунявый. — Ты-то, заводскій, Бога понимать можешь?

— Ну, чай, и ты не больше моего смыслишь въ Богѣ-то?

— Я-то смыслю. А вы почто бабъ смущаете... Смутьяны прокляты...

Гунявый закашлялся и умолкъ. Потомъ онъ всталъ и, шаркая босыми ногами, полѣзъ на печь.

Все утихло. Сверчокъ верещалъ по стѣнамъ, съ тихимъ шелестомъ проворно бѣгали тараканы.

Купріянъ долго сидѣлъ у стола, свѣсивъ голову и о чемъ-то думая.

— Вась... а, Вась...—позвалъ онъ.

Васька не отвѣчалъ.

— Васька!—громче позвалъ Купріянъ.

— Чего?—сонно отозвался Васька.

— Я того...—смущенно заговорилъ Купріянъ, — говорятъ, господа, ежели мужъ, значитъ, альбо жена...

Купріянъ путался, мучительно подыскивая выраженія.

— Ну?

— Такъ могутъ, значить, разводъ... а тамъ опять жениться на комъ хошь...

— Такъ-то господа!—отозвался Васька.

— А у мужиковъ нельзя?—спросилъ Купріянъ неувѣреннымъ голосомъ.

— Оно, можетъ по закону и можно, только, сказываютъ, очень денегъ много надо.

— Кому?—удивился Купріянъ.

— Кому?.. Попамъ, извѣстно!—усмѣхнулся Васька.

— А много?

— Да ужъ у тебя не найдется. Господа — и тѣ не всѣ могутъ...

— Значитъ, нельзя?—упавшимъ голосомъ спросилъ Купріянъ.

— Извѣстно.

Съ печи послышался хриплый голосъ Гуняваго:

— Еще чего захотѣлъ!

— А по закону жъ можно...

— Такъ-то по закону! — возразилъ Васька, встряхнувъ головой.

Купріянъ посидѣлъ еще, помолчалъ, потомъ тяжело вздохнулъ и сталъ укладываться на лавку.

Тараканы бѣгали, Гунявый кряхтѣлъ на печи, сверчокъ верещалъ испуганно и одообразно.

Воздухъ въ избѣ становился все гуще и тяжелѣе отъ скученныхъ въ тѣснотѣ людей, животныхъ и отъ мокрой одежды.

XI.

Около волостного правленія стояла тройка почтовыхъ лошадей, потряхивая головами и перезванивая бубенчиками.

Пріѣхали исправникъ и становой ловить конокрадовъ,

слухи о безнаказанныхъ похожденіяхъ которыхъ дошли, черезъ посредство газетъ, до губернатора.

Губернаторъ былъ новый и неопытный человѣкъ, а потому дѣло показалось ему въ такой серьезной формѣ, что онъ взволновался и въ тотъ же день далъ предписаніе о немедленной поимкѣ конокрадовъ.

Исправникъ, старый служащій на этой должности, великолѣпно зналъ и раньше о кражахъ лошадей и своевременно принималъ мѣры, т.-е. дѣлалъ соотвѣтсвующія предписанія становымъ, а тѣ препровождали ихъ урядникамъ. Но особенно никто не безпокоился, потому что лошадей крали только крестьянскихъ, и это всѣми считалось за обычное неизбѣжное зло. Уѣздное начальство думало, что всѣ мужики — понемножку конокрады, и потому смотрѣло сквозь пальцы. И теперь оно, въ лицѣ исправника, становыхъ и урядниковъ, безпокоилось больше о точномъ выполненіи губернаторскаго предписанія, чѣмъ о дѣйствительной поимкѣ конокрадовъ.

Исправникъ сидѣлъ въ волостномъ правленіи и толковалъ со становымъ о томъ, какъ бы устроить такъ, чтобы перегнать конокрадовъ въ другой уѣздъ и такимъ образомъ сбыть ихъ съ шеи безъ особыхъ хлопотъ. Рѣшено было начать облаву по дерновскому лѣсу, который примыкалъ къ границѣ уѣзда и въ которомъ, какъ донесъ урядникъ, умолчавшій о встрѣчѣ съ Купріяномъ, видѣли обоихъ конокрадовъ.

— Оцѣпимъ мы лѣсъ съ трехъ сторонъ, да и выжмемъ ихъ въ Спасскій уѣздъ, — рѣшилъ исправникъ.

Въ предписаніи губернатора былъ еще пунктъ объ открытіи, буде возможно, укрывателей, но объ этомъ исправникъ даже не заговаривалъ, потому что зналъ полную невозможность это сдѣлать среди мужиковъ, боявшихся конокрадовъ пуще чорта.

Пока собиралась облава, для которой сгонялись му-

жики не только дерновскіе, но и двухъ сосѣднихъ селъ, Тарасовки и Рябовки, исправникъ отъ нечего дѣлать курилъ папиросу и разговаривалъ о карточной игрѣ со становымъ приставомъ, тучнымъ и рябымъ человѣкомъ съ большими усами.

Толстый писарь Исаевъ, какъ-будто ставшій тоньше, пыхтя и потѣя, терся возлѣ начальства и поминутно выскакивалъ на крыльцо, высматривая облаву. Урядника не было: онъ ускакалъ со старшиной въ Тарасовку за народомъ, хотя это было излишне и могло сдѣлаться безъ его личнаго участія. Но онъ усердствовалъ въ виду присутствія начальства.

Толпа между тѣмъ уже собралась у пожарнаго сарая и глухо шумѣла. Дерновскіе мужики всѣ были въ сборѣ. Были раньше прибывшіе рябовскіе мужики, которые и стояли своей толпой, не смѣшиваясь съ дерновскими.

Несмотря на то, что мужики сдерживались, опасаясь прогнѣвить начальство, стонъ стоялъ въ воздухѣ и прерывался иногда хриплой и крикливой бранью, которая, впрочемъ, сейчасъ же смолкала.

Въ толпѣ царило не то страшное, не то непріятное настроеніе. Хотя всѣ прекрасно понимали, что облава и поимка конокрадовъ необходима и дѣлается для ихъ же пользы, — мужики не сочувствовали этому дѣлу. Съ одной стороны, они боялись краснаго пѣтуха, въ видѣ мести конокрадовъ, а съ другой—не вѣрили въ возможность ихъ поимки.

Тотъ самый столяръ Семенъ, который встрѣтилъ Купріяна и говорилъ съ нимъ, потому что былъ выпивши, а потомъ сидѣлъ, по распоряженію писаря, въ холодной, считалъ своимъ долгомъ вышучивать и облаву и начальство, въ особенности писаря.

— Какъ же, изловишь! — ехидно кричалъ онъ высокимъ и рѣзкимъ голосомъ. — Чорта съ два! И не такіе

ловили, да руки коротки... Нашъ толстопузый-то развѣ изловитъ...

Близъ стоящіе засмѣялись. Но высокій и толстый мужикъ, одинъ изъ богатеевъ села, Ѳедоръ Степановъ, осадилъ Семена:

— Что, пустеха, брешешь, — презрительно сказалъ онъ, стоя бокомъ къ Семену,—народъ смущаешь... Смотри ты...

Семенъ сконфузился.

— Я, что, я ничего, а только, что... чтобы потомъ не плакаться... Поймать не поймаемъ, а только осерчаютъ, да еще подпалятъ... Тогда что? — съ торжествомъ закончилъ онъ, уже наступая на Ѳедора Степанова.

— А что жъ, — презрительно спросилъ Ѳедоръ, — такъ ихъ и оставить? Пусть лошадокъ уводятъ... Такъ, что ли?..

— Семену-то ничего! Онъ не обѣдняетъ,—сказалъ насмѣшливо высокій мужикъ, Касьянъ Рыжій.

Всѣ засмѣялись надъ Семеномъ.

Семенъ обидѣлся и разозлился. Наскакивая на Касьяна Рыжаго, чуть не со слюной у рта, онъ закричалъ:

— Молчалъ бы ужъ лучше... У самого окромя краденой дуги ничего нѣтъ, а тоже...

— Кто кралъ-то, ты видѣлъ? — угрожающе подвинулся къ нему Рыжій.—Какая дуга?

— А то нѣтъ...

— Нѣтъ, ты скажи: видѣлъ? — лѣзъ на него Рыжій.

Семенъ струсилъ, потому что Касьянъ Рыжій былъ вдвое сильнѣе его, а Семенъ вообще былъ мужикъ хотя задорный, но трусливый.

— Отстань... ты...

— Брось, — презрительно посовѣтовалъ Касьяну Ѳедоръ Степановъ,—пустеха, извѣстно...

— Нѣтъ, пусть онъ скажетъ, — не унимался Рыжій,

налѣзая съ кулаками на окончательно струсившаго Семена.

— Брось, говорю!—повторилъ Ѳедоръ.

Но Семенъ, отретировавшись въ толпу, опять сталъ кричать:

— А по-моему такое дѣло: своимъ судомъ, значитъ.

— То-есть, какъ?

— Да такъ... чтобы другимъ не повадно, взять да коломъ... во... по башкѣ!

— И, грѣхъ баешь! — отозвался одинъ изъ мужиковъ, начетчикъ и ханжа, Романикъ Никита, тоненькимъ и испуганнымъ голоскомъ.

— А что на нихъ смотрѣть?

— Пустое говоришь...

Но въ толпѣ заговорили сначала несмѣло, а потомъ все громче и возбужденнѣй тѣ мужики, у которыхъ пропали лошади и которые поэтому были злы на конокрадовъ.

— Нѣтъ... что жъ, онъ дѣло говоритъ... что на нихъ смотрѣть?..

— Въ куль да въ воду, — мрачно сказалъ одинъ изъ чужихъ, тарасовскихъ, мужиковъ, высокій и суровый кузнецъ съ чернымъ корявымъ лицомъ.

— Извѣстно,—загалдѣла толпа:—а то что же это... никакой возможности... раззоръ...

— Ну, что, мужики, толкуете? — мягкимъ и соннымъ голосомъ возражалъ послѣдній пропойца и бѣднякъ въ селѣ, Ѳома Болото, босой, огромный и пьяный мужикъ, съ пухлой и добродушной рожей.

— Такое дѣло выходитъ... Али ждать, покелева всѣхъ лошадей уведутъ? — мрачно спросилъ тарасовскій кузнецъ.

— Зачѣмъ ждать,—добродушно возразилъ пьяненькій Ѳома,—а только бить зачѣмъ? Пущай живутъ...—и онъ махнулъ рукой съ такимъ добрымъ и пьянымъ видомъ, что вокругъ засмѣялись.

За то, чтобы не дѣлать конокрадамъ ничего дурного, помимо облавы, стоялъ еще Никита Романикъ да Мозявый, который слезливо подмаргивалъ подслѣповатыми глазами, но больше молчалъ. Были и еще такіе, что совѣтовали оставить замыселъ покончить съ конокрадами своимъ судомъ, но большинство кричало, что такъ имъ и надо.

— Собакѣ—собачья смерть!

Но никто не упоминалъ о предстоящей облавѣ, потому что никто въ нее не вѣрилъ и смотрѣлъ на нее, какъ на пустое дѣло, затѣянное по прихоти начальства. Между тѣмъ, подошли толпою мужики изъ Тарасовки, и пріѣхалъ старшина съ урядникомъ. Писарь доложилъ исправнику, что облава готова. Исправникъ, не переставая разговаривать съ приставомъ, надѣлъ шинель и шапку; тоже сдѣлалъ и приставъ, и всѣ вмѣстѣ вышли на крыльцо.

Какъ только ихъ увидѣли, шапки одна за другой быстро исчезли и обнажили сотни рыжихъ, черныхъ, сѣдыхъ, плѣшивыхъ, лохматыхъ и иныхъ головъ. Шумъ быстро затихъ, и всѣ съ нѣкоторымъ страхомъ всколыхнулись, надвинулись на волость и стали.

Исправникъ со становымъ сѣли въ бричку, старшина съ урядникомъ въ другую, запряженную парой. Писарь, облачившись въ пальто и большой картузъ на ватѣ, взмостился на бѣговыя дрожки съ его собственной толстой рыжей кобылой, возлѣ которой путался чалый жеребенокъ.

Тройка исправника двинулась, позвякивая колокольчикомъ, за ней тронулись остальныя подводы, а сзади повалила сѣрая масса зипуновъ и лаптей, изрѣдка перемѣшанныхъ огромными сапогами. Многіе изъ мужиковъ такъ и пошли безъ шапокъ.

Вся толпа повалила, какъ стадо, размѣшивая густую грязь, по дорогѣ къ лѣсу.

XII.

Въ деревнѣ остались очень немногіе, а въ томъ числѣ пьяный Ѳома Болото, у котораго умерла въ этотъ день жена, и Мозявый, потихоньку улизнувшій по задамъ домой.

Ѳома, пошатываясь, пошелъ къ попу договариваться о похоронахъ, а Мозявый пробрался, все по задамъ, къ хатѣ Ѳедора Гунявато, который тоже не пошелъ въ облаву и даже не ходилъ на сходку къ волостному правленію.

Онъ сидѣлъ на обрубкѣ дерева, посреди двора, и большимъ топоромъ тесалъ подпорки. Увидавъ Мозяваго, онъ насупилъ свои густыя брови, воткнулъ топоръ въ бревно и всталъ, заложивъ пальцы за тесемочку, которой былъ подпоясанъ.

— Чего ты?—спросилъ онъ непривѣтливо.

Мозявый заморгалъ слезящимися глазками.

— Я того, значитъ...

— Чего?

— Что какъ теперь мужички рѣшили, такъ я упредить, значитъ.

Гунявый насупился еще больше, подозрительно уставился на Мозяваго и еще суровѣе прогудѣлъ:

— Ты насчетъ чего?

— Чтобы, значитъ, Купріяна... Купрю, то-есть, упредить, — пролепеталъ Мозявый, который почему-то боялся Гуняваго и всегда терялся въ его присутствіи.

Гунявый помолчалъ, что-то сообразилъ и сказалъ мягче:

— Мужички, говоришь, рѣшили? Міромъ, что ли?

— Во-во,—обрадовался ободренный Мозявый.

— Насчетъ Купріяна?

— Его самаго... Чтобы, значитъ, ежели начальство не того, такъ чтобы самимъ, значитъ.

Гунявый сталъ серьезенъ, насупился и покачалъ головой.

— Ишь ты, вотъ дѣло какое?.. Такъ... А кто? Не Егоръ?

— Не... Семенъ столяръ, опять же Рыжій и другіе прочіе, которые...

— Такъ, такъ... Упредить надо.

Гунявый помолчалъ, стоя во весь ростъ и заложивъ руки за поясокъ. Мозявый нерѣшительно мялъ шапку и не зналъ, уйти ему или оставаться.

— Ушли ужъ?—спросилъ Гунявый.

— Съ часъ времени будетъ.

— То-то, слышалъ, будто стадо пошло, — насмѣшливо прогудѣлъ Гунявый.

— Идемъ, что ль, — добавилъ онъ и пошелъ, твердо ступая огромными лаптями, въ избу. Мозявый засеменилъ за нимъ, продолжая нещадно мять свою шапку.

Васька и Купріянъ сидѣли въ избѣ на лавкѣ. На столѣ стояла почти полная бутылка водки и вяленая рыба въ деревянной чашкѣ.

Купріянъ былъ скученъ, и лицо у него было убитое, печальное, съ тоскливыми слезами въ расширенныхъ глазахъ.

«Извѣстно, не своей охотой, — думалъ онъ, — а я вонъ что... ей и такъ горько, а тутъ и я разобидѣлъ! И что оно со мной подѣлалось, точно Богъ умъ отнялъ?».

Время отъ времени онъ наливалъ водку въ стаканчикъ толстаго стекла и медленно опрокидывалъ его въ ротъ. И чѣмъ больше онъ пилъ, тѣмъ становился скучнѣе и мрачнѣе.

Васька былъ трезвъ и трусилъ. Онъ не могъ спокойно усидѣть на мѣстѣ, все прислушивался и судорожно потиралъ худыя колѣни.

Гунявый и Мозявый вошли въ избу, перекрестились на иконы. Мозявый остался у дверей, а Ѳедоръ сѣлъ на лавку, подложивъ подъ себя руки.

— Садись, — мотнулъ онъ головой Мозявому.

Мозявый вздохнулъ, поморгалъ глазками и сѣлъ у самыхъ дверей.

— Слышь, Купря, — заговорилъ Гунявый, точно изъ бочки, — вотъ онъ сказывалъ, что вышло міромъ рѣшеніе, чтобы своимъ судомъ...

Васька позеленѣлъ.

— Какъ такъ? — пролепеталъ онъ.

Купріянъ поднялъ голову.

— Врутъ, собаки, — мрачно и медленно проговорилъ онъ, — я имъ не батька дался... руки коротки.

Гунявый покачалъ головой.

— Ну, братъ, у міра руки длинныя, а ты лучше послушай, что я тебѣ скажу: перевали въ тотъ уѣздъ. Будя тутъ, пошалили и будетъ. А то неравно...

Купріянъ разсердился.

— Что неравно? Не имъ, сиволапымъ, на меня руки наложить. Коли ежели что, я имъ такого огонька подпущу, что ну!..

Мозявый испуганно перекрестился.

— Извѣстно, — поддержалъ, пріободрившись, Васька, — ишь расхрабрились, лапотники! У насъ это живо...

— Молчи, шалый, — презрительно оборвалъ Гунявый. — Ты, Купря, какъ знаешь, а мой совѣтъ: уходи отъ грѣха... неравно...—продолжалъ онъ.

Купріянъ махнулъ рукой.

— Тамъ видно будетъ, — сказалъ онъ. — Водки, дядя, хочешь?—спросилъ онъ у Мозяваго.

Мозявый стыдливо усмѣхнулся, осклабляя желтые корешки зубовъ.

— Пей, — сказалъ Купріянъ, — и я выпью... Гуляю, дядя!

Они выпили. Мозявый положилъ шапку подмышку, осторожно сталъ колупать корявыми пальцами сухую рыбу, а Купріянъ выпилъ еще стаканчикъ и захмелѣлъ. Ему хотѣлось пить, чтобы забыть Матрену и утишить чувство ревности и стыда, которое не давало ему покоя.

— А нѣтъ ли, дѣдушка, водки еще?—спросилъ онъ.

— Будетъ тебѣ,—усмѣхнулся Гунявый.

— Гулять хочу... дай водки...

— Нѣту водки и послать некого — всѣ ребята разбѣжались.

Купріянъ помолчалъ, свѣсивъ голову.

— Ну, нѣтъ такъ нѣтъ... Васька, идемъ за водкой...

Мозявый захихикалъ.

— Право, пойдемъ, — настаивалъ Купріянъ, — вотъ и дядя пойдетъ... Пойдешь, дядя?

Мозявый переступалъ съ ноги на ногу.

— Я что жъ.

— Ну, и ладно... Пойдемъ, Васька...

Васька подумалъ, что если не пойти, то, чего добраго, Купріянъ спьяна натворитъ и не такихъ глупостей, а если пойти, то можно будетъ потомъ и уговорить его удрать изъ села. Къ тому же Васька, узнавъ, что облава и начальство ушли, пересталъ трусить и къ нему вернулось все его нахальство.

— Что жъ, пойдемъ,—осклабился онъ.

Ѳедоръ Гунявый покачалъ головой, но ничего не сказалъ.

XIII.

Около винной лавки сидѣло человѣкъ пять мужиковъ, стариковъ, не годившихся въ облаву. Съ ними былъ и Егоръ Шибаевъ, который постоянно теперь торчалъ у «монопольки». Дома ему не сидѣлось, на Матрену онъ не могъ смотрѣть безъ злобы и сожалѣнія о своихъ меч-

тахъ, а видъ маленькаго Ѳедьки приводилъ его въ бѣшенство. Поэтому онъ каждый день за всякій пустякъ билъ жену, а потомъ уходилъ и напивался пьянъ.

Къ облавѣ онъ не примкнулъ, потому что боялся, какъ бы мужики не стали смѣяться надъ нимъ, что онъ, молъ, пошелъ женинаго хахаля ловить.

Теперь онъ, уже достаточно выпивши, разсказывалъ старикамъ про Питеръ.

— Неужели и царя видалъ?—спрашивалъ его лысенькій скорнякъ Битюговъ, очень любопытный и разговорчивый человѣкъ.

— Вотъ какъ тебя, милый человѣкъ! — съ пьяной важностью отвѣчалъ Егоръ Шибаевъ, и только-что хотѣлъ что-то разсказать, какъ къ лавкѣ подошли Купріянъ, Мозявый и Васька.

Купріянъ не зналъ Егора, Шибаевъ не зналъ Купріяна, такъ что они не обратили другъ на друга никакого вниманія.

Зато Васька и Мозявый опѣшили.

«Ишь ты,—подумалъ Васька,—кажись влопались».

Мозявый струсилъ, сталъ моргать глазами и испуганно оглядываться.

Мужики же нисколько не удивились, увидавъ Купріяна: они такъ и думали, что онъ совсѣмъ не тамъ, гдѣ его ловитъ начальство. Но никто изъ нихъ не сказалъ ни слова.

— Старичкамъ почтеніе, — весело сказалъ Васька.

Мужики степенно подняли шапки.

— Водочкой балуетесь? — продолжалъ Васька, соображая, что не надо имъ давать времени сказать что-либо Егору.

— Самъ, чай, видишь, — непривѣтливо отвѣтилъ Егоръ Шибаевъ.—Такъ вотъ, братцы мои, когда стояли мы на караулѣ во дворцѣ...

— Въ самомъ дворцѣ? — изумился Битюговъ, и отъ

восхищенья потеръ ладонью свою лысину, вспотѣвшую отъ выпитой водки.

— Въ самомъ,—важно подтвердилъ Егоръ Шибаевъ.

Мозявый дернулъ Купріяна за рукавъ.

— Купря, а Купря...

— Чего тебѣ?

— Пойдемъ...

Мозявый помялся.

— Егоръ тутъ, — пробормоталъ онъ, трусливо моргая глазками.

Купріянъ поблѣднѣлъ, а потомъ густо покраснѣлъ и впился глазами въ Егора. Губы у него задрожали. Сначала онъ чуть было не бросился на Шибаева и уже сжалъ кулакъ, но потомъ сдержался, криво усмѣхнулся и, переваливаясь, подошелъ къ Егору.

— Здравствуйте, — насмѣшливо сказалъ онъ, — любопытно послушать про дворецъ.

Васька почесалъ затылокъ.

«Ну, будетъ каша!» подумалъ онъ.

Мозявый совсѣмъ струсилъ и собрался дать тягу.

— Садись, слушай, коли не шутишь, — важно отвѣтилъ Купріяну Шибаевъ.

Купріяна всего передергивало. Онъ покусывалъ усы и быстро поглядывалъ по сторонамъ...

— Чего шутить, — сказалъ онъ, садясь такъ близко къ Егору, что тотъ долженъ былъ подвинуться, — мы шутить не умѣемъ, это ваше дѣло шутить, солдатское...

Егоръ Шибаевъ недоумѣло посмотрѣлъ на Купріяна...

— Чего городишь?—строго спросилъ онъ.

— Да я такъ, — поглядывая по сторонамъ, сквозь зубы отвѣтилъ Купріянъ, — говорю, вы, солдаты-то, шутники, а мы сѣрые мужики...

— Да ты пьянъ, что ль?—наахмурившись, замѣтилъ Егоръ Шибаевъ.

— Коли и пьянъ, такъ не на твои деньги, солдатъ!— грубо отвѣтилъ Купріянъ.

Егоръ Шибаевъ посмотрѣлъ на всѣхъ, и по ихъ лицамъ замѣтилъ, что дѣло не спроста. Онъ внимательнѣе приглядѣлся къ Купріяну и вспомнилъ его лицо, хотя и не видѣлъ его много лѣтъ.

Онъ побагровѣлъ, и глаза у него сдѣлались круглые.

— Ты... чего лѣзешь? — пробормоталъ онъ, сжавъ свои огромные кулаки.

Купріянъ быстро исподлобья посмотрѣлъ на него.

— А того...—задорно отвѣтилъ онъ.

Егоръ Шибаевъ помолчалъ, все болѣе багровѣя.

— Ну, миленькіе, оставь... чего тутъ,—вмѣшался Битюговъ, въ смущеніи потирая лысину.

Васька, съ своей стороны, оттеръ плечами Купріяна.

— Ну, ты, солдатъ, не сердись... лопнешь, — нахально замѣтилъ онъ Егору.

Егоръ взглянулъ на него угрюмыми глазами, однимъ толчкомъ отшвырнулъ его въ сторону и съ поднятыми кулаками бросился на Купріяна.

— Стой... стойте, дьяволы!—закричали мужики.

Купріянъ увернулся отъ удара и вдругъ коротко, но страшно сильно размахнувшись, ударилъ Егора по лицу кулакомъ.

— Эхъ!—злобно крякнулъ Васька.

Егоръ Шибаевъ залился кровью, хлынувшей у него изъ носу, споткнулся и сѣлъ на землю, ударившись плечами о стѣну.

— Не лѣзь!—коротко выговорилъ Купріянъ.

Онъ стоялъ, широко разставивъ ноги и тяжело дыша, и злобно смотрѣлъ на Егора.

Егоръ поднялся, шатаясь.

— Ну, постой... — пробормоталъ онъ, утирая пальцами льющуюся изъ носу кровь.

— Вѣдь говорилъ — не лѣзь, солдатъ!—ехидствовалъ Васька со стороны.

Егоръ сжалъ кулаки, но не двинулся съ мѣста.

— Пойдемъ, Купря, вишь онъ ошалѣлъ съ твоего угощенія... пойдемъ!—приставалъ Васька.

— Ну, ты тоже, Чалка, смотри! — пробормоталъ Битюговъ.

— Чего смотрѣть? — злорадно переспросилъ Васька,—что васъ семеро, а насъ двое... ерои! Это, видно, не во дворцѣ стоять...

Егоръ Шибаевъ порывисто двинулся къ нему, но Купріянъ быстро загородилъ ему дорогу. Съ минуту они бѣшено смотрѣли другъ на друга, потомъ Егоръ отодвинулся, грозя кулакомъ.

— Я тебя, разбойникъ, научу... ты у меня... подожди.

— Что?

— Братцы,—тонкимъ голосомъ обратился Егоръ къ мужикамъ,—что жъ вы стоите... а ну-ка его!..

Мужики мялись.

— Дубьемъ бы ихъ,—пробормоталъ Битюговъ .

— Молчи, старый хрычъ, — замѣтилъ Васька, — а то мы за это дубье-то сосновыми щепочками твои сараи подпалимъ...

— Конокрадъ проклятый!..

— Что жъ вы, братцы! — жалобно воскликнулъ Егоръ.

Мужики угрюмо молчали.

— Пойдемъ, Купря,—издѣвался Васька, — больше отъ нихъ ничего не будетъ... одному носъ расквасилъ, и довольно,—всѣ удовлетворились. Пойдемъ!

Купріянъ усмѣхнулся.

— Пойдемъ,—согласился онъ, не спуская глазъ съ Егора.

Они пошли.

— Вотъ ужо будетъ вамъ, разбойники, — крикнулъ имъ вслѣдъ Битюговъ.

— А вамъ ужъ и было!—смѣялся Васька.

Егоръ Шибаевъ погрозилъ имъ кулакомъ.

— Носъ-то утри, солдатъ!—крикнулъ ему Васька.

Они опять вернулись къ Гунявому.

— Надѣлали дѣловъ! — сказалъ Васька, встряхивая волосами.

Гунявый хмуро ихъ выслушалъ, заложивъ руки за поясокъ.

— Такъ, — сказалъ онъ; — вишь что грѣхъ съ человѣкомъ дѣлаетъ!.. Эхъ!.. Были люди, а теперь на...

Купріянъ смутился.

— Что ужъ тутъ...

Гунявый молчалъ.

— Вотъ что, теперь у меня вамъ оставаться нельзя.

— То-то и есть,—сокрушенно вздохнулъ Васька.

— Щей похлебайте, да и айда въ лѣсъ! А то къ вечеру вся облава сюда нагрянетъ. Нажили бѣду...

— И чортъ его дернулъ связаться! — укоризненно проговорилъ Васька.

Они вошли въ избу.

— Анютка тутъ толчется, съ дѣвчонкой моей,—сообшилъ Купріяну Гунявый.

Дѣвочка въ красномъ платкѣ была въ избѣ. Увидѣвъ Купріяна, она подбѣжала къ нему.

— Дяденька Купріянъ, а и что я тебѣ скажу... — звонко заговорила она.

— А что?— — обрадовался Купріянъ и покраснѣлъ.

Дѣвочка поднялась на цыпочки и громко сказала ему на ухо:

— Тетенька Матрена велѣла приттить, безпремѣнно велѣла приттить.

— Когда — неровнымъ голосомъ спросилъ Купріянъ.

— Завтра по вечеру... на огородъ... Безпремѣнно велѣла приттить.

— Ладно, приду...

— Безпремѣнно, — повторила дѣвчонка; — а теперь я пойду...

— Иди.

— Пойду, — и Анютка заскакала изъ избы на одной ножкѣ, а за ней съ крикомъ погналась вся дѣтвора Гунявaго.

Гунявый досталъ изъ печки миску щей и ложки.

— Ѣшьте, да идите съ Богомъ,—сказалъ онъ.

XIV.

Когда Купріянъ и Васька вышли, уже смеркалось.

Облава еще не воротилась, и на улицѣ было пустынно и темно.

На поворотѣ въ сосѣдній проулокъ Купріянъ и Васька налетѣли на какое-то большое и мягкое тѣло, лежавшее поперекъ дороги. Васька едва не упалъ и схватился за заборъ.

— А, чортъ!—выругался онъ.

Потомъ, приглядѣвшись при слабомъ свѣтѣ сумерекъ, ухмыльнулся и сказалъ:

— Ишь, надрызгался.

Купріянъ остановился.

— Кто?

— Ѳома, — весело скаля зубы, объявилъ Васька и зачѣмъ-то принялся тормошить пьянаго.

— Брось,—сказалъ Купріянъ.

Пьяный захрипѣлъ и забормоталъ.

— Мы съ нимъ кумовья, — весело пояснилъ Васька и, схвативъ пьянаго за плечо, крикнулъ:

— Кумъ, чортъ, вставай! Шапку потерялъ!..

Пьяный заворочился.

— Вре...—пробормоталъ онъ.

— Смѣшной мужикъ,—замоталъ головой Васька.— Пра, потерялъ... вставай!

Пьяный помолчалъ, соображая.

— И то... встану,—прохрипѣлъ онъ.

Ѳома поднялся на руки, потомъ всталъ на колѣни, покачнулся и съ размаху сѣлъ опять. Васька залился радостнымъ смѣхомъ. Ѳома посмотрѣлъ на него тупо и глупо, потомъ улыбнулся и весело прохрипѣлъ:

— Баба померла!

— Чего?—спросилъ Васька съ недоумѣніемъ.

Ѳома, придерживаясь за заборъ, поднялся на ноги, въ порткахъ и оборванной ситцевой рубахѣ, громадный, всклокоченый и босой, и, покачиваясь во всѣ стороны, повторилъ:

— Баба померла.

— Твоя, что ль?—спросилъ Купріянъ.

Ѳома засмѣялся.

— Не чужая... Двадцать годовъ жили... Померла.

Всѣ трое замолчали. Васька поглядѣлъ на блѣдное небо, нерѣшительно улыбнулся и посмотрѣлъ на Купріяна.

— Чего померла?—спросилъ Купріянъ.

Ѳома покачнулся, икнулъ и махнулъ рукой.

— Смерть пришла... нутро сожгло!..

— Такъ. А ты чего жъ надрызгался?

Ѳома вдругъ всхлипнулъ и покачнулся такъ сильно, что ухватился за Купріяна.

— Я, братяга, пьянъ... это ты... того... пьянъ! Потому, какъ померла... одинъ я, братъ, таперича!

Ѳома тряхнулъ головой съ неестественно ухарскимъ видомъ.

— Померла... ну, я и выпилъ... ты пойми... одинъ, какъ палецъ, ну и...

Ѳома жалостно улыбнулся, ласково глядя Купріяну въ глаза и сказалъ:

— Чижало!

Купріянъ подумалъ.

— Дохтура отчего не позвалъ?

Ѳома тяжело махнулъ рукой.

— Я звалъ, фершалъ былъ... Да развѣ супротивъ Бога!.. Купря, другъ, поднеси,—неожиданно присовокупилъ онъ.

— И такъ хорошъ!—отозвался Васька.

— Будетъ, — строго сказалъ Купріянъ и добавилъ, —когда померла?

— Вчерась.

— Похоронилъ?

— Н-е, попъ не велѣлъ...

— Почему?

Ѳома сдѣлалъ усиліе, чтобы сообразить.

— А того... Я ему говорю: померла... А онъ, батька то-есть, мнѣ: подожди!

Купріянъ удивился.

— Что ты мелешь, пьяная башка!

— Чего мелю? Ничего не мелю... Попу въ городъ на ярмарку ѣхать, а тутъ я... то-есть старуха! Подожди, говоритъ, пріѣду—тогда.

Васька захихикалъ:

— Ловко! Ай да попъ!.. Подожди... Вышла отъ попа рызолюція, чтобъ не помирала баба, пока попъ съ ярмарки не пріѣдетъ... Ловко!

Купріянъ нахмурился.

— А ты что жъ?

— Я? Я ничаво... что жъ я? Попъ—извѣстно, а я сѣрый мужикъ, ну... А потомъ въ избѣ жуть беретъ, ну, я и того... — Ѳома выразительно икнулъ. — А между прочимъ духъ отъ нее... чижало...

Купріянъ сумрачно помолчалъ.

— Ну, прощай, кумъ!—сказалъ Васька.

— Ну, и прощай, коли такъ!.. — добродушно отвѣтилъ Ѳома, покачиваясь и икая.

Они разошлись. Двое пошли внизъ къ рѣкѣ, а огромная лохматая фигура Ѳомы долго чернѣла на косогорѣ, шатаясь и размахивая руками, на фонѣ блѣдной зеленоватой зари.

— Попъ, извѣстно попъ, а я мужикъ... сѣрый... — бормоталъ Ѳома, пока не свалился подъ заборомъ въ жидкую и липкую грязь.

XV.

Купріянъ и Васька, цѣпляясь за мокрыя тонкія вѣтви вербы и скользя по размокшему глинистому скату, спустились къ рѣкѣ.

Вода текла медленно, медленно, и отъ нея несло сыростью и холодомъ. Небольшія волны тихо поплескивали подъ ногами и чуть-чуть пѣнились. Прошлогодній тростникъ, обломанный и придавленный половодьемъ, низко стлался надъ темной глубиной и жалобно поскрипывалъ, точно говоря:

— Холодно, братцы...

Тучи нависли совсѣмъ низко, и казалось, вотъ-вотъ пойдетъ дождь, медленный, тягучій. На верху берега безнадежно мотались по вѣтру чахлые, тоненькіе кустики лозы.

Васька поежился.

— Ишь, жуть,—пробормоталъ онъ.

Другого берега не было видно, и казалось, что черная, неумолчно плещущая вода сливается тамъ, на серединѣ, съ темнымъ и тяжелымъ небомъ.

— Гдѣ ночевать будемъ?

— Да тутъ и заночуемъ, — равнодушно отвѣтилъ Купріянъ.

Васька повелъ плечами.

— Чего?

— Да... такъ...

Купріянъ насмѣшливо на него поглядѣлъ.

— Ну, пойдемъ къ Ѳедору...

— Сцапаютъ.

— Ну, такъ и болтать нечего...

Купріянъ потопталъ ногами, выбралъ мѣсто посуше и сѣлъ.

Васька почесалъ затылокъ и опустился рядомъ.

Оба молчали, глядя на темную гладь рѣки, и жались другъ къ другу, стараясь защищаться отъ вѣтра, порывами гнавшаго волны вдоль берега, порой обдавая ихъ мелкими, какъ пыль, холодными брызгами, сорванными съ верхушекъ волнъ.

Васька скоро началъ дремать, согнувъ спину. Купріянъ долго смотрѣлъ на рѣку пристальнымъ и неподвижнымъ взглядомъ и думалъ о чемъ-то.

Вдругъ онъ пошевелился.

— Попъ-то...

Васька очнулся.

— Чего?

— Говорю, попъ-то...

— Да-а, — протянулъ Васька, опять начиная дремать.

Вѣтеръ рванулъ съ особенной силой, такъ что сухой тростникъ зазвенѣлъ долгимъ, слабымъ и тоскливымъ звономъ.

— Такъ, значитъ, попъ на ярмаркѣ? — сказалъ Купріянъ.

Васька опять поднялъ голову.

— Не иначе, что такъ... Самъ видѣлъ, утромъ одинъ ѣхалъ.

— На одной, али на парѣ?

— На одной...

Васька сморщился, какъ бы что-то соображая, и вдругъ прищелкнулъ пальцами.

— Ну, и ловко! Въ самый разъ...

Онъ приподнялся и оскалилъ зубы.

— Идемъ, что ли? — спросилъ Купріянъ.

— Конечное дѣло... другого такого случая — жди!..

Купріянъ всталъ, поправилъ шапку и полѣзъ обратно на скатъ, хватаясь за вѣтви и скользя.

Васька карабкался за нимъ.

Чортъ знаетъ, какъ это самому невдомекъ... Ловко!

Они вылѣзли наверхъ и притаились, какъ два голодные волка, высматривая дорогу. Сейчасъ же за выгономъ начинались плетни и заборы, а за ними чернѣлись и пропадали въ темнотѣ темныя кучи строеній съ ободранными, голыми остовами крышъ.

Ветлы и березы уныло раскачивали надъ ними голыми верхушками съ долгимъ, непрестаннымъ шумомъ. Тишина была мертвая, только гдѣ-то, по ту сторону села однообразно позвякивалъ колокольчикъ, да далеко-далеко слабо тявкала собака.

Купріянъ и Васька двинулись обратно черезъ выгонъ, зорко осматриваясь по сторонамъ. Прошли мимо огородовъ, мимо избъ съ черными слѣпыми окнами и вышли на площадь, посреди которой слабо бѣлѣла въ темнотѣ церковная ограда.

— А, можетъ, попъ вернулся?—замѣтилъ вполголоса Васька.

— Нѣтъ... должно, нѣтъ, — возразилъ также тихо Купріянъ, — въ окнахъ свѣтится... должно, къ ночи ждутъ.

Поповскій домъ, бѣлый съ желѣзной крышей, стоялъ рядомъ съ большимъ лавочнымъ амбаромъ. Въ одномъ окнѣ его слабо свѣтилъ огонь и видны были ситцевыя занавѣски на окнѣ и два горшка съ цвѣтами.

Купріянъ и Васька подошли къ воротамъ.

— Собаки есть?—спросилъ Купріянъ.

— Должна быть, коли за попомъ не убѣгла...

— Ты стукни...

— Васька слабо постучалъ въ заборъ.

Со двора никто не отозвался.

— Должно, нѣтъ,—замѣтилъ Васька и поднялся на лавочку возлѣ воротъ.

— Не видать.

— Лѣзь! — шопотомъ сказалъ Купріянъ.

Васька ловко и безшумно поднялся надъ заборомъ, посидѣлъ наверху, чутко прислушиваясь, и легко спрыгнулъ внизъ. Щеколда тихо звякнула, и калитка отворилась.

Купріянъ вошелъ во дворъ.

Дворъ былъ большой, поросшій травой, и чистый.

Они тихо, крадучись, прошли мимо дома къ конюшнѣ. Васька попробовалъ рукой.

— На замкѣ!—сообщилъ онъ.

Купріянъ, въ свою очередь, пощупалъ замокъ, досталъ изъ кармана маленькій ломикъ, заложилъ въ петлю и нажалъ. Замокъ не поддался. Купріянъ нажалъ сильнѣе, что-то затрещало, и запоръ со звономъ обрушился внизъ.

— Эхъ, чортъ!..—пробормоталъ Купріянъ.

Васька вздрогнулъ и оглянулся. Оба замерли, повернувшись къ дому. Тамъ было попрежнему темно и тихо; въ крайнемъ окнѣ слабо брезжилъ свѣтъ.

— Дома одинъ старый попъ... батька молодого, заштатный... Онъ, чай, и глухой уже, — совсѣмъ старый!—прошепталъ Васька.

Купріянъ отворилъ дверь. Изнутри пахнуло теплымъ навозомъ и послышалось ласковое пофыркиваніе лошади, невидной въ темнотѣ.

Васька остался у дверей.

Все было тихо. Вѣтеръ слабо и глухо шумѣлъ у церкви въ верхушкахъ липъ. Въ окнѣ у попа мерцалъ огонекъ. Въ конюшнѣ осторожно позвякивала уздечка, и лошадь, почуявъ незнакомаго, пугливо фыркала и перебирала ногами по мягкому навозу. Купріянъ точно утонулъ въ темнотѣ.

Васька смотрѣлъ, смотрѣлъ, глаза у него расширились и заслезились отъ напряженія.

— Скоро?—шепнулъ онъ въ темноту.

— Сейчасъ,—тихо донеслось оттуда.

Копыта лошади застучали по деревянному мосту; темнота точно заколыхалась, и вдругъ изъ нея вынырнула фигура Купріяна, а за нимъ большая голова лошади, пугливо прядущей ушами.

— Гнѣдая, — радостно сказалъ Васька, — эта много лучше той... Недавно купилъ попъ-то, по всему селу хвастался!..

Купріянъ зло ухмыльнулся.

— Такъ ему и надо... Пущай теперь и онъ подождетъ...

— Чего? — съ недоумѣніемъ переспросилъ Васька.

— Лошадку пусть подождетъ... Ѳомкѣ приказалъ ждать-то?..

Васька захихикалъ.

— Одначе, куда ее?—спросилъ Купріянъ.

— Къ цыгану... Трофиму... больше некуда.

Купріянъ подумалъ.

— Двигай ты, а у меня тутъ того... дѣло есть.

— Опять насчетъ бабы?

Купріянъ неохотно пробормоталъ что-то.

Васька ухмыльнулся и пожалъ плечами.

— Чудасія!..

— Ну, ладно, — недовольно прервалъ Купріянъ, — сдашь коня Трофиму, дешево не отдавай — конь добрый, а самъ къ ночи на завтра назадъ... безпремѣнно.

— Какъ найду? — спросилъ Васька, схвативъ лошадь за гриву и взваливаясь на нее животомъ.

Лошадь тяжело и покорно вздохнула, пугливо глядя своими кроткими большими глазами.

Купріянъ погладилъ ее по мордѣ.

— Гуняваго спросишь, знать будетъ.

— Ну, ладно... Пущай!

Купріянъ отступилъ. Васька тронулъ лошадь, и она, легко перебирая ногами, двинулась черезъ дворъ къ воротамъ. Купріянъ пошелъ за нею и снизу смотрѣлъ на темный силуэтъ Васьки, отчетливо вырисовавшійся на небѣ.

— Лошадь добрая, — повторилъ Купріянъ.

Они поровнялись съ крыльцомъ дома.

Дверь на крыльцѣ скрипнула, и старческій голосъ, шамкая, спросилъ:

— Это ты, отецъ? Что поздно?

Васька инстинктивно дернулъ лошадь, и она быстро двинулась къ воротамъ; но Купріянъ схватилъ ее за узду и придержалъ.

— Постой,—сказалъ онъ Васькѣ.

Тотъ только удивленно и испуганно на него покосился.

— Ты что ль, отецъ? — повторилъ съ крыльца старый попъ.

— Я, — громко отвѣтилъ Купріянъ, — счастливо оставаться, батюшка.

Васька опять испуганно тронулъ лошадь, но Купріянъ еще разъ придержалъ ее.

— Ась?—спросилъ съ крыльца попъ.

— Ну, то же самое...—злорадно отвѣтилъ Купріянъ.

— Что ты?—прошепталъ Васька.

— Мое дѣло,—огрызнулся Купріянъ.

Попъ вглядѣлся и понялъ въ чемъ дѣло.

— Разбойники, вы что тутъ дѣлаете? — дрожащимъ голосомъ закричалъ онъ.

— Лошадкой вашей попользовались, батюшка! — притворно ласково отвѣтилъ Купріянъ.

— Ратуйте, ой! — кричалъ попъ тоненькимъ напряженнымъ голосомъ.

— Ну, ты, старый! — угрожающе цыкнулъ Купріянъ.

Васька дернулъ лошадь; она рысью вылетѣла за ворота и, повернувъ вдоль улицы, понеслась вскачь.

Купріянъ не трогался.

— Ты, батюшка, скажи отцу Ивану, что это ему за Ѳомкину бабу,—сипло проговорилъ онъ, подвигаясь къ крыльцу, — пущай тоже подождетъ... лошади-то...

Попъ отступилъ въ сѣни и, захлопывая дверь, закричалъ еще громче и напряженнѣй:

— Караулъ... люди... ратуйте!..

Купріянъ вышелъ за ворота, посмотрѣлъ вслѣдъ Васькѣ и побѣжалъ въ противоположную сторону, къ рѣкѣ, слыша за собой голосъ стараго попа и еще чей-то женскій, отчаянно взывавшій о помощи.

— Ратуйте!—раздавалось въ молчаніи ночи.

По сосѣднимъ дворамъ начали лаять собаки и послышались движенія и голоса.

Купріянъ бѣжалъ по улицѣ.

Возлѣ волостного правленія его вниманіе привлекли легкія позвякиванія бубенчиковъ и освѣщенныя окна.

Тамъ сидѣли вернувшіеся съ проводовъ исправника старшина, писарь и урядникъ. Они пили водку и засидѣлись. Урядникъ собирался къ утру выѣхать, и у волости стояли уже готовыя лошади, не земскія, а старшинскія, которыя старшина далъ уряднику изъ уваженія и потому, что земскія лошади всѣ были въ разгонѣ.

Ямщикъ ушелъ въ сѣни, а лошади стояли у крыльца, понуривъ головы и тихо встряхивая бубенцами.

Купріянъ, увидѣвъ ихъ, на мигъ остановился, быстро влѣзъ въ бричку, собралъ вожжи и дернулъ лошадей съ

мѣста во весь духъ. Бубенцы дико и нестройно зазвенѣли, телѣга затряслась и затрещала.

Изъ волостного правленія выскочили одинъ за другимъ душъ десять мужиковъ, писарь и урядникъ.

— А-ахъ, ты, Боже мой! — ударилъ объ полы старшина.

— Держи! — завопилъ писарь тоненькимъ голосомъ.

Урядникъ выхватилъ револьверъ:

— Сто-ой, стой! — закричалъ онъ, прицѣлился дрожащими руками и выстрѣлилъ.

Купріянъ только пригнулся и еще шибче погналъ лошадей, стоя въ бричкѣ на колѣняхъ, и, самъ не зная зачѣмъ, только чувствуя какое-то свѣтлое и безшабашное чувство, заливавшее его грудь, крикнулъ во все горло:

— Ловите Купріяна-а!..

Урядникъ еще разъ выстрѣлилъ.

Отовсюду выскакивали мужики, лаяли собаки, хлопали калитки.

— Держи! — взывалъ старшина, рысью несясь по улицѣ.

Лошади вылетѣли за околицу и пошли забирать къ лѣсу. Купріянъ уже не кричалъ, а только гналъ и нахлестывалъ лошадей.

На селѣ лаяли собаки и крикомъ кричало много голосовъ, мужскихъ и бабьихъ.

Доскакавъ до лѣсу, Купріянъ остановилъ лошадей, соскочилъ съ брички, подбѣжалъ къ конямъ и снялъ бубенчики. Потомъ опять погналъ что есть духу и скоро свернулъ съ дороги въ лѣсъ. Версты за три отъ дороги онъ загналъ въ чащу, остановилъ взмыленныхъ, храпящихъ и шатающихся лошадей и, привязавъ ихъ вожжами къ дереву, побѣжалъ прочь отъ нихъ по лѣсу.

XVI.

Переночевавъ въ ямѣ, полной осыпавшихся листьевъ, Купріянъ цѣлый день сидѣлъ въ лѣсу, у болота, на условленномъ съ Васькой мѣстѣ.

День былъ солнечный и какой-то прозрачный. Солнце свѣтило тихо и не грѣло, а только золотило желтые листья и паутину, длинными нитями протянувшуюся повсюду по травѣ, по опалымъ листьямъ, по деревьямъ. Легкія пряди ея тихо летали въ воздухѣ, и казалось, что весь лѣсъ насквозь протканъ золотыми нитями. Небо было ярко-голубое и тоже прозрачное. По временамъ высоко надъ лѣсомъ слышались какіе-то звуки. Тогда Купріянъ подымалъ голову и видѣлъ чуть-чуть мрѣющую въ голубомъ просторѣ стаю журавлей. Ихъ заунывное курлыканье было единственнымъ звукомъ, который слышалъ Купріянъ.

«Ишь ты, — думалъ Купріянъ,—летятъ... хорошее дѣло! Лети себѣ, куда хочешь... ни земли пахать, ни коней красть, ни податей платить... хорошо!».

Около полудня надъ болотомъ вышелъ волкъ и, чутко насторожившись, постоялъ по ту сторону просѣки. Купріяну были видны его втянутыя ребра и облѣзлыя ляжки, на которыхъ мотались клочки шерсти. Волкъ постоялъ, понюхалъ и, высоко поджимая свои худыя ноги, поскакалъ въ чащу.

«Нашъ братъ, — усмѣхнулся Купріянъ. — Тоже поймаютъ — спуску не дадутъ... а вся вина, что жрать надо».

Купріяну стало грустно и скучно.

Онъ уже съ тоской поглядывалъ въ ту сторону, откуда долженъ былъ появиться Васька. Но тамъ все такъ же неподвижной стѣной стоялъ лѣсъ, медленно и без-

шумно роняя кружащіеся листья. Паутина продолжала тянуться золотыми нитями.

Купріянъ то ложился, то вставалъ.

Солнце стало клониться къ западу, и по всему лѣсу протянулись косыя стрѣлы отъ лучей. Надъ болотомъ сталъ мерещиться туманъ.

Наконецъ, Купріянъ не выдержалъ и всталъ.

«Ну его къ чорту! — съ досадой плюнулъ онъ. — Этакъ и съ голоду помрешь. Завязъ гдѣ-то, чортъ... жди его теперь».

Онъ помялся еще немного.

«Матрена наказывала къ вечеру притти,—подумалъ онъ,—пора итти... пока доберусь».

Онъ вспомнилъ, какъ до пріѣзда Егора онъ, бывало, вечеромъ пробирался къ Матренѣ въ избу. И ему вдругъ стало жаль, что ужъ не вернется это время. Потомъ онъ припомнилъ, какъ «жалѣла» его Матрена, и вспомнилъ, какъ онъ грубо съ ней обошелся въ послѣднюю встрѣчу.

«И что это на меня нашло?.. Развѣ она чѣмъ виновата? Такая ужъ участь наша горькая... А, должно, въ послѣднее мы съ ней сегодня повстрѣчаемся, — подумалъ Купріянъ, — послѣ вчерашняго мнѣ въ село ни ногой... Старшина своей тройки не забудетъ, да и попъ... Уходить надо! Двинемъ съ Васькой подъ Одестъ. Васька говоритъ, мѣста вольныя. А тамъ — когда опять вернусь?.. Можетъ и не вернусь, а коли и приведется,— забудетъ баба-то».

Купріянъ тряхнулъ головой и покривился.

«Хоть попращаться-то хорошенько...».

Солнце какъ-то вдругъ погасло въ лѣсу; сразу стало холоднѣй, и туманъ явственно потянулъ съ болота.

«Не дождаться Васьки», подумалъ Купріянъ, потоптался въ нерѣшимости и вдругъ быстро и твердо направился по знакомой тропкѣ къ селу.

XVII.

Матрена цѣлый день была сама не своя.

Утромъ къ ней забѣжала солдатка Палашка и, вызвавъ ее на огородъ, чтобы не слыхалъ Егоръ, повѣдала ей съ прикрасами всѣ ночныя событія.

— И такой онъ, Купріянъ, отчаянный жизни человѣкъ,—тараторила Палашка, — самъ скачетъ по улицѣ, самъ и кричитъ: ловите Купріяна! Старшина теперь его живьемъ бы съѣлъ, а попъ чуть, говорятъ, не померъ... Отчаянный!..

У Матрены въ сердцѣ такъ сразу и захолонуло.

Первая мысль у нея была послать къ Купріяну, чтобы не приходилъ сегодня. Когда Палашка ушла, она вышла на улицу выглядывать Анютку. Анютка, игравшая съ дѣвочками около церковной ограды, сама увидѣла ее издали и прискакала на одной ножкѣ, болтая локтями.

— Здравствуй, тетка Матрена!—просюсюкала она.

Матрена боязливо оглянулась вдоль по улицѣ.

— Купріяна видѣла?—тихо спросила она.

— Вчерась видѣла.

— Сказала?

— Сказала. Обѣщалъ безпремѣнно... Скажи, говоритъ, приду.

Матрена еще разъ оглянулась по улицѣ.

— Ты бы, Анютка, сбѣгала до него. Скажи, чтобъ не приходилъ.

Анютка вытаращила глаза.

— Чтобъ не приходилъ?—переспросила она.

— То-то жъ. Скажи, Матрена говорила, чтобъ не ходилъ, а то мужики очень серчаютъ, такъ чтобъ худо ему не было. Скажешь?

—Скажу.

— Ну, бѣги...

— Сичасъ, — просюсюкала дѣвчонка и проворно затопала босыми пятками къ избѣ Гуняваго.

Матрена вздохнула, поглядѣла ей вслѣдъ и пошла въ избу.

Егоръ съ утра ушелъ къ винной лавкѣ, гдѣ онъ теперь былъ постоянно. Маленькій Ѳедька спалъ въ чуланѣ. Матрена мѣсила тѣсто и плакала.

Начала она плакать такъ, сразу, сама не зная отчего. Стало на сердцѣ тяжело, и слезы закапали въ тѣсто.

Она боялась за Купріяна и въ то же время жаль было ей не видѣть его. И мысли у нея все были грустныя и безотрадныя.

«Уйдетъ онъ, чай, теперь, — думала Матрена, — нельзя ему тутъ оставаться, а я одна останусь...».

Матрена заплакала сильнѣй.

— Ни отъ кого-то я ласки не увижу... Егоръ только водку пить да за волосы таскать... Пошла бы да и утопилась, коли бъ не Ѳедька. Ѳедьку жалко... И ему не жить: забьетъ Егоръ. Вчера какъ толкнулъ-то!.. Ку-упря мой... желанный!—всхлипнула она громко.

Подъ окномъ кто-то осторожно стукнулъ.

Матрена выглянула.

— Нѣту дядиньки Купріяна,—просюсюкала Анютка.

У Матрены опять захолонуло въ сердцѣ.

— Какъ такъ?

— Дѣдушка Ѳедоръ говоритъ — и ночевать не приходилъ: съ вечера ушелъ и не приходилъ.

Матрена молчала.

— А у винной, тетенька, мужики крича-атъ, — сообщила дѣвчонка,—все дяденьку Купріяна поминаютъ, грозятся, страшно!.. Я мимо бѣгла, такъ послушала... И дядинька Егоръ тамотка...

— Пьяный?—машинально спросила Матрена.

— Не... только сердитый такой, что и-и!..

Матрена опустилась на лавку и потупилась.

— Ну, что жъ, я пойду,—сказала Анютка,—я, тетенька Матрена, къ лавкѣ сбѣгаю, послушаю... таково мужики стра-ашно грозятся у-у!..

— Иди,—прошептала Матрена.

Анютка убѣжала.

Цѣлый день Матрена мѣста себѣ не находила. Иногда она выходила на крыльцо и прислушивалась къ голосамъ мужиковъ, горланившихъ у винной лавки.

Егоръ не приходилъ до вечера.

Къ вечеру Матрена чисто убрала избу, уложила Ѳедьку и, накинувъ на голову большой платокъ, вышла на огородъ.

XVIII.

Купріянъ былъ уже подъ осиной.

Онъ пробрался задами и никого не встрѣтилъ, кромѣ Ѳомы Болото, который, пьяный и лохматый, попался ему на выгонѣ.

Онъ узналъ Купріяна, но ничего не сказалъ и, шатаясь, пошелъ своей дорогой.

Было еще рано и совершенно свѣтло, но свѣтло какимъ-то обманчивымъ свѣтомъ: вблизи было все видно, какъ днемъ, издали сливалось въ общую массу.

— Здравствуйте, Купріянъ Васильевичъ, — застѣнчиво проговорила Матрена, подходя къ нему.

— Мотря,—тихо отвѣтилъ Купріянъ,—не серчаешь, желанная?

Матрена вспыхнула и расцвѣла.

— Не... не серчаю я...

Купріянъ ее обнялъ.

— Вамъ, Купріянъ Васильевичъ, грѣхъ меня обижать,—заговорила Матрена,—потому я васъ оченно почитаю и всегда...

— Я это понимаю, а только горько мнѣ, такъ-то наше дѣло выходитъ,—отвѣтилъ Купріянъ грустно.

— Вамъ теперь на село ходить нельзя, Купріянъ Васильевичъ... оченно мужики серчаютъ.

— Пущай,—махнулъ рукой Купріянъ,—я ихъ не очень-то боюсь; а что мнѣ уйти отсюда слѣдуетъ, такъ это вѣрно.

Онъ тряхнулъ головой.

На глазахъ у Матрены показались слезы.

— Куда же вы уйдете?—спросила она.

— Подъ Одестъ, Васька зоветъ... Да я бы пошелъ, если бы не такая наша доля... чтобы въ разлукѣ.

— Отъ Бога все, Купріянъ Васильевичъ, — со слезами въ голосѣ вздохнула Матрена.

— Да ужъ тамъ... А такъ жить, душа не стерпитъ...

Оба молчали.

Небо все больше и больше темнѣло и зеленѣло съ одного края.

— Не поминай, значитъ, лихомъ! — сказалъ Купріянъ.

Матрена заплакала.

— Богъ вамъ на помощь, Купріянъ Васильевичъ, а я васъ всегда... Можетъ когда вспомните, дѣдушкѣ Ѳедору письмо для меня пришлете...

Купріянъ отвернулся.

— Когда жъ вы?..

— Сегодня ночью и двинемся, — неровнымъ голосомъ отвѣтилъ Купріянъ.

У Матрены ноги подкосились. Она присѣла на бугорокъ и сильнѣе заплакала.

— Ну, что же ты... Мотря! Ты не плачь, — заговорилъ Купріянъ.—Можетъ, еще и свидимся.

— Нѣтъ ужъ,—прошептала Матрена.

Въ это время ворота двора сильно скрипнули.

Матрена и Купріянъ сразу подняли головы.

Отъ дома по дорожкѣ бѣжалъ Егоръ Шибаевъ съ толстой жердью въ рукахъ.

— Ой, Боже мой!—вскрикнула Матрена, закрывая лицо руками.

Купріянъ съежился и оглянулся вокругъ.

XIX.

Ѳома, шатаясь и ругаясь, побрелъ съ выгона по селу.

Около винной лавки его окликнулъ Семенъ.

— Эй, Ѳома... шапку пропилъ!—закричалъ онъ.

Ѳома остановился.

— Похоронилъ, что ль, старуху? — спросилъ Семенъ.

— Не...—пробормоталъ Ѳома.

Мужики засмѣялись.

— Впрокъ солить ее хочешь, что ли?—глупо зубоскалилъ Семенъ.

Ѳома тупо улыбнулся.

— Негодящій мужикъ, — вздохнулъ лысенькій Битюговъ.

— Народъ,—отозвался Егоръ:—у него жена померла, онъ натрескался... пьянчуга!..

Ѳома вдругъ обидѣлся.

— Ну, ты, солдатъ, — съ пьянымъ задоромъ отозвался онъ, — не на твои деньги пью, такъ тебѣ какое дѣло?

— Ну, проваливай! — строго возразилъ Егоръ Шибаевъ.

— Чего проваливай, — не унимался Ѳома, — а до моей жены тебѣ дѣла нѣтъ... померла, такъ не твоя печаль... Ты за своей смотри.

Егоръ Шибаевъ всталъ.

— Ну, ну!...—угрожающе проговорилъ онъ.

Битюговъ придержалъ его за рукавъ.

— Плюньте вы на него... извѣстно, пьяный человѣкъ болтаетъ, самъ не знаетъ...

— Нѣтъ, знаю,—угрюмо возразилъ Ѳома.

— Что ты знаешь, багровѣя и приступая къ нему, прохрипѣлъ Егоръ.

— А то и знаю, что къ твоей бабѣ Купріянъ-конокрадъ пошелъ и сейчасъ тамъ.

— Что врешь, пьяная голова!—вступился Касьянъ Рыжій.

— Ничего не вру... самъ видалъ сейчасъ... на задахъ встрѣтилъ. Прямо къ нему на огородъ попёръ.

Егоръ Шибаевъ посинѣлъ.

— Братцы, — тоненькимъ голоскомъ вдругъ заговорилъ онъ, — подсобите...

Ѳома покачивался и ухмылялся.

— Поди, поди... онъ тебѣ еще носъ расквасить,—насмѣшливо бормоталъ онъ.

— А и то, мужики, что жъ ему спущать-то!—поддержалъ Касьянъ Рыжій.

— Переломать ему ребра, чтобъ зналъ, какъ коней уводить.

— Къ начальству приставимъ!

— Иди, что ль!..

— Вали!

— Держи его!—закричалъ уже кто-то пьянымъ голосомъ.

Мужики повалили къ избѣ Егора, по дорогѣ выдергивая палки изъ плетней.

— Заходи изъ Семенова огорода! — командовалъ Битюговъ.

— Ладно, не учи, — отвѣчали мужики, раздѣляясь на двѣ партіи. Одна часть пошла черезъ дворъ Егора, другая повалила Семеновымъ огородомъ.

Когда Егоръ Шибаевъ увидѣлъ издали Купріяна съ

женой, у него потемнѣло въ глазахъ, и онъ рысью побѣжалъ къ нимъ по огороду.

Купріянъ сразу увидѣлъ опасность и оглядѣлся вокругъ.

Егоръ, съ налитыми кровью глазами и перекошеннымъ ртомъ, тяжело бѣжалъ по дорожкѣ.

— А... — только мычалъ онъ.

За нимъ бѣжали Битюговъ и Семенъ.

— Держи!—кричали они Егору.

Купріянъ вдругъ бросился навстрѣчу Егору и со всей силы ударилъ его сапогомъ въ живоотъ.

— О-ой! — закричалъ Егоръ плачущимъ голосомъ, роняя палку и сгибаясь въ три погибели.—Держи-и!..

Битюговъ налетѣлъ на Купріяна, но поскользнулся и упалъ. Семенъ попятился назадъ.

— Бѣги, Купря... ой, Господи!—голосила Матрена.

Купріянъ бросился бѣжать по огороду, прыгая черезъ грядки.

«Эхъ хоть бы Васька...», подумалъ онъ.

Наперерѣзъ ему бѣжали мужики съ Семенова огорода.

— Упустили... держи!—кричали они.

Купріянъ бѣжалъ изо всѣхъ силъ, слыша, какъ сзади бѣгутъ Битюговъ и Егоръ, оправившійся отъ удара.

«Не догонятъ», задорно подумалъ Купріянъ.

Но въ это время что-то ударило его по ногамъ и попалось подъ ногу. Купріянъ споткнулся и упалъ, едва успѣвъ подумать:

«Пропалъ!..»

— Вотъ такъ... держи!—крикнулъ Касьянъ Рыжій, бросившій ему подъ ноги палку.

Въ ту же минуту Купріянъ вскочилъ на ноги, но сзади на него навалился Егоръ.

Купріянъ хватилъ его локтемъ въ лицо, но страшный ударъ по головѣ сшибъ его самого съ ногъ. У него все

закружилось въ глазахъ. Падая, онъ ударился лицомъ о чье-то колѣно, вскочилъ и опять упалъ, вцѣпившись пальцами въ чей-то зипунъ. Удары посыпались на него градомъ. Кто-то со всей силы ударилъ его тяжелымъ сапогомъ въ грудь, и что-то горячее хлынуло у него изо рта. Купріянъ закричалъ тоненькимъ голоскомъ и, выпустивъ захваченную полу зипуна, всталъ на четвереньки, чувствуя, какъ кровь течетъ у него по лицу и заливаетъ глаза.

«Голову разбили»... смутно мелькнуло въ его сознаніи, и онъ снова упалъ.

Сквозь ревъ, удары, ругательства и сопѣніе возившихся съ нимъ мужиковъ онъ услышалъ еще голосъ, какъ ему показалось, Ѳедора Гуняваго, но на голову ему орбушилась съ страшной силой какая-то гора, и земля попала ему въ ротъ...

Надъ нимъ образовалась спутанная куча зипуновъ, лаптей, сапоговъ, поднимающихся и опускающихся кулаковъ...

Ѳедоръ Гунявый, Мозявый, сотскій Шпрунь и другіе мужики дѣйствительно бѣжали со двора, отъ церкви, услышавъ пронзительный крикъ о помощи Матрены и ревъ пьяныхъ, бѣшеныхъ голосовъ. Имъ удалось растащить мужиковъ, возбужденныхъ, красныхъ и потныхъ съ оборванными полами и бородами, но Купріянъ лежалъ ничкомъ, подогнувъ голову, и ужъ не шевелился. Волосы его слиплись отъ крови и грязи.

Мужики, тяжело дыша, смущенные и испуганные стояли вокругъ.

— Ишь ты, — недоумѣло пробормоталъ Касьянъ Рыжій.

— Ахъ, ты грѣхъ-то какой!—ударилъ объ полы Битюговъ, оторопѣло разсматривая убитаго.—Какъ же это такъ...

— Звѣри, не люди,—горько пробормоталъ Гунявый.

Вечеромъ Васька узналъ объ этомъ и весь вечеръ плакалъ навзрыдъ, а потомъ напился и сталъ грозиться сжечь село.

— Одинъ конецъ!—сквозь зубы кричалъ онъ:—Куда пойдешь? Гдѣ она жисть-то?..

— Молчи, заводскій! — спокойно и сурово сказалъ Гунявый.

1902 г.

ПОДПРАПОРЩИКЪ ГОЛОЛОБОВЪ.

И псу живому лучше,
чѣмъ мертвому льву.
Екклесіастъ 9, 4.

I.

Молодой докторъ Владиміръ Ивановичъ Солодовниковъ вышелъ пройтись по бульвару, что дѣлалъ каждый день, если въ это время, т.-е. около семи часовъ вечера, не былъ занятъ у больныхъ. На бульварѣ онъ всегда встрѣчалъ кого-нибудь изъ своихъ знакомыхъ, и, пройдя съ ними весь бульваръ изъ конца въ конецъ, шелъ въ клубъ читать газеты и играть на билліардѣ.

Но на этотъ разъ погода была дурная: небо съ утра затянулось сплошными сѣрыми тучами; было вѣтрено и сыро, и на бульварѣ не было никого, кромѣ неподвижнаго постового городового.

Пройдя до конца бульвара, Солодовниковъ повернулъ назадъ и рѣшилъ итти прямо въ клубъ.

Навстрѣчу ему шелъ человѣкъ, и Владиміръ Ивановичъ узналъ въ немъ своего знакомаго, пѣхотнаго подпрапорщика Гололобова. Подпрапорщикъ шелъ, какъ всегда, щеголеватою быстрою походкой, бодро выступая лакированными сапогами, высоко поднявъ сильно подложенныя ватой плечи и грудь и мужественно шагая по лужамъ.

— Здравствуйте, воинъ, — сказалъ Владиміръ Ивановичъ, поравнявшись съ подпрапорщикомъ.

Гололобовъ вѣжливо поклонился, дотронувшись пальцами до своей маленькой фуражки.

— Вы куда же это стремитесь?—спросилъ Владиміръ Ивановичъ только для того, чтобы не молчать.

— Домой, — такъ же вѣжливо отвѣтилъ подпрапорщикъ.

— А...—сказалъ Владиміръ Ивановичъ.

Подпрапорщикъ Гололобовъ стоялъ противъ него и учтиво ждалъ. Владиміръ Ивановичъ рѣшительно не зналъ, что ему сказать. Онъ зналъ подпрапорщика очень мало, встрѣчался съ нимъ рѣдко, а когда и встрѣчался, то не говорилъ ни слова, кромѣ «здравствуйте» и «прощайте». Несмотря на это, онъ почему-то считалъ подпрапорщика глупымъ и нервзитымъ, и въ другое время, будь на бульварѣ кто-либо другой изъ его знакомыхъ, Владиміръ Ивановичъ не обратилъ бы на подпрапорщика никакого вниманія.

— Ну, путь добрый! — ласково-пренебрежительно, какъ говорятъ съ людьми несравненно ниже стоящими, когда изъ чувства собственнаго достоинства не хотятъ показать имъ свое настоящее къ нимъ отношеніе, сказалъ Владиміръ Ивановичъ и подалъ подпрапорщику руку.

Гололобовъ пожалъ протянутую ладонь, опять дотронулся до козырька своей фуражки и пошелъ дальше, все такъ же щеголевато выступая лакированными сапогами.

Владиміръ Ивановичъ пошелъ въ клубъ, сыгралъ три партіи на билліардѣ, при чемъ изъ трехъ выигранныхъ бутылокъ пива выпилъ больше половины; прошелъ въ библіотеку, гдѣ съ одинаковымъ вниманіемъ и интересомъ прочелъ обѣ газеты, одну либеральную, другую консервативную; поболталъ съ двумя знакомыми дамами и тремя чиновниками, которыхъ считалъ глупыми, смѣшными и отсталыми, именно потому, что они были

чиновниками; потомъ закусилъ у буфета и выпилъ четыре рюмки водки. Отъ всего этого ему стало скучно и около десяти часовъ вечера онъ пошелъ домой.

Вѣтеръ упалъ, но зато съ неба моросилъ мелкій, холодный и частый дождь. Лужи расплылись, и уже нельзя было ихъ обходить. Приподнявъ плечи и воротникъ, аккуратно подвернувъ концы брюкъ, Владиміръ Ивановичъ быстро пошелъ по бульвару и скоро повернулъ въ улицу, на который жилъ.

Въ третьемъ домѣ отъ угла, за подъѣздомъ булочной, ярко освѣщенное окно бросало въ темноту полосу неподвижнаго свѣта, въ которой мелькали капли дождя. Владиміръ Ивановичъ машинально припомнилъ, что именно въ этомъ домѣ живетъ встрѣтившійся ему сегодня подпрапорщикъ Гололобовъ.

Поровнявшись съ окномъ, Владиміръ Ивановичъ заглянулъ въ него и увидѣлъ самого подпрапорщика, который совершенно неподвижно сидѣлъ прямо противъ окна, опустивъ голову. Владиміру Ивановичу отъ скуки и отъ того, что такъ недавно онъ видѣлся и даже говорилъ съ подпрапорщикомъ, пришла фантазія попугать его, и онъ стукнулъ въ окно концомъ своей палки.

Подпрапорщикъ Гололобовъ быстро поднялъ голову. Лампа освѣщала его прямо въ лицо и очень ярко. Владиміръ Ивановичъ только теперь какъ слѣдуетъ разсмотрѣлъ его. Очевидно, подпрапорщикъ былъ еще очень молодъ, почти мальчикъ, ни усовъ, ни бороды у него не было. Одутловатое книзу, сплошь покрытое угрями, его лицо, съ маленькими свѣтлыми глазами, съ желтыми бровями, бѣлыми рѣсницами и коротко остриженными сѣрыми волосами, было совсѣмъ безцвѣтное и какое-то незначительное.

Гололобовъ увидалъ Владиміра Ивановича, узналъ его и всталъ. Владиміръ Ивановичъ, довольный тѣмъ, что, какъ ему показалось, испугалъ подпрапорщика, хо-

тѣлъ кивнуть ему головой, улыбнуться и уйти, но Гололобовъ вдругъ самъ кивнулъ головой, любезно улыбнулся и быстро ушелъ вглубь комнаты, какъ-будто къ двери.

«Что онъ позвать меня къ себѣ хочетъ, что ли?..» съ недоумѣніемъ подумалъ Владиміръ Ивановичъ и замялся на мѣстѣ, не зная, итти ли ему дальше или подождать.

Съ подъѣзда булочной послышался стукъ отворяемой двери, и изъ ея чернаго четыреугольника голосъ Гололобова сказалъ:

— Это вы, докторъ?

Владиміръ Ивановичъ, все еще не зная, что ему дѣлать, нерѣшительно подошелъ къ двери. Гололобовъ въ темнотѣ пожалъ ему руку и отступилъ внутрь сѣней, давая дорогу, Владиміръ Ивановичъ послѣдовалъ за нимъ.

— Прямо, прямо, докторъ, — сказалъ Гололобовъ въ темнотѣ, и слышно было, какъ онъ запиралъ выходную дверь на засовъ.

«Вотъ тебѣ и разъ! Нежданно-негаданно попалъ въ гости-» весело подумалъ Владиміръ Ивановичъ, путаясь впотьмахъ среди какихъ-то кадушекъ и ларей.

Въ сѣняхъ крѣпко пахло печенымъ хлѣбомъ и кислыми дрожжами, и воздухъ былъ теплый, парной.

Подпрапорщикъ прошелъ впередъ и отворилъ дверь въ освѣщенную комнату. Владиміръ Ивановичъ, улыбаясь неожиданному приключенію, перешагнулъ порогъ.

Оказалось, что подпрапорщикъ Гололобовъ занимаетъ всего одну небольшую и мало обставленную неуклюжей старой мебелью комнату.

Владиміръ Ивановичъ снялъ пальто, повѣсилъ его на вѣшалку, которую изображалъ рядъ гвоздей, аккуратно вбитыхъ въ стѣну поверхъ газетнаго листа, снялъ калоши, фуражку и поставилъ палку въ уголъ.

— Садитесь, пожалуйста, — указывая на стулъ, предложилъ ему Гололобовъ.

Владиміръ Ивановичъ сѣлъ и оглядѣлся.

Въ комнатѣ горѣла очень плохая лампа, и оттого въ ней было темно и сумрачно. Кромѣ стола, аккуратно прибранной кровати и шести стульевъ, разставленныхъ по стѣнамъ безъ всякой симметріи, Владиміру Ивановичу бросился въ глаза уголъ, увѣшанный множествомъ большихъ и маленькихъ старинныхъ темныхъ образовъ въ мѣдныхъ ризахъ, и передъ ними зеленая лампадка, съ подвѣшаннымъ къ ней пасхальнымъ раскрашеннымъ яйцомъ.

«Вишь ты, богомольный какой!» подумалъ Владиміръ Ивановичъ, и почувствовалъ презрѣніе къ подпрапорщику. Ему почему-то казались некрасиво-несовмѣстимыми богомольность, лампадка и особенно сентиментальное пасхальное яйцо съ подпрапорщицкимъ званіемъ и молодостью.

На чистенькомъ, застланномъ скатертью столѣ стоялъ потухшій самоваръ, лежали чайныя ложечки, щипчики для сахара, стояла вазочка съ вареньемъ. Кровать была покрыта свѣтлымъ одѣяломъ, а подушки бѣлой накидкой съ прошивками. Все было удивительно чисто и аккуратно, но комната оттого казалась еще больe холодною и неуютною.

— Хотите чаю? — спросилъ подпрапорщикъ.

Владиміръ Ивановичъ вовсе не хотѣлъ чаю и чуть было не отказался, но подумалъ, что тогда уже окончательно нечего будетъ дѣлать, и согласился.

— Пожалуй.

Гололобовъ старательно вымылъ и вытеръ стаканъ и блюдечко и налилъ чаю.

— Извините, пожалуйста, что чай не крѣпкій, — сказалъ онъ, подвигая къ Владиміру Ивановичу вазочку съ вареньемъ.

— Ничего, — возразилъ Владиміръ Ивановичъ, думая: «На кой чортъ онъ меня къ себѣ зазвалъ?».

Подпрапорщикъ сидѣлъ у стола, поджавъ ноги подъ стулъ, и машинально размѣшивалъ ложечкой чай въ своемъ стаканѣ. Владиміръ Ивановичъ тоже помѣшивалъ свой чай, и оба молчали.

И тутъ только Владиміръ Ивановичъ испуганно догадался, что вышло недоразумѣніе: его стукъ въ окно подпрапорщикъ Гололобовъ, очевидно, принялъ за желаніе войти, и теперь самъ недоумѣвалъ. Владиміръ Ивановичъ почувствовалъ себя очень неловко и покраснѣлъ. Положеніе казалось ему глупымъ и по его винѣ, а Владиміръ Ивановичъ, какъ всѣ здоровые и самодовольные люди, терпѣть не могъ видѣть себя въ глупомъ положеніи.

— Погода скверная, — невольно краснѣя своему началу, проговорилъ Владиміръ Ивановичъ.

— Да, погода теперь, дѣйствительно, очень дурная,— поспѣшно согласился Гололобовъ и замолчалъ.

«Какъ онъ странно... подробно какъ-то говоритъ!» подумалъ Владиміръ Ивановичъ.

Неловкость его быстро прошла, потому что онъ, какъ всякій докторъ, привыкъ говорить съ различными, часто совершенно ему незнакомыми людьми. Кромѣ того онъ, какъ и чиновниковъ, всѣхъ военныхъ считалъ глупыми и не находилъ нужнымъ стѣсняться съ ними.

— О чемъ это вы тутъ мечтали? — опять впадая въ привычный снисходительно-презрительный тонъ, заговорилъ онъ.

Владиміръ Ивановичъ былъ увѣренъ, что хозяинъ такъ же вѣжливо и черезчуръ подробно отвѣтитъ:

— Я тутъ ни о чемъ не мечталъ...

Но вмѣсто того подпрапорщикъ Гололобовъ, не подымая головы, отвѣтилъ:

— Я думалъ о смерти.

Владиміръ Ивановичъ чуть не прыснулъ со смѣху, до того несовмѣстимой съ бѣлобрысою физіономіей под-

прапорщика показалась ему такая глубокая и значительная мысль. Онъ удивился и засмѣялся.

— Во-отъ какъ! Что жъ это вамъ пришли въ голову такія мрачныя мысли?

— Каждый человѣкъ обязанъ думать о своей смерти.

— И каяться въ своихъ прегрѣшеніяхъ вольныхъ и невольныхъ!—пошутилъ Владиміръ Ивановичъ.

— Нѣтъ. Просто думать о своей смерти, — совершенно спокойно и вѣжливо отвѣтилъ Гололобовъ.

— Почему такъ ужъ обязанъ? — кладя локоть на столъ и закладывая ногу на ногу, насмѣшливо спросилъ Владиміръ Ивановичъ, каждую минуту съ удовольствіемъ ожидая, что подпрапорщикъ «сморозитъ» какую-нибудь глупость, что казалось ему обязательнымъ для подпрапорщика.

— Потому что каждый человѣкъ долженъ умереть,— отвѣтилъ тѣмъ же тономъ Гололобовъ.

— Да... ну, это еще недостаточная причина! — возразилъ Владиміръ Ивановичъ и подумалъ: «Онъ, должно быть, не русскій, потому что ужъ очень правильно выражается...».

И ему вдругъ почему-то стало непріятно сидѣть здѣсь, противъ безцвѣтнаго, вѣжливаго подпрапорщика, и захотѣлось уйти.

— А я думаю, что причина эта — совершенно достаточна, — сказалъ Гололобовъ.

— Не будемъ спорить! — насмѣшливо согласился Владиміръ Ивановичъ, и ему стало непріятно еще и то, что считаемый имъ за глупаго и ограниченнаго человѣка подпрапорщикъ Гололобовъ думалъ и говорилъ о такой серьезной, глубокой и страшной вещи, какъ смерть.

— Спорить не надо, а надо готовиться, — сказалъ Гололобовъ.

— Что? — высоко поднялъ брови Владиміръ Ивановичъ и разсмѣялся, потому что эта послѣдняя фраза

подпрапорщика показалась ему именно тою глупостью, которую онъ отъ него ожидалъ.

— Да на кой же чортъ вамъ о ней думать? — уже окончательно небрежно и готовясь встать, возразилъ Владиміръ Ивановичъ.

Гоголобовъ поднялъ голову, посмотрѣлъ на него и, какъ бы удивляясь, сказалъ:

— Но вѣдь я уже говорилъ, что каждый человѣкъ обязанъ думать о своей смерти.

«Да онъ идіотъ, что ли?» съ внезапнымъ раздраженіемъ подумалъ Владиміръ Ивановичъ.

— Это почему же? — спросилъ онъ почти сквозь зубы.

— Я уже и на этотъ вопросъ отвѣтилъ вамъ, — замѣтилъ подпрапорщикъ.

— Чортъ знаетъ, что вы мнѣ отвѣтили! — съ грубостью самоувѣреннаго человѣка, котораго раздражаетъ непривычное сопротивленіе, и самъ удивляясь своей грубости, возразилъ Владиміръ Ивановичъ. — Будто оттого, что я каждый день непремѣнно долженъ пить, и ѣсть и спать, или оттого, что я непремѣнно состарѣюсь въ свое время и пріобрѣту морщины, лысину и прочее, такъ я и долженъ постоянно думать объ ѣдѣ, спаньѣ, лысинѣ и тому подобныхъ глупостяхъ!

— Нѣтъ, — медленно и грустно покачалъ головой подпрапорщикъ.—Вы сами сказали, что все это глупости, а о глупостяхъ думать не надо. Но смерть — не глупость.

— Да мало ли о чемъ мы и очень умномъ никогда не думаемъ... Да и что такое смерть? Придетъ смерть — помирать будемъ. Я, напримѣръ, отношусь къ этой непріятности совершенно равнодушно.

— Этого не можетъ быть,—качнулъ головой Гололобовъ. — Никто не можетъ относится равнодушно къ такой ужасной вещи, какъ смерть.

— А вотъ я отношусь! —пожалъ плечами Владиміръ Ивановичъ.

— Это означаетъ только то, что вы еще не сознаете своего положенія.

«Ишь, ты! Скажите! Ахъ, ты, болванъ гололобый!» густо краснѣя, подумалъ Владиміръ Ивановичъ.

Хотя онъ зналъ, что каждый человѣкъ считаетъ себя, если не умнѣе, то не глупѣе другихъ, но здоровая самоувѣренность его была такъ велика, что, говоря съ человѣкомъ глупѣе себя, а таковыми считалъ онъ всѣхъ, съ кѣмъ говорилъ, и даже съ кѣмъ не говорилъ, онъ безсознательно воображалъ, что всякій сознаетъ его умственное превосходство надъ собою. И теперь, когда изъ словъ и тона Гололобова онъ понялъ, что тотъ не только не признаетъ его превосходство, но даже, напротивъ, убѣжденъ въ своемъ, Владиміръ Ивановичъ почувствовалъ что-то близкое къ оскорбленію. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ немъ явилось жгучее и досадное желаніе во что бы то ни стало доказать, что онъ—неизмѣримо выше, а подпрапорщикъ — прямо дуракъ. Въ эту минуту онъ безсознательно ненавидѣлъ подпрапорщика.

— Почему же я не сознаю? Это интересно, — криво усмѣхнулся онъ, силясь выразить на своемъ лицѣ крайнюю степень презрѣнія, на какую только былъ способенъ.

Но подпрапорщикъ не подымалъ головы и не видѣлъ этого выраженія.

— Почему? Я не знаю, — тихо отвѣтилъ онъ, какъ бы даже извиняясь за то, что не можетъ удовлетворить законнаго желанія собесѣдника.

— А вы сознаете? — еще болѣе краснѣя, спросилъ Владиміръ Ивановичъ.

— Да.

— Это инте-ре-сно...

— Положеніе каждаго человѣка есть положеніе приговореннаго къ смертной казни.

Владимiръ Ивановичъ вполнѣ искренно подумалъ, что подпрапорщикъ сказалъ избитую, давно извѣстную ему, Владимiру Ивановичу, мысль. И отъ этого онъ сразу успокоился и опять почувствовалъ себя неизмѣримо выше подпрапорщика, за новость считающаго то, что ему кажется азбукой.

— Стара штука! — сказалъ онъ и, вынувъ портсигаръ, хотѣлъ закурить и уйти.

— Отъ этого она не перестаетъ быть правдой. Избитыя мысли почти всегда бываютъ самыми правдивыми мыслями, — спокойно возразилъ подпрапорщикъ Гололобовъ и подвинулъ Владимiру Ивановичу спички.

— Что?—переспросилъ Владимiръ Ивановичъ, потому что не могъ сразу уяснить себѣ умное или глупое сказалъ подпрапорщикъ.

— Я не знаю, почему я обязанъ говорить только новыя, неизбитыя вещи,—поднявъ глаза, сказалъ подпрапорщикъ Гололобовъ.—Я думаю, что я долженъ говорить только правдивыя мысли...

— Гм... да... — сказалъ Владимiръ Ивановичъ, невольно думая о томъ, можно ли въ данномъ случаѣ сказать «правдивыя» мысли.

— Конечно, это такъ,—согласился онъ, не рѣшивъ своего вопроса. — Но къ этому уже давно пора привыкнуть, — докончилъ онъ, неувѣренно чувствуя, что говоритъ не то, что надо, и сердясь за это не на себя, а на подпрапорщика.

— Я думаю, что это плохое утѣшенiе для всякаго приговореннаго къ смертной казни. И, навѣрное, онъ ни о чемъ не думаетъ, кромѣ какъ о казни.

И съ страннымъ для его неподвижнаго лица выраженiемъ интереса Гололобовъ прибавилъ:

— А вы развѣ думаете, что это не такъ?

Это выраженiе интереса польстило Владимiру Ива-

новичу. Онъ подумалъ, выпустилъ дымъ изо рта и, закинувъ голову, сказалъ:

— Нѣтъ, я думаю, что это такъ, конечно. Но вѣдь смертная казнь, во-первыхъ, насиліе... грубое и противоестественное, а во-вторыхъ, стоитъ ближе къ человѣку...

— Нѣтъ, и смерть—неестественное явленіе и насиліе, — сейчасъ же, какъ-будто онъ только что обдумывалъ этотъ вопросъ, возразилъ подпрапорщикъ.

— Ну, это только красивая фраза и больше ничего!—добродушно-насмѣшливо воскликнулъ Владиміръ Ивановичъ.

— Нѣтъ... Я не хочу умирать, но умру. Но мнѣ есть желаніе жить, и весь я приспособленъ къ жизни, а все-таки я умру. Это и насиліе и противоестественно. Это было бы красивой фразой, если бы въ дѣйствительности было не такъ... Но оно такъ, а потому это уже не фраза, а фактъ.

Гололобовъ выговорилъ это серьезно и медленно.

— Но это законъ природы!—пожалъ плечами Владиміръ Ивановичъ и почувствовалъ, что у него начинаетъ болѣть голова и что воздухъ въ комнатѣ очень тяжелъ.

— И смертная казнь есть законъ. А отъ кого исходитъ этотъ законъ — это все равно... отъ природы или иной власти. И тѣмъ тяжелѣе, что со всякою иною властью бороться можно, а съ природой и бороться нельзя.

— Ну, да,—съ досадой согласился Владиміръ Ивановичъ.—Но часъ смерти намъ неизвѣстенъ!

— Это правда,—согласился Гололобовъ. — Но зато осужденный на казнь до самой послѣдней минуты, вѣроятно, надѣется на прощеніе, на случай, на чудо. Но никто не надѣется жить вѣчно.

— Но зато всѣ надѣются жить долго.

— На это нельзя надѣяться. И не долго, потому что жизнь человѣка очень маленькая, а любовь къ жизни у человѣка очень велика.

— У всякаго ли? — съ усмѣшкой спросилъ Владиміръ Ивановичъ, и ему самому было странно, что онъ усмѣхается, когда нѣтъ ничего смѣшного.

— У всякаго. У однихъ сознательно, у другихъ безсознательно. Жизнь человѣка — это онъ самъ, а себя самого всякій человѣкъ любитъ больше всего и всегда.

— Ну, такъ что же изъ этого?..

— Я не понимаю васъ, — сказалъ Гололобовъ. — О чемъ вы меня спрашиваете?

Владиміръ Ивановичъ вдругъ почувствовалъ, что отъ этого неожиданнаго вопроса подпрапорщика онъ забылъ, что хотѣлъ сказать. Нѣсколько времени онъ тупо и покраснѣвъ смотрѣлъ на подпрапорщика и мучительно старался поймать ускользнувшую мысль; но вмѣсто того онъ подумалъ, что Гололобовъ, должно быть, считаетъ его дуракомъ и издѣвается надъ нимъ. Эта мысль была для него положительно ужасна. Онъ сначала поблѣднѣлъ, а потомъ побагровѣлъ, такъ что даже его толстая и чистая шея налилась кровью. А потомъ мысль эта нашла исходъ въ грубомъ и зломъ взрывѣ: ему неудержимо захотѣлось крикнуть подпрапорщику что-нибудь грубое, отчаянно оскорбительное... нагнуться къ самому его тусклому, прыщеватому лицу и крикнуть.

— Ну, да къ чему вы всю эту чушь нагородили? — визгливо почти крикнулъ онъ, мучительно сдерживаясь, чтобы не сказать еще большей грубости.

Гололобовъ быстро всталъ, вытянувшись во фронтъ, но прежде, чѣмъ Владиміръ Ивановичъ успѣлъ что-либо подумать, опять сѣлъ и сказалъ довольно тихо, но отчетливо:

— Къ тому, что таковы мои чувства и убѣжденія, и я намѣренъ лишить себя жизни.

Владиміръ Ивановичъ широко раскрылъ глаза, пошевелилъ губами и уставился на подпрапорщика. Под-

прапорщикъ сидѣлъ передъ нимъ попрежнему неподвижно и въ прежней позѣ, помѣшивая ложечкой въ стаканѣ. Владиміръ Ивановичъ смотрѣлъ на него, и чѣмъ больше смотрѣлъ, тѣмъ въ головѣ его что-то становилось все яснѣе и яснѣе. Какая-то мысль вертѣлась у него въ мозгу. Онъ сдѣлалъ усиліе, и вдругъ все стало ясно. И, не довѣряя себѣ и почти еще считая свою мысль невѣроятною, Владиміръ Ивановичъ спросилъ:

— А скажите, Гололобовъ, вы, часомъ, не сумасшедшій?

Гололобовъ потупилъ глаза и пошевелилъ своими узкими вздернутыми плечами.

— Я самъ такъ думалъ сначала.

— А теперь?

— А теперь думаю, что я вовсе не сумасшедшій и что въ томъ намѣреніи лишить себя жизни, которое я имѣю, нѣтъ ничего абсурднаго.

— По-вашему, самоубійство безъ всякаго повода...

— У меня есть поводъ, — перебилъ его Гололобовъ.

— Какой? — съ любопытствомъ спросилъ Владиміръ Ивановичъ.

— Я уже сказалъ вамъ, удивленно отвѣтилъ подпрапорщикъ.

Онъ помолчалъ, а потомъ заговорилъ вѣжливо, но, видимо, съ усиліемъ:

— Я сказалъ, что жизнь человѣка нахожу жизнью приговореннаго къ смертной казни. И, не желая и не будучи даже въ силахъ дожидаться... я хочу самъ...

— Накакого смысла, — сбивчиво возразилъ Владиміръ Ивановичъ, — совершить насиліе... ради... избавленія отъ насилія...

— Не ради избавленія, — избавиться нельзя, а ради прекращенія жизни приговореннаго къ смерти... Лучше ужъ скорѣе.

Владиміръ Ивановичъ почувствовалъ, какъ что-то холодное и непріятное пробѣжало у него по спинѣ и отозвалось въ колѣняхъ.

— Не все ли равно!—сказалъ онъ.

Гололобовъ молчалъ.

— Послушайте, — заговорилъ Владиміръ Ивановичъ (ему казалось, что очень нетрудно разубѣдить подпрапорщика въ справедливости его странныхъ убѣжденій), — развѣ вы не понимаете, что это будетъ насиліемъ надъ самимъ собою...

— Нѣтъ, это будетъ насиліемъ моего духа надъ природой... это прежде всего... а потомъ—да...

— Но развѣ вашъ духъ—не то же созданіе природы, что и ваше тѣло, и...

Вдругъ Гололобовъ улыбнулся. Въ первый разъ Владиміръ Ивановичъ видѣлъ его улыбающимся, и улыбка эта его поразила: большой ротъ подпрапорщика растянулся чуть не до ушей, глазки сузились, и все лицо его расплылось въ безсмысленную гримасу добродушнаго пьянаго.

— Я это очень хорошо знаю, — отвѣтилъ онъ: — и то и другое — созданіе природы, но не одинаково важныя для меня. Духъ мой есть именно я, а тѣло — только случайное помѣщеніе, не больше.

— Но если кто ударитъ по вашему тѣлу, вамъ будетъ больно?

— Да.

— Значитъ...

— Если бы тѣло мое было именно я, то я бы остался жить,—перебилъ его Гололобовъ.—Смерть не была бы тогда приговоромъ къ казни: вѣдь и послѣ смерти моей тѣло останется. Тѣло есть вѣчно.

Владиміръ Ивановичъ не могъ не улыбнуться.

Самый оригинальный парадоксъ, который я когда-либо слышалъ.

— Нѣтъ, въ немъ нѣтъ ничего ни оригинальнаго, ни парадоксальнаго. Это—фактъ: тѣло есть вѣчно. Я умру, тѣло распадается на атомы, атомы сложатся въ какую-нибудь иную форму, но сами не измѣнятся, и ни одинъ не исчезнетъ. Сколько было въ мірѣ атомовъ, когда было мое тѣло, столько ихъ будетъ и тогда, когда я умру. Можно даже допустить, что комбинація когда-нибудь повторится, и будетъ та же форма. Это пустяки... Духъ умретъ.

Владиміръ Ивановичъ развелъ руками. Онъ уже не считалъ подпрапорщика сумасшедшимъ и вообще не могъ отдать себѣ отчета, имѣетъ ли даже смыслъ то, что онъ, подпрапорщикъ, говоритъ, но въ душѣ у него было тяжело, и какой-то грозный внутренній, еще непонятный смыслъ всего того, что съ нимъ случилось, шевелился во всемъ: и въ словахъ подпрапорщика, и въ тяжеломъ свѣтѣ лампы, и въ немъ самомъ, и въ безтолковой пустой комнатѣ.

— А можетъ и нѣтъ,—все-таки возразилъ онъ, — развѣ вы знаете, что загробной жизни нѣтъ?

— Я этого не могу знать, — отвѣтилъ Гололобовъ и качнулъ головой.—Но это все равно.

— Какъ все равно?

— Все равно: если нѣтъ, то духъ мой исчезнетъ, а если есть какая бы то ни было, то все-таки *мой* духъ исчезнетъ, — ударяя на словѣ «мой», подтвердилъ подпрапорщикъ. — Я исчезну. Будетъ ли потомъ духъ мой святымъ въ раю, или грѣшникомъ въ аду, или переселится въ другое существо, — *я*, именно *я*, мои пороки, привычки, смѣшныя и прекрасныя особенности, мои сомнѣнія, мой умъ, моя глупость, мой опытъ и мое незнаніе, все то, что было именно подпрапорщикомъ пѣхотнаго полка, человѣкомъ Гололобовымъ, все исчезнетъ. Будетъ что угодно, но не Гололобовъ.

Владиміръ Ивановичъ чувствовалъ себя и физиче-

ски скверно: ноги дрожали и голова болѣла, и ему было грустно, досадно, тяжело, страшно и пусто.

«Ну, его къ чорту!» подумалъ онъ. «Это сумасшедшій, съ нимъ и самъ съ ума спятишь!».

— Прощайте! — отрывисто сказалъ онъ и всталъ, точно его толкнулъ кто.

Гололобовъ тоже всталъ и попрежнему вѣжливо отвѣтилъ:

— Прощайте.

Владиміръ Ивановичъ надѣлъ пальто, шляпу, калоши, взялъ палку и, не глядя на подпрапорщика, подалъ ему руку.

Они вышли вмѣстѣ въ темныя сѣни, гдѣ все такъ же, еще сильнѣе даже, пахло теплымъ хлѣбомъ и дрождями, и Гололобовъ отворилъ дверь на улицу.

— Прощайте, — еще разъ сказалъ Владиміръ Ивановичъ.

Подпрапорщикъ изъ темныхъ сѣней отвѣтилъ:

— Прощайте.

Владиміръ Ивановичъ, осторожно ощупывая палкой, грузно спустился съ крыльца.

— Смотрите, не вздумайте и вправду того... отъ скуки!—весело, какъ ему казалось, но на самомъ дѣлѣ вовсе не весело, сказалъ Владиміръ Ивановичъ.

— Я сказалъ, что таковы мои убѣжденія...

— Глупости! Прощайте! — почти со злобой закричалъ Владиміръ Ивановичъ и чуть не бѣгомъ пустился отъ крыльца.

II.

Владиміръ Ивановичъ слышалъ, какъ стукнула дверь и поспѣшно зашагалъ по улицѣ. Дождь усилился и вѣтеръ тоже. Но Владиміру Ивановичу это было пріятно, и онъ даже сдвинулъ фуражку на затылокъ. Лобъ у него былъ тяжелый и потный.

Разъ онъ оглянулся и уже далеко позади увидѣлъ красноватую точку освѣщеннаго окна, неподвижно стоявшую въ темной мглѣ ночного дождя.

— Чортъ знаетъ что такое!—недоумѣло повторялъ самъ себѣ Владиміръ Ивановичъ, звучно шлепая по лужамъ и чувствуя, что правый ботинокъ весь въ водѣ.

Владиміръ Ивановичъ самъ не могъ понять, серьезно ли было то, что было, или это была глупость—неизвѣстно даже, съ чьей стороны. Но все-таки ему почему-то уже не казалось, что если—глупость, то со стороны подпрапорщика. Весь разговоръ представлялся ему тяжелымъ бредомъ, и даже не бредомъ, а просто чѣмъ-то въ родѣ ядовитаго, тяжелаго запаха.

Владиміръ Ивановичъ шелъ, глядя себѣ подъ ноги и стараясь успокоиться и прогнать какое-то скверное, сосущее чувство, засѣвшее гдѣ-то въ самой глубинѣ его души.

— Чего я, собственно, такъ огорчился? — съ ироніей спрашивалъ онъ самъ себя, но отъ этого вопроса тяжелое чувство не утихло, а даже усилилось до болѣзненной тоски.

«А что, какъ онъ и вправду застрѣлится!» вдругъ пришло ему въ голову.

И въ первый разъ съ осязательной ясностью Владиміръ Ивановичъ понялъ, что все это были не теоретическія безвредныя разсужденія, а нѣчто неразумно-ужасное, мрачное и давящее живую душу, — душу человѣка, который сейчасъ еще живъ, а черезъ минуту, быть можетъ, исчезнетъ. Впечатлѣніе было такъ сильно, что Владиміръ Ивановичъ даже остановился, какъ вкопанный. Дождь шумѣлъ непрестанно и медленно. Владиміръ Ивановичъ разомъ повернулся всѣмъ тѣломъ и побѣжалъ назадъ, не обращая вниманія на лужи, скользя и сбиваясь въ жидкую грязь. Запыхавшись, весь въ поту, съ фуражкой, сдвинувшейся на затылокъ, онъ добѣ-

жалъ до квартиры Гололобова и остановился, какъ давеча, передъ освѣщеннымъ окномъ. Сначала ему показалось, что онъ видитъ лицо подпрапорщика, но то былъ освѣщенный бокъ самовара. Лампа попрежнему горѣла на томъ же мѣстѣ, и виденъ былъ стаканъ съ недопитымъ чаемъ и блестящей ложечкой. Но самого подпрапорщика не было. Владиміръ Ивановичъ въ нерѣшительности медлилъ передъ окномъ. Ему чудилось, что тамъ, въ комнатѣ, стоитъ страшная тишина и неподвижность, а посреди комнаты лежитъ убитый подпрапорщикъ. Владиміръ Ивановичъ удивительно быстро представилъ себѣ его фигуру, раскинувшуюся на полу, съ блѣднымъ лицомъ, неподвижными глазами, струйкой крови на вискѣ и на полу, съ револьверомъ зажатымъ въ омертвѣвшихъ пальцахъ. Владиміру Ивановичу показалось даже, что надъ столомъ, заволакивая лампу плыветъ и колышется дымъ; но въ это время на пристально напряженные глаза его набѣжали слезы, а когда онъ сморгнулъ ихъ, дыма уже не было. Владиміръ Ивановичъ простоялъ такъ минутъ пять, не сводя глазъ съ окна и чувствуя, что надо, и какъ можно скорѣе, сдѣлать что-то важное, неизмѣримо важное, и это его мучило. Но что, онъ не зналъ.

«Это, наконецъ, сумасшествіе!» пожалъ плечами, растерянно улыбаясь, Владиміръ Ивановичъ, и ему стало ужасно стыдно, чтобы кто-нибудь, а главное — самъ Гололобовъ, не увидѣлъ его передъ окномъ.

«Подпрапорщикъ спитъ, навѣрное, а я торчу тутъ какъ дуракъ! — со злобой подумалъ онъ. — Да и чего я испугался? Всѣ мальчишки собираются застрѣлиться и всѣ, слава Богу, живы остаются! Чортъ бы его побралъ!»

Владиміръ Ивановичъ рѣшительно повернулся, возмущенно поднялъ воротъ пальто, надвинулъ фуражку и пошелъ обратно; не оборачиваясь, онъ свернулъ въ

переулокъ и вошелъ въ свой дворъ. Въ большомъ домѣ у хозяевъ слабо свѣтился огонекъ синей лампадки, а въ окнахъ его флигеля было темно. И эти темныя окна показались ему какими-то жуткими. И только сейчасъ въ первый разъ онъ обратилъ вниманіе на свой флигелекъ: это былъ старый, облупившійся домъ, весь задвинутый въ темную неподвижную массу деревьевъ сада. Среди этихъ огромныхъ молчаливыхъ деревьевъ домъ казался маленькимъ, таинственнымъ, и Владиміру Ивановичу вдругъ стало страшно, что онъ живетъ и сегодня будетъ спать ночью въ такомъ домѣ.

— Ну, это ужъ совсѣмъ глупо!—съ полнымъ негодованіемъ, чуть не вслухъ, сказалъ себѣ Владиміръ Ивановичъ.—До чего можетъ довести себя человѣкъ!

Онъ рѣшительнымъ шагомъ взошелъ на крыльцо, заскрипѣвшее подъ ногами, и постучалъ въ дверь одинъ разъ и другой. За дверью царствовало молчаніе, и тишина нарушалась только медленнымъ непрестаннымъ шорохомъ дождя и журчаніемъ воды, лившейся гдѣ-то съ крыши въ бочку. Владиміръ Ивановичъ постучалъ еще и еще изо всей силы и почти обрадовался, услышавъ за дверью шаги своего Пашки и его сонный голосъ:

— Кто тамъ?

— Я,—отвѣчалъ онъ громко, и какъ-будто отъ звука его голоса все пробудилось и исчезъ оттѣнокъ таинственности, дѣлавшій все такимъ страшнымъ. Шопотъ дождя сталъ обыкновеннымъ шумомъ; вода бойко и даже весело зажурчала въ бочкѣ: въ окнахъ мелькнулъ свѣтъ и разсѣялъ тяжелую тьму, а садъ точно отступилъ назадъ, и Владиміръ Ивановичъ ясно увидѣлъ обыкновенныя добродушныя деревья, покачивающіяся отъ вѣтра.

Владиміръ Ивановичъ пошутилъ о чемъ-то съ Пашкой, приказалъ завтра разбудить себя пораньше, весело раздѣлся и легъ на кровать.

Пашка, зѣвая во весь ротъ, забралъ его сапоги и ушелъ.

Но когда Пашка, ушелъ, и Владимiръ Ивановичъ остался одинъ, онъ тотчасъ же почувствовалъ, что то гнетущее тоскливое чувство, которое возбудилъ въ немъ разговоръ съ Гололобовымъ, не прошло, что оно тутъ, въ немъ, и сейчасъ выйдетъ наружу, и опять будетъ страшно и грустно. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Владимiръ Ивановичъ чувствовалъ что онъ не можетъ ничѣмъ помѣшать этому, и заметался въ тоскѣ. Онъ покрутилъ повыше огонь лампы, хотѣлъ читать—не могъ, бросилъ книгу, потушилъ лампу и закурилъ папиросу. Красный огонекъ папиросы тихо тлѣлъ въ его рукахъ и, по временамъ вспыхивая, освѣщалъ часть стѣны, узоръ обоевъ, пальцы и одѣяло и усы Владимiра Ивановича.

«А все-таки этотъ подпрапорщикъ удивительно странный человѣкъ», думалъ Владимiръ Ивановичъ, и ему было немного непрiятно, что нашелся въ одномъ съ нимъ городѣ, такъ близко отъ него, человѣкъ чѣмъ бы то ни было удивительный, и этотъ человѣкъ не онъ, Владимiръ Ивановичъ Солодовниковъ.

«И какъ это я его раньше не замѣчалъ? Чего онъ дурачкомъ прикидывался?» подумалъ Владимiръ Ивановичъ и сейчасъ поймалъ себя на дурномъ чувствѣ. «И неправда вовсе онъ не прикидывался, а просто я не могъ его замѣтить... Почему? Неужели же я такъ... глупъ, или... что не могъ его понять? Этого не можетъ быть!» усмѣхнулся Владимiръ Ивановичъ, самъ не зная, почему именно не можетъ быть.

«Слишкомъ я, просто, былъ занятъ самимъ собой», поежился Владимiръ Ивановичъ. «А отчего? Оттого, что прiучили къ этому окружающiе идiоты: никакъ не ожидалъ, что между ними можетъ найтись... А можетъ и не потому? Почему же я такъ былъ занятъ собой? Вотъ хоть тому же подпрапорщику пришли въ голову такiя

мысли... конечно, незрѣлыя», съ удовольствіемъ подумалъ Владиміръ Ивановичъ, «но важныя, а мнѣ не приходили? Чѣмъ же я былъ такъ занятъ въ себѣ? Не наружностью же... И почему же тогда я воображалъ, что я выше всѣхъ? Всякій человѣкъ, положимъ, это воображаетъ. И я, значитъ, такой же человѣкъ, какъ и всѣ? Ну, конечно же! Глупости какія лѣзутъ въ голову...»

Папироса уже догорала. Владиміръ Ивановичъ пыхнулъ въ послѣдній разъ и отшвырнулъ окурокъ на середину комнаты. Красная точка, описавъ въ темнотѣ полукругъ, упала, разсыпалась искорками и покатилась, а потомъ осталась лежать неподвижно въ темнотѣ. Изъ оранжевой она сдѣлалась красной, потомъ незамѣтно стала дѣлаться все меньше и меньше. Владиміръ Ивановичъ лежалъ неподвижно и смотрѣлъ на огонекъ.

«И почему это я никогда не думалъ о томъ? То-есть, я думалъ, но какъ-то незамѣтно. А вѣдь это, и вправду, ужасно: вотъ живемъ мы всѣ, живемъ, а потомъ умремъ. Такъ зачѣмъ же тогда не говорю ужъ наши заботы, огорченія и радости, а даже наши идеалы.... Вотъ Базаровъ говорилъ, что лопухъ выростетъ, а въ сущности и еще того хуже: и этого неизвѣстно. Можетъ, и лопухъ не выростетъ, а просто ничего не будетъ. Завтра помрутъ всѣ кто меня зналъ, бумаги мои, сданныя въ архивъ, съѣдятъ крысы или ихъ сожгутъ и все будетъ кончено. Никто и не вспомнитъ обо мнѣ. Сколько милліоновъ людей существовало до меня, а гдѣ они? Я вотъ хожу по пыли, а эта пыль вся пропитана остатками тѣхъ людей, которые такъ же были самоувѣренны, какъ и я, думали, что это очень важно, что они живутъ!»

Огонекъ папиросы вдругъ исчезъ. Владиміръ Ивановичъ моргнулъ глазами но огонекъ исчезъ окончательно.

«Вотъ огонекъ горѣлъ... и нѣтъ его! Пепелъ остался: можетъ быть, можно опять зажечь, но это ужъ будетъ

не то... Того огня, что горѣлъ, того ужъ не будетъ!.. Меня не будетъ».

И, чувствуя какой-то непріятный ознобъ въ ногахъ и спинѣ, Владиміръ Ивановичъ подумалъ:

«Доктора Солодовникова... нѣтъ, не такъ... доктора Владиміра Ивановича Солодовникова уже никогда не будетъ...»

Онъ повторилъ эти слова нѣсколько разъ съ ужасомъ и упорствомъ отчаянія. Сердце билось неровно и быстро, въ груди было невыносимо тяжело, и на лбу явственно выступилъ потъ.

«Меня ужъ не будетъ! Неужели же?.. Ну, конечно! Все будетъ: и деревья, и люди, и чувства,—много пріятныхъ чувствъ, любовь и все такое,—а меня не будетъ. Я даже смотрѣть на это не буду. Не буду даже знать, есть ли это все или нѣтъ! То-есть, даже не то, что «не буду знать», а просто меня совершенно не будетъ! Просто? Нѣтъ, это не просто, а ужасно, жестоко и безсмысленно! Зачѣмъ же я тогда жилъ, старался, считалъ это хорошимъ, а то дурнымъ, думалъ, что я умнѣе другихъ?.. Все равно меня не будетъ».

Владиміръ Ивановичъ почувствовалъ, будто глаза у него стали мокрые; и ему было стыдно этого, и онъ обрадовался этому, думая, что слезы облегчатъ то невыносимо холодное и тяжелое чувство, которое давило его. Но глаза были сухи и широко пялились въ темноту. Владиміръ Ивановичъ тяжело и съ усиліемъ вздохнулъ и весь обомлѣлъ отъ тоски и страха.

«И меня черви съѣдятъ... Долго будутъ ѣсть, а я буду лежать неподвижно. Они будутъ ѣсть, копошиться... бѣлые, склизкіе... Пусть лучше меня сожгутъ... Нѣтъ, это тоже ужасно! Зачѣмъ же я жилъ?»

Владиміръ Ивановичъ почувствовалъ, что онъ все больше и больше судорожно дрожитъ. Вѣтеръ гудѣлъ за окномъ, а въ комнатѣ было тихо и неподвижно.

«И вѣдь я умру скоро... Можетъ быть, я завтра умру... сейчасъ! Вѣдь это такъ просто: заболитъ самымъ невиннымъ образомъ голова, а потомъ все хуже; хуже... и смерть... Я вѣдь самъ знаю, что это просто, знаю, какъ и почему это, а между тѣмъ остановить и предупредить не могу! Умру. Можетъ завтра, можетъ, сейчасъ... Можетъ, я и вправду уже простудился, когда стоялъ подъ окномъ, и уже умираю... Мнѣ еще кажется, что я здоровъ, а во мнѣ уже начался окончательный процессъ».

Владимiръ Ивановичъ хотѣлъ пощупать себѣ пульсъ, но сейчасъ же бросилъ и съ отчаянiемъ уставился въ потолокъ, котораго не было видно. И вверху надъ нимъ, и съ боковъ, вездѣ была холодная сѣро-черная тьма, среди которой было еще страшнѣе и печальнѣе то, что онъ думалъ.

«Все равно я не могу остановить! Да если бы и остановилъ сейчасъ, все равно рано или поздно умру: вѣдь не буду же я безсмертенъ. И какъ это я, да и всѣ мы думаемъ, тчо медицина великая наука? Сегодня поможетъ, завтра поможетъ, а, въ концѣ концовъ, все равно всѣ умрутъ: и здоровый и больной... и... какъ это ужасно. Я вѣдь не боюсь смерти, но зачѣмъ же непремѣнно смерть? Какой смыслъ, кому нужно? Нѣтъ, я боюсь, боюсь...»

Владимiръ Ивановичъ вдругъ притихъ: онъ вспомнилъ о воскресенiи мертвыхъ и загробной жизни. Точно что-то мягкое, тихое и ласкающее опустилось на его измученный мозгъ, и ему стало хорошо и спокойно.

Но сейчасъ же все вспыхнуло со злостью, ненавистью и отчаянiемъ.

«О, глупости! Вѣдь никто, никто не вѣритъ этому, и я не вѣрю и нельзя вѣрить! Какой смыслъ въ этомъ? Кому, на кой чортъ нужны безтѣлесныя души, лишенныя формы и чувствъ, и индивидуальности, плавающія въ эѳирѣ? Да и все равно, потому что страхъ все-таки остается: все-таки мы ничего не знаемъ, кромѣ факта

смерти... А подпрапорщикъ правъ, что, чѣмъ ждать въ этомъ вѣчномъ ужасѣ, лучше самому... Тутъ есть что-то облегчающее, въ томъ, что — самъ. Вотъ, возьмешь и сдѣлаешь... И даже какъ-будто займетъ то, что дѣлаешь, и не замѣтишь самаго ужаснаго момента умиранія... А естественнымъ путемъ — до самаго послѣдняго момента будешь надѣяться и глупо надѣяться, потому что все равно, если и не умрешь въ этотъ разъ, то умрешь въ другой, а непремѣнно умрешь и... надѣяться не надо! И до послѣдняго мгновенія бояться... даже не бояться, а умирать отъ страха»...

Владиміръ Ивановичъ зажалъ уши ладонями, точно кто-то оглушительно и монотонно кричалъ ему въ ухо безконечное число разъ одно и то же слово:

«Смерть, смерть, смерть, смерть, смерть...»

— А-а!—вдругъ завизжалъ Владиміръ Ивановичъ и разомъ вскочилъ на кровати.

Все было темно и неподвижно. Чуть-чуть только свѣтилось окно въ садъ смутнымъ сѣрымъ пятномъ. А за окномъ мотались черныя вѣтви.

«Ну, его къ чорту! О, будь ты проклятъ! Не хочу, не хочу!» дико думалъ Владиміръ Ивановичъ, охвативъ изо всѣхъ силъ руками колѣни и задерживая дыханіе. И гдѣ-то, еще глубже этой первой мысли, не переставая, шевелилась другая, неуловимая, но ужасная своею ясностью и неопровержимостью: «Все равно, кричи не кричи, а такъ будетъ... умру... умру!..»

Владиміръ Ивановичъ скрипнулъ зубами, схватилъ себѣ обѣими руками за волосы, упалъ лицомъ въ подушку и застылъ. Въ ушахъ у него невыносимо шумѣло, и сквозь этотъ шумъ прорывался тихій, протяжный, невыносимо печальный звонъ.

Владиміръ Ивановичъ выпустилъ волосы, повернулся лицомъ кверху и широко раскрылъ глаза. Отчаяніе исчезло, вмѣсто него была пустота. И эта пустота была

хуже, невыносимѣе отчаянія; это была пустота мертвеца.

«Лучше самому», подумалъ гдѣ-то далеко въ глубинѣ мозга Владиміръ Ивановичъ и почувствовалъ, что лицо у него совершенно неподвижное и холодное, и холодныя руки и ноги.

«Лучше самому», повторилъ онъ мысленно и тихо, точно крадучись, сталъ вставать съ кровати, потихоньку высовывая ноги изъ-подъ одѣяла на холодный полъ.

«И какой идіотъ думаетъ о томъ, какъ лучше и честнѣе и умнѣе жить, когда надо думать о томъ, какъ ужсано умирать?» со злобой думалъ онъ, вставая и, точно въ бреду, вглядываясь въ яркое красное пламя, стоящее передъ нимъ, и чье-то ужасное блѣдное лицо.

Но это было лицо Пашки, который со свѣчой въ рукѣ стоялъ передъ нимъ.

— Владиміръ Ивановичъ, за вами пришли! — говорилъ онъ.

Владиміръ Ивановичъ тупо на него смотрѣлъ и удивлялся, чего нужно Пашкѣ среди ночи и отчего у него такое блѣдное лицо. За спиной Пашки торчала и еще одна знакомая, совершенно вытянутая физіономія.

— А, что? Чего вамъ? — недоумѣло спросилъ Владиміръ Ивановичъ.

— Вы извините, докторъ, пожалуйста, — заговорила другая фигура и, выступивъ впередъ, оказалась большимъ длиннымъ приставомъ, на которомъ уныло болтались усы и шашка. — Пришлось васъ побезпокоить: тамъ такое происшествіе, а Леонида Григорьевича нѣтъ въ городѣ.

Владиміръ Ивановичъ опустился на кровать, натянулъ одѣяло на голыя ноги и смотрѣлъ на болтающіеся усы, вспоминая съ усиліемъ, что Леонидъ Григорьевичъ его коллега, городской врачъ.

— Тамъ, знаете, вольноопредѣляющійся одинъ за-

стрѣлился, — продолжалъ приставъ, точно извиняясь за безтактность самоубійцы, выбравшаго такое неудобное время.

— Подпрапорщикъ, — машинально поправилъ Владиміръ Ивановичъ.

— Ну, да, то-есть, подпрапорщикъ. Вы, можетъ быть, изволите знать: Гололобовъ... Дознаніе необхо...

Будто что-то ударило по лбу Владиміра Ивановича.

— Гололобовъ? — съ дикимъ любопытствомъ закричалъ онъ. — Такъ-таки застрѣлился?

Приставъ отооропѣло болтнулъ усами.

— Развѣ вы знаете?

— Ну конечно, онъ мнѣ самъ сказалъ, — торопливо захлебываясь и не попадая ногой въ сапогъ, бормоталъ Владиміръ Ивановичъ.

— Какъ? Когда? — вдругъ совсѣмъ другимъ голосомъ заговорилъ приставъ.

— Говорилъ, говорилъ... а впрочемъ, я вамъ послѣ скажу! — сбивчиво бормоталъ Владиміръ Ивановичъ, дрожащими руками натягивая пиджакъ.

III.

За воротами ждалъ извозчикъ, хотя до квартиры подпрапорщика можно было и пѣшкомъ дойти за пять минутъ. Владиміръ Ивановичъ не замѣтилъ, какъ и когда онъ сѣлъ на дрожки и какъ и когда слѣзъ съ нихъ передъ квартирой подпрапорщика Гололобова. Онъ замѣтилъ только, что дождя нѣтъ, небо было свѣтлѣе и вверху какъ-будто сверкали звѣзды.

Теперь двери въ булочную были отворены. На тротуарѣ стоялъ городовой и еще какіе-то смутныя, волнующіяся фигуры. Въ сѣняхъ, гдѣ попрежнему крѣпко пахло печенымъ хлѣбомъ и кислыми дрождями, толпи-

лись дворники и городовые. Владиміру Ивановичу показалось, что ужасно много городовыхъ и дворниковъ. Была настежь отворена и дверь въ комнату подпрапорщика, гдѣ попрежнему горѣла лампа и было пусто и тихо.

Владиміръ Ивановичъ вошелъ и съ дикимъ любопытствомъ уставился на убитаго.

Гололобовъ лежалъ, смирно свернувшись колачикомъ, въ совершенно неестественной для застрѣлившагося человѣка позѣ. Лежалъ онъ прямо, посрединѣ комнаты, весь освѣщенный лампой. Никакого безпорядка въ комнатѣ не было и все было такъ же, какъ и часъ тому назадъ.

Гололобовъ, очевидно, застрѣлился сейчасъ же по уходѣ гостя.

И Владиміръ Ивановичъ догадался объ этомъ; въ памяти его совершенно отчетливо выплывало освѣщенное окно, бокъ блестящаго самовара, который онъ принялъ было за лицо прапорщика, и что-то похожее на дымъ, тянувшійся передъ лампой.

Владиміръ Ивановичъ грузно опустился на колѣни и осторожно повернулъ въ себѣ голову подпрапорщика. Она послушно повернулась на длинной, мягкой шеѣ.

То мѣсто, гдѣ Владиміръ Ивановичъ еще недавно видѣлъ и ожидалъ увидѣть знакомое тусклое лицо подпрапорщика, его безцвѣтные сѣрые глаза, незначительный носъ и бѣлые усики и брови, — представляло одно сплошное кровавое пятно. Все было разбито, обращено въ мѣсиво, залитое уже запекшейся кровью. Одинъ глазъ вытекъ, а другой былъ неестественно широко открытъ. Но этотъ глазъ уже не былъ похожъ на прекрасный человѣческій глазъ: это было противное, непрозрачное, огромное, мертвое существо, тупо и ужасно глядѣвшее на жизнь.

Владиміръ Ивановичъ вздрогнулъ и выпустилъ голову изъ рукъ.

Голова упала съ мягкимъ звукомъ.

— Изволите видѣть,—сказалъ сзади приставъ, тихо и робко: — изъ ружья застрѣлились... дробью! Утиною дробью чуть не весь стволъ набили, да въ ротъ и... видите! Боже ты мой, Боже!..

Владиміръ Ивановичъ все полусидѣлъ на полу, глядя въ бѣлобрысый затылокъ, который уже началъ синѣть.

Приставъ суетился. Подпрапорщика подняли и перенесли на кровать. Городовой, рыжій человѣкъ съ толстымъ краснымъ лицомъ, придерживая шашку, поправилъ подпрапорщику голову и перекрестился; челюсть у него прыгала, и онъ напрасно старался ее удержать.

Владиміръ Ивановичъ былъ какъ въ бреду. Онъ дѣлалъ все то, что надлежало дѣлать человѣку его профессіи. Писалъ, подписывалъ, говорилъ вполнѣ ясно, отвѣчая на вопросы пристава, но дѣлалъ это совершенно машинально и съ смутнымъ сознаніемъ ненужности и ничтожества того, что дѣлать. Его все тянуло къ кровати, на которой смирно и неподвижно лежалъ подпрапорщикъ Гололобовъ.

Когда всѣ формальности были кончены, Владиміръ Ивановичъ опять подошелъ къ кровати, постоялъ, посмотрѣлъ, зачѣмъ-то протянулъ руку и тронулъ выпученный страшный глазъ. И Владиміру Ивановичу, и городовымъ, и приставу казалось, что глазъ непремѣнно долженъ закрыться, моргнуть. Но глазъ былъ неподвиженъ. И это было странно, непріятно и страшно такъ, что всѣмъ стало жутко въ этой комнатѣ.

Но Владиміру Ивановичу только теперь съ особенной силой, яркостью и ясностью стало понятно, что подпрапорщикъ Гололобовъ умеръ. То, что было подпрапорщикомъ Гололобовымъ, уже не было ни подпрапорщикомъ, ни Гололобовымъ, ни человѣкомъ, ни существомъ, а было трупомъ. Его можно было трогать бросать, сжечь, и онъ только покорно и мертво подавался бы на всякое по-

стороннее усиліе. Но въ то же время Владиміръ Ивановичъ видѣлъ, что это именно подпрапорщикъ Гололобовъ. То, что съ нимъ произошло, было совершенно непонятно, совершенно невообразимо и неощутимо, но ужасно, противно и жалко.

Эта жалость вдругъ вынырнула откуда-то, и момента, когда она появилась, Владиміръ Ивановичъ не замѣтилъ. Но она тотчасъ же подавила собою ужасъ и брезгливость, и недоумѣніе и со страшною силой наполнила, казалось, весь организмъ Владиміра Ивановича. Ему вдругъ припомнилось все, что характеризовало живого подпрапорщика Гололобова: его походка, его позы, его стриженная голова, его глаза, некрасивое лицо, бѣлыя рѣсницы, и все это было такъ неизмѣримо прекрасно, такъ трогательно и мило въ сравненіи съ тѣмъ, что было сейчасъ. Владиміръ Ивановичъ почему-то посмотрѣлъ на лакированные сапоги, которые недавно, на живыхъ и крѣпкихъ ногахъ подпрапорщика, такъ бойко выступали по лужамъ, а теперь неподвижно страшно неподвижно лежали на бѣломъ чистомъ одѣялѣ кровати.

Владиміръ Ивановичъ поперхнулся, вздохнулъ и сразу заплакалъ, какъ-будто давно зналъ, что только это и надо, и лишь сдерживался.

Усатый приставъ даже отшатнулся отъ него. Съ минуту онъ смотрѣлъ на Владиміра Ивановича съ слегка открытымъ ртомъ, а потомъ усы его вздрогнули, и онъ неожиданно для самого себя широко и неловко улыбнулся.

Но Владиміръ Ивановичъ не видѣлъ этой улыбки; онъ безпомощно опустился на стулъ возлѣ кровати и зарыдалъ, и задрожалъ.

Приставъ испугался.

— Воды, ты!..—почему-то грозно крикнулъ онъ на городового.

Городовой, зацѣпившись шашкой за косякъ, со сту-

комъ выскочилъ въ сѣни, а приставъ растерянно сталъ уговаривать доктора:

— Владиміръ Ивановичъ, что вы-съ?! Развѣ можно! Конечно, жалко... но что же дѣлать?..

И приставъ широко и недоумѣло развелъ руками, а потомъ сердито и точно ругаясь крикнулъ:

— Да воды же! Ну!..

Воду принесъ въ глиняной чашкѣ большой старый городовой съ испуганнымъ лицомъ.

— Ну, вотъ... выпейте, докторъ! Пейте... — уговаривалъ приставъ, подавая воду.

Владиміръ Ивановичъ, стукаясь зубами о чашку, пилъ теплую воду съ запахомъ хлѣба и дрождей.

— Ну, вотъ, ну, вотъ!—обрадованно говорилъ приставъ.—Да и пойдемте отсюда... Богъ съ нимъ!

Владиміръ Ивановичъ пересталъ плакать и оглянулся недоумѣло и смущенно. И его поразило странное выраженіе лицъ, стоявшихъ передъ нимъ: и приставъ, и большой старый городовой, что принесъ воду, и другой, красный, рыжій и толстый, такъ смотрѣли, какъ-будто его припадокъ былъ неизмѣримо важнѣе и интереснѣе мертвеца, лежавшаго на постели. Всѣ смотрѣли на него, помогали ему, заботились о немъ; а мертвый подпрапорщикъ Гололобовъ лежалъ смирно и одиноко, какъ никому уже ненужная, непріятная и мѣшающая вещь.

— Пойдемте, докторъ, право!—настаивалъ приставъ.

Владиміръ Ивановичъ машинально всталъ, взялъ фуражку, поданную городовымъ, и пройдя сѣни, гдѣ хотя попрежнему пахло теплымъ хлѣбомъ и дрождями, но стоялъ и еще какой-то свѣжій, бодрый запахъ, занесенный живыми, здоровыми людьми со двора,—вышелъ на крыльцо.

И то, что онъ увидѣлъ, поразило его.

Было утро. Небо было совершенно чисто и прозрачно. Дождь прошелъ; но все было еще мокро и блестѣло,

какъ вымытое. Зелень ярко зеленѣла. Прямо противъ Владиміра Ивановича восходило еще невидимое солнце, и это мѣсто неба было ослѣпительно ярко, сіяло, горѣло и искрилось. Воздухъ дрожалъ и лился въ грудь вольными, могучими чистыми и мягкими волнами.

— А... — удивленно протянулъ Владиміръ Ивановичъ.

— Чудное утро! — сказалъ приставъ, снимая фуражку и съ удовольствіемъ подставляя свою лысую голову навстрѣчу живой прохладѣ.

— Столько дней дождь, а тутъ вдругъ этакая благодать! А?—продолжалъ съ наслажденіемъ приставъ.— Какъ хорошо, все равно... тотъ-то, бѣдняга, и не увидитъ ужъ...

И приставъ, дѣлая значительное и скорбное лицо, кивнулъ головой назадъ. И сейчасъ же Владиміру Ивановичу представилась страшная, молчаливая, почему-то, когда вездѣ свѣтло, освѣщенная лампой комната и неподвижный мервтый подпрапорщикъ. Но приставъ не могъ удержать значительнаго и скорбнаго выраженія, усы его дрогнули, носъ сморщился, и, пріятно улыбаясь, онъ сказалъ:

— И спать даже не хочется... жаль утра! Хорошо бы теперь того... выкупаться и рыбку поудить... Я — охотникъ вѣдь. А вы не ловите?

И печальная, страшная комната пропала. Владиміръ Ивановичъ опять увидѣлъ свѣтъ, небо, людей и услышалъ милый, живой голосъ пристава.

— Да, отчего же!—восторженно отвѣтилъ онъ.

И подумалъ, что приставъ прекрасный, интересный, живой человѣкъ.

— Можетъ, пойдемъ вмѣстѣ когда-нибудь?.. Я съ вами мало знакомъ, но...

— Конечно, конечно!—отвѣтилъ быстро Владиміръ Ивановичъ.

Мимо пролетѣлъ, чирикая, воробей; Владиміръ Ивановичъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ и радостно подумалъ:

«Ишь, какъ работаетъ!»

— Ну, а пока до свиданія, докторъ,—сказалъ приставъ и, вдругъ съ видимымъ усиліемъ измѣнивъ выраженіе лица изъ веселаго и легкаго на тяжелое и значительное, неестественнымъ тономъ прибавилъ: — а мнѣ еще того... надо.

Онъ пожалъ руку доктору и, видимо, боясь, чтобы тотъ не послѣдовалъ за нимъ, торопливо ушелъ въ домъ.

Владиміръ Ивановичъ снялъ шапку, широко улыбнулся и пошелъ. Проходя мимо открытаго окна, онъ увидѣлъ поблѣднѣвшую слабую лампу, и что-то рѣзкое скользнуло у него по сердцу. Но въ это время кто-то, вѣроятно приставъ, дунулъ и потушилъ лампу. Слабый огонекъ мгновенно исчезъ, и сталъ виденъ потолокъ комнаты и самоваръ, блестѣвшій отраженіемъ неба.

Владиміръ Ивановичъ шелъ по улицѣ и смотрѣлъ. И все, что было вокругъ, все двигалось, искрилось и жило. Владиміръ Ивановичъ смотрѣлъ на всякое движеніе и чувствовалъ, что-то могучее, неразрывное, что связывало его въ одно съ этимъ живымъ, движущимся міромъ. Онъ смотрѣлъ на свои ноги и, точно первый разъ ихъ видя, едва не засмѣялся: такими милыми и прекрасными показались ему онѣ.

«Вотъ, я о нихъ вовсе не думаю, а онѣ идутъ!» подумалъ Владиміръ Ивановичъ.

«И это вовсе не такъ обыкновенно, какъ я думалъ всегда... Это удивительно, чудесно и прекрасно... Вотъ я захочу протянуть руку и протяну!»

Владиміръ Ивановичъ протянулъ руку и радостно засмѣялся, глядя на выбѣжавшую на дорогу бѣлую собачонку. Собачонка шарахнулась отъ протянутой руки, тявкнула и озабоченно посмотрѣла, поднявъ ухо, на Владиміра Ивановича.

«Славная собачонка!» подумалъ Владиміръ Ивановичъ.

И еще никогда въ жизни не испытанное имъ чувство при сознаніи, что онъ и собака смотрятъ другъ на друга, а не лежатъ безразлично и неподвижно среди живущаго, двигающагося міра, нахлынуло на него.

«Все, что угодно», подумалъ Владиміръ Ивановичъ, «страхъ, боязнь, злоба, все, все... только бы это было во мнѣ, потому что это—я! Я вотъ... я иду, я думаю, я вижу, я чувствую... безразлично что... а не лежу мертвый... Я умру, разумѣется!»

И, совершенно спокойно подумавъ эту послѣднюю мысль, Владиміръ Ивановичъ вслухъ проговорилъ:

— А надо когда-нибудь поѣхать рыбу ловить съ этимъ приставомъ!

И, широко шагая, двигая руками, ногами и что есть силы набирая воздухъ въ легкія, Владиміръ Ивановичъ пошелъ дальше.

И вдругъ передъ нимъ что-то вспыхнуло, засверкало и засіяло такъ ослѣпительно ярко, что Владиміръ Ивановичъ зажмурилъ глаза.

Взошло солнце.

1902 г.

КРОВЬ.

I.

Къ молодымъ помѣщикамъ Виноградовымъ, которые только прошлой осенью обвѣнчались и жили всю зиму въ деревнѣ, пріѣхали гости два брата Борисовы и писатель Гвоздевъ.

Старшій Борисовъ былъ очень худощавый, близорукій и очень добрый человѣкъ лѣтъ тридцати. Волосы въ бородѣ и на головѣ у него были очень свѣтлые и жидкіе. Звали его Николаемъ Андреевичемъ. Былъ онъ приватъ-доцентомъ университета.

Брата его, студента, всѣ звали просто—Сергѣй, и всѣ любили за здоровую, красивую наружность, веселый, ровный характеръ, остроуміе и симпатичныя убѣжденія.

Гвоздевъ Алексѣй Петровичъ былъ беллетристъ, произведенія котораго очень цѣнились той частью публики, которая прежде всего требуетъ отъ писателя симпатичной, искренней и доброй идеи. Одѣвался онъ по-русски и волосы стригъ въ кружокъ.

Всѣ трое пріѣхали въ самомъ лучшемъ настроеніи духа, и съ ихъ пріѣздомъ оживился весь домъ. Не только господа, но и прислуга была рада пріѣзду веселыхъ и щедрыхъ гостей. А особенно былъ доволенъ самъ Виноградовъ: хотя онъ недавно женился и еще не пережилъ горячки наслажденія первыми счастливыми общеніями

съ молодой, красивой и здоровой женой, но все-таки однообразіе деревенской жизни и одной любви уже начинало тяготить его.

Когда земская бричка, запряженная парой крѣпкихъ и круглыхъ, съ подвязанными мокрыми хвостами, лошадей, звеня и громыхая, подкатила къ крыльцу виноградовскаго дома, тамъ поднялись шумъ и бѣготня. Самъ Виноградовъ, безъ пальто и шапки, въ одной старой студенческой тужуркѣ, которую дома носилъ потому, что она нравилась его женѣ, выскочилъ на крыльцо, улыбаясь съ радостнымъ и оживленнымъ видомъ.

— Вотъ молодцы ребята, что пріѣхали!—закричалъ онъ славнымъ звучнымъ голосомъ.

Гости, смѣясь и отвѣчая на привѣтствія, вываливались на обѣ стороны брички, вытаскивая за собой привезенные ружья и патронташи. За ними выскочили и двѣ прекрасныя охотничьи собаки: темно-рыжій, кудрявомягкій сетеръ Гвоздева, по кличкѣ «Аяксъ», и крѣпкій, стройный гордонъ «Марксъ», принадлежащій Сергѣю Борисову.

Подоспѣвшій работникъ Иванъ, весело скаля зубы, подхватилъ изъ брички два рогожныхъ кулька и слѣдомъ за господами втащилъ ихъ въ переднюю.

— Это что? — радостно спрашивалъ Виноградовъ, высоко поднимая брови.

Иванъ, все скаля зубы, отворотилъ уголокъ кулька и оттуда выглянули серебряныя и красныя горлушки бутылокъ. Гвоздевъ, снимавшій пальто, пріостановился и свободной рукой такъ выразительно щелкнулъ себя по воротнику, что всѣ засмѣялись.

— Ну, какъ я вамъ радъ,—говорилъ Виноградовъ, блестя глазами и помогая то одному, то другому снимать пальто и крѣпко пожимая всѣмъ руки.

Со старшимъ Борисовымъ онъ даже поцѣловался,

такъ какъ они были давнишними и крѣпкими пріятелями, товарищами по университету.

— Ну, мы, братъ больше тебя рады,—смѣялся Борисовъ,—у насъ тамъ безъ тебя какъ-то все расклеилось... Всѣ хандрятъ, скука смертная.

— Будто ужъ?—съ удовольствіемъ спросилъ Виноградовъ.

— Спроси ихъ. Да и вообще, какъ посидишь въ каменномъ мѣшкѣ, такъ радъ будешь на вольный воздухъ вырваться.

— А у насъ тутъ чего-чего, а воздуху хоть объѣдайся,—смѣясь говорилъ Виноградовъ.

— Ужъ мы видѣли дорогой... благодать!

Вышла въ переднюю и сама хозяйка, молодая жена Виноградова.

Клавдія Николаевна была очень хрупкая и нѣжная блондинка маленькаго роста, съ маленькими ножками и ручками. У нея были большіе невинные свѣтлые глаза, которые, вмѣстѣ съ мягкими вьющимися волосами, придавали ей видъ ангела, что она знала и чѣмъ она гордилась; и потому она старалась быть всегда доброй и мягкой, оправдывая это сходство. Одѣта она была по модѣ, красиво, но просторно, чтобы не такъ былъ замѣтенъ округлившійся животъ: она была беременна.

— Добро пожаловать, господа, — сказала она, радушно и со спокойнымъ кокетствомъ протягивая имъ обѣ руки.

— Не прогоните? — весело спросилъ Гвоздевъ, съ удовольствіемъ и такъ осторожно, точно она стеклянная, пожимая ей руку.

— Прогоню,—шутливо отвѣтила она.

Мужъ перебилъ ее, безпокойно и поспѣшно кидаясь къ ней.

— Уйди, уйди, Клава... дверь открыта...

Клавдія Николаевна, еще болѣе красиво кокетничая,

повела, шутя головой, какъ это дѣлаютъ избалованныя дѣти, но все-таки отступила назадъ въ залъ.

Она была очень счастлива своей беременностью и сама береглась, какъ могла, каждую минуту трепеща за своего будущаго ребенка, который, какъ ей казалось, былъ такъ нѣженъ и хрупокъ, что даже отъ повѣявшаго на нее вѣтра могъ родиться мертвымъ или уродцемъ.

Гости, деликатно стараясь ее не задерживать, поторопились освободиться отъ пальто, и всѣ черезъ залъ прошли въ столовую, гдѣ прислуга, красивая, здоровая дѣвка Аннушка, накрывала на столъ, поспѣшно гремя тарелками.

— Мы уже пообѣдали, — говорила Клавдія Николаевна съ той пріятной увѣренностью, которую даетъ сознаніе, что не будешь ложно понятой, — а вы навѣрное проголодались?

— Есть тотъ грѣхъ,—потирая руки, признавался Гвоздевъ.

— Ну, такъ я вамъ дамъ закусить. Пока выпейте водки, а потомъ я распоряжусь вамъ чего-нибудь. Вы чего хотите: можно цыплятъ или бифштексъ.

— Все равно, лишь бы чего пожрать,—разомъ отвѣтили Гвоздевъ и Сергѣй Борисовъ.

Клавдія Николаевна улыбнулась имъ и, поправляя волосы, вышла приказать зажарить цыплятъ. Мужчины шумно разсѣлись вокругъ стола, придвигая водку и закуски.

— Еле, братъ, дотащились... Раза два чуть-чуть не выкупались въ грязи,—разсказывалъ Борисовъ.

— Да, дорога страшно попортилась, — подтвердилъ Виноградовъ.—Вечеромъ вчера я ѣздилъ въ Остадное къ земскому, такъ еле вылѣзъ у овражка... знаешь, за мостикомъ?..

— Вотъ, вотъ, тамъ же и мы застряли.

— Пришлось вылѣзать и вытаскивать бричку. Мы

бы не вытащили, да какой-то ледащій мужичонка помогъ. Вообрази—самъ тощій, обтрепанный, заморенный, а говоритъ: «это—ничаво...» подлѣзъ подъ задокъ, да ка-акъ двинетъ, такъ чуть меня не задавилъ!—съ тѣмъ наивнымъ восторгомъ, съ которымъ всѣ очень слабосильные люди говорятъ о проявленіяхъ чужой силы, имъ непонятной, разсказывалъ Борисовъ.

Виноградовъ, смѣясь, слушалъ его и съ удовольствіемъ гладилъ по головѣ рыжаго Аякса, уткнувшагося мордой въ его колѣни. Онъ очень любилъ собакъ. Аяксъ радостно вилялъ хвостомъ, скашивая умные, добрые глаза на столъ.

— А вы видѣли мою собаку?—спросилъ Сергѣй и, не дожидаясь отвѣта, крикнулъ:

— Марксъ, иси!

Красивый песъ, стукаясь о колѣни сидѣвшихъ, опрометью бросился на зовъ и сталъ, точно маятникомъ колотя твердымъ хвостомъ по ножкамъ стула.

— Вотъ,—съ гордостью сказалъ Сергѣй.

Собака, точно, была очень хороша.

Виноградовъ, который любилъ выказать себя и дѣйствительно былъ знатокомъ породистыхъ собакъ, внимательно осмотрѣлъ собаку.

— Славный песъ,—съ искреннимъ убѣжденіемъ сказалъ онъ.

— Вы пощупайте носъ, горячо говорилъ Сергѣй,—какъ ледъ.

— Да,—согласился Виноградовъ, ткнувъ ладонью въ холодный, мокрый носъ собаки,—чутье, должно быть, очень хорошее. А вы ее пробовали?

Сергѣй немного омрачился потому что самъ еще не зналъ, какова собака на охотѣ, и боялся, чтобы не оказалась плоха.

— Нѣтъ еще...

— Ну вотъ завтра и попробуемъ. Мнѣ Кирилла гово-

рилъ, что уже пропасть и кряквъ, и чирковъ, а гусей я самъ вчера видѣлъ... И совсѣмъ близко... Такая досада, ружья не взялъ. Совсѣмъ не предполагалъ... Что жъ вы, господа, водки?..

Виноградовъ увѣренными движеніями разлилъ водку по рюмкамъ, и хотя самъ уже пообѣдалъ, но налилъ и себѣ «за компанію». Всѣ чокнулись и выпили, а потомъ стали вкусно и долго закусывать кильками, селедкой и маринованными грибками. Потомъ выпили еще по одной и еще, пробуя то ту, то другую закуску.

Вошла Клавдія Николаевна и присѣла за свободный край стола. Съ ея приходомъ разговоръ оживился, такъ какъ она была легкой, остроумной, а главное—хорошенькой собесѣдницей, и перешелъ на городскія темы. У Виноградовыхъ въ городѣ было много родныхъ и знакомыхъ. Въ пылу разговора мужчины незамѣтно выпили еще по четыре рюмки водки и заговорили о бывшемъ недавно кровавомъ столкновеніи двухъ политическихъ партій. Такъ какъ они всѣ были одинаковыхъ убѣжденій, то разговоръ шелъ весело и пріятно для всѣхъ, несмотря на печальную тему.

II.

Аннушка, которая была неравнодушна къ Сергѣю Борисову и очень обрадовалась его пріѣзду, опрометью побѣжала на кухню и крикнула въ дверь:

— Акулина, барыня приказали цыплятъ!..

Акулина, толстая и рыхлая баба, съ пухлымъ добродушнымъ лицомъ, подоткула подолъ юбки и отвѣтивъ:—Чичасъ!—пошла черезъ дворъ въ курятникъ.

На дворѣ уже смерклось, и зажглись звѣзды. На землѣ все казалось темнымъ и страшнымъ, а въ воздухѣ было прозрачно и пахло мокрой землей и свѣжимъ навозомъ со скотнаго двора. Въ курятникѣ было темно, хоть

глазъ выколи. Куры уже давно усѣлись на насѣстъ и спали. Только старый пѣтухъ все ворочался и кряхтѣлъ въ темнотѣ, да гдѣ-то попискивали молодые цыплята: цѣлый день они бѣгали по солнцу и весело рылись въ глубокомъ тепломъ навозѣ. Имъ было хорошо, тепло и сытно, и до сихъ поръ они не могли успокоиться и сквозь сонъ переписскивались и ворошились.

Акулина вошла въ курятникъ, нагнувшись и бормоча:

— Развѣ пестренькаго взять... да бѣленькихъ пару. Бѣленькихъ много.

Разставивъ руки, она легко, хотя ровно ничего не было видно, нашла насѣстъ и стала осторожно ощупывать куръ. Куры безпокойно завозились; но онѣ были такъ глупы, что ничего не понимали и не подозрѣвали, безпокоились, только чувствуя на себѣ пальцы Акулины, и сейчасъ же успокаивались, какъ только она переходила дальше. Когда Акулина, по ея предположенію, добралась до пестренькаго цыпленка, она крѣпко схватила его обѣими руками и понесла вонъ на свѣтъ. Цыпленокъ пронзительно запищалъ и неистово забился. Пѣтухъ громко и сердито заворчалъ, но не тронулся съ мѣста. На свѣту цыпленокъ оказался вовсе не пестренькимъ, а чернымъ, но Акулина все-таки связала ему лапки какой-то тряпкой и бросила на землю. Потомъ она опять долго шарила впотьмахъ и вынесла еще двухъ цыплятъ. Хотя и эти были не бѣлые и не пестрые, она связала имъ лапки, какъ и первому, и, взявъ ихъ всѣхъ за ноги, внизъ головой понесла въ кухню.

Цыплята испуганно пищали и рвались, совершенно не понимая, что съ ними дѣлается. Все,—и неестественное, мучительное для всякаго живого существа положеніе внизъ головой, и вечеръ, котораго они никогда не видали, засыпая вмѣстѣ съ солнцемъ,—все производило на нихъ впечатлѣніе ни съ чѣмъ не сравнимаго, смертель-

наго животнаго ужаса. Но скоро они затекли и замолчали, безпомощно разинувъ клювы, растопыривъ крылья и болтаясь головами.

— Пашка, дай ножъ-то!—громко крикнула Акулина въ открытую дверь кухни.

Пашка, двѣнадцатилѣтній сынъ Акулины и прохожаго солдата, вихрастый и рябой мальчуганъ, выученный Клавдіей Николаевной грамотѣ, бросилъ азбуку, надъ которой корпѣлъ цѣлый день, вытеръ пальцами носъ и вприпрыжку, съ большимъ ножомъ въ рукѣ, выбѣжалъ на крыльцо.

— Дай я, мамка,—попросилъ онъ, подпрыгивая.

— Ну, на,—равнодушно согласилась Акулина и дала Пашкѣ одного рыжаго цыпленка.

Пашка, съ дѣтства привыкшій и любившій убивать животныхъ, хотя былъ очень добрый и тихій мальчикъ, съ наслажденіемъ схватилъ рыжаго пѣтушка за оба крыла, положилъ головой на приступокъ крыльца и, нацѣлившись, ударилъ его ножомъ. Но уже было темно, и Пашка промахнулся, только отхвативъ пѣтушку полъголовы. Брызнуло каплями крови, мозга и вытекшаго, пополамъ перерубленнаго, глаза. Пашка ударилъ второй разъ, и обезображенная головка отскочила. Густая, почти черная кровь обильно полилась на землю, а Пашка держалъ пѣтушка за ноги и смотрѣлъ, какъ кровь льется.

— Дуракъ, почто голову срубилъ!.. Дай-кось я,—сердито проговорила Акулина, взяла ножъ и увѣренными движеніями перерѣзала горло сначала одному, а потомъ и другому цыпленку, побросала ихъ на землю и ушла въ кухню.

Первый зарѣзанный пѣтушокъ безъ крику, какъ-то бокомъ, побѣжалъ, ткнулся объ крыльцо, свалился, перевернулся и вдругъ весь задрожалъ и задергалъ ногами. Другой захрипѣлъ было, подпрыгнулъ и закружился

на одномъ мѣстѣ, какъ волчокъ, распустивъ крылья и волоча головку по землѣ.

Пашка крѣпко подхватилъ ихъ и, держа за ноги, ждалъ, пока кровь стечетъ. Рыжій пѣтушокъ и въ рукахъ Пашки долго еще дрожалъ и трепетался, но глаза всѣхъ, только что живыхъ и здоровыхъ, уже подернулись бѣловатой непрозрачной пленкой. Пашка понесъ ихъ въ кухню и сталъ скубить. Потомъ Акулина ихъ вкусно зажарила и, порубивъ на части, уродливыя, лишенныя всякаго образа и закостенѣвшія, симметрично разложила на чистомъ красивомъ блюдѣ. Пришла Аннушка, выругала Акулину, что долго, и унесла блюдо.

Господа доѣли между тѣмъ супъ, лѣниво и рѣдко перебрасываясь замѣчаніями, потому что гости были голодны и хозяева не хотѣли имъ мѣшать.

Когда Аннушка убрала тарелки и ушла за жаркимъ, разговоръ оживился съ прежнимъ интересомъ и горячностью. Сергѣй, краснѣя и горячась, разсказалъ объ одномъ студенческомъ скандалѣ. Клавдія Николаевна, которой была противна всякая грубость, жалко сморщилась и недоумѣвающе спрашивала:

— Да неужели же?

— Въ человѣкѣ всегда звѣрь сидитъ,—отозвался Борисовъ.

Разсказъ Сергѣя и слова Борисова непріятно подѣйствовали на всѣхъ, и они замолчали.

Клавдія Николаевна съ присущей силой воображенія представила себѣ грубую сцену, кровь, возбужденныя лица,—вздрогнула и, сейчасъ же поймавъ на себѣ тревожный взглядъ мужа, вдругъ поблѣднѣла: она вспомнила, что ея волненіе можетъ быть вредно для ребенка.

Виноградовъ постарался замять разговоръ.

— А вотъ и цыплята... Прошу. Наша Акулина ихъ великолѣпно готовитъ. Сергѣй, тебѣ водки?

Сергѣй мрачно выпилъ водку и сталъ ѣсть цыпленка.

— Водки, — обращался Виноградовъ къ другимъ, держа графинъ наготовѣ.

— Гм... пожалуй,—согласился Борисовъ.

Гвоздевъ только кивнулъ головой, потому что ротъ его былъ полонъ мясомъ цыпленка, и на его здоровыхъ бѣлыхъ зубахъ, которыми онъ очень гордился, вкусно похрустывали косточки рыжаго пѣтушка.

III.

Послѣ обѣда всѣ перешли въ гостиную, обставленную очень уютно и со вкусомъ.

Сюда Аннушка принесла чай, и мужчины разсѣлись вокругъ стола, на диванѣ и мягкихъ креслахъ, съ наслажденіемъ закуривая папиросы. Клавдія Николаевна, немного утомившаяся за день, такъ какъ входила во всѣ мелочи хозяйства, томно прилегла на кушеткѣ, свѣсивъ ножки на волчью шкуру, лежавшую на полу. Такъ какъ она была очень красива, и ноги у нея были красивыя, то всѣ невольно посмотрѣли на ея ноги и, считая это дурнымъ, притворились, что интересуются волчьей шкурой.

— Откуда это у тебя?—спросилъ Гвоздевъ.

— Самъ убилъ,—съ гордостью отозвался Виноградовъ.

Гости всѣ были завзятыми охотниками, а потому имъ стало завидно, что не они убили такого большого и красиваго звѣря.

— Матерой волкъ,—замѣтилъ Сергѣй.

— Волчица,—поправилъ Виноградовъ.

— Какъ убилъ, на лазу? — поинтересовался Борисовъ.

— Нѣтъ, это случайно: ѣхали мы съ Боровиковскимъ на мельницу, знаешь, черезъ рощу, что за оврагомъ.. вотъ, гдѣ вы сегодня застряли...

Борисовъ кивнулъ головой.

— Ну, вотъ... Только мы проѣхали черезъ мостъ, а онъ вдоль дороги бѣжитъ, къ оврагу пробирается... Близко, шаговъ сорокъ, не больше. Боровиковскій первый увидалъ, да пока возился съ ружьемъ, я—бацъ!.. Такъ и растянулась... Двѣ картечины изъ шести въ головѣ нашли!—самодовольно прибавилъ Виноградовъ.

— Ты хорошо стрѣляешь, — замѣтила со своей кушетки Клавдія Николаевна.

Ей была пріятна ловкость мужа и хотѣлось подчеркнуть ее и обратить на нее вниманіе другихъ.

Борисовъ, который выпилъ уже свой чай и разсматривалъ номеръ валявшагося на столѣ иллюстрированнаго журнала, нашелъ въ немъ портретъ извѣстнаго нѣмецкаго публициста.

— А это тотъ, помнишь,—показалъ онъ Гвоздеву.

Мужчины по очереди посмотрѣли. Клавдія Николаевна тоже поинтересовалась, и Виноградовъ, чтобы она не вставала, подалъ ей номеръ на кушетку.

Но портретъ толстаго и обрюзгшаго господина съ нерусскимъ бритымъ серьезнымъ лицомъ и носомъ, похожимъ на грушу, ровно ничего не говорилъ смотрѣвшимъ на него, а потому Виноградовъ спросилъ:

— Чѣмъ же онъ, собственно, замѣчателенъ?

— Развѣ ты незнакомъ съ его идеями? — спросилъ въ свою очередь Борисовъ, съ полунасмѣшливымъ удареніемъ на словѣ «идеи».

Виноградовъ кое-что припомнилъ объ этомъ писателѣ, но потому, что съ первыхъ же словъ счелъ его идеи утопичными, не обратилъ на нихъ серьезнаго вниманія.

— Смутно... Что-то насчетъ женской лиги мира и еще что-то такое...

— О раѣ на землѣ! — засмѣялся Сергѣй.

Смѣялся онъ потому, что искренно считалъ глупымъ всякаго, кто предлагалъ людямъ не ждать, пока добро-

дѣтель при посредствѣ политическихъ переворотовъ, революцій и законовъ придетъ къ нимъ, а стремиться прежде всего воспитать ее въ самихъ себѣ.

Борисовъ, который очень любилъ говорить, и говорилъ всегда такъ, какъ-будто читалъ лекцію, очень хорошо и подробно разсказалъ все, что зналъ самъ объ идеяхъ писателя.

Писатель, несмотря на свою метрвенно-прозаическую наружность, былъ большимъ мечтателемъ и идеалистомъ. Онъ ничего не говорилъ о настоящемъ, а все твердилъ о лучшемъ будущемъ и требовалъ отъ людей того, чего они не могли дать. Онъ добивался пересозданія общества и человѣка, опираясь не на факты, а только на ученіе Христа. Политика представлялась ему лишенной серьезнаго содержанія. Онъ утверждалъ, что никто въ сущности не можетъ понять, какъ люди могутъ поднимать цѣлыя бури споровъ изъ-за того, какъ будетъ называться тотъ или другой кусокъ земли, или какое у нихъ будетъ правительство. Онъ говорилъ, что истинное спасеніе людей въ трудѣ, что когда не будетъ праздности или тѣхъ формъ труда, которыя равны ей, тогда сами собой исчезнутъ зло и несправедливость, въ которыхъ ужъ не будетъ никакой нужды.

— Да вѣдь для этого надо измѣнить природу человѣка, — съ совершенно искреннимъ недовѣріемъ сказалъ Виноградовъ.

— Ну, разумѣется, — съ насмѣшкой крикнулъ Сергѣй.

Они думали и говорили такъ, потому что были, какъ всѣ, убѣждены, что человѣкъ родится злымъ и что добиться отъ него чего-либо можно только наказаніемъ или поощрительными наградами.

— Ну, а женская лига — при чемъ же здѣсь? — съ интересомъ спросила Клавдія Николаевна.

Сергѣй, съ той шутливостью, съ которой хорошо зна-

комые мужчины любятъ говорить съ нравящимися имъ женщинами, сталъ подшучивать надъ нею, говоря, что каждому свое. Всѣ смѣялись. Не оттого, чтобы сказанное Сергѣемъ было особенно смѣшно, а потому, что всѣмъ было уютно, удобно и хотѣлось быть веселыми.

— Ну, а все-таки?—настаивала Клавдія Николаевна.

Борисовъ не заставилъ себя просить. Ему было очень пріятно говорить съ хорошенькой хозяйкой.

— Вотъ въ этой-то лигѣ и вся штука... Строгій нѣмецъ обижаетъ насъ, бѣдныхъ мужчинъ...

И, впадая, какъ и Сергѣй, въ шутливый тонъ, Борисовъ продолжалъ дальше, представляя идею писателя въ комичномъ видѣ.

А идея эта заключалась въ томъ, что женщины должны были сдѣлать первый шагъ къ достиженію цѣли, образовавъ священный союзъ съ обѣтомъ не выходить замужъ за праздныхъ мужчинъ.

— Фу, глупость! — воскликнулъ Виноградовъ. — Вѣдь женщины всегда были празднѣе мужчинъ.

— И притомъ это старо, — отозвалась Клавдія Николаевна,—это я еще дѣвочкой у Фламмаріона читала.

— Да, можетъ, Фламмаріонъ у него и укралъ.

— Не стоило красть, — небрежно замѣтилъ Гвоздевъ.

— Впрочемъ, у Фламмаріона не такъ,—припомнила Клавдія Николаевна — у него женщины даютъ обѣтъ не любитъ мужчинъ, носящихъ оружіе.

— А, все равно, идея не безъ пикантности,—пошутилъ Виноградовъ.

— Вотъ я тебѣ дамъ пикантность, — погрозила ему Клавдія Николаевна.

— Онъ за идею потому, что для него она вполнѣ безопасна, — шутилъ Сергѣй, — во-первыхъ, женатъ, во-вторыхъ, цѣлый день по имѣнію мечется, а въ третьихъ, навѣрное, ни въ жизни за оружіе не возьмется.

— Да, не возьмется, — а вчера цѣлый день съ ружьемъ возился.

— Такъ то для мирныхъ цѣлей, — защищался Виноградовъ.

— Если и охоту считать за ношеніе оружія, то мы всѣ навѣки рискуемъ остаться холостяками,—смѣялся Борисовъ.

— И слѣдовало бы,—кокетливо тряхнувъ головой, заявила Клавдія Николаевна, — убиваете бѣдныхъ птичекъ.

— А оттого черствѣете и теряете способность цѣнить своихъ нѣжныхъ супругъ, — дурачливо докончилъ Сергѣй.

Опять всѣ засмѣялись.

— Да, да,—отстаивала Клавдія Николаевна, — вы напрасно воображаете, что это пустякъ... Помните, гдѣ-то сказано: не вѣсте ни дня... или нѣтъ, не такъ,—засмѣялась Клавдія Николаевна.

— Не вѣсте: души ли людей пойдутъ вверхъ, а души скотовъ внизъ,—перевирая текстъ писанія, припомнилъ Гвоздевъ.

— Или...

— Совсѣмъ наоборотъ,—подсказалъ Сергѣй.

— Или души скотовъ пойдутъ вверхъ, а души людей... — продолжалъ Гвоздевъ, который почему-то думалъ, что писатель непремѣнно долженъ знать священное писаніе.

— Вверхъ тормашками,—закончилъ Сергѣй.

— Шалопай,—ласково обозвалъ его Гвоздевъ.

Мужчины весело шутили и смѣялись, но Клавдія Николаевна вдругъ стала серьезной: мысль о душѣ животныхъ показалась ей слишкомъ унизительной для того, какъ ей думалось, великаго процесса, который совершался въ ней самой.

Хотя мысль эта была высказана вскользь, будто оче-

видная нелѣпица, но все-таки произвела на нее впечатлѣніе. Она часто видѣла беременныхъ домашнихъ животныхъ, но ей и въ голову не приходила сопоставленіе. Собственная беременность, вызывавшая такія заботы у окружающихъ ее людей, была въ ея сознаніи чѣмъ-то неизмѣримо важнымъ, полнымъ глубокаго и сокровеннаго смысла, почти чудомъ. То, что въ животныхъ не вызывало въ ней ничего, кромѣ брезгливаго хозяйственнаго вниманія, въ ней самой казалось ей единственнымъ смысломъ и цѣлью всего живущаго. И это различіе, по ея понятіямъ, было такъ естественно, что вопросъ — почему такъ, а не иначе? — никогда не приходилъ ей въ голову. Онъ не приходилъ въ голову и почти всѣмъ другимъ людямъ. И вотъ эта случайная мысль задѣла ее, почти какъ святотатство и личное оскорбленіе. Ей инстинктивно захотѣлось высказать что-нибудь уничтожающее эту мысль и возвышающее ее самое, но она не могла найти ничего.

Разговоръ перешелъ на мелочи городской жизни. Потомъ всѣ стали просить Сергѣя спѣть, и онъ спѣлъ славнымъ звучнымъ баритономъ, подъ аккомпаниментъ Виноградова:

О, поле, поле, кто тебя
Усѣялъ мертвыми костями...

Въ передней сейчасъ же столпилась вся виноградовская прислуга съ Пашкой кухаркинымъ во главѣ.

Сергѣй пѣлъ очень хорошо. Пѣлъ онъ и грустныя и веселыя пѣсни, запѣлъ даже какую-то фабричную пѣсню и, наконецъ, пустился плясать подъ неудержимый общій хохотъ.

Вечеръ до ужина прошелъ весело и непринужденно. Когда Сергѣй усталъ, заспорили о современной музыкѣ и, хотя всѣ они могли прожить безъ музыки всю жизнь, спорили очень горячо и серьезно. Клавдія Николаевна съ интересомъ прислушивалась къ ихъ спору, но подъ

конецъ утомилась, потеряла нить разговора и стала думать о томъ, о чемъ теперь постоянно думала: о своемъ ребенкѣ. Ей казалось, что это будетъ непремѣнно мальчикъ и непремѣнно похожій, какъ двѣ капли воды, на ея мужа. И она чувствовала приливъ умиленной нѣжности къ мужу и влажными глазами слѣдила за нимъ, за его красивымъ лицомъ, оживленнымъ отъ спора, и за всей его статной, сильной фигурой.

Мужчины много курили и много спорили. Ни имъ самимъ и никому отъ ихъ спора ни пользы, ни счастья не было и быть не могло, — имъ было пріятно высказывать умные и гуманные взгляды, чувствуя себя умными и гуманными людьми. Часовъ въ одиннадцать Клавдія Николаевна, слегка утомленная, но довольная, тихо встала и прошла въ кухню заказать ужинъ.

«Какіе они славные», думала она, слыша за собой горячіе, молодые мужскіе голоса.

IV.

Ужинъ прошелъ такъ же весело, какъ и весь этотъ удачный вечеръ. Когда уже убрали тарелки и пустое блюдо, и было выпито по нѣсколько рюмокъ водки, мужчины закурили папиросы, придвинули къ себѣ бутылки вина и положили локти на столъ.

Клавдія Николаевна, привыкшая, что всегда, послѣ хорошаго ужина, у мужчинъ за виномъ начинаются безконечныя и горячія бѣседы, встала, улыбаясь, пожелала гостямъ покойной ночи и ушла спать.

Когда она уже раздѣлась и легла на чистыя, свѣжія простыни, укрывшись мягкимъ теплымъ одѣяломъ, пришелъ Виноградовъ. Она никогда не засыпала безъ его поцѣлуя, и теперь ей было пріятно, что онъ и съ гостями этого не забылъ. Виноградовъ нѣжно поправилъ ей подушки и поцѣловалъ въ лобъ.

— Ну, радъ, что есть съ кѣмъ поболтать? — спросила Клавдія Николаевна, улыбаясь ему. — Хорошо, что они пріѣхали, а то тебѣ со мной скучно.

— Они — славные, — задушевно отвѣтилъ Виноградовъ, — а только мнѣ и безъ нихъ хорошо съ моей дѣточкой.

Они улыбнулись другъ другу, растроганные и любящіе.

Когда мужъ ушелъ, Клавдія Николаевна чувствовала себя счастливой отъ сознанія, что у нея такой хорошій, нѣжный, любящій мужъ и что ея жизнь такъ легка, чиста и счастлива.

И Виноградовъ былъ счастливъ сознаніемъ, что у него такая красивая и добрая жена, что она его любитъ, а слѣдовательно, онъ достоинъ любви: хорошъ, красивъ, уменъ и полонъ прекрасными чувствами и мыслями.

Виноградовъ и его гости просидѣли за столомъ чуть ли не до свѣта; курили и пили вино, что, въ соединеніи съ хорошимъ пищевареніемъ, настраивало ихъ на мечтательный ладъ. Хотя они говорили о самыхъ разнообразныхъ вещахъ, но суть ихъ разговора сводилась къ высказыванію хорошихъ, добрыхъ и честныхъ мыслей о томъ далекомъ утопическомъ времени, въ которое они не вѣрили, когда все, и люди и порядокъ жизни, будутъ не такими, какъ теперь, а гораздо лучше, когда будетъ ясно для всѣхъ разграничено понятіе о добрѣ и о злѣ.

V.

Рано утромъ работникъ Иванъ зарѣзалъ барана. Барашка этого выбралъ самъ Виноградовъ, намѣтивъ его въ стадѣ именно потому, что онъ былъ здоровѣе, жирнѣе и жизнерадостнѣе другихъ.

Такъ какъ Клавдія Николаевна боялась крови, то

Виноградовъ строго-настрого приказалъ Ивану справиться пораньше. И Иванъ всталъ до свѣта, мимоходомъ разбудилъ Пашку, а самъ пошелъ на скотный дворъ.

Былъ рѣзкій утренній холодокъ. Хотя была уже сильная весна, но лужицы за ночь затянуло тоненькимъ иглистымъ ледкомъ, чуть похрустывавшимъ подъ тяжелыми сапожищами Ивана. Утро было туманное. Вблизи казалось ясно, а дальнія строенія и деревья тонули въ мутной бѣловатой дымкѣ, которая уже начала осѣдать и тихо колыхалась. Солнце еще не всходило, но небо посвѣтлѣло и поголубѣло, и за туманомъ розовѣла полоса разсвѣта, надъ которою слабо блестѣли не золотыя, какъ ночью, а серебряныя, блѣдныя звѣзды. Чуть-чуть попахивало будто отъ невидимаго опахала, и казалось, вся земля легко и радостно дышитъ.

Все еще было голубымъ и прозрачнымъ, но очертанія ближнихъ крышъ заборовъ и деревьевъ уже начали сѣрѣть. Надъ дворомъ низко пролетѣли, тяжело, но бодро махая отсырѣвшими за ночь крыльями, двѣ черныя вороны. Около сараевъ, подъ стрѣхой, слабо чирикнулъ не совсѣмъ проснувшійся воробей.

Съ каждой минутой становилось все свѣтлѣе и свѣтлѣе и радостнѣе. Звуковъ становилось все больше и больше. Далеко на деревнѣ протяжно прокричалъ пѣтухъ, то тамъ, то сямъ ближе отозвались другіе, и въ курятникѣ, когда мимо проходилъ Иванъ, завозился, захлопалъ крыльями и вдругъ хрипло, но громко и бодро заоралъ старый пѣтухъ; а потомъ долго не могъ успокоиться и все возился, ворча и икая. Воробьи зачирикали уже въ разныхъ мѣстахъ и все громче. А за дворомъ, въ степи, гдѣ садился утренній туманъ, слышались смутные голоса всякой вольной птицы.

Иванъ поднялъ жердяныя ворота, которыя протяжно заскрипѣли, и, тяжело ступая по мягкому навозу, вошелъ на скотный дворъ. Лошади и овцы въ своемъ загонѣ

уже проснулись и толпились на дворѣ, выдавливая жижу изъ глубокаго истоптаннаго навоза.

Когда вошелъ Иванъ, взрослыя лошади повернули къ нему свои умныя, добрыя морды и зашевелили ушами, а глупые жеребята, на тоненькихъ ножкахъ, испуганно прижались къ своимъ маткамъ, высоко поднявъ мягкія невинныя мордочки и чутко выставивъ острыя ушки. Овцы же, налѣзая другъ на друга, столпились вокругъ Ивана и вопросительно глядѣли на него глупыми круглыми глазами. То тутъ, то тамъ раздавалось ихъ дребезжащее блеяніе. Иванъ, зѣвая и почесывая грудь, высмотрѣлъ намѣченнаго барашка и вдругъ сразу наскокомъ схватилъ его за заднюю ногу. Отъ его неожиданнаго движенія овцы мигомъ шарахнулись въ сторону, а жеребята такъ и заметались по загону, смѣшно подкидывая непомѣрно тоненькими и еще неуклюжими ножками. Большія лошади не пошевелились, покорно глядя на Ивана, и только одна старая сѣдая кобыла переступила съ ноги на ногу и вздохнула. Барашекъ, черный съ маленькими рожками, испуганно дергалъ ногой и вырывался, но Иванъ перехватилъ его за рога, подталкивая колѣнями въ задъ, вывелъ за ворота и потащилъ его черезъ дворъ въ сарай. Барашекъ бѣжалъ довольно охотно, семеня крошечными копытцами и беззаботно помахивая хвостикомъ.

На крыльцѣ дома стояла Акулина и, зѣвая, крестила ротъ.

— Чего копаешься, чортъ! — крикнула она на Ивана.—Пашка, подь, подсоби...

Пашка, заспанный и взлохмаченный, сердито скрипнулъ дверью кухни и, поеживаясь отъ холода, вышелъ на крыльцо.

Въ сараѣ было темно. Земля въ немъ была твердая, убитая и вонючая, потому что чаще, чѣмъ разъ въ недѣ-

лю Иванъ убивалъ здѣсь животныхъ для господскаго и людского стола.

— Держи, — сказалъ Пашкѣ Иванъ, доставая изъ старыхъ яслей топоръ.

Пашка перехватилъ барашка за рога и, чтобы онъ не рвался, сталъ его гладить. Но барашекъ и не думалъ рваться; онъ чувствовалъ себя прекрасно, какъ всякое здоровое и не голодное животное, весело крутилъ хвостикомъ, тянулся мягкими, теплыми губами къ Пашкинымъ рукамъ и даже попробовалъ пожевать подолъ Пашкиной рубахи.

— Ты его промежъ ногъ-то, — сказалъ Пашкѣ Иванъ.

Пашка послушался и осѣдлалъ барашка колѣнями. Тому это сначала не понравилось, но Пашка погладилъ его, и онъ успокоился и стоялъ неподвижно, широко разставивъ ножки. Иванъ зашелъ сбоку, изловчился, коротко и страшно сильно размахнулся и изо всей силы ударилъ барашка обухомъ по головѣ. У барашка глаза почти выскочили изъ орбитъ; заливаясь кровью, онъ рванулся и упалъ сначала на колѣни, а потомъ на бокъ. Иванъ бросилъ топоръ, вынулъ ножъ и, загнувъ барашку голову, сталъ рѣзать ему горло, водя ножомъ взадъ и впередъ. Тогда барашекъ судорожно забился и началъ рваться. Пашка держалъ его изо всѣхъ силъ за ноги, а Иванъ наступилъ колѣномъ такъ, что ребра затрещали. Но все-таки имъ было трудно удержать бьющагося за свою жизнь барашка. Онъ поминутно вырывался, брыкаясь и дергаясь, съ дикимъ ужасомъ въ прекрасныхъ, еще живыхъ глазахъ. Густая, теплая кровь лилась изъ перерѣзаннаго горла струей, и оттого Пашка и Иванъ въ одинъ мигъ перепачкались съ ногъ до головы. Но это ихъ нисколько не смущало.

Наконецъ барашекъ пересталъ биться, затихъ, и только его судорожно сведенныя ножки дрожали мел-

кой-мелкой дрожью. Глаза его уже потускнѣли и остановились въ неестественномъ, непонятномъ положенiи. Иванъ сейчасъ же сталъ снимать съ него шкуру, а Пашка стоялъ возлѣ и смотрѣлъ. Оба были заняты своими мыслями и вовсе не думали о томъ, что дѣлали. Пашка, ковыряя въ носу, соображалъ, какъ бы выпросить у матери пятакъ. А Иванъ думалъ о своихъ дѣлахъ и время отъ времени ожесточенно ругался.

На дворѣ уже было совсѣмъ утро.

Мимо сарая, топоча ногами, съ веселымъ, радостнымъ блеянiемъ прошло стадо. Воробьи неистово чирикали и тучами носились съ гумна на сараи и обратно. Слышались громкiе голоса, скрипѣли ворота.

Всѣ звуки казались какими-то особенно звучными и сильными, а омытые росой и крыша, и земля, и деревья, даже люди и животныя казались ясными, чистыми и радостными. Все блестѣло, сверкало, переливалось тысячами красокъ, двигалось, звучало и жило полной, могучей и прекрасной жизнью. Нигдѣ не было ни одного темнаго пятна, даже тѣни казались удивительно легкими и прозрачными. Только у сарая, на желѣзномъ крюкѣ, вбитомъ въ стѣну, висѣло что-то сине-багровое, сальное, безобразное и неподвижное, и съ него тихо капала холодная мертвая кровь.

VI.

Клавдiя Николаевна встала около девяти часовъ, а въ десять разбудила мужа и послала Пашку будить гостей.

Еще свѣжiе отъ умыванiя и оживленные ожиданiемъ предстоящаго удовольствiя охоты, мужчины собрались въ столовой. Предполагалось итти сейчасъ же послѣ чаю и побродить съ ружьями до обѣда. А послѣ обѣда

гости должны были ѣхать на полустанокъ, чтобы поспѣть къ пассажирскому поѣзду.

— Напьемся чаю и — маршъ! — сказалъ Виноградовъ, блестя глазами.

Всѣ они страстно любили охоту, а погода была такъ хороша и благопріятна, что лучшаго удовольствія для нихъ нельзя было и придумать. А потому они торопились пить чай, обжигаясь кипяткомъ и забывая о булкахъ и вареньѣ, которыя тщетно подвигала къ нимъ Клавдія Николаевна.

— Вы, точно мальчики, горите нетерпѣніемъ, — ласково улыбаясь, говорила она. — И что вы такое находите въ этой охотѣ?

— Ну, Клавдія Николаевна, вы этого не поймете. Чтобы понять всю прелесть охоты, надо самому быть охотникомъ. Охота—это такая поэзія...

И съ присущимъ ему мастерствомъ описанія, Гвоздевъ сталъ описывать ощущеніе охотника, и это вышло у него такъ хорошо и увлекательно, что даже Клавдіи Николаевнѣ показалось, будто нѣтъ ничего пріятнѣе и интереснѣе, какъ бродить съ ружьемъ и собакой по полямъ.

— А жаль, право, что я не мужчина, — слабо улыбаясь, сказала она.

— Благодарю покорно, — шутливо воскликнулъ Виноградовъ.

Всѣ засмѣялись, а Клавдія Николаевна притворно нахмурилась, но не выдержала и тоже расхохоталась.

— Ну, такъ что же? — горячо заговорилъ Сергѣй, — въ Англіи женщины уже давно охотятся наравнѣ съ мужчинами.

— Такъ то въ Англіи, не у насъ; а попробовала бы я вздѣть большіе сапоги и взять ружье, — воображаю, сколько мнѣ «комплиментовъ» пришлось бы наслушаться.

— Охота вамъ обращать вниманіе на мнѣнія всякихъ дураковъ...

Борисовъ сталъ доказывать, что пора женщинѣ сдѣлаться самостоятельной и не зависѣть отъ сужденій общества. И, по его словамъ, незамѣтно для него самого, выходило такъ, будто Клавдія Николаевна, по мѣрѣ силъ, будетъ способствовать прогрессу и женской эмансипаціи тѣмъ, что возьметъ ружье и убьетъ нѣсколько животныхъ.

И всѣ съ нимъ согласились.

— Ну, братцы, живо! — скомандовалъ Виноградовъ, посмотрѣвъ на часы.

— А то до обѣда и къ мѣсту не доѣдемъ.

Шумно отодвигая стулья, мужчины встали изъ-за стола.

Лошади уже были запряжены; объ этомъ Виноградовъ позаботился еще съ вечера, и Иванъ, который всегда ѣздилъ съ бариномъ на охоту, уже давно сидѣлъ бочкомъ на длинной линейкѣ, терпѣливо поджидая господъ. Съ веселымъ смѣхомъ и шутками охотники разсѣлись, втащивъ за собой собакъ. Лошади были расхожія, лохматыя и приземистыя, но крѣпкія; онѣ легко подхватили съ мѣста и бойкой, веселой рысью выкатили за ворота.

Клавдія Николаевна смотрѣла въ окно, кланялась и улыбалась.

Когда линейка скрылась изъ виду, она медленно отошла отъ окна. Въ домѣ сразу стало и пусто и тихо. Клавдіи Николаевнѣ, какъ это часто бываетъ съ слабыми беременными женщинами, вдругъ стало грустно и захотѣлось плакать. Но сейчасъ же вспомнивъ, что это можетъ быть вредно для ребенка, она сдѣлала усиліе и виновато улыбалась сама себѣ, удерживаясь отъ слезъ.

Никогда такъ ясно, какъ теперь, когда въ домѣ было такъ пусто и тихо, она не чувствовала, что она — не

одна, что въ ней живетъ какое-то другое, неизвѣстное, безконечно дорогое ей, но все-таки непонятное существо. Живетъ, растетъ и даже двигается по временамъ, мягко повертывается. Отъ этого пріятнаго и страннаго ощущенія весь организмъ ея переполнился особымъ, безконечно счастливымъ чувствомъ восторженнаго страха.

И Клавдіи Николаевнѣ стало почти больно быть одной съ этимъ великимъ сознаніемъ своего счастья. Ей захотѣлось подѣлиться имъ съ кѣмъ-нибудь. Такое желаніе приходило къ ней не въ первый разъ, и всегда въ такихъ случаяхъ она шла на кухню къ Акулинѣ.

Акулина, которая рожала чуть не каждый годъ, охотно говорила объ этомъ съ барыней, и въ это время онѣ обѣ уже чувствовали себя не барыней и прислугой, а двумя одинаково созданными женщинами.

Но теперь бесѣда не удалась. Акулина была сильно не въ духѣ: сѣрая, тощая кошка, которая жила на кухнѣ, за ночь принесла котятъ и еще мокрыхъ и грязныхъ перетаскала къ Акулинѣ на кровать, на ея новое лоскутное одѣяло.

Когда пришла барыня, кошка и котята были пристроены на полу запечкой, Акулина хмуро замывала одѣяло въ корытѣ, а Пашка, присѣвъ на корточки, любовался котятами.

Ихъ было пятеро. Одинъ черненькій, два бѣленькихъ и два сѣренькихъ. Всѣ они были слѣпые и маленькіе; на голомъ полу имъ было твердо и неудобно. Хотя старая кошка и старалась устроить ихъ возлѣ себя, но они то и дѣло сползали на холодный полъ и жалобно, едва слышно пищали. Больная кошка страдала отъ этого и безпокойно поглядывала на людей. Но ей никто не помогалъ.

Пашку очень интересовало, какъ котята ползаютъ; онъ нарочно отодвигалъ ихъ отъ матери и, радостно

улыбаясь, слѣдилъ, какъ они копошились, безпомощно тыкаясь мордочками въ твердую печку и холодный полъ.

— Ахъ, какіе хорошенькіе! — воскликнула Клавдія Николаевна, которая очень любила всѣхъ маленькихъ животныхъ.

Она присѣла возлѣ Пашки и съ любопытствомъ слѣдила, какъ котята сосали мать.

Подошла и Акулина.

— Правда, — хорошенькіе? — оживленно подняла на нее глаза барыня. — Въ особенности вотъ этотъ черненькій... Черненькаго непремѣнно оставимъ.

А я думала, барыня, всѣхъ покидать, — сказала недовольная Акулина.

— Нѣтъ, зачѣмъ... Черненькаго оставимъ. Смотри, какой онъ хорошенькій. Да и Машкѣ будетъ скучно совсѣмъ безъ котятъ.

Одинъ котенокъ, не тотъ, котораго хотѣли оставить, вдругъ перевернулся на спину и жалобно пискнулъ.

— Ахъ, бѣдненькій, — жалостно протянула Клавдія Николаевна, осторожно взяла его на руки, погладила и пристроила къ грудямъ матери.

— Такъ ты, Пашка, черненькаго оставь, — говорила Акулина, — а тѣхъ закинь сичасъ, а то Машка привыкнетъ... Сичасъ Пашка закинетъ, — зачѣмъ-то сообщила она барынѣ.

Клавдіи Николаевнѣ стало жаль котятъ; она отвернулась, пока Пашка похваталъ ихъ одного за другимъ въ подолъ рубахи и побѣжалъ изъ кухни. Клавдія Николаевна заперла за нимъ дверь и, жалѣя, не пустила старую кошку, которая, безпокойно и жалобно мяукая, побѣжала было за Пашкой.

Пашка утопилъ котятъ въ канавѣ за скотнымъ дворомъ и долго смотрѣлъ, какъ всплывали пузыри изъ неглубокой грязной воды.

VII.

День былъ яркій, солнечный. Было и тепло и свѣжо. На голубомъ небѣ стояли маленькія, бѣлыя, перистыя облачка. Земля уже сильно зазеленѣла, и по обѣ стороны дороги, когда не чернѣла пахоть и не рыжѣла унавоженная земля далеко была видна нѣжно-зеленая, радостная молодая трава. Воздухъ былъ чистый и густой, какъ медъ.

— Эка благодать! — пришелъ въ восторгъ Сергѣй, когда они миновали развалившіеся плетни деревни и выѣхали въ поле.

— А мы сидимъ въ своихъ каменныхъ мѣшкахъ и дышимъ, какъ кроты, всякой мерзостью.

— Завидная ваша участь, помѣщиковъ, — съ искренней завистью сказалъ Гвоздевъ Виноградову.

— Ну, не всегда, — возразилъ Виноградовъ, очень довольный, что ему завидуютъ.

Когда Виноградовъ былъ одинъ, онъ мало обращалъ вниманія на природу, то-есть, на то, что принято называть этимъ именемъ: поля, лѣса, животныхъ, траву, воду, небо и солнце. Онъ гораздо лучше замѣчалъ прелесть всего этого на картинахъ и въ книжныхъ описаніяхъ, говорилъ, что обожаетъ природу. Въ деревенской жизни обиліе этой природы даже надоѣло ему и казалось нестерпимо однообразнымъ. И это не потому, что онъ былъ сухой и прозаическій человѣкъ, а просто онъ привыкъ смотрѣть на природу, какъ на созданную исключительно для его утѣшенія и употребленія. Но теперь, когда Гвоздевъ, славившійся своими описаніями природы, позавидовалъ ему, въ глазахъ Виноградова его жизнь среди природы стала необыкновенно поэтичной, интересной и полной недоступнымъ для другихъ людей, не съ такой поэтической душой, какъ у него, проникновеннымъ общеніемъ съ природой.

— Хлопотно очень, — сказалъ онъ, хотя вовсе сейчасъ не думалъ объ этомъ.

— Э, что — хлопотно, — возразилъ ему Борисовъ,—это, вѣдь, не то, что наши бумажныя хлопоты.

— Все въ своемъ родѣ... — началъ было Виноградовъ, самодовольно улыбаясь.

— Нѣтъ, братъ, — перебилъ Борисовъ, — развѣ можно сравнить: у тебя все это въ движеніи.. Твои хлопоты — твоя жизнь, а мы убиваемъ ими свою... Мы, понимаешь, только тогда и живемъ, когда хоть на часъ освободимся отъ своихъ хлопотъ, а ты...

— Да, я понимаю, что ты хочешь сказать, — перебилъ Виноградовъ.

— Къ вашимъ хлопотамъ мы какъ къ отдыху переходимъ, — вставилъ Гвоздевъ.

— Ты вонъ дышишь полной грудью, а мы дышать-то такъ разучились, — закончилъ Борисовъ, но вовсе не съ грустью, какъ можно было ожидать отъ его словъ, а съ какимъ-то веселымъ удовольствіемъ.

Всѣ умолкли и съ наслажденіемъ дышали густымъ вкуснымъ воздухомъ, шире обычнаго открывая рты, и почти влюбленными глазами глядѣли въ зеленѣющій просторъ.

Лошади бѣжали мелкой, быстрой рысцой, бодро потряхивая гривами, и Иванъ только для виду передергивалъ вожжами. Сзади, по свѣжей землѣ, быстро и ровно стлались слѣды колесъ, такъ что было пріятно смотрѣть, и пестро рябились мелкія лужицы, точно кусочки битаго голубого и розоваго стекла.

— Вотъ мы смѣемся надъ толстовцами, — опять началъ Борисовъ, мечтательно щуря глаза, — а какъ посмотришь вокругъ, такъ не то, что въ «толстовцы», а и въ пустынники потянетъ...

— Ну, и иди,—улыбаясь, сказалъ Сергѣй.

— Да, иди...

— А почему — нѣтъ? — тоже улыбаясь, спросилъ Виноградовъ.

— Да потому, что я — природѣ чужой. Насъ съ дѣтства такъ воспитываютъ, что мы смотримъ на природу, какъ на мѣсто прогулокъ и воспитательныхъ экскурсій. Покажутъ три травинки и одинъ камешекъ, разскажутъ изъ какого они рода, класса, вида, разновидности, видоизмѣненности и прочую дребедень... И мы выносимъ такое представленіе, что... «хороша Маша, да не наша», Богъ съ ней совсѣмъ... Ну, потомъ, господа писатели,—Борисовъ подмигнулъ въ сторону Гвоздева, — разсказываютъ намъ о природѣ увлекательныя сказки...

— Ну?

— Ну, мы и начинаемъ любить природу смѣсью любви къ литературѣ и страха къ трудной естественной исторіи... Да и вообще, слишкомъ мы отошли отъ жизни природы и можемъ только платонически обожать ее... Я здѣсь шагу ступить не сумѣю... Меня тутъ и всякая букашка заѣстъ.

Иванъ оглянулся на господъ и, усмѣхаясь, передернулъ плечами.

«Ишь ты, что выдумаютъ», подумалъ онъ.

Виноградовъ посмотрѣлъ на Борисова и невольно засмѣялся: очень щуплымъ, маленькимъ и безпомощнымъ показался ему Борисовъ.

— Смѣйся, смѣйся, здоровякъ, — беззлобно закивалъ ему Борисовъ.

— Тебѣ-то хорошо, если ты быка за рога свалить можешь; при случаѣ и пахать, и косить, и все такое можешь, а я что...

— Мозглякъ... — неожиданно подсказалъ Сергѣй. Всѣ засмѣялись.

— Конечно, мозглякъ... — согласился Борисовъ. —

А природа мозгляковъ не терпитъ. Ей силу подавай. Ты посмотри: тутъ, ей-Богу, всякій куликъ сильнѣе меня. Все сильное и здоровое, слабаго ничего. А если и есть что слабое, то какъ быстро исчезающая аномалія. Я, городской, культурный, интеллигентный, и прочая, и прочая, человѣкъ — самое слабое существо здѣсь, а потому и...

— Дрянь одна!—опять подсказалъ Сергѣй.

Гвоздевъ, слегка прислушиваясь къ разговору, задумался, и у него уже мелькала смутная идея разсказа на тему розни между культурнымъ человѣкомъ и природой. И, подъ бодрящимъ впечатлѣніемъ простора, воздуха и свѣта, эта избитая тема не казалась ему избитой, а, напротивъ, особенно оригинальной, свѣжей и глубокой.

Виноградовъ, изо всѣхъ силъ забирая воздухъ въ свои могучія легкія, чувствовалъ себя здоровымъ и сильнымъ отъ словъ Борисова и глядѣлъ вокругъ не какъ чуждое ничтожество, а какъ свой природѣ и даже какъ-будто царь ея.

Сергѣй просто наслаждался, смотрѣлъ на молодую траву, не думая о ней, и представлялъ себѣ упругую высокую грудь Аннушки, которая приходила къ нему ночью. Онъ соображалъ, какъ бы устроить ее въ городѣ, и чувствовалъ, что жить вообще хорошо.

Скоро показались кочки, прошлогодніе камыши, и между ними заблестѣла вода. Земля стала еще мягче, а трава зеленѣй. Потянуло свѣжестью и запахомъ воды и мокрой травой. Иванъ, передернувъ вожжами, свернулъ съ наѣзженной дороги, и колеса, приминая мягкую траву, неслышно покатили къ болоту.

И сразу сталъ ясно слышенъ неумолчный гомонъ, повисшій въ воздухѣ.

VIII.

Болото было большое, кочковатое, съ мелкимъ и чистымъ озерцомъ посрединѣ.

Съ одной стороны болота разстилались безконечные, сплошь густо-зеленые луга, а по другую — синѣла еще почти безлистная роща и чуть-чуть виднѣлись отсюда тоненькіе, какъ ниточки, стволы бѣлыхъ березокъ. Все болото покрывали пухлыя круглыя кочки, между которыми всюду весело блестѣла вода и желтѣли камыши. Небо надъ болотомъ какъ-будто бы еще чище и голубѣе, а воздухъ прозрачнѣе. Все было видно отчетливо и ярко, и послѣдняя тростинка желтѣла на солнцѣ, какъ золотая палочка.

И, казалось, все болото было живое: за каждой кочкой была жизнь и шевелилось живое существо. Утки крякали спокойно и разсудительно, и ихъ мѣрное кряканье отчетливо было слышно на берегу. То тутъ, то тамъ какой-нибудь красавецъ селезень неожиданно срывался на воздухъ, съ крикомъ проносился надъ водой и, описавъ широкій полукругъ, садился, шумно бороздя голубую воду, которая долго не могла успокоиться и вся рябилась, точно улыбаясь отражавшемуся въ ней небу. Длинноногіе кулички, съ востренькими носиками, вытянувъ тоненькія комариныя ножки, одинъ за другимъ перепархивали съ кочки на кочку и съ радостнымъ пискомъ уносились все дальше и дальше къ синѣющей рощѣ. Далеко подымались двѣ-три гусыни и, тяжело махая крыльями, перегоняя другъ друга, подымались невысоко надъ болотомъ и вдругъ грузно шлепались на чистое мѣстечко, блестѣвшее между камышами. Тамъ, гдѣ болото было чище и начиналось озерцо, видны были десятки нырковъ, какъ черныя точки, быстро кружившихся по водѣ. Ближе, по мелкому мѣсту,

чинно стояли на одной ногѣ цапли и, втянувъ головы въ плечи, важно поводили длинными носами, точно любуясь природой. Бѣлыя чайки, какъ всегда, кружились повсюду, припадая бѣлой грудью къ водѣ, и опять взмывали кверху, махая длинными гибкими крыльями и зорко выглядывая по сторонамъ. Далеко вереницей пролетѣли гуси и опустились гдѣ-то за рощей, утонувшей въ волнахъ голубого воздуха и свѣта.

И все гомонило, кричало, пищало. И всѣ эти могучіе звуки прекрасной вольной жизни сливались въ одинъ торжествующій гулъ, покрывавшій все озеро.

Иванъ подъѣхалъ къ самой водѣ и, завернувъ лошадей, сказалъ тоненькимъ голоскомъ:

— Тпррр...

— Пріѣхали! — закричалъ Виноградовъ и первый соскочилъ наземь.

Трава мягко подалась подъ его ногами.

— Топко?—спросилъ Борисовъ, вылѣзая.

— Ничего, — возразилъ Виноргадовъ, притопывая сапогами, подъ которыми хлюпала вода.

Собаки нервно вертѣлись по берегу, бѣгая къ водѣ и обратно къ людямъ, вертя хвостами и тихонько повизгивая.

— Отсюда и двинемся, — сказалъ, весь дрожа отъ нетерпѣнія, Виноградовъ.

— Вмѣстѣ или разойдемся?

— Разойдемся, — сказалъ Борисовъ, который любилъ охотиться въ одиночку.

— Ну, ладно: вы туда, а мы сюда, — притворно равнодушно говорилъ Виноградовъ, приберегая лучшее мѣсто для себя. — Возлѣ той рощи и встрѣтимся, а лошади прямо туда и поѣдутъ.

Гвоздевъ уже зашагалъ по болоту, посвистывая своего Аякса. Борисовъ потянулъ за нимъ, но ближе къ берегу. Сергѣй, вкладывая патроны въ свою новенькую

централку, нетерпѣливо ждалъ Виноградова, отдававшаго приказанія Ивану, куда ему ѣхать и гдѣ ждать.

— Слушаю-съ, хорошо-съ, — весело отвѣчалъ Иванъ на всѣ приказанія барина и тихо, шагомъ тронулъ лошадей вдоль берега.

— Ну, идемъ—сказалъ Виноградовъ.

И они пошли, глубоко увязая въ мокрыхъ кочкахъ и зорко слѣдя за бѣлымъ Марксомъ, потянувшимъ впереди.

Вдругъ что-то щелкнуло и дробью прокатилось надъ озеромъ въ дальней рощѣ.

Виноградовъ и Сергѣй оглянулись.

Надъ зеленью болота легко расплывался голубоватый дымокъ, и отчетливо виднѣлись, точно нарисованныя, фигурки Гвоздева и Борисова. Желтый Аяксъ, какъ клочекъ рыжей шерсти, скачками несся куда-то по кочкамъ.

— Ишь, какъ красиво, — съ восторгомъ замѣтилъ Сергѣй.

Но въ это время Марксъ сдѣлалъ стойку и весь вытянулся въ струну, поджавъ переднюю ногу и далеко вытянувъ оскаленную морду. Глазъ его не было видно, но по бѣлой кожѣ натянутыхъ, точно вросшихъ въ траву, ногъ отечтливо пробѣгала дрожь. И, какъ-будто, такой же точно, непріятной и пріятной въ одно и то же время, дрожью вздрогнули оба охотника и замерли, судорожно сжавъ ружья.

— Пиль! — отрывисто шепнулъ Сергѣй, точно укусилъ воздухъ.

Марксъ рванулся...

Что-то трепыхнулось, плеснуло, крякнуло, и двѣ утки и одинъ селезень съ испуганнымъ крикомъ вырвались изъ-за кочекъ. Совершенно машинально, еще не отдавая себѣ отчета, и Сергѣй и Виноградовъ вскинули ружья и ударили. Сразу все вздрогнуло вокругъ. Гро-

хоть выстрѣловъ оглушилъ ихъ самихъ, и дымъ затянулъ воздухъ. Раскатистое эхо гуломъ пошло по озеру, заглушая птичій гомонъ. Утка и сизый селезень, безпомощно кувыркаясь въ воздухѣ, камнями шлепнулись въ кочки, роняя пухъ и перья. А другая утка съ дикимъ ужасомъ понеслась черезъ головы охотниковъ по направленію къ Гвоздеву. И тотчасъ же послышался съ той стороны гулкій выстрѣлъ, и видно было, какъ кувыркалась убитая утка.

— Марксъ, пиль, аппортъ! — сбиваясь отъ оживленія, кричалъ Сергѣй.

Марксъ съ горящими глазами и окровавленный мордой уже тащилъ къ нимъ селезня, мертвая головка котораго безпомощно болталась у него между зубами.

Утка была еще жива, и Марксъ насилу поймалъ ее. Махая однимъ крыломъ и широко разинувъ отъ ужаса ротъ, она бросалась изъ стороны въ сторону, пока Марксъ не попалъ ногой на повисшее, разбитое выстрѣломъ, крыло. Утка еще хотѣла защищаться и глупо, безполезно шипѣла на собаку. Но разгоряченный песъ схватилъ ее прямо за голову и потащилъ, наступая лапами на крылья.

Вся грудь его была испачкана кровью, и, когда охотники прошли дальше, на измятой, истоптанной травѣ и въ мутныхъ взбаламученныхъ лужицахъ виднѣлись пятна этой красной крови, валялись разорванныя, расщипанныя перья, и мягкій сѣрый пухъ еще долго тихо кружился въ воздухѣ.

Выстрѣлы слѣдовали за выстрѣлами и дробно разносились по обѣ стороны болота. Измазанныя кровью собаки опрометью носились по кочкамъ. И чѣмъ дальше подвигались охотники, тѣмъ больше оставалось на зеленой молодой травѣ пятенъ крови.

Послѣ каждаго выстрѣла птичій гомонъ мгновенно утихалъ, но потомъ впереди опять слышались живые,

радостные голоса. Позади же охотниковъ, на пройденномъ ими пространствѣ, надолго воцарялась мертвая тишина и пустота.

Охота была удачная, и выстрѣлы не прекращались. Кувыркались подбитыя утки, кулики и бекасы легко, точно прихлопнутые хлопушкой комары, валились въ воду, безпомощно шевеля длинными ножками. Сизый дымъ длинными полосами тянулся по озеру и тихо, печально таялъ, умиралъ въ чистомъ воздухѣ. Встревоженныя цапли, махая широкими крыльями, снимались съ мѣста и безъ оглядки пугливо уносились подальше, въ глубь болота.

Охотники совсѣмъ не говорили другъ съ другомъ. Ихъ лица горѣли, глаза блестѣли, шапки съѣхали на затылокъ. Убитая дичь ихъ уже не занимала, они торопились, какъ попало, совали ее въ ягташи и опять устремляли воспаленные, широко раскрытые глаза на собаку, которая окровавленной и слюнявой мордой тянула впереди.

Съ одной большой, старой уткой, только чуть пристрѣленной, желтый Аяксъ Гвоздева никакъ не могъ справиться. Онъ хваталъ ее и за крылья, и за хвостъ, но она все вырывалась, оставляя у него въ зубахъ клочья пуху и капли крови, и все кричала хрипло и отчаянно. Наконецъ ее схватилъ самъ Гвоздевъ. Но она была еще жива и все рвалась съ неистовымъ крикомъ.

Жажда жить въ ней была такъ очевидна, что Гвоздевъ чуть ея не бросилъ, но, пересиливъ себя, взялъ ее за крылья и быстро и сильно ударилъ ее головкой о прикладъ. Изъ клюва брызнули капли крови, и утка такъ мгновенно замолчала, что Гвоздеву даже странно и непріятно показалось, будто и все вокругъ замолчало.

«Вотъ скверная сторона охоты...» подумалъ онъ.

Но Аяксъ уже опять сдѣлалъ стойку, и Гвоздевъ, выпроставъ ружье, сейчасъ же забылъ объ уткѣ, свер-

нутая головка которой, съ полнымъ густой кровью клювомъ, торчала изъ ягташа.

Обойдя все большое болото, охотники стали медленно сходиться по опушкѣ рощи.

Болото осталось позади. Дымъ еще до сихъ поръ полосами тянулся надъ нимъ, цѣпляясь за сухіе камыши. Попрежнему былъ слышенъ гомонъ птицъ, но уже не такой, какъ прежде: въ немъ уже слышались тоскливыя нотки безпокойства и короткія паузы, точно въ шумъ жизни мѣстами вкралось мертвое молчаніе смерти.

Борисовъ, огибая топкое мѣсто, взялъ въ сторону и пошелъ прямо по молодой заросли, которою начиналась роща. Онъ все время шелъ дальше всѣхъ отъ болота и убилъ меньше. Хотя и онъ былъ страстнымъ охотникомъ, но собственно удача его не интересовала. Онъ даже не любилъ стрѣлять слишкомъ часто: ему нравилось не проявленіе своей ловкости, а то особое, какъ ему казалось, поэтическое настроеніе, которое овладѣвало имъ всегда, когда онъ оставался съ ружьемъ, одинъ, въ полѣ или лѣсу. Онъ искренно воображалъ, что, отправляясь съ ружьемъ истреблять живую жизнь природы, онъ больше чѣмъ когда-либо сливается съ нею. Эта мысль такъ владѣла имъ, что онъ и вправду старался настраивать себя на тихія, мечтательныя чувства.

Но напрасно: природа не радовала его, а наводила на него тихую, непонятную грусть. И это чувство особенно сильно охватило его, когда онъ вошелъ въ рощу.

Кругомъ стояли тоненькія, блѣдныя березки, съ повисшими тоненькими вѣточками. Красноватые прутья кустовъ молчаливо тянулись кверху. На землѣ еще лежалъ мягкій темный покровъ прошлогоднихъ листьевъ, заглушавшій шаги и трескъ сухихъ вѣточекъ; какія-то молчаливыя зеленоватыя птички беззвучно порхали съ дерева на дерево, беззвучно трепеща крылышками. И все кругомъ было тихо.

Борисовъ не понималъ, что эта тишина вовсе не была тишиной умиранія. Въ этой кажущейся неподвижности шла могучая скрытая работа: корни изо всѣхъ силъ тянули изъ земли влагу, и на ихъ вѣточкахъ надувались и лопались пухлыя клейкія почки, молодая острая травка прокалывала насквозь сухія листья и тянулась кверху; опущенныя вѣточки были полны силы, гибкости и жизни. Кое-гдѣ у корней выглядывали задумчиво торжественные глазки первыхъ цвѣтовъ. Беззвучныя птички порхали къ своимъ гнѣздамъ, устраивая ихъ для новой жизни. Жизнь пробивалась вездѣ, тихая, незамѣтная, но могучая.

Но все это было скрыто отъ пониманія Борисова и казалось ему грустнымъ и безжизненнымъ. Тишина не успокаивала, а тяготила. Незамѣтно для него самого Борисовъ почти обрадовался, когда гулкій деревянный стукъ нарушилъ эту тишину.

Тукъ, тукъ, тукъ... — бойко разносилось по рощѣ.

Шагахъ въ тридцати отъ Борисова по стволу старой березы проворно бѣгалъ старый дятелъ, дѣятельно и поспѣшно постукивая носомъ.

«Экій франтъ, — улыбаясь, подумалъ Борисовъ, — хорошее чучело выйдетъ».

Онъ тихо, осторожно приложился и спустилъ курокъ.

Сразу вся роща загудѣла. Ближайшія вѣточки вздрогнули и задрожали. Птички словно куда-то исчезли, и отъ дыма все потемнѣло. Нѣсколько вѣтокъ, сбитыхъ выстрѣломъ, тихо кружась, упали на землю. Дятла нигдѣ не было видно, и Борисовъ долго искалъ его. Онъ совсѣмъ ужъ хотѣлъ уходить, когда вдругъ увидѣлъ его у корней березы, въ ямкѣ, полной сухихъ листьевъ. Дятелъ лежалъ на спинѣ, смирно поджавъ лапки и сложивъ крылья. Борисовъ поднялъ его. Черные, какъ двѣ ягодки черники, глазки дятла были раскры-

ты, но неподвижны. Подъ крыломъ у него была кровь и клюва не было, а вмѣсто него торчалъ безобразный короткій обломокъ, полный крови. Онъ не годился на чучело.

— А, чортъ!.. — съ досадой выругался Борисовъ, бросая дятла въ кучу листьевъ.

Комочекъ пестрыхъ перьевъ остался лежать на землѣ, а Борисовъ пошелъ дальше.

Впереди замелькали просвѣты и послышались громкіе голоса, смѣхъ, фырканье лошадей и тоненькій голосъ Ивана, говорившаго:

— Тпррру...

— Борисовъ, ау! — кричалъ Гвоздевъ, и его рѣзкій голосъ побѣдно звучалъ въ тихой рощѣ.

— Иду,—отвѣтилъ Борисовъ.

— Скорѣе иди,—опять крикнулъ Гвоздевъ.

— Э-э... и-и...—повторило эхо:

Охотники уже сидѣли на линейкѣ, и застоявшіяся лошади нетерпѣливо встряхивали головами.

— Чего ты тамъ застрялъ? — спрашивалъ Виноградовъ.

— Дятла хотѣлъ убить, — отвѣтилъ Борисовъ, усаживаясь.

Иванъ шевельнулъ вожжами, и лошади опять такъ же бойко и охотно подхватили дробной рысью. Быстро миновавъ рощу, выкатили на луга. Назадъ ѣхали уже другой дорогой, оставивъ болото въ сторонѣ, и по бокамъ опять потянулись то черныя, то рыжія, то зеленыя поля. Дорога была неровная, и колеса дробно и часто постукивали, встряхивая линейку. Куча убитой птицы, сваленная въ задкѣ линейки, подпрыгивала и шевелилась. Торчащія изъ массы взбитыхъ окровавленныхъ перьевъ скрюченныя окоченѣлыя лапки и болтающіяся мертвыя головки съ омертвѣвшими глазами придавали ей странный и печальный видъ.

Всѣ были веселы и довольны. До самаго дома они не переставая говорили и смѣялись, вспоминая, какъ была убита та или другая птица.

Высоко надъ землею летѣли журавли, широко и плавно размахивая крыльями.

— Смотрите, журавли,—сказалъ Борисовъ.

— А ну, постой-ка, Иванъ,—сказалъ Сергѣй.

Иванъ остановилъ лошадей.

Сергѣй съ ружьемъ въ рукахъ слѣзъ на землю.

— Ты что?—спросилъ Борисовъ.

— Хочу попробовать, долетитъ ли, — отвѣтилъ Сергѣй и вскинулъ ружье.

Грянулъ выстрѣлъ, показавшійся въ этой безконечной степи удивительно негромкимъ и незамѣтнымъ.

Прошла минута. Журавли все такъ же плыли въ недосягаемой высотѣ, мѣрно и широко взмахивая крыльями. Только одинъ, самый задній, чуть-чуть повернулъ голову внизъ и опять устремилъ глаза впередъ, будто молчаливымъ презрѣніемъ отвѣтилъ на эту безсмысленную попытку лишить его жизни.

— Не долетѣло,—сказалъ Сергѣй и полѣзъ на свое мѣсто.

— Очень высоко,—отозвался Виноградовъ.

Лошади тронули, и колеса опять застучали по неровной дорогѣ. Болото осталось гдѣ-то далеко позади.

— Неужели же вы сегодня и поѣдете? — спросилъ Виноградовъ.

— Что дѣлать, братъ, нужно... люди мы подневольные,—не то шутя, не то серьезно отвѣтилъ Борисовъ.

И разговоръ перешелъ на тѣ дѣла, къ которымъ предстояло возвратиться гостямъ.

1903 г.

БУНТЪ.

I.

Это было большое, казарменнаго вида, бѣлое и скучное зданіе, плакавшее отекшей отъ сырости штукатуркой. Оно было построено какъ больница: такіе же ровные и пустые коридоры, такія же большія, но тусклыя, съ непрозрачными нижними стеклами, окна, такія же высокія бѣловатыя двери съ номерками и надписями и даже пахло здѣсь такъ же: мытымъ чистымъ бѣльемъ и карболкой. А самое непривѣтливое было то, что все здѣсь было черезчуръ чисто, пусто и аккуратно, какъ-будто здѣсь жили не живые люди, а статистическія цифры.

Въ этотъ день богатая, хорошей фамиліи, молодая дама въ первый разъ пріѣхала для осмотра пріюта, такъ какъ ее только вчера выбрали вице-предсѣдательницей того общества, которое устроило этотъ пріютъ «для кающихся». Волоча по блестящему полу длинный шлейфъ и съ любопытствомъ и легкимъ смущеніемъ оглядываясь по сторонамъ, она прошла въ чистую и хорошо обставленную комнату «для членовъ комитета», а за нею, размашисто и свободно переваливаясь и шаркая подошвами, прошелъ секретарь общества, красивый, статный человѣкъ въ золотомъ пенснэ.

— Ну-съ, Лидія Александровна, — съ небрежной

шутливостью избалованнаго женщинами мужчины сказалъ секретарь,—начнемъ съ пріема... новыхъ питомицъ нашего высоконравственнаго учрежденія.

— Ну, ну, не смѣяться—кокетливо погрозила ему Лидія Александровна и на мгновеніе задержала на немъ свои большіе, красивые и слегка подрисованные глаза.

Надзирательница пріюта, желтая и сухая дама, вдова офицера, угодливо улыбнулась и, отворивъ дверь въ коридоръ, громко и отчетливо сказала, точно считая:

— Александра Козодоева.

За дверью послышались неувѣренные и торопливые шаги и вошла небольшая, полная, съ крутыми плечами и темными глазами женщина.

Лидія Александровна, сомнѣваясь, такъ ли дѣлаетъ и шумя платьемъ, поднялась ей навстрѣчу.

«Вотъ онѣ какія... эти... женщины!» подумала она съ интересомъ, и хотя была очень воспитана, прямо, съ брезгливымъ недоумѣніемъ нѣсколько секундъ разсматривала ее. И ей все казалось, что это не настоящая женщина, а что-то такое искусственное, спеціально для пріюта сдѣланное.

Александра Козодоева испуганно и некрасиво косила глазами и молчала.

Секретарь быстро взглянулъ на нее, но убѣдился, что не знаетъ, и успокоился.

— Вы, кажется, Александра Козодоева?

— Да-съ,—отвѣтила дѣвушка, тяжело и подавленно вздыхая.

Ее давно уже всѣ звали Сашкой или Сашей, и ей было странно отзываться на полное имя и фамилію.

— Вы добровольно желаете вступить въ пріютъ? — офиціально и небрежно спросилъ секретарь.

— Да-съ,—опять испуганно отвѣтила Саша.

Вблизи близорукій секретарь, щурясь, оглядѣлъ ее,

точно цѣпляясь взглядомъ за всѣ круглыя и мягкія части ея тѣла. Саша поймала этотъ ищущій взглядъ и сразу ободрилась, будто натолкнувшись на что-то знакомое и понятное среди чужого и страшнаго.

— Мы получили уже ея документы, Лидія Александровна... Я распорядился устроить ее на мѣсто Ѳедоровой,—слегка пришлепывая губами и уступая ей мѣсто, сказалъ секретарь.

Глаза Лидіи Александровны стали испуганными; она почувствовала, что теперь ей слѣдуетъ сказать что-то хорошее и не знала что.

— Это очень хорошо... что вы задумали, — торопливо и путаясь проговорила она, — вамъ будетъ теперь гораздо лучше и... васъ тамъ помѣстятъ... вы идите, я распоряжусь... Корделія Платоновна...

— Не безпокойтесь, Лидія Александровна,—говоркомъ проговорила надзирательница. — Идемте, Козодоева.

Когда дѣвушка уходила, Лидія Александровна въ зеркало увидѣла прищуренные глаза секретаря, и ей вдругъ показалось, что онъ просто и близко сравниваетъ ихъ обѣихъ. Что-то оскорбительное ударило ей въ голову, она страннымъ голосомъ произнесла какую-то французскую фразу и нехорошо засмѣялась.

«Чего она смѣется?» промелькнуло у Саши въ головѣ.

— А она—ничего!—сказалъ секретарь, когда дверь затворилась.

Лидія Александровна презрительно вздернула головой.

— У васъ нѣтъ вкуса... она груба, — съ безсознательнымъ, но острымъ чувствомъ физической ревности неловко возразила она.

Секретарь, щурясь, посмотрѣлъ на нее.

— Нѣтъ, я не нахожу... А вкусъ, гм...—многозна-

чительно и самодовольно произнесъ онъ и, инстинктивно дразня женщину, прибавилъ: — она прелестно сложена.

Лидія Александровна почувствовала и поняла, что онъ зналъ много такихъ женщинъ, и, несмотря на то, что такой разговоръ нестерпимо шокировалъ ее, ей пришло въ голову только то, что она гораздо лучше, красивѣе, изящнѣе. И, невольно изгибаясь всѣмъ тѣломъ съ лѣниво-сладострастной граціей, Лидія Александровна повернулась къ нему своей стройной, мягкой спиной. Съ минуту она, чувствуя на себѣ раздражающій опредѣленный взглядъ мужчины, мучительно старалась вспомнить что-то важное, несомнѣнное, что совершенно исключало всякую возможность сравненія ея съ этой женщиной, но не вспомнила, и только презрительно и таинственно улыбнулась, и глаза у нея, томные и большіе, прикрылись и побѣлѣли.

Желтая дама повела Сашу по коридорамъ, гдѣ встрѣчныя женщины, въ скверно-сшитыхъ платьяхъ изъ дешевенькой синей матеріи, съ равнодушнымъ любопытствомъ смотрѣли на нихъ, и привела въ большую комнату, заставленную громоздкими шкапами и тяжело пропахшую нафталиномъ.

Двѣ толстыя простыя женщины, возившіяся съ грудами грязнаго прокисшаго бѣлья, сейчасъ же безсмысленно уставилась на Сашу.

— Тутъ мнѣ и жить? — съ робкимъ и довѣрчивымъ любопытствомъ спросила Саша.

Желтая дама притворилась, что не слышитъ.

— Какъ фамилія?—отрывисто и въ упоръ спросила она.

И голосъ у нея былъ такой странный, что Саша невольно подумала:

«Какъ у дохлой рыбы...».

— Чья?—машинально спросила она.

Глаза желтой дамы стали злыми.

— Ваша, конечно!

— Козодоева, моя фамилія,—тихо отвѣтила Саша, съ недоумѣніемъ припоминая, что желтая дама уже звала ее по фамиліи.

— Вамъ это... переодѣться надо,—отрывисто, мелькомъ взглядывая на ея платье, сказала надзирательница.

Если бы Сашѣ въ эту минуту сказали, что ей надо выпрыгнуть въ окно съ четвертаго этажа, она бы и это сдѣлала, такъ была она сбита съ толку. Когда она рѣшила уйти отъ прежней жизни, ей казалось, что встрѣтитъ ее что-то свѣтлое, простое, теплое и радостное. А то, что съ нею дѣлали теперь, было такъ сложно, странно, ненужно ей и непонятно, что она совсѣмъ не могла разобраться въ немъ.

«Такъ, значитъ, нужно... они ужъ знаютъ», успокаивала она себя.

Саша, торопясь и путаясь въ тесемкахъ, стала раздѣваться, покорно отдавая свои кофточку, юбку, башмаки, чулки.

— Все, все,—махнула рукой дама, когда Саша осталась въ одной рубашкѣ.

Саша торопливо спустила съ круглыхъ полныхъ плечъ рубашку и осталась голой.

Всѣ три женщины быстро осмотрѣли ее съ ногъ до головы, и вдругъ лицо желтой дамы перекосилось какимъ-то уродливымъ чувствомъ. Она думала, что это было презрѣніе къ тому, что дѣлала Саша своимъ тѣломъ, а это было смутное, инстинктивное чувство зависти безобразнаго, состарившагося тѣла, которое никому не было нужно, къ молодому, прекрасному, которое звало къ себѣ всѣхъ.

Саша стояла, согнувъ колѣни внутрь, и тупилась. Было что-то унизительное въ томъ, что она была голая, когда всѣ были одѣты, и въ томъ, что ей было холодно,

когда всѣмъ было тепло. Колѣни ея вздрагивали, и мелкая-мелкая дрожь пробѣгала по нѣжной бѣло-розовой кожѣ, покрывая ее мелкими пупырышками. Желтая дама нарочно, сама не зная зачѣмъ, медлила, копаясь въ бѣльѣ. Саша старалась не смотрѣть вокругъ и стояла неподвижно, не смѣя прикрыться руками.

«Хоть бы ужъ скорѣе...—думала она,—ну, чего она тамъ... стыдно... холодно, чай...»

— Пожалуйста, скорѣй, — опять съ тою же ищущей мягкостью и робостью попросила она.

И опять надзирательница съ удовольствіемъ притворилась, что не слышитъ.

Саша тоскливо замолчала, и что-то тяжелое, недоумѣвающее будто поднялось съ пола и наполнило все и отодвинуло всѣхъ отъ нея.

— Вотъ это ваше платье,—сказала дама и съ радостью кинула Сашѣ такое же дрянненькое синенькое платье, какое Саша уже видѣла въ коридорѣ.

— А... бѣлье?—съ трудомъ выговорила Саша и вся покраснѣла.

Ей пришло въ голову, что, можетъ быть, здѣсь и бѣлья не полагается.

— А, да... берите, вотъ...

И бѣлье было грубое и дурное, совсѣмъ не такое, какое привыкла носить Саша.

— Скорѣй, вы!—приказала желтая дама.

Саша, опять торопясь и путаясь, одѣлась въ сшитое не по ней платье. Ей было неловко въ немъ и стыдно его, и тогда на одну секунду шевельнулась въ ней мысль:

«И съ какой стати?..»

Но сейчасъ же она вспомнила, что она уже почему-то не имѣетъ права желать быть хорошо и красиво одѣтой, и тихо, путаясь въ подолѣ слишкомъ длинной юбки, пошла, куда ее повели.

Опять прошли по коридору и вошли въ высокую больничнаго вида комнату.

— Вотъ вамъ кровать, а вотъ тутъ будете свои вещи держать. Вамъ потомъ скажутъ, что полагается дѣлать и когда обѣдъ, чай и все... тамъ...

Желтая дама ушла.

Саша сѣла на краешекъ своей кровати, почувствовала сквозь тоненькую матерію синенькой юбки жесткое и колючее сукно одѣяла и стало робко, искоса разглядывать комнату.

Тоненькія желѣзныя кровати тоже стояли какъ въ больницѣ, только не было дощечекъ съ надписями, но Сашѣ сначала показалось, что и дощечки есть. Возлѣ каждой кровати стоялъ маленькій шкапчикъ, очевидно служившій и столикомъ, и деревянная выкрашенная густой зеленой краской табуретка. Въ комнатѣ было еще пять женщинъ, которыя сначала показались Сашѣ будто на одно лицо.

Но потомъ она ихъ разсмотрѣла.

Рядомъ, на сосѣдней кровати, сидѣла толстая, рябая женщина и угрюмо поглядывала на Сашу, лѣниво распуская грязноватыя тесемки чепчика.

— Тебя какъ звать-то?—басомъ спросила она, когда встрѣтилась глазами съ Сашей.

— Александрой... Сашей... — отвѣтила Саша, и ее самое поразилъ робкій звукъ собственнаго голоса.

— Такъ... Александра! — помолчавъ, безразлично повторила рябая и почесала свой толстый, вялый животъ.

— Фамилія-то, чай, есть,—вдругъ сердито пробурчала она,—дура!

И повернувшись спиной къ Сашѣ, стала искать блохъ въ рубашкѣ.

Саша удивленно на нее посмотрѣла и промолчала.

Другая, совсѣмъ худенькая и маленькая блондинка,

съ круглымъ животомъ и длиннымъ лицомъ, отозвалась:

— Вы ее не слушайте... она у насъ ругательница... По фамиліи у насъ говорятъ.

— Козодоева, моя фамилія,—застѣнчиво и торопливо сказала Саша.

Блондинка съ животомъ сейчасъ же встала и пересѣла на Сашину кровать.

— Вы, милая, изъ комитетскихъ? — спросила она ласково.

— Я...—замялась Саша, не понимая вопроса.

— Вамъ сколько лѣтъ-то?

— Два... двадцать два,—пробормотала Саша.

— Значитъ, по своей охотѣ?

— Сама,—отвѣчала Саша и застыдилась, потому что совершенно не могла въ эту минуту отдать себѣ отчета, дурно это или хорошо.

— А почему? — съ любопытствомъ спросила блондинка.

— Да такъ,—съ недоумѣніемъ сказала Саша.

— Да оставь ты ее! — сказала третья женщина, и голосъ у нея былъ такой простой, ласковый и мягкій, что Сашу такъ и потянуло къ ней.

Но маленькая красивая женщина только весело кивнула ей головой и отошла.

II.

Ночью, когда потушили огонь и Саша свернулась комочкомъ подъ холоднымъ и негнущимся одѣяломъ, все, что привело ее въ пріютъ, пронеслось передъ нею, какъ въ живой фотографіи, и даже ярче, гораздо ярче и ближе къ ея сознанію, чѣмъ въ дѣйствительности...

Саша тогда сидѣла у окна, смотрѣла на мокрую улицу, по которой шли мокрые люди, отражаясь въ мок-

рыхъ камняхъ исковерканными дрожащими пятнами, и ей было скучно и нудно.

Откуда-то, точно изъ темноты, вышла тощая кошка, и хвостъ у нея былъ палочкой.

Далеко, за стеклами, гдѣ-то слышался стихающій и подымающійся, какъ волна, гулъ какой-то могучей и невѣдомой жизни, а здѣсь было тихо и пусто, только кошка мяукнула раза два, Богъ знаетъ о чемъ, да по полутемному залу молчали и проворно шмыгали ногами худые полотеры.

Саша, какъ-то насторожившись, смотрѣла на заморенныхъ полотеровъ, чутко прислушиваясь къ отдаленному гулу за окномъ, и ей все казалось, что между полотерами и той жизнью есть что-то общее, а она этого никогда не узнаетъ.

Полотеры ушли, и терпкій трудовой запахъ мастики и пота, который они оставили за собой, мало-по-малу улегся. Опять кошка мяукнула о чемъ-то.

Саша боязливо оглянула это пустое, мрачное мѣсто, съ холодной, ненужной мебелью и роялемъ, похожимъ на гробъ, и ей стало страшно: показалось ей, что она совсѣмъ маленькая, всѣмъ чужая и одинокая. Люди за окномъ сверху казались точно придавленными къ мостовой, какъ черные безличные черви, раздавленные по мокрымъ камнямъ.

Саша нагнулась, подняла кошку подъ брюхо и посадила на колѣни.

— ...Ур... м-мурр... — замурлыкала кошка, изгибая спину и мягко просовывая голову Сашѣ подъ подбородокъ.

Она была теплая и мягкая, и вдругъ слезы навернулись у Саши на глазахъ, и она крѣпко прижала кошку обѣими руками.

— ...Урр... мм-муррр... ур... — мурлыкала кошка, закрывая зеленые глаза и вытягивая спинку.

— Милая... — съ страстнымъ желаніемъ въ одной ласкѣ вылить всю безконечно-мучительную потребность близости къ кому-нибудь, шепнула Саша. И ей казалось, что она и кошка—одно, что кошка понимаетъ и жалѣетъ ее. Глаза стали у нея мокрые, а въ груди что-то согрѣлось и смягчилось.

— ...Уррр... — пробурчала кошка и вдругъ разставила пальцы и выпустила когти, съ судорожнымъ сладострастіемъ впившись въ полное, мягкое колѣно Саши.

— Ухъ! — вздрогнула Саша и машинально сбросила кошку на полъ.

Кошка удивленно посмотрѣла не на Сашу, а прямо передъ собою, точно увидѣла что-то странное. Сѣла, лизнула два раза по груди и, вдругъ, поднявъ хвостъ палочкой, торопливо и озабоченно побѣжала изъ зала.

А Сашѣ стало еще тяжелѣе, точно что-то оборвалось внутри ея.

Пробило семь часовъ. Швейцаръ пришелъ и, не обращая на Сашу никакого вниманія, дѣлая свое дѣло, нашарилъ шаршавыми пальцами кнопку на стѣнкѣ, и сразу вспыхнулъ веселый холодный свѣтъ. Заблестѣлъ паркетъ, стулья вдругъ отчетливо отразились въ немъ своими тоненькими ножками, рояль выдвинулся изъ темнаго угла.

Одна за другой пришли Любка и толстая рыжая Паша. Любка сѣла у рояля, понурившись, точно разсматривая подолъ своего свѣтло-зеленаго платья, а рыжая Паша стала вяло и безцѣльно смотрѣть въ окно.

Саша повертѣлась передъ зеркаломъ, тяжело вздохнула и что-то запѣла. Голосъ у нея былъ сильный, но непріятный.

— Не визжи,—вяло замѣтила Паша и прижала лицо къ стеклу.

— Чего тамъ увидѣла?—спросила Саша, безъ всякаго любопытства заглядывая черезъ ея толстое плечо.

— Ни-че-го, — сказала Паша, медленно поворачивая свои глупые, красивые глаза, за которые ее выбирали мужчины,—такъ, смотрю... что тамъ.

Саша тоже прижалась лбомъ къ холодному стеклу, за которымъ теперь, казалось, была холодная и бездонная темнота. Сначала она ничего не видѣла, но потомъ темнота какъ-будто раздвинулась и отступила, и Саша увидѣла ту же мокрую и пустую улицу. По ней, уходя тоненькой ниточкой вдаль, тускло и дрожа горѣли, невѣдомо для кого, фонари. И опять Саша услышала отдаленный могучій гулъ, отъ котораго чуть слышно дрожали стекла.

— Что оно тамъ? — съ глубокой тоской, непонятной ей самой, спросила Саша.

— Будто какой звѣрь рычитъ... гдѣ... — равнодушно проговорила Паша и отвернулась.

Саша посмотрѣла въ ея прекрасные глупые глаза, и ей захотѣлось сказать что-то о томъ, что она чувствовала сегодня, глядя въ окно. Но это чувство только смутно было понято ею и глубже было ея словъ. Саша промолчала, а въ душѣ у нея опять появилось чувство неудовлетвореннаго и мучительнаго недоумѣнія.

«И что-й-то со мной подѣлалось сегодня?..» съ тупымъ страхомъ подумала она и, подойдя къ Пашѣ вплотную, сказала тоскливо и невыразительно:

— Ску-учно мнѣ, скучно, Пашенька...

— Чего?—вяло спросила Паша.

Саша помолчала, опять мучительно придумывая какъ сказать. Ей ясно представилось, какъ она сидѣла въ пустомъ, какъ могила, залѣ, одна-одинешенька, какою маленькой, никому ненужной, забытой чувствовала она себя, и какъ гдѣ-то далеко отъ нея гудѣла и шумѣла незнакомая большая жизнь, и опять ничего не могла выразить.

— Жизнь каторжная! — съ внезапной, неожиданной для нея самой, злобой сказала она негромко и сквозь зубы.

Паша помолчала, тупо глядя на нее.

— Нѣтъ... ничего... — лѣниво проговорила она:— вотъ въ полтинничномъ... — припомнила она, называя другой публичный домъ, гдѣ женщина стоила всего полтинникъ, — точно нехорошо... всякій извозчикъ лѣзетъ, грязно, духъ нехорошій... дерутся... А тутъ ничего мужчинки чистые, благородно, не то, чтобы тебѣ... и кормятъ хорошо... Тутъ ничего, жить можно...

Она опять помолчала и вдругъ, немного оживившись, прибавила:

— У насъ въ деревнѣ такой пищи во вѣкъ не увидишь!

— А ты изъ деревни? — спросила Саша съ страннымъ любопытствомъ.

— Я деревенская, — спокойно пояснила Паша,—у насъ иной разъ и объ эту пору ужъ хлѣбъ кончается... изъ недородныхъ мы... земли тоже мало... Картошкой живутъ, извозомъ мужики занимаются, а то и такъ... Деревня наша страсть бѣдная, мужики, которые, пьяницы... Кабы пошла замужъ, натерпѣлась бы... Сестру старшую, мою то-есть, мужъ веревкой до смерти убилъ... Въ острогъ его взяли потомъ... — совсѣмъ уже лѣниво договорила она и встала.

— Куда ты?—спросилъ Саша.

— Чаю пить,—отвѣтила Паша, не поворачиваясь.

Саша опять повертѣлась передъ зеркаломъ, выгибая грудь и разсматривая себя черезъ плечо, но уже ей было тяжело оставаться одной въ наполненномъ пустымъ холоднымъ свѣтомъ залѣ. Она подошла къ роялю, за которымъ попрежнему, понурившись, сидѣла Любка.

Когда Саша подошла близко, Любка подняла голову.

и долго смотрѣла на нее. И большіе печальные глаза были недовѣрчивы и растеряны, какъ у со всѣхъ сторонъ затравленнаго звѣрка.

— Любка! — машинально позвала Саша.

Она налегла на рояль полной грудью и смотрѣла, какъ въ его черной полированной поверхности отражалась она сама и Любка, съ странными въ густомъ коричневомъ отраженіи темными лицами и плечами.

Любка не отозвалась, а только придавила пальцемъ клавишу рояля. Раздался и растаялъ одинокій и совсѣмъ печальный звукъ.

— А-ахъ! — зѣвнула Саша и стала пальцемъ обводить свое отраженіе. Опять раздался тотъ же, упорно печальный плачущій звукъ. Саша вслушалась въ него и съ тоской повела плечами. Любка неувѣренно взяла двѣ-три ноты, точно уронила куда-то двѣ-три хрустальныя тяжелыя капли.

— Оставь,—съ тоской сказала Саша.

Но Любка опять придавила ту же ноту, и на этотъ разъ еще тихо и протяжно загудѣла педаль. Саша съ досадой быстро подняла голову и вдругъ увидѣла, что Любка плачетъ: большіе глаза ея были широко раскрыты и совершенно неподвижны, а по лицу сползали струйки слезъ.

— Во... — удивленно проговорила Саша съ пугливымъ недоумѣніемъ.

Любка молчала, а слезы беззвучно капали и падали ей на голую грудь.

— Чего ты? — спросила Саша, пугливо глядя на медленно ползущія по напудренной кожѣ слезы и чувствуя, что ей самой давно хочется заплакать и почему-то боясь этого.

— Перестань, чего ты?.. Любка, Лю-бочка... — заговорила она, и подбородокъ у нея задрожалъ. — Обидѣлъ тебя кто?.. Да чего... Любка!

Любка тихо пошевелила губами, но Саша не разслышала.

— Что?.. А?..

— За... заразилась я... — повторила Любка громче и повалилась головой на рояль.

Что-то мрачное и грозное пронеслось надъ душой Саши. Хотя заражались, и очень часто, и другія товарки Саши, и хотя она знала, что это можетъ случиться и съ нею самой, ея здоровое молодое тѣло, сильное и чистое еще, не принимало мысли объ этомъ, и она скользила по ней, не оставляя въ душѣ мучительныхъ бороздъ. И только теперь, когда она въ первый разъ увидѣла такое страшное отчаяніе, только теперь впервые она совершенно сознательно поняла, что это дѣйствительно безобразно, ужасно, что изъ-за этого стоитъ такъ заплакать въ голосъ, закричать и начать биться головой, съ безнадежной пустотой и безсильной злобой въ душѣ. И ей даже показалось, что именно изъ-за этого ей было такъ тяжело сегодня цѣлый день, такъ страшно, такъ грустно и обидно. И Саша тоже заплакала, сквозь слезы глядя на затуманившееся въ черной поверхности рояля свое отраженіе.

— Чего вы ревете? — спросила подошедшая дѣвушка и стала смѣяться. — Вотъ дуры, стоятъ другъ противъ дружки и ревутъ!

— Сама дура! — не съ задоромъ, какъ въ другое бы время, а тихо и грустно возразила Саша, но все-таки перестала плакать и отошла отъ рояля. Въ душѣ у нея было такое чувство, точно кто-то громадный и безпощадный всталъ передъ нею и страшно яркимъ свѣтомъ освѣтилъ что-то безобразное, несправедливое, непоправимо-ужасное, дѣлающее съ нею и во всемъ вокругъ.

Когда стали приходить мужчины, Саша въ первый разъ увидѣла ясно, что имъ нѣтъ никакого дѣла до нея; между собою они пересматривались что-то говорящими

глазами, даже иногда обмѣнивались непонятными Сашѣ словами о чемъ-то такомъ, чего не было въ ея жизни, а когда поворачивали глаза къ Сашѣ и другимъ, вдругъ становились точно бездушными, жадными, какъ звѣри, безжалостными и непонимающими... А чаще этого были такіе тупые или пьяные люди, что они, видимо, и не понимали того, что дѣлали.

— «И всегда-то такъ...», съ ужасомъ захолонуло въ груди Саши.

Пришелъ таперъ и сразу заигралъ что-то очень громкое, но вовсе не веселое. Дѣвушки, точно выливаясь изъ темной и грязной трубы, выходили изъ темнаго коридора. Музыка становилась все громче и нестройнѣе, и отъ ея преувеличенно-наглыхъ звуковъ шумѣло въ головѣ. Стало жарко, душно. Все сильнѣе и сильнѣе пахло распустившимся, потнымъ человѣкомъ, пахло плохими приторными духами, табакомъ, мокрымъ шелкомъ, пылью. Музыка сливалась съ шарканьемъ и топотомъ ногъ, съ крикомъ, съ самыми ненужными гадкими словами, и не было слышно ни мотива, ни словъ, а висѣлъ въ воздухѣ только одинъ отупѣлый, озвѣрѣлый гулъ. Въ ушахъ начинало нудно шумѣть и казалось, что весь этотъ, переполненный ополоумѣвшими отъ скверной, нездоровой жизни людьми, табакомъ, пивомъ, извращенными желаніями, скверной музыкой, домъ — не домъ, а какая-то огромная больная голова, въ которой мучительно шумитъ и наливается тяжелая, гнилая венозная кровь, съ тупой болью бьющая въ напряженные, готовые лопнуть виски.

И Саша противъ воли танцовала, и кричала, и ругалась, и смѣялась.

— Ску-учно,—сказала она старенькому чиновнику, присосавшемуся къ ней.

— Ну, и дура! — съ равнодушной злостью сказалъ

чиновникъ и неудержимо сладострастнымъ шопоткомъ прибавилъ:—пойдемъ, что ли!

Тогда Саша стала жадно пить горькое пиво, проливая его на полъ, на себя, на смятую кровать. Она пила захлебываясь, а когда напилась, ею овладѣло тупое, больное, равнодушное веселье. Опять она пѣла, ругалась, танцовала и забыла, наконецъ, свое чувство и Любку такъ, что, когда въ коридорѣ началась страшная суматоха, и кто-то пронзительнымъ и тонкимъ голосомъ, съ какимъ-то отчаяннымъ недоумѣніемъ закричалъ: «Любка удавилась!»—то Саша не могла даже сразу сообразить, какая такая Любка могла удавиться и зачѣмъ?

Но когда таперъ сразу оборвалъ музыку и нестройно протяжно прогудѣла педаль, Саша вдругъ вспомнила и свой разговоръ съ Любкой, и все, громко ахнула и побѣжала по коридору.

Тамъ уже была полиція, городовые и дворники, запорошенные снѣгомъ, кинувшимся въ глаза Сашѣ, стучавшіе тяжелыми валенками и нанесшіе страннаго въ узкомъ, душномъ коридорѣ, бодрящаго, холоднаго чистаго воздуха. На полу былъ натоптанъ и быстро темнѣлъ и таялъ мягкій, свѣжій, только что выпавшій снѣгъ. И Сашѣ показалось, будто вся улица вошла въ коридоръ со всѣми своими закутанными мокрыми людьми, суетой, шумомъ, холодомъ и грязью. Дворники и городовые равнодушно дѣлали какое-то свое дѣло, непонятное Сашѣ, точно работали спокойную и полезную работу, и только толстый усатый околоточный, въ толстой сѣрой съ торчащими блестящими пуговицами шинели, въ которую злобно впивались черные ремни шашки, ожесточенно и громко кричалъ и ругался.

Слышно было, какъ «экономка» слезливымъ и хриплымъ басомъ повторяла:

— Развѣ жъ я тому причиной?.. Какая моя вина?..

Лицо у нея было желтое и совсѣмъ перекошенное отъ недоумѣлой злости и страха.

Саша ткнулась въ отворенную дверь Любкиной комнаты, и хотя ее сейчасъ же съ грубымъ и сквернымъ словомъ равнодушно вытолкнулъ городовой, она все-таки успѣла увидать ноги Любки, торчавшія изъ подъ скомканной и почему-то мокрой простыни. Ноги были босыя; потому что Любка такъ и не одѣлась послѣ пріема гостя; онѣ неподвижно торчали носками врозь, и странно, и жалко было видѣть эти бѣлорозовыя, прекрасныя, съ тонкими, нѣжными и сильными пальцами, ноги неподвижными и ненужными, брошенными на затоптанный, точно заплеванный, полъ.

Саша вылетѣла обратно въ коридоръ, больно проѣхалась плечомъ о стѣну и пошла прочь, машинально потирая рукою ушибленное мѣсто.

И въ эту минуту ей стало противно, обидно, страшно и жалко себя, и захотѣлось уйти куда-нибудь, перестать быть собою, такою, какъ есть.

Въ необычное время потушили огни, гости разошлись, и все сразу стало пусто и тихо-тихо. Домъ какъ-будто притаился въ зловѣщемъ молчаніи. Дѣвушки боялись итти спать и толпились въ кухнѣ, однѣ одѣтыя, другія растрепанныя, измятыя; лица у нихъ у всѣхъ были одинаково искривлены въ тревожныя, слезливыя, точно чего-то ожидающія гримасы. Дверь въ комнату Любки заперли, и возлѣ нея расположился, почему-то въ шубѣ и шапкѣ, дюжій спокойный дворникъ. Дверь эта была такая же, какъ и всѣ въ домѣ, невысокая, бѣлая, но именно тѣмъ, что произошло за нею, она какъ-будто отдѣлилась отъ всѣхъ дверей и даже отъ всего міра и стала какой-то особенной, таинственно-страшной. Дѣвицы то и дѣло бѣгали взглянуть на нее и сейчасъ же со всѣхъ ногъ бѣжали обратно.

Одна дѣвушка, больше другихъ дружившая съ Люб-

кой, сидѣла въ кухнѣ у стола и плакала, и отъ жалости, и отъ того, что на нее смотрятъ со страхомъ и любопытствомъ.

Было страшно и непонятно, точно передъ всѣми встало что-то неразрѣшимо ужасное и печальное.

Пришла экономка, сердитая и желтая какъ лимонъ. Она сразмаху сѣла за столъ и стала дрожащими руками наливать и пить, какъ всегда, приготовленное для нея пиво. Губы у нея тоже дрожали, а глаза злобно косились на дѣвушекъ. Она помолчала, наслаждаясь тѣмъ, что всѣ притихли, глядя на нее испуганными и покорными глазами, а потомъ проговорила сквозь зубы:

— Тоже... какъ же... ха!.. Подумаешь!

И въ этихъ словахъ было столько безконечнаго удивленнаго презрѣнія, что даже привыкшимъ къ самой грубой и злой ругани дѣвушкамъ стало не по себѣ, неловко и грустно. И потому особенно стыдно и обидно, что каждая изъ нихъ, ничтожная и загаженная, въ самой глубинѣ души, непонятно для самой себя, какъ-то гордилась поступкомъ Любки.

И всѣ стали потихоньку и не глядя другъ на друга расходиться.

— Сашенька, — шопотомъ позвала Сашу одна изъ дѣвицъ, Полька Кучерявая.

— Чего?

— Сашенька, душенька... боюсь я одна... возьми къ себѣ... будемъ вмѣстѣ спать...

Она заглядывала Сашѣ въ лицо боязливыми, умоляющими глазами и собиралась заплакать.

Саша обрадовалась.

— И то, пойдемъ... Все не такъ...

Когда онѣ уже лежали рядомъ на постели, имъ было неловко и странно, потому что онѣ давно привыкли лежать только съ мужчинами. Обѣ стыдились своего тѣла и молча старались не дотрогиваться другъ до друга.

Было темно и жутко. Сашѣ, которая лежала съ краю, все казалось, будто что-то черное и холодное съ неодолимой силой ползетъ по полу медленно-медленно. Въ ушахъ у нея звенѣло мелодично и жалобно, а ей казалось, что гдѣ-то тамъ, далеко, въ темномъ, какъ могила, пустомъ холодномъ залѣ падаютъ куда-то и звенятъ хрустальныя и тоскливыя капли рояля. Тамъ сидитъ мертвая и неподвижная, холодная, синяя и страшная Любка, сидитъ за роялемъ, и слезы капаютъ на рояль, и мертвые глаза ничего не видятъ передъ собой, но Сашу видятъ оттуда, страшно видятъ, тянутся къ ней. А по полу что-то медленно-медленно подползаетъ.

— Спишь? — не выдержала Саша. — А? — позвала она поспѣшно и прерывисто, не поворачивая головы и зная навѣрное, что рядомъ лежитъ Полька, и зная, что это вовсе не Полька... И голосъ ея въ темнотѣ показался ей самой чужимъ и слабымъ.

Полька шевельнулась. Ея невидимые мягкіе курчавые волосы слегка скользнули по щекѣ Саши, но отозвалась она не сразу...

— Нѣтъ, Сашенька,—тихо и жалобно сказала она.

И Сашу неудержимо потянуло на этотъ нѣжный и слабый голосъ. Она быстро повернулась и сразу всѣмъ тѣломъ почувствовала другое мягкое и теплое тѣло, но не увидѣла ничего, кромѣ все той же, все облившей, изсиня-черной тьмы. И вдругъ двѣ невидимыя худенькія и горячія руки скользнули по ея груди и осторожно, боязливо нашли и обняли ея шею.

— Са-ашенька, — тихо прошептала Полька, — отчего мы такія несчастныя?..

И въ темнотѣ послышались просящія и покорныя всхлипыванія. Волосы ея щекотали шею Саши, слезы тихо мочили грудь и рубашку, а руки судорожно дрожали и цѣплялись.

Саша молчала и не двигалась.

— Лучше бы мы померли, какъ... или лучше, какъ еще маленькія были... Я, когда еще въ гимназіи училась, такъ больна была... воспаленіемъ легкихъ... и все радовалась, что выздоровѣла... и волосы виться стали... Лучше бъ я тогда умерла!..

Саша все молчала, но каждое слово Польки стало отзываться гдѣ-то внутри ея, какъ-будто это она сама говорила и плакала.

— Что мы теперь такое? — продолжалъ стонать и жаловаться плачущій въ темнотѣ одинокій голосокъ.— Вонъ Люба повѣсилась, а Зинку въ больницу взяли; говорятъ, у нея даже и носъ провалился... хорошенькая, вѣдь, была Зинка... И какъ-будто такъ и надо... такъ мы и остались... никто не придетъ и не уведетъ, чтобы и съ нами... не...

— А... чего захотѣла... Ха!.. — вдругъ злобно, задыхаясь и трясясь вся, пробормотала Саша.

— И насъ свезу-утъ... Никому до насъ дѣла нѣтъ... До всѣхъ дѣло есть, всѣхъ людей берегутъ... тамъ, и все... а мы, какъ проклятыя какія... А за что?

— Извѣстно,—сквозь зубы проговорила Саша и отвернулась, хотя и ничего не было видно.

— Я помню,—шептала въ темнотѣ Полька, точно жалуясь не Сашѣ, а кому-то другому, — какая я была въ гимназіи... чистенькая... Иду, и всѣ на меня смотрятъ и улыбаются... Мама встрѣтитъ: ну, что, моя до-чка... Ничего неизвѣстно... — вдругъ порывисто, горячо и тоскливо перебила она себя: — я и не виновата въ этомъ вовсе!

— А кто виноватъ?—спросила Саша тихо и съ какимъ-то трепетнымъ и жалобнымъ ожиданіемъ.

Полька вдругъ дернулась всѣмъ тѣломъ.

— Кто?.. А развѣ я знаю!.. Ничего я не знаю, ничего не понимаю... А только я, можетъ, теперь дни и ночи плачу... пла-ачу...

И Полька заплакала тоненькимъ, тихимъ и безконечно безсильнымъ плачемъ. Казалось, будто это не человѣкъ плачетъ, а муха звенитъ.

— Жалко мнѣ, жалко, Сашенька, — опять зашептала она, захлебываясь слезами, — и себя жалко, и тебя жалко, и Любку... всѣхъ...

Она затихла. Долго было совершенно тихо и какъ-то глухо. Потомъ стало слышно, какъ вѣтеръ воетъ въ трубѣ. Такъ, застонетъ тихо, помолчитъ и опять протянетъ долгій тоскливый звукъ: у-у-у... какъ-будто у него зубы болятъ.

— Я дѣточекъ люблю, — вдругъ тихо и стыдливо сказала Полька, — мнѣ бы дѣтку своего, я бы... Боже мой, какъ бы я его любила! Са-ашенька!.. — съ какимъ-то изступленнымъ вострогомъ отчаянія всхлипнула она.

Сашѣ казалось, что ее насквозь пронизываетъ этотъ изступленный, тонкій, какъ иголка, шопотъ, и ей стало невыносимо. Захотѣлось крикнуть, порвать что-то.

— Мы что тутъ?.. Такъ... падаль одна! Живемъ, пока сгніемъ... А другіе же живутъ... свѣту радуются... Я въ гимназіи все книжки читала... теперь я не читаю, забыла... да и что читать!.. А тогда мнѣ казалось, что все это и я переживу... будто у меня въ груди что-то громадное... будто все счастье, какое на землѣ есть, я переживу, все мое будетъ... вся жизнь, и люди всѣ мои, для всѣхъ людей... и... и не могу я этого выразить... Са-ашенька...

— Какъ быть? — вдругъ спросила Саша сдавленнымъ, глухимъ горловымъ голосомъ.

Полька замолчала такъ неожиданно, что Сашѣ показалось, будто теперь темнота шепчетъ.

— Уйти... бы... — шепнула Полька, и Саша услыхала растерянный и робкій голосъ.

Саша вслушалась въ его придавленный звукъ и вдругъ почувствовала себя большой и сильной, въ сравненіи съ худенькой, слабой Полькой, которая могла толь-

ко плакать и жаловаться. Она даже какъ-будто почувствовала всю могучую красоту своего молодого, сильнаго тѣла, двинула руками и ногами и громко заговорила, точно грозя:

— И уйдемъ... что!

Въ комнатѣ уже стало свѣтлѣть, и когда Саша повернула голову, то увидѣла рядомъ неясныя очертанія бѣлаго и маленькаго тѣла и у самаго лица большіе, чуть-чуть блестящіе въ темнотѣ, испуганные глаза.

Полька помолчала.

— Ну? — со злобой страха и неувѣренности почти крикнула Саша.

— Куда? — робко и чуть слышно проговорила Полька. — Куда я теперь ужъ пойду?

Будто что то, на мгновеніе мелькнувшее передъ Сашей, свѣтлое и отрадное померкло и безсильно стало тонуть въ мутной мглѣ! И, хватаясь за что-то, почти физически напрягаясь, Саша крикнула въ бѣшенствѣ:

— Тамъ видно будетъ... Хуже не будетъ! Уйти бы только!..

И вскочила обѣими горячими ногами на холодный полъ, ясно, съ леденящимъ ужасомъ чувствуя, что мертвая Любка изъ темной бездонной дыры подъ кроватью сейчасъ схватитъ ее за ноги и потащитъ куда-то въ ужасъ и пустоту. И преодолѣвая слабость въ ногахъ, Саша босикомъ добѣжала до окна, ударила, распахнула его на темный, какъ бездонный колодезь, дворъ и высунулась далеко наружу, повиснувъ надъ сырой и холодной пустотой. Вѣтеръ рванулъ ее и вздулъ рубашку пузыремъ, леденя спину. На волосы сейчасъ же сталъ мягко и осторожно откуда-то сверху падать невидимый снѣгъ; вверху и внизу было пусто, сѣро и молчаливо, пахло сыростью и холодомъ. У Саши сдавило въ груди, сжало голову, и, судорожно схвативъ горшокъ съ цвѣтами, она со всего размаха, напрягая всѣ силы въ страшной не-

утолимой злобѣ и ненависти, швырнула его въ темную пустоту за окномъ. Что-то только метнулось внизу, и глухой тяжкій ударъ донесся снизу:

— А-ахъ!..

— Уйду... же! — сжавъ зубы такъ, что скуламъ стало больно, прошептала Саша.

На кровати тихо и безсильно закопошилась маленькая Полька.

— Сашенька... холодно... затвори окно... что ты тамъ?.. Я боюсь...

III.

И цѣлый день потомъ Саша была тиха и молчалива и ясно ощущала въ себѣ присутствіе чего-то новаго, что было ей совершенно непонятно, но такъ хорошо, что даже страшно: было похоже на то, какъ если во снѣ почувствуешь способность летать, но еще не летишь, и хочешь, и боишься того прекраснаго и новаго, страшнаго именно своей совершенной новизной, ощущенія, которое должно явиться съ первымъ же взмахомъ крыльевъ. И, несмотря на этотъ страхъ, Саша уже знала, что это будетъ, что это безповоротное.

Весь «домъ», со всѣмъ, что въ немъ двигалось и было, какъ-будто отодвинулся отъ нея куда-то внизъ, сталъ чужимъ, и сначала ей даже любопытно было наблюдать его жизнь, точно у нея открылись новые, ясные глаза. Но тутъ-то она и поняла, первый разъ въ жизни, совершенно сознательно, какимъ уродливымъ, противоестественнымъ было все то, что здѣсь дѣлалось: былъ ясный и свѣтлый день, а всѣ спали; все ненавидѣли другъ друго, дрались и бранились самыми скверными словами, а жили вмѣстѣ, вмѣстѣ страдали, вмѣстѣ танцовали; завлекали мужчинъ, выманивали у нихъ деньги, доставляя имъ величайшее удовольствіе, — не для себя и да-

же не для своихъ хозяевъ, какъ казалось, а такъ, совершенно безцѣльно, потому что никто даже и не спрашивалъ себя о цѣли, и никому не было до того дѣла; отнимали здоровье, распространяли болѣзнь, хотя никому не желали зла; заражались сами и безобразно погибали, а желали только веселой и счастливой жизни. И когда Сашѣ пришло это въ голову, весь публичный домъ и всѣ люди въ немъ вдругъ, съ потрясающей силой, стали ей противны. Все, и глупые стулья въ залѣ, и рояль, похожій на гробъ, и желтыя лица, и яркія платья и блѣдно-сѣрый полусвѣтъ въ узкихъ комнатахъ съ тусклыми полами, — стало возбуждать въ ней почти физическое, нудное, тяжелое чувство.

Полька Кучерявая все вертѣлась возлѣ нея и заглядывала въ глаза съ нѣмымъ и трусливымъ вопросомъ. Саша хмурилась и отворачивалась отъ нея, боясь, чтобы Полька не спросила, а Полька печально боялась спросить. Наконецъ Саша ушла отъ всѣхъ въ пустой залъ и опять стала смотрѣть въ то же окно.

Теперь былъ ясный вечеръ, а напавшій за ночь мягкій, чистый и пухлый снѣгъ лежалъ по краямъ дороги ровнымъ бѣлымъ полотенцемъ, а посерединѣ весь былъ взрыхленъ комочками, легко разлетаясь подъ ногами лошадей, рыжѣлъ и таялъ. Извозчичьи санки быстро и легко скользили и, забѣгая на бокъ, оставляли широкіе и такіе гладкіе, что пріятно было смотрѣть, накаты. Было свѣтло и тихо, а потому спокойно и хорошо. На бѣломъ снѣгу все казалось удивительно отчетливымъ и чистымъ, красивымъ, какъ дорогая игрушка. По противоположной панели прошелъ студентъ, маленькій и бѣлокурый мальчикъ; онъ на кого-то весело смотрѣлъ и весело улыбался. И хотя Саша не видѣла, кому и чему онъ улыбается, но все-таки ей стало такъ же весело и легко. И когда она смотрѣла на него, въ душѣ у нея явилось, наконецъ, опредѣленное, необходимое, чтобы не

впасть въ отчаяніе и злобу, глубокое и довѣрчивое чувство: она вспомнила «знакомаго» студента и радостно подумала, что онъ ей все устроитъ. И тотчасъ же ей начало казаться, что все уже, самое главное по крайней мѣрѣ, сдѣлано, и она уже какъ бы отдѣлилась отъ этого дома. Порвалась какая-то тяжелая и дурная связь, и оттого «домъ» сталъ какъ-будто еще темнѣе, и пустѣе, а она сама — свѣтлѣе и легче, точно вся душа ея наполнилась этимъ разлитымъ по снѣгу, по улицамъ, по крышамъ, по бѣлому небу и людямъ радостнымъ и чистымъ дневнымъ свѣтомъ.

Когда пришелъ вечеръ, ей надо было сдѣлать надъ собой большое, тяжелое усиліе, чтобы хотя съ отвращеніемъ и тоскливымъ недоумѣніемъ дѣлать то же, что и всегда.

Тотъ самый студентъ, красавецъ и силачъ, о которомъ она думала, пришелъ въ этотъ же вечеръ, веселый и выпившій. Онъ еще издали увидалъ и узналъ Сашу и, такъ какъ она очень понравилась ему въ прошлый разъ, сейчасъ же подошелъ спокойно и весело. Но тутъ-то Саша почему-то и заробѣла его; это было потому, что она хотѣла просить его, какъ человѣка, и увидѣла въ немъ человѣка въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ была въ этомъ домѣ, и «человѣкъ» казался ей высшимъ и страшнымъ существомъ, какимъ-то судьей души. Весь вечеръ она была такой тихой и смущенной, что онъ даже удивился и сталъ, шутя и смѣясь, звать ее.

И только въ своей комнатѣ Саша, уже раздѣваясь, точно кто-то толкнулъ ее сразу сказала ему, что хочетъ уйти отсюда.

Студентъ сначала удивился, разсмѣялся и, видимо, не повѣрилъ, но когда Саша растерялась и потихоньку заплакала безсильно обиженнымъ плачемъ онъ сконфузился и вспомнилъ, что, по его убѣжденіямъ, ему не удивляться, а вѣрить и радоваться надо. Тогда онъ смутил-

ся какъ мальчикъ, и хорошимъ, даже какъ-то черезчуръ задушевнымъ голосомъ, больше думая, чѣмъ чувствуя, что это хорошо, сказалъ:

— Ну, что жъ... и молодца... Молодецъ, Сашка!.. Это мы все живо устроимъ!..

И опять удивился и смутился, потому что хотя и имѣлъ въ этомъ твердыя убѣжденія, но пришелъ къ Сашѣ совсѣмъ не за тѣмъ, и оттого сбился, запутался, почувствовалъ что-то пустое и недоумѣлое.

— Такъ, такъ... — пробормоталъ онъ, густо краснѣя, чувствуя себя глупымъ и неловкимъ и изо всѣхъ силъ глядя въ сторону отъ голой Саши, ложившейся на постель. Потомъ рѣшительно всталъ и сказалъ хрипло и отрывисто:

— Такъ я того... устрою...—и подошелъ къ Сашѣ.

Саша смотрѣла на него наивно, довѣрчиво, просительно, но все-таки лежала въ привычной, безстыдно ожидающей позѣ. Студенту стало неловко, скверно, но жгучее желаніе туманило его голову и, весь краснѣя и холодѣя отъ презрѣнія къ себѣ, онъ раздѣлся и легъ.

«Ну... что жъ... не переродилась же она... сразу...» старался онъ успокоить себя, обнимая ее...

Но въ самой глубинѣ его сознанія осталось какое-то тяжелое, неудовлетворенное и обидное чувство...

Съ этого момента жизнь Саши, выбитая изъ той глубокой и прямой колеи, по которой шла безъ всякаго усилія съ ея стороны, точно покрылась какимъ-то хаотическимъ туманомъ, среди котораго, какъ ей казалось, безсильно и безтолково вертѣлась она сама, какъ щепка въ водоворотѣ.

Студентъ, котораго она просила о помощи, оказался такимъ хорошимъ человѣкомъ, что ему недостаточно было только подумать или высказать что-нибудь хорошее, а искренно хотѣлось и сдѣлать. У него было обширное

и хорошее знакомство, а потому ему очень скоро удалось устроить Сашу въ пріютъ для «раскаявшихся».

Саша узнала объ этомъ прежде всего изъ его же письма, которое принесъ ей посыльный въ красной шапкѣ. Но письмо сначала прочитала «тетенька». Рано утромъ она ворвалась въ комнату Саши и пронзительнымъ, злымъ голосомъ стала кричать и браниться. Ей не было никакого убытка, и на мѣсто Саши было очень легко достать десять такихъ же молодыхъ и хорошенькихъ женщинъ, но «тетенькѣ» казалось, что ей нанесли личную обиду и что Саша неблагодарная тварь.

Она швырнула Сашѣ въ лицо скомканнымъ письмомъ и стала стремительно хватать всѣ вещи Саши, будто боясь, чтобы она не унесла чего съ собой.

— Чего хватаетесь?.. Не кричите... — пробормотала Саша, вся красная и растерянная.

Въ коридорѣ уже столпились дѣвушки и смѣялись надъ ней, сами не зная почему. И Сашѣ невольно стало казаться, что и вправду это очень стыдно то, что она задумала. Одну минуту она даже хотѣла отказаться отъ всего, но вдругъ нахмурилась, съежилась и озлобилась.

— Не унесу... не бойтесь... ваше вамъ и останется... —только пробормотала она.

— Ладно, ладно! — злобно кричала «тетенька». — Ладно!.. знаемъ мы васъ!..

Дѣвицы хихикали.

— У, дура! — кричала полная и красная «тетенька».—Подумаешь, тоже... въ честныя захотѣла!.. Да ты видала ли когда, честныя-то какія бываютъ?.. Ахъ ты...

Красное бархатное платье, которое Саша только разъ и надѣвала и котораго она такъ давно страстно желала, скомканное полетѣло въ общій узелъ. У Саши навернулись слезы жалости и обиды.

— Да что вы, въ самомъ дѣлѣ!—дрожащими губами проговорила она, дѣлая невольное движенiе въ защиту своихъ платьевъ.

Но «тетенька» быстро, точно этого и ждала, загородила ей дорогу, ударила по рукѣ, и когда Саша охнула отъ испуга и боли пришла въ восторгъ злости, ударила Сашу еще два раза по щекѣ и потянула за волосы.

— Вотъ тебѣ! — закричала она уже въ рѣшительномъ изступленiи, такъ что крикъ ея былъ слышенъ на подъѣздѣ, и пришелъ швейцаръ, рябой и равнодушно-злой человѣкъ.

— Ишь ты... представленiе!—сказалъ онъ.

Саша вспыхнула вся, хотѣла что-то сказать, но вдругъ отвернулась къ стѣнѣ и безсильно заплакала.

— Скоты вы всѣ неблагодарные! — вдругъ сладострастно разнѣживаясь отъ побоевъ и слезъ, плаксиво прокричала «тетенька», потомъ вспомнила Любку, изъза которой у нея были большiя непрiятности съ полицiей, и опять осатанѣла:

— Маешься съ вами, одѣваешь, обуваешь, а вы... Ну, узнаешь ты у меня, какъ собаки живутъ! — стиснула она зубы такъ, что въ глазахъ у нея все завертѣлось .

— Я... т... тебя пррокл...

Саша замерла, поблѣднѣла и такъ сѣла на полъ, прикрываясь руками.

— Те... тетенька...—успѣла проговорить она.

Толстое жирное колѣно тетеньки ударило ее въ лицо, такъ что она стукнулась затылкомъ о подоконникъ, и на голову ея и спину градомъ посыпались удары, отъ которыхъ тупо и больно вздрагивало сердце. Саша только закрывала лицо и стонала.

— Вотъ... — запыхавшись и шатаясь, остановилась «тетенька».

Глаза у нея стали совсѣмъ круглые и дикіе, такъ что даже странно и страшно было видѣть ея лицо на человѣческомъ тѣлѣ. Она еще долго и скверно ругалась и смотрѣла на Сашу такъ, какъ-будто ей было жаль такъ скоро уйти и перестать бить.

— Смотри, придешь опять, я тебѣ это высчитаю!— наконецъ прокричала она и ушла, громко ругаясь и дыша тяжело и возбужденно.

Саша, оглушенная и избитая, встала, машинально поправила волосы и задвигалась по своей комнатѣ, испуганно оглядываясь. Дверь она потихоньку затворила и уже тогда сѣла на кровать и стала плакать, закрывшись руками. Но плакала она не столько отъ боли и отъ обиды, сколько оттого, что передъ ней вдругъ открылась какая-то неопредѣленная, страшная пустота, и ей стало такъ страшно, что она едва не побѣжала просить кого-то чтобы ея не трогали и оставили тутъ навсегда, какъ была.

Потомъ потянулся долгій и томительный вечеръ.

Въ залѣ, по обыкновенію, весело и громко играла музыка, и Саша знала, что тамъ сейчасъ свѣтло и людно. Ей по привычкѣ хотѣлось туда, но она не смѣла выйти и сидѣла одна въ пустой и полутемной комнатѣ, прислушивалась къ глухо доносившейся сквозь запертыя двери музыкѣ, и говору, и смѣху проходившихъ по коридору дѣвушекъ съ ихъ выпившими гостями.

Саша цѣлый день ничего не ѣла, и ей было не хорошо. Потомъ она помнила только, что въ комнатѣ отъ свѣчи ходили большія молчаливыя тѣни, было холодно и какъ-то глухо, а въ черный четырехугольникъ окна опять стучалъ невидимый дождь. Вечеръ ей казался не то что длиннымъ, а какимъ-то неподвижнымъ, точно времени вовсе не было.

И никакихъ мыслей и чувствъ не было въ ней, кромѣ

чувства безконечнаго, удручающаго все существо одиночества.

На другой день ей пришлось побывать въ участкѣ, гдѣ тоже было страшно и тоскливо. Большія бѣлыя окна смотрѣли какъ мертвыя, столы были черные, люди грубые и любопытно-злые. И Сашѣ казалось, что эти уже имѣютъ право сдѣлать надъ ней все, что угодно.

Надъ ней смѣялись и даже издѣвались. Кто-то сказалъ:

— Кающаяся!..

И слово это выговорилъ со вкусомъ, сочно и развонисто. Саша уже не плакала, потому что ея сознаніе охватилъ точно туманъ, въ которомъ она почти уже не понимала, что съ ней дѣлаютъ.

У нея отобрали какую-то подписку, куда-то послали, сначала въ одно, а потомъ въ другое мѣсто и голодную, усталую, совершенно утратившую человѣческое чувство, доставили въ пріютъ.

IV.

Саша не спала почти всю ночь и все думала, ибо передъ ней, маленькой женщиной, съ маленькимъ и слабымъ умомъ, всталъ какой-то громадный и неразрѣшимый вопросъ.

Было темно и тихо. Свѣтъ отъ уличныхъ фонарей падалъ черезъ окна на потолокъ и неясно ходилъ тамъ, вспыхивалъ и темнѣлъ. Съ улицы слабо, больше по дрожанію пола, доносилось рѣдкое дребезжаніе извозчичьихъ дрожекъ по оттаявшей къ ночи мостовой. Была сильная мокрая оттепель, и слышно было, какъ за окномъ падали на желѣзный карнизъ крупныя тяжелыя капли. Всѣ спали, и на всѣхъ кроватяхъ смутно чернѣли неопредѣленные темные бугры, прикрытые такими же твердыми, съ деревянными складками, одѣялами.

Саша блестящими глазами изъ-подъ уголка одѣяла, какъ мышь, оглядывала комнату и чутко прислушивалась ко всякому звуку: и къ паденію грустныхъ капель за окномъ, и къ скрипу дальней кровати, и къ тяжелому, долгому дыханію, и къ непрестанному хриплому храпу, откуда-то изъ темноты разносившемуся по комнатѣ.

Сашѣ было странно, что все такъ тихо и спокойно, что не шумятъ, не танцуютъ, не дерутся, не пьютъ, не курятъ и не мучаютъ. И вдругъ какое-то теплое, легкое и радостное чувство охватило ее всю, такъ что Саша даже вздрогнула и порывисто уткнулась лицомъ въ жидкую подушку, на которой наволочка лежала грубыми складками.

Саша только теперь поняла, что прежняя жизнь кончена; что уже никогда не будутъ ее заставлять ласкать пьяныхъ и противныхъ мужчинъ; не будутъ бить, ругать, что весь этотъ чадъ ушелъ и не повторится. А впереди, точно восходящее въ тихомъ радостномъ сіяніи солнца, стало свѣтить что-то новое, грядущее, радостное, чистое и счастливое. И уже отъ одного сознанія его Сашѣ показалось, что она сама стала легче, чище, свѣтлѣе. Что-то сладкое давнуло Сашу за горло, и горячія тихія слезы сразу наполнили ея глаза и смочили возлѣ щекъ нагрѣвшуюся, пахнущую мыломъ, подушку.

«Господи, Господи... дай, чтобы ужъ больше... чтобы стать мнѣ такой... какъ всѣ... дай, Господи, дай!..» съ напряженнымъ и рвущимся изъ груди чувствомъ непонятнаго ей восторга и умиленія почти вслухъ прошептала Саша.

Было что-то жалкое и слабое въ этой молитвѣ, и странно было, что такъ молилась здоровая, красивая, горѣвшая отъ силы жизни женщина.

Саша хотѣла вспомнить всѣ обиды, Польку, «тетеньку», Любку, но мысленно отмахнулась рукой.

«Богъ съ ними!.. Было и прошло... и быльемъ поросло! Теперь уже все, все будетъ совсѣмъ по-новому... Буду жъ и я, значитъ, человѣкомъ, какъ всѣ... тогда ужъ никто не крикнетъ... какъ тотъ усатый въ участкѣ. Господи, Господи... Создателю мой!.. До чего жъ хорошо это я надумала... Будто ужъ и не я вовсе... Знакомые у меня теперь будутъ настоящіе... Сама буду въ гости ходить... работать буду такъ... чтобы ужъ никто-никто и не подумалъ...»

Какъ-то незамѣтно для самой Саши всплылъ передъ нею образъ того студента, который устроилъ ее въ пріютъ.

«Красавецъ мой милый!» безсознательно, съ безконечной нѣжностью и благоговѣніемъ прошептала Саша, и уже когда прошептала, тогда замѣтила это.

Ей было привычно, ничего не чувствуя, называть всѣхъ бывшихъ у нея мужчинъ ласкательными словами, но теперь ей стало стыдно, что она подумала такъ о немъ. Но такъ хорошо стыдно, что слезы легко опять набѣжали на блестящіе, широко раскрытые навстрѣчу слабому свѣту изъ оконъ, глаза. Саша тихо и радостно улыбнулась себѣ.

«Миленькій, золотой мой!», съ невыразимымъ, влекущимъ чувствомъ, прижимаясь къ подушкѣ, стала подбирать всѣ извѣстныя ей нѣжности Саша. И все ей казалось мало, и хотѣлось придумать еще что-то, самое ужъ нѣжное, хорошее и жалкое.

«Спаситель вы мой!» почему-то вдругъ на «вы» придумала Саша, и именно это показалось ей такъ хорошо, нѣжно и жалко, что она заплакала.

«Чего жъ я плачу?» спрашивала она себя, но крупныя и теплыя слезы, легко, сладко струились по ея щекамъ и расплывались по подушкѣ.

Твердое одѣяло сползало съ ея разгорѣвшагося тѣла, и подушка смялась въ совсѣмъ крошечный комочекъ, на которомъ было твердо и неудобно лежать.

«Какія тутъ постели скверныя», машинально подумала Саша, не переставая улыбаться сквозь слезы своимъ другимъ мыслямъ.

И тутъ только Саша въ первый разъ совершенно ясно вспомнила и поняла, почему именно она ушла изъ дома терпимости. Она припомнила, какъ ей было тяжело и грустно еще до смерти Любки, какъ все было ей противно и скучно.

«Что Любка бѣдная, царство ей небесное, повѣсилась, только, значитъ меня, на мысль натолкнуло... и Полька Кучерявая тоже... Полечка Кучерявенькая!» ласково, жалѣючи вспомнила Саша: «надо и ее оттуда вытащить, она, глупенькая, сама и не додумается какъ... а и додумается, такъ побоится!.. Слабенькая она...»

Вдругъ въ комнатѣ стало совсѣмъ темно. Саша подняла голову, но сразу ничего не увидала, кромѣ изсинячернаго мрака. Изъ темныхъ оконъ уже не падалъ на потолокъ свѣтъ, а стекла только чуть-чуть сѣрѣли въ темнотѣ.

«Фонари тушатъ... поздно», подумала Саша.

И, закрывъ глаза, стала опять вспоминать, почему «это» вышло, и когда все началось, и почему именно студенту сказала она объ этомъ. Съ самаго начала ей было противно, грустно и трудно привыкнуть къ такой жизни; и пошла она на это только отъ тяжелой, голодной и безрадостной жизни. Она всегда считала себя, и дѣйствительно была, очень красивой и больше всего въ мірѣ ей хотѣлось, чтобы въ нее влюбился какой-то невѣроятный красавецъ и чтобы у нея было много прекрасныхъ костюмовъ.

«Иная рожа рожей, а одѣнется, такъ глаза слѣпнутъ... а ты тутъ, идешь, по грязи подоломъ шлепаешь...

на башмакахъ каблуки съѣхали, подолъ задрипанный, кофточка старая, мѣшкомъ сидитъ... красавица!.. Такъ мнѣ обидно было... Тогда около ресторана... гусаръ даму высаживалъ, а я заглядѣлась и даму толкнула, а онъ меня какъ толкнетъ!..Посмотрѣла я на нее: старючая да сквернючая... и такъ мнѣ горько стало... А тутъ «тетенька» обхаживать начала... я ей сдуру все про гусара и какъ мнѣ обидно, разсказала... а она такъ и зудитъ, такъ и зудитъ, что будутъ и гусары, и все... и что красавица я первая, и что мнѣ работать, гнуться да слѣпнуть — глупость одна... съ какой радости?.. А я себѣ и думаю: «и впрадву глупость одна... съ какой радости?..»

Потомъ она вспомнила то ужасное безпросвѣтное, невѣроятное, точно въ кошмарѣ, грязное пятно, которымъ представлялся ей долго послѣ первый день, когда она протрезвилась.

«А вѣдь я тогда тоже удавиться хотѣла!» съ холоднымъ ужасомъ вспомнила Саша и сразу широко открыла глаза, точно ее толкнулъ кто-то. Ей почудилось, что тутъ, возлѣ кровати, стоитъ неподвижная, мертвая, длинная-длинная Любка.

А все было тихо, слышалось ровное дыханіе спящихъ и стало будто свѣтлѣе. Опять были видны темные бугорки на кроватяхъ, и мало-по-малу становилось все сѣро, блѣдно и какъ-то прозрачно. Попрежнему храпѣлъ кто-то, томительно и нудно, а за окномъ капали на подоконникъ одинокія тяжелыя капли.

«Такъ и хотѣла... Помню, напилась здорово... думала, какъ напьюсь, легче будетъ, не такъ страшно... и крючокъ приколотила... А за мной, значитъ, слѣдили... за всѣми въ первое время слѣдятъ... «Тетенька» меня тутъ и избила... чуть не убила!.. А потомъ и ничего... скучно стало...»

Саша припомнила, не понимая, что потомъ нашла на

нее глубокая, тяжелая апатія, а когда прошла, то унесла съ собой всякую нравственную силу и стыдъ, не было уже ни силы, ни желанія бороться. Потомъ было пьянство, развратъ, шумъ и чадъ, и она привыкла къ этой жизни. Но все-таки Саша помнила очень хорошо, что совсѣмъ весело и спокойно ей никогда не было, а все время, что бы она ни дѣлала, гдѣ-то, въ самой глубинѣ души, куда она сама не умѣла заглядывать, оставалось что-то ноющее тоскливое, что и заставляло ее такъ много пить, курить, задирать другихъ и развратничать.

«А почему ему... почему ему сказала?.. Да потому, что онъ меня и взбередилъ тогда... слова эти сказалъ, милый мой красавчикъ!..»

И опять Саша придумывала нѣжныя слова, припоминала весь тотъ вечеръ, когда этотъ студентъ былъ у нихъ въ первый разъ, пьяный, веселый, и очень ей понравился, смѣялся, пѣлъ, а Сашѣ сказалъ:

— Цѣны тебѣ, Сашка, нѣтъ!.. Ты — красавица! Прямо красавица! Кабы ты не была дѣвкой, я бы на тебѣ женился! Ей-Богу, женился бы, потому что ты лучше всѣхъ женщинъ, какихъ я знаю... И зачѣмъ ты, Сашка, въ дѣвки пошла?

Саша смѣялась и вылила на него полстакана пива, но онъ не разсердился, а вдругъ загрустилъ пьяной, слезливой грустью.

— И неужели ты не понимаешь, что ты надъ собой сдѣлала... а? Сашка! — горестно покачивалъ онъ красивой взлохмаченной головой, залитой пивомъ.

И сразу напомнилъ ей этими «жалкими» словами все, что она вынесла. И тутъ все точно поднялось въ ней, давнуло за сердце, рѣзнуло. Саша стала неудержимо плакать, отталкивать студента отъ себя, биться головой. Было это и потому, что она была пьяна, и потому, что она поняла, что сдѣлала надъ собой что-то ужасное и непоправимое, какъ ей тогда казалось.

«Всю ночь тогда проревѣла», задумчиво и тихо подумала Саша, глядя въ посѣрѣвшія окна, печально и неподвижно смотрѣвшія въ большую, холодную и скучную комнату.

«Съ того и началось... это самое... затосковала я тогда на-смерть!»

V.

Слѣдующій день былъ пріемнымъ днемъ во всѣхъ больницахъ, и почему-то его сдѣлали пріемнымъ и въ пріютѣ.

Небо посвѣтлѣло, солнце ярко свѣтило въ окна такъ, что казалось, будто на дворѣ радостная весна, а не гнилая осень. Было такъ много свѣта, что даже на угрюмые мутно-зеленые столы и табуреты было пріятно и легко смотрѣть. Чай пили въ общей комнатѣ, пили чинно и молча, потому что боялись надзирательницы, у которой было много испорченной желчи.

Но Сашѣ казалось, что такъ чинно и тихо вовсе не потому, а оттого, что здѣсь, въ этой совершенно иной жизни, такъ и должно быть: свѣтло, тихо и чинно. И все это ужасно нравилось Сашѣ, даже возбуждало въ ней чувство восторженнаго умиленія. Глаза у нея поминутно дѣлались влажными и тихо блестѣли.

«Господи, какъ хорошо-то...»

А когда Саша вспомнила тѣ радостныя и свѣтлыя думы, которыя передумала она въ эту «великую» (именно такъ, какъ называла она всегда ночь подъ свѣтлое Христово Воскресеніе, Саша назвала себѣ первую ночь, проведенную въ пріютѣ), ей стало такъ радостно, что она начала тихо и широко улыбаться навстрѣчу полному золотой пыли солнечному лучу, падавшему черезъ всю комнату блестящей полосой.

Но въ ту же минуту она поймала на себѣ присталь-

ный и колючій взглядъ надзирательницы, вдругъ загадочно прищурившейся, и смутилась такъ, что даже испугалась. Густой румянецъ сталъ разбѣгаться по ея молодому и еще совсѣмъ свѣжему лицу.

«Чего обрадовалась?» съ грустью, откуда-то вынырнувшей незамѣтно для нея самой, подумала Саша, стараясь не глядѣть по сторонамъ. «Ужъ и забыла.. подумаешь!.. Такъ тебѣ и смѣяться... сидѣла бы, коли ужъ Богъ убилъ».

И какъ-будто въ столовой стало темнѣй, скучно и глухо, и золотой столбъ пыли куда-то пропалъ.

«Исправляющіяся!» съ ироніей думала надзирательница, машинально помѣшивая ложечкой жидкій простывшій чай и не спуская съ Саши злого и презрительнаго взгляда. «Мысли-то ихъ въ комитетъ бы представить!.. У, дурачье!..» подумала она о комитетскихъ дамахъ. «Да этихъ потаскухъ хлѣбомъ не корми... Развѣ могутъ онѣ не то, что оцѣнить, а хотя бы понять смыслъ этихъ заботъ о нихъ общества?» вдругъ поджавъ губы, мысленно произнесла она гдѣ-то слышанную, очень ей понравившуюся и не совсѣмъ ясно понимаемую фразу. И потомъ ей почему-то страстно захотѣлось схватить Сашу за косу и дернуть по полу такъ, чтобы въ пальцахъ клочки волосъ остались.

Послѣ чаю всѣ сразу заторопились и, еще сдерживаясь, чтобы не побѣжать, разошлись по комнатамъ шушукаться и хлопотать.

Саша сидѣла возлѣ своей кровати, къ жесткому коричневому цвѣту и мертвымъ прямымъ складкамъ которой она все не могла привыкнуть, и смотрѣла съ удивленіемъ и любопытствомъ, какъ прихорашивались ея товарки. На нихъ оставались тѣ же странныя, неуклюжія платья, но всѣ какъ-то подтянулись: таліи стали тоньше, платья опрятнѣе застегнулись. Блондинка съ красивымъ голосомъ взбила чубъ, и стала прелесть ка-

кой хорошенькой, а женщина съ животомъ украсила свои безцвѣтные жидкіе волосы голубой ленточкой. И эта ленточка наивно и робко, не въ тактъ ея движеніямъ, болталась у нея на головѣ.

«Вовсе не хорошо!» мелькнуло въ головѣ у Саши.

Блондинка улыбнулась, поймавъ ея взглядъ на голубую ленточку.

Саша отвѣтила радостной улыбкой.

— Какая вы хорошенькая! — съ искреннимъ восторгомъ сказала она.

— Правда? — короткимъ горловымъ смѣшкомъ возразила блондинка.

— Ей-Богу! — улыбнулась Саша. — Только платье бы вамъ другое... и совсѣмъ бы красавицей стали... У меня одно было, красное, и вотъ тутъ...

Саша подняла руку, чтобы показать, но вдругъ вспомнила, разомъ замолчала и растерянно мигая, потупилась.

«Развѣ можно про это вспоминать?» укорила она себя, съ усиліемъ подавляя въ себѣ жалость о красномъ платьѣ и желаніе разсказать о немъ.

Блондинка не поняла Сашу и хотѣла переспросить, но въ это время дверь отворилась, надзирательница на мгновеніе всунула желтую голову въ комнату и отрывисто выкрикнула, точно скрипнула дверью:

— Полынова... къ вамъ...

Полыновой оказалась женщина съ большимъ животомъ. Должно быть, она хоть и нацѣпила ленточку, никакъ не ожидала, что къ ней придутъ. Она сильно и болѣзненно вздрогнула и какъ-то вся безтолково засуетилась, хватая руками и обдергивая ленточку и платье. Ея невыразительное длинное лицо поблѣднѣло, а тусклые голубенькіе глазки выразили-таки растерянность и жалкій испугъ.

— Ну? — крикнула надзирательница, и голова ея выскользнула.

Полынова, путаясь и торопясь, ушла за нею все съ тѣмъ же испуганнымъ лицомъ, и Сашѣ показалось, будто она перекрестилась на ходу быстрымъ и мелкимъ движеніемъ.

— Пришелъ-таки, — съ выраженіемъ и сочувствія и насмѣшки, сказала блондинка.

Рябая отозвалась равнодушнымъ басомъ:

— Все одинъ чортъ... Не женится онъ... охота ему!.. А она—дура!

Тутъ только Саша замѣтила, что одна эта рябая и не думала прихорашиваться, а неподвижно сидѣла на своей кровати, придавивъ ее какимъ-то странно-тяжелымъ тѣломъ.

Опять отворилась дверь, и опять скрипнулъ сухой голосъ:

— Иванова.

Блондинка встала и засмѣялась.

— Вы чего радуетесь? — сухо и недовѣрчиво спросила надзирательница.

Ее всегда злило и даже оскорбляло, когда эти женщины, которыхъ она считала неизмѣримо ниже себя и недостойными даже дышать вольно на свѣтѣ, радовались или хоть оживлялись.

Но блондинка, не отвѣчая и все смѣясь, поправила на себѣ волосы и пошла изъ комнаты.

Потомъ вызвали Сюртукову, ту самую толстую и дурнорожую женщину, которая ночью храпѣла, и Кохъ, блѣдную, тощую дѣвушку съ бородавкой на длинной шеѣ. Онѣ ушли, и въ комнатѣ стало совсѣмъ пусто и тихо. Воздухъ былъ чистый, и всякій звукъ раздавался черезчуръ отчетливо и дробно, еще больше усиливая тишину и пустоту.

Рябая неподвижно сидѣла спиной къ Сашѣ, и по

ея широкой обтянутой толстой спинѣ нельзя было догадаться, дремлетъ она или смотритъ въ окно.

Саша почему-то стѣснялась двигаться и тоже сидѣла тихо. Было что-то странное и тоскливое въ этой неподвижности и тишинѣ двухъ живыхъ людей, въ этой свѣтлой и чистой комнатѣ. И Саша начала томиться неопредѣленнымъ тяжелымъ чувствомъ.

Она стала припоминать то, что думала ночью, но оно не припоминалось, вставало блѣдно и безсильно. Саша старалась уже насильно заставить себя испытывать то радостное и свѣтлое чувство, которое такъ легко и всесильно охватывало ея душу, притаившуюся въ темнотѣ подъ жесткимъ темнымъ одѣяломъ. Но вокругъ было свѣтло блѣднымъ ровнымъ свѣтомъ и пусто молчаливой пустотой, и въ душѣ Саши было такъ же блѣдно и пусто. Саша поправилась на кровати, сложила руки на колѣняхъ, потомъ стала крутить волосокъ, потомъ тихо и осторожно зѣвнула, и ей становилось все тяжелѣй и скучнѣй.

Рябая зашевелилась и, не поворачиваясь, спросила:

— А къ тебѣ придутъ?

Голосъ ея раздался сипло и глухо.

Саша вздрогнула и поспѣшно отвѣтила:

— Не знаю...—и удивилась.

«Кто ко мнѣ придетъ?» вдругъ съ тихой жалобной грустью подумала она, и какъ-то ярко и мило ей вспомнились Полька Кучерявая, рыжая Паша и другія знакомыя лица. Она вздохнула.

Рябая что-то тихо сказала.

— Чего?—робко переспросила Саша.

— Ко мнѣ прійти некому... я знаю, — повторила рябая съ страннымъ выраженіемъ не то злобы, не то насмѣшки.

Саша, широко и жалобно раскрывъ глаза, смотрѣла въ ея широкую спину и не знала, что сказать.

— У васъ родныхъ нѣтъ... значитъ? — неувѣренно пробормотала она.

Рябая помолчала.

— Какъ нѣтъ... сколько угодно... Купцы, богатые, родные братья и сестры есть...

— Почему жъ они?..

— Потому...

Рябая оторвала это со злостью и замолчала.

А тутъ дверь опять скрипнула, и когда Саша быстро обернулась, желтая голова смотрѣла прямо на нее. Что-то въ родѣ какой-то смутной, совсѣмъ неопредѣленной, но радужно радостной надежды вздрогнуло въ груди Саши.

— Козодоева... къ вамъ... — проговорила надзирательница.

Саша даже вскочила, и сердце у нея забилось. Но ей сейчасъ же представилось, что это ошибка.

— Ко мнѣ? — срывающимся голосомъ переспросила она, странно улыбаясь.

Передъ нею промелькнули всѣ знакомыя лица изъ публичнаго дома.

— Да ужъ къ вамъ, — неопредѣленно возразила надзирательница и не ушла, какъ прежде, а ждала въ дверяхъ, пока Саша пройдетъ мимо нея.

Лицо у нея было такое, точно она Сашу увидала въ первый разъ и чему-то удивлялась и не довѣряла. А Сашѣ, во все время, пока она шла по коридору, казалось, что вотъ-вотъ она сейчасъ крикнетъ ей: «Куда?.. А ты и вправду думала, что къ тебѣ пришли?.. Брысь на мѣсто».

Но надзирательница шла сзади, молча, сильно постукивая задками туфель.

Совсѣмъ уже робко и нерѣшительно Саша вошла въ отворенную дверь пріемной, и въ первую секунду, ничего не могла разобрать, кромѣ того, что въ пріемной три

окна, стоятъ черные стулья, блеститъ полъ и въ комнатѣ много людей.

Но сейчасъ же ей кинулся въ глаза студенческій мундиръ и знакомое лицо. Будто ее качнуло куда-то, все смѣшалось въ глазахъ, вздрогнуло и мгновенно разбѣжалось, оставивъ во всемъ мірѣ одно, слегка красное, чудно-красивое и безконечно милое, улыбающееся лицо надъ твердымъ синимъ воротникомъ.

Студентъ неестественно улыбнулся и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ ей навстрѣчу.

— Здравствуйте... те, — сказалъ онъ нерѣшительно.

Саша хотѣла отвѣтить, но задохнулась — и только, и то какъ сквозь туманъ, поняла, что онъ протягиваетъ ей руку. Неумѣло и растерянно она подала свою, и ей показалось, будто она перележала себѣ руку, такъ неловко и трудно было ей.

— Ну, что жъ... сядемте... — опять сказалъ студентъ, и первый отошелъ въ уголъ и сѣлъ.

Саша поспѣшно сѣла рядомъ съ нимъ, но какъ-то бокомъ. Ей было неудобно, а скоро стало даже больно, но она не замѣчала этого.

Всѣ смотрѣли на нее и на студента съ любопытствомъ и недоумѣніемъ, потому что къ пріюткамъ, бывшимъ проституткамъ, никогда не приходили такіе люди. Одна блондинка Иванова улыбалась и щурила глаза на красиваго студента.

Студентъ, смущенно и изъ всѣхъ силъ стараясь не показать этого, смотрѣлъ на Сашу и не зналъ, съ чего начать, у него даже мелькнула мысль:

«Чего ради я пришелъ?...»

Но сейчасъ же онъ вспомнилъ, что дѣлаетъ благородное, хорошее дѣло и ободрился. Даже привычно-самоувѣренное выраженіе появилось на его лицѣ.

— Ну, вотъ вы и на новомъ пути!.. — слишкомъ витіевато началъ онъ, почти безсознательно всѣмъ, и

голосомъ, и складомъ фразы, и слегка насмѣшливымъ и снисходительнымъ лицомъ, подчеркивая для всѣхъ, что онъ, собственно, ничего не имѣетъ и не можетъ имѣть общаго съ этой женщиной, а то, что онъ пришелъ сюда, есть лишь капризъ его, безконечно чуждаго всякихъ предразсудковъ «я». И ему все казалось, что это недостаточно понятно всѣмъ, и хотѣлось доказать это.

Саша въ некрасивомъ, странномъ платьѣ, не завитая и не подрисованная, казалась ему незнакомой и гораздо хуже лицомъ и фигурой.

— Да, — сказала Саша такимъ голосомъ, какъ-будто у нея во рту была какая-то вязкая, тяжелая масса.

— Ну... это очень хорошо, — еще громче и еще снисходительнѣе сказалъ студентъ, разглядывая Сашу, и почувствовалъ, что ему какъ-будто жаль, что Саша такъ погрубѣла и подурнѣла.

«А, впрочемъ, она и сейчасъ хорошенькая», утѣшающе подумалъ онъ и, поймавъ себя на этой мысли, съ болью разсердился: «ка-акой, однако, я подлецъ!».

Эта мысль была неискренна, потому что онъ глубже всего на свѣтѣ былъ увѣренъ, что онъ не подлецъ, но все-таки и ея было достаточно, чтобы онъ сталъ проще и добрѣе.

— Если вамъ что-нибудь понадобится, вы скажите,—заторопился онъ,—то-есть напишите... потому что я, можетъ быть... не скоро... или тамъ... я вамъ дамъ адресъ... на всякій случай... вотъ...

Онъ торопливо досталъ очень знакомый Сашѣ кошелекъ и досталъ изъ него карточку.

Саша робко взяла ее и держала въ рукѣ, не зная, куда ее дѣвать и что говорить.

— Спасибо... — пробормотала она.

«Дмитрій Николаевичъ Рославлевъ», прочла она машинально одними глазами.

И вдругъ, точно кто-то ударилъ ее по головѣ, Саша съ ужасомъ подумала:

«Что жъ я... вѣдь онъ сейчасъ уйдетъ!».

И, торопясь и путаясь, заговорила:

— Я вамъ очень, очень благодарна... потому что какъ вы меня... изъ такой жизни...

— Ну, да, да... — заторопился студентъ, весь вспыхивая, но уже отъ хорошаго чувства, пріятнаго и просто гордаго. — Вы повѣрьте... что я вамъ искренно желалъ добра и... желаю, и всегда готовъ...

«Что собственно готовъ?» подумалъ онъ, и противъ его воли вдругъ такой отвѣтъ пришелъ ему въ голову, юмористическій и циничный, что ему стало стыдно и гадко.

«Нѣтъ, я ужасный подлецъ!» съ искреннимъ отчаяніемъ, но еле-еле удерживаясь отъ невольной улыбки, подумалъ онъ, и это чувство было такъ мучительно, что онъ, самъ не замѣчая того, всталъ.

Саша тоже встала торопливо, и лицо у нея было убито и жалко.

«Уйдетъ, уйдетъ... дура... Господи!» съ тоской пронеслось у нея въ головѣ.

Она всѣмъ существомъ своимъ чувствовала, что надо что-то сказать, что-то необычайное, и совершенно не знала, что.

Но въ эту минуту ей казалось, что если она не скажетъ этого и онъ уйдетъ, то тогда ужъ все куда-то исчезнетъ, будетъ что-то пустое и мертвенно-холодное.

— Такъ вы если что-нибудь... тамъ подробный адресъ, — бормоталъ студентъ и протягивалъ руку, какъ-то слишкомъ высоко для Саши.

Саша дотронулась до его руки холодными пальцами и еле перехватила желаніе схватить эту руку обѣими руками и изо всей силы прижаться къ ней.

— До свиданья, — проговорилъ студентъ.

— Прощайте, — отвѣтила Саша и спохватилась: — до свиданія...

И поблѣднѣла.

Студентъ нерѣшительно, оглядываясь на нее, пошелъ изъ комнаты.

Саша пошла за нимъ. Они вышли въ коридоръ и на лѣстницу.

— Такъ вы... — началъ студентъ и замолчалъ, замѣтивъ, что повторяетъ одно и то же.

Вдругъ Саша схватила его за руку и, прежде чѣмъ онъ супѣлъ сообразить, прижала къ губамъ, опустила немного и опять, крѣпко прижавшись мягкими влажными губами, поцѣловала.

— Что вы! — вспыхнулъ студентъ.

Это было новое, стыдное и пріятное ощущеніе.

— Козодоева! Вы куда? — крикнула сверху надзирательница.—Этого нельзя!

Отъ негодованія у нея вышло: «нельса!».

— Я еще приду... непремѣнно приду! — весь красный и растерянный, почему-то ужасно боясь надзирательницы, торопливо пробормоталъ студентъ, сильно пожимая руку Саши.

Саша молчала и глядѣла на него безсмысленно-блаженными мокрыми глазами.

— Ступайте назадъ! — крикнула надзирательница.

Когда студентъ шелъ по улицѣ, у него было какое-то странное чувство, будто онъ сдѣлалъ не то, что было нужно, и въ душѣ у него была чуть-чуть тоскливая тревожная пустота; то же самое чувство, которое было у Саши, когда она отошла отъ Любки, плакавшей за роялемъ. Но у него это чувство было мучительнѣе и сознательнѣе.

«Но вѣдь я же поступилъ съ нею хорошо... вообще... и никто,—съ удовольствіемъ подумалъ онъ,—изъ моихъ... знакомыхъ не сдѣлалъ бы этого!».

И это соображеніе, бывшее искреннимъ и увѣреннымъ, обрадовало и успокоило его.

VI.

Какъ у громаднаго большинства мужчинъ любовь начинается съ физическаго влеченія, такъ у женщинъ она проявляется идеализаціей достоинства мужчины. И чѣмъ женщина болѣе угнетена и обижена нравственно, тѣмъ больше склонна она къ идеализаціи и любви. Если женщины дурного поведенія рѣдко любятъ искренно, то это только оттого, что мужчины подходятъ къ нимъ такъ, что не остается мѣста ни для какого чувства, кромѣ самаго грубаго ощущенія. И у тѣхъ изъ нихъ, которымъ не пришлось любить до своего паденія, именно послѣ него способность къ идеализаціи и любви выростаетъ въ болѣе чистомъ и сильномъ видѣ, чѣмъ у такъ называемыхъ порядочныхъ женщинъ, ожидающихъ себѣ мужа постоянно и постоянно треплющихъ свою душу въ попыткахъ любить.

Какъ только студентъ принялъ живое, человѣческое участіе въ Сашѣ, — такое, какого ей недоставало въ жизни, такъ сейчасъ же забитая потребность любви вспыхнула въ ней съ захватывающей силой и вылилась въ безконечно покорное обожаніе этого человѣка, какъ самаго лучшаго въ мірѣ. Все въ немъ, отъ голоса, прически, мундира, до смысла словъ и поступковъ, казалось Сашѣ невыразимо прекраснымъ, благороднымъ и вызывало въ ней сладкій, умиленный, всю душу вытягивающій восторгъ...

Въ пріемную она вошла, шатаясь какъ пьяная, все съ тѣмъ же безсмысленно-блаженнымъ лицомъ, почти не слыша, что выговариваетъ ей надзирательница.

— Это чортъ знаетъ что такое! Вы, кажется, воображаете, что васъ взяли сюда исключительно для вашего удовольствія? Для своихъ любвей можно было и не покидать... вашего прелестнаго института!—со злобой и насмѣшкой кричала надзирательница.

Въ пріемной попрежнему было много людей, и они опять мелькнули, какъ-то не попавъ въ сознаніе Саши, но когда она уже была въ дверяхъ, раздался такой дикій крикъ, что Саша остановилась какъ вкопанная.

Все поднялось и засуетилось.

— Подлецъ ты! Подлецъ! — истерически кричала худая и блѣдная, съ отвисшимъ толстымъ животомъ Полынова.

Ея жидкіе волосики водянистаго цвѣта растрепались, голубая ленточка свалилась на лобъ, а лицо пошло красными пятнами. Въ рѣшительномъ изступленіи, она всѣмъ тѣломъ кидалась на приземистаго мужчину въ черномъ сюртукѣ и все вытягивала длинные крючковатые пальцы къ его черноватому лицу съ бѣгающими бойкими глазами. Мужчина въ сюртукѣ слегка отстранялъ ее локтемъ, вовсе не смущался, хотя и притворялся смущеннымъ, и даже какъ-будто былъ радъ скандалу.

— Полегче, полегче-съ... потише, Авдотья Степановна! Помилуйте-съ... здѣсь не полагается! — насмѣшливымъ говоркомъ произносилъ онъ, отступая къ двери.

— Извергъ!

— Что? Что у васъ такое? Это что за безобразіе? Полынова! Какъ вы... молчать!.. — кидаясь къ нимъ, закричала надзирательница.

— Не могу я молчать! — отчаянно завопила Полынова.—Онъ... онъ меня погубилъ, проклятый! Онъ мнѣ самъ говорилъ: «брось эту жизнь, я тебя обзаконю...» деньги взялъ!

— Какія деньги?—вскинулась надзирательница.

Вокругъ стѣснилась толпа, многіе даже на стулья повставали, чтобы лучше видѣть.

Мѣщанинъ въ сюртукѣ немного смутился, носъ у него закраснѣлъ, а глаза забѣгали низомъ.

— Это такъ можно все говорить! — пробормоталъ онъ, оглядываясь кругомъ исподлобья.

— Какія деньги?.. Мои!.. Кровные триста рублевъ! Какъ одна копеечка... — хлипающимъ голосомъ и все нелѣпо шевеля пальцами передъ лицомъ мѣщанина, точно желая вцѣпиться ему въ бороду, которая была скверно выбрита, вопила Полынова.

— Онъ взялъ у васъ триста рублей? Когда?

Въ толпѣ послышались и смѣющіеся и негодующіе голоса.

— Онъ, проклятый... жениться обѣщалъ... съ тѣмъ и деньги взялъ! Ты, говоритъ, въ исправительное, чтобы скверну... скверну очистить... а я на эти деньги торговлю... а опосля... Обманулъ! — вдругъ пронзительно закричала Полынова и какъ-то сразу, всплеснувъ руками, какъ мѣшокъ, осѣла на полъ къ ногамъ обступившихъ людей.

— Ай, батюшки!

— Вотъ такъ исторія!

— Ты это что же, голубчикъ! — беря мѣщанина почти за воротъ чернаго сюртука, съ сердитой веселостью спросилъ полный, хорошо одѣтый, съ пушистой свѣтлой бородой господинъ, тотъ самый, который пришелъ къ Ивановой.

Мѣщанинъ злобно оглянулся и вывернулся движеніемъ скользкихъ тонкихъ лопатокъ.

— Вы не хватайтесь! — угрожающе пробормоталъ онъ. — Я за ихъ поклепы не отвѣтственъ... Жениться я, можетъ, и точно хотѣлъ... Это что говорить... Потому какъ питалъ я такое чувство... А... всѣ, значитъ, смѣются: ты на такой женишься!.. Мы тоже при своемъ самолюбіи... Намъ тоже нежелательно!..

Полынова, сидѣвшая на полу съ тупымъ и ошалѣвшимъ взглядомъ, вдругъ сорвалась и изо всей силы вцѣпилась въ полу его сюртука, но мѣщанинъ ловко

отскочилъ, и Полынова звонко шлепнула худыми ладонями по гладко крашенному полу.

— Прокл... — прохрипѣла она, стоя на четверенькахъ.

— Да деньги-то ты взялъ?—настаивалъ господинъ съ бородой.

Но мѣщанинъ вдругъ нахохолился.

— А вамъ что? — вызывающе ухмыльнулся онъ.— Вы видѣли? А не видѣли, такъ и соваться нечего!.. Да если бы и отдали онѣ свой капиталъ кому, такъ въ томъ ихъ добрая воля... Какъ любимши, я имъ, можетъ, больше, чѣмъ на триста рублевъ, денегъ переносилъ...

— Врешь, врешь, подлецъ! — захрипѣла, теряя голосъ, Полынова. — Самъ съ меня тянулъ... проклятый!..

Вдругъ она замолчала, стиснула зубы и уставилась на всѣхъ такимъ страннымъ, наивно-удивленнымъ взглядомъ, что отъ нея отшатнулись, и даже мѣщанинъ опасливо замолчалъ...

— Чего ты?—спросила Иванова, наклоняясь.

Зубы Полыновой стучали, она судорожно разводила руками по полу и вдругъ ухватилась за животъ и закричала тоненькимъ пронзительнымъ голосомъ.

— Да она рожаетъ! — крикнулъ кто-то и совершенно глупо захихикалъ.

Сразу всѣ заговорили и задвигались. Послышались совѣты, сожалѣнія, и кто-то побѣжалъ зачѣмъ-то за водой. Господинъ съ бородой хотѣлъ опять захватить за шиворотъ мѣщанина, но тотъ плюнулъ, надѣлъ шапку тутъ же въ комнатѣ и съ обиженнымъ видомъ пошелъ вонъ.

— Это ужъ Богъ знаетъ что такое! — возмущенно бормоталъ онъ.

Подымавшійся снизу по лѣстницѣ дворникъ тупо посмотрѣлъ ему въ спину.

VII.

Къ вечеру, когда все мало-по-малу успокоилось, когда зажгли огонь и всѣ разошлись по своимъ комнатамъ, Саша сидѣла на своей кровати съ хорошенькой Ивановой. Сюртукова опять, хоть и не полагалась спать раньше времени, тихо похрапывала, опершись головой на столикъ. Рябая неподвижно сидѣла спиной къ Сашѣ, но по ея спинѣ Саша и Иванова чувствовали, что она ихъ слушаетъ. Кохъ въ дальнемъ углу шила что-то у свѣчки. Было тихо.

— Мы въ этой палатѣ, — говорила Иванова, смѣясь одними глазами, — все «новенькія», которыя еще къ дѣлу не пристроены, а то у нихъ тутъ скоро... Даромъ кормить не будутъ...

— А вы какъ сюда, душенька, попали? — робко спрашивала Саша и сама удивлялась, какая она тутъ стала тихая и ласковая.

— Да такъ, — весело засмѣялась Иванова, встряхивая волосами:—надоѣло по улицамъ шляться... устала. Поживу тутъ, отдохну... Какъ къ работѣ приставятъ, уйду.

— Куда?—еще робче спросила Саша.

Ей было странно и даже непріятно слышать, что и отсюда уходятъ.

— Да куда... Туда, откуда и пришла! — звонко и нисколько не смущаясь отвѣтила Иванова.

Саша смотрѣла на нее съ недоумѣніемъ.

— Чего жъ вы удивляетесь? Неужто жъ мнѣ и вправду здѣсь исправляться? — дѣлая комически большіе глаза, спросила Иванова.

— А зачѣмъ же вы и пришли, какъ не для того.

— Да ужъ не за исправленіемъ!.. Богъ съ ними, что у нихъ святости отбирать... Самимъ имъ она очень пригодится... Васъ кто принялъ?

— Дама... красивая такая... брюнетка... не знаю...

— Фонъ-Краузе, — глухо отозвалась рябая, не поворачивая спины.

— То-то и есть, — засмѣялась Иванова, какъ показалось Сашѣ, даже радостно: — у этой Краузе любовниковъ не оберешься... а тоже... исправляетъ... Ну ихъ къ чорту!.. Всѣ они одинъ другого грѣшнѣй, коли правда, что есть грѣхъ на свѣтѣ!..

— Ну-у... — недовѣрчиво протянула Саша, но ей пріятно было слышать и охотно вѣрилось этому.

— Вотъ и ну!.. Съ ихними же мужьями мы гуляемъ, пока онѣ насъ спасаютъ! У этой Лидки Краузе, что ни туалетъ, то и тысяча, а для спасенія!.. Ради мужчинокъ же одѣваются да оголяются, а что денегъ за это не берутъ, такъ только потому, что свои есть! Спасаютъ!.. Было бы отъ чего!..

— Да какъ же, — застѣнчиво пожала плечами Саша.

— Что, какъ же?.. Лучше бы отъ голода да отъ тоски спасали, когда я въ магазинѣ платья шила, цѣлый-то день спины не разгибая... за четыре рубля въ мѣсяцъ!—со страннымъ для ея мягкаго, красиваго личика озлобленіемъ говорила Иванова.

— Я тоже въ магазинѣ была прежде,—съ тяжелымъ вздохомъ проговорила Саша.

Иванова помолчала.

— Исправляться... Было бы хоть для чего, — заговорила она, глядя въ сторону:—ну, вотъ я исправлюсь... ну... а дальше что?

— Честная будете,—съ убѣжденіемъ проговорила Саша.

Иванова съ веселымъ озлобленіемъ всплеснула руками.

— Экъ, радость!.. Да я тогда и была честная, когда голодала... Такъ отъ честности я и на улицу пошла!..

Потомъ всякому человѣку жить хочется, а не... Что жъ, я скажу, правда — и на улицѣ не медъ, я и не радовалась, когда на улицу пошла... А все-таки... Я вотъ, говорятъ, хорошенькая!—улыбнулась Иванова.

— Очень вы хорошенькія,—съ умиленіемъ сказала Саша.

— Вотъ... чудачка вы!.. Такъ, вѣдь, красота—даръ Божій, говорятъ... счастье... Что жъ мнѣ съ этимъ счастьемъ такъ бы и сидѣть да думать: сошью вотъ это, а тамъ надо юбку для офицерши перешить, а потомъ лифъ кончать, а потомъ еще... что принесутъ, а тамъ состарѣюсь, все лифы перешивать буду... и такъ до могилы... и въ могилѣ, должно быть, по привычкѣ пальцами шевелить буду... А тамъ на крестѣ хоть написать: честная была, честная померла—извините, что отъ этого никому ни тепло, ни холодно!.. Ха!

Саша молчала. Ей было грустно, точно померкло что, а въ то же время стало и легче на душѣ.

Иванова помолчала опять, а когда заговорила, то голосъ у нея былъ нѣжный и мечтательный.

— Я понимаю, если всю эту муку есть для кого терпѣть... или тамъ задача въ жизни какая есть... А намъ вѣдь только и радости въ жизни — нацѣловаться покрѣпче!..

— Будто? — отозвалась рябая такъ неожиданно, что Саша вздрогнула.

— Да, можетъ быть, у кого и другія радости есть, ну... и слава Богу — его счастье! — радуйся и веселись!.. А какая у меня, напримѣръ, или вотъ у нея, — показала она на Сашу,—или у Кохъ...

Кохъ опустила работу на колѣни и смотрѣла на нихъ тупо и скучно.

— А?

Рябая молчала.

— И кто отъ меня можетъ требовать, чтобы я, дура

темная, свою одну радость — красоту и молодость засушила такъ... ради спасенія одного?... Ты мнѣ укажи, для чего, для кого, дай такое, чтобы я отъ спасенія моего такъ вотъ прямо и радость почувствовала, чтобы мнѣ, спасшейся, жить легче стало! Вотъ!.. Такихъ, чтобы такъ, для Бога, вериги носили, можетъ, на всемъ свѣтѣ два-три, да и тѣ не здѣсь, а гдѣ-нибудь на Аѳонѣ спасаются... А всѣмъ...

Въ это время отрывисто звякнулъ и задребезжалъ колокольчикъ въ коридорѣ...

И сейчасъ же Кохъ встала, аккуратно сложила шитье и стала стлать постель. Проснулась и Сюртукова, и рябая тоже встала потягиваясь.

— Ну, вотъ и бай-бай! — засмѣялась Иванова. — Черти, электричества жалко!

А мнѣ спать-то еще не охота, — не понявъ, сказала Саша:—посидите, душенька.

Иванова съ насмѣшкой на нее посмотрѣла.

— Не охота!.. Мало ли чего тутъ не охота!.. Такой тутъ порядокъ. Что, не нравится? Ложитесь, ложитесь, а то Корделія наша придетъ!..

— Чего?—не разобрала Саша.

— Корделія, Корделія Платоновна... надзирательница наша,—пояснила Иванова.

— Пора спать, — сказала въ дверяхъ скрипучая дама.

— Сейчасъ,—вяло отозвалась Иванова.

Черезъ минуту уже всѣ лежали подъ несгибающимися твердыми одѣялами. Кохъ сейчасъ же захрапѣла.

— Ишь, дьяволъ добродѣтельный! — со злостью сказала о ней Иванова.—Ско-олько въ ней этой самой добродѣтели!

Электричество разомъ потухло. Раскалившаяся дужка еще краснѣла въ темнотѣ, и слышно было слабое, придушенное сипѣніе.

А когда это сипѣніе затихло и воцарилась совсѣмъ мертвая тишина, робкій голосъ, который самой Сашѣ показался страннымъ, произнесъ во мракѣ:

— А если у меня есть для чего... это самое?..

— Дура! — отозвался съ непоколебимымъ презрѣніемъ сиплый и глухой басъ.

VIII.

Саша притихла. Опять подавешнему черезъ окна падали на потолокъ полосы колеблющагося свѣта, было темно и тихо.

Саша смотрѣла въ темноту подъ сосѣдней кроватью, а передъ нею роемъ кружились и плавали лица, образы и мысли дня. И уже совершенно опредѣленно и понятно ей дорогимъ выплывалъ образъ студента Дмитрія Николаевича.

«Имячко какое милое,—думала Саша.—Митя... Мотенька... А что жъ, и правда: всѣ мы одинаковыя... и та, что по-французски смѣялась, и Полынова... все одно. У каждаго грѣхъ есть и каждый можетъ свой грѣхъ передъ Господомъ замолить, передъ людьми исправиться... Ну, была дѣвкой... что жъ... буду честная, какъ всѣ... не грѣшнѣй! И коли онъ меня и вправду любитъ...».

«А любитъ?» вдругъ съ испугомъ спросила она себя и поблѣднѣла.

«Не любилъ, такъ и не хлопоталъ бы!.. А можетъ, изъ жалости?.. Нѣтъ, самъ говорилъ, что цѣны мнѣ нѣтъ, что—красавица... А что дѣвкой была, такъ я слезами отмою... А ужъ какъ любить буду... Миленькій мой, красавчикъ мой золотой!».

И поплыло что-то свѣтлое, радостное. Темнота наполнилась золотыми искорками и кругами, они сбѣжались и разбѣжались, разлилось золотое море. На глаза набѣжали слезы; Саша сморгнула ихъ и все думала,

не отрываясь. Все существо ея переполнилось горячимъ чувствомъ безпредѣльной любви и могучаго желанія счастья. Вся она дрожала мелкой дрожью отъ безсознательной силы, красоты и молодости.

Было темно и тихо, и во всемъ громадномъ мірѣ для Саши были только двое: она сама и человѣкъ, котораго она любила. И не было больше ни раскаянія, ни страха передъ людьми, которые что-то старались съ ней сдѣлать, не было прошедшаго, а было только желаніе счастья.

IX.

На другой день Сашу перевели въ женскую частную лѣчебницу, куда набирали сидѣлокъ откуда угодно, потому что трудъ ихъ былъ тяжелъ и опасенъ и не давалъ ни радости, ни денегъ.

А дня черезъ три Дмитрій Николаевичъ Рославлевъ ѣхалъ на извозчикѣ въ эту лѣчебницу. Ему было холодно и почему-то досадно. Всегда онъ посѣщалъ кафешантаны, трактиры, бильярдныя и публичныхъ женщинъ, но никто не интересовался его частной жизнью, а исторія съ Сашей вдругъ стала извѣстна всѣмъ и всѣхъ заинтересовала. Тотъ самый господинъ, пожилой чиновникъ, котораго онъ просилъ за Сашу, съ удовольствіемъ разсказалъ объ этомъ при первомъ удобномъ случаѣ. Узнали и его родные. Они были воспитанные люди и не сказали ему, и онъ зналъ, что не скажутъ ни одного слова, но по страдающему лицу матери, по тревожно-любопытнымъ взглядамъ сестры и тому непріятному сосредоточенному молчанію, которое внезапно воцарялось при его появленіи, Дмитрій Николаевичъ видѣлъ, что имъ все извѣстно и что онѣ недовольны имъ. А всего непріятнѣе было Дмитрію Николаевичу то, что надъ нимъ начали подшучивать товарищи, и, несмотря на свои убѣжденія, онъ чувствовалъ, что это достойно шут-

ки. Конечно, если бы съ нимъ стали спорить, онъ совершенно справедливо отвѣтилъ бы, что не только не смѣшно, но даже очень хорошо, что онъ помогаетъ человѣку выбиться изъ дурной жизни, что такъ и слѣдуетъ поступать. Но въ то же время онъ чувствовалъ себя такъ, какъ-будто къ нему прилипло что-то грязное и пошлое.

«Надо непремѣнно кончить эту глупую исторію!» думалъ Дмитрій Николаевичъ, хватаясь за сидѣнье, когда санки забѣгали на поворотахъ.

Оттого, что погода была хороша, свѣтла и морозна здоровымъ, бодрящимъ морозцемъ, всѣ люди имѣли веселый и бойкій видъ, и такой же видъ былъ у самого Рославлева. Но ему казалось, что въ немъ есть и всѣмъ видно что-то дурное.

«А какъ она мнѣ руку... тогда!» съ неопредѣленнымъ чувствомъ жалости и сознанія, что онъ достоинъ этого, подумалъ Дмитрій Николаевичъ.

Больница была совсѣмъ старое, мрачное, облупленное зданіе. Старый швейцаръ, почему-то пахнущій канифолью, отворилъ дверь, Рославлеву и принялъ его шинель.

— Вамъ кого? — спросилъ онъ, шамкая. — Нынче пріема нѣтъ.

— Знаю, знаю, — заторопился Дмитрій Николаевичъ.—Я по дѣлу; мнѣ нужно видѣть сидѣлку Козодоеву.

— Такой у насъ нѣтъ,—отвѣтилъ швейцаръ и полѣзъ доставать съ вѣшалки его шинель.

Дмитрій Николаевичъ испуганно придержалъ его за рукавъ.

— Она недавно, вы, можетъ быть, не знаете!

— А можетъ и то, — равнодушно отвѣтилъ швейцаръ.—Вы наверхъ пройдите, тамъ скажутъ.

Дмитрій Николаевичъ торопливо поднялся по широкой, но темной лѣстницѣ.

Швейцаръ что-то пробормоталъ.

— А, что?—поспѣшно переспросилъ Дмитрій Николаевичъ, останавливаясь съ приподнятой на ступеньку ногой.

— Много у насъ ихъ тутъ, говорю, всѣхъ-то не упомнишь,—повторилъ швейцаръ равнодушнѣе прежняго.

— Ну, да... конечно, — торопливо согласился Дмитрій Николаевичъ, осклабляясь.

И улыбка у него вышла какая-то подобострастная.

«Чортъ знаетъ что такое!—съ мукой въ душѣ подумалъ онъ, поднимаясь дальше.—Я, кажется, начинаю бояться всѣхъ... Точно я сдѣлалъ что-то такое, за что у всѣхъ обязанъ прощенія просить. А вѣдь я очень хорошо сдѣлалъ... лучше всѣхъ сдѣлалъ!..».

Онъ прошелъ три площадки и на четвертой столкнулся съ Сашей.

Она видѣла въ окно, какъ онъ подъѣхалъ, и съ замирающимъ сердцемъ, радостно испуганная, выбѣжала навстрѣчу.

И оба они покраснѣли разгорѣвшимся молодымъ румянцемъ.

— Не ждали?.. Здравствуйте, — сказалъ тихо, точно заговорщикъ, Дмитрій Николаевичъ.

Онъ почему-то ждалъ, что Саша, какъ и въ первый разъ, заробѣетъ, но Саша легко и радостно взглянула прямо ему въ лицо и отвѣтила:

— Какъ можно... Здравствуйте!

На лѣстницѣ никого не было, швейцаръ тихо копошился внизу, наверху лѣстницы тихо и спокойно тикали часы, раскачивая большой желтый маятникъ.

И вдругъ что-то странное, влекущее протянулось между нимъ и розовыми, слегка раскрывшимися губами Саши, и прежде чѣмъ Дмитрій Николаевичъ понялъ, что онъ дѣлаетъ, онъ уже почувствовалъ, что не можетъ не сдѣлать, и, весь замирая отъ невыразимо-пріятнаго,

свѣжаго, боязливо-радостнаго чувства, нагнулся, и губы его будто сами нашли мягкія, холодноватыя губы Саши и придавили ихъ, раскрывая твердые ровные зубы, и что-то горячее отдалось во всемъ его тѣлѣ.

На глазахъ у Саши выступили слезы, но глаза блестѣли, какъ черныя вишни.

— Сюда... пойдемъ,—тихо сказала она, тупясь.

И не онъ, а она уже повела его въ конецъ коридора и посадила на холодный, твердый диванчикъ.

— Развѣ можно? — почему-то шопотомъ спросилъ Дмитрій Николаевичъ.

— Можно,—такимъ же дрожащимъ голосомъ отвѣтила Саша.

Въ коридорѣ было такъ же пусто и тихо, какъ и на лѣстницѣ. Только въ сосѣдней палатѣ кто-то тяжело ходилъ взадъ и впередъ, то приближаясь, то удаляясь, шаркая туфлями, и каждый разъ, доходя до двери, звучно плевалъ куда-то.

И опять, точно повинуясь какой-то посторонней, могучей торжествующей силѣ, Дмитрій Николаевичъ обѣими руками обнялъ Сашу и, весь дрожа и замирая, сталъ цѣловать ее въ губы, вдругъ ставшія такими горячими, что почти жгли. У самаго его лица были ея черные, блестящіе, не то лукавые, не то таинственные глаза, и отъ ея порозовѣвшаго лица, совсѣмъ не похожаго на то накрашенное и сухое лицо, которое зналъ Дмитрій Николаевичъ, пахло чѣмъ-то свѣжимъ и невыразимо пріятнымъ.

— Этого... ужъ... нельзя... тутъ!..—полушопотомъ, но счастливымъ и лукавымъ голосомъ говорила Саша по одному слову между поцѣлуями и вся тянулась къ нему, прижимаясь упругой грудью и маленькой рукой...

— Можно... можно... — такъ же лукаво повторялъ онъ ея слова.

Кто-то шелъ по лѣстницѣ. Сверху спустилась худая

и блѣдная, съ очень ласковымъ и печальнымъ лицомъ сидѣлка.

На ней было такое же платье, какъ и на Сашѣ. Она прошла, стараясь не смотрѣть, и стала возиться у шкапчика на другомъ концѣ длиннаго коридора. А Дмитрій Николаевичъ только теперь обратилъ вниманіе на Сашинъ костюмъ.

Она была вся въ бѣломъ балахонѣ, закрывающемъ грудь. Изъ этой бѣлой и чистой матеріи удивительно свѣжее и хорошенькое личико ея смотрѣло, точно новое, въ первый разъ имъ видѣнное. И она чувствовала, что хорошенькая, и радостно улыбалась ему.

— Ну, какъ вамъ тутъ? — тихо и тоже улыбаясь спросилъ онъ, косясь на сидѣлку.

— Ничего, — радостно отвѣтила Саша. — Работа тяжелая, а... ничего, пусть. Я тутъ долго пробуду... пусть...

— Почему такъ?—любуясь ею и заглядывая ей въ глаза, спрашивалъ онъ.

«Потому что я хочу очиститься этой каторгой, тяжелой и скучной работой, какую ты никогда не дѣлалъ, искупить то дурное, въ чемъ жила раньше, и стать достойной тебя!» сказало ея закраснѣвшееся лицо, но говорить такъ Саша не умѣла. Она только улыбнулась и тихо отвѣтила:

— Такъ!

— Значитъ, вы рады, что ушли? — спросилъ Дмитрій Николаевичъ, не понимая выраженія ея лица. Но зато онъ сейчасъ же догадался, что спрашивать этого не надо было.

Саша потупилась, и лицо у нея стало жалкое, дѣтское и виноватое.

«Ты и всегда это вспоминать будешь?» сказало оно ему и опять непонятно для него.

— Да... какъ же-съ, — прежнимъ робко-нерѣшительнымъ голосомъ отвѣтила она и потупилась.

И Дмитрію Николаевичу стало жаль, что у нея лицо померкло, и захотѣлось, чтобы у нея явилось то милое, опять наивно-восторженное выраженіе, съ которымъ она его цѣловала.

— Ну, вотъ... — заторопился онъ, — теперь, значитъ, новая жизнь начнется. Вы тутъ, конечно, будете только пока, а тамъ я устрою васъ куда-нибудь.

И лицо Саши сразу посвѣтлѣло, розовыя губы открылись и глаза довѣрчиво поднялись къ нему.

— Дмитрій Николаевичъ,—вдругъ сказала она съ какимъ-то проникновеннымъ выраженіемъ: — вѣрьте Богу, я не «такая...» и была «такая», а теперь нѣтъ... да и никогда я «такой» не была!

Дмитрій Николаевичъ удивленно посмотрѣлъ на нее:

— Да, конечно... — пробормоталъ онъ — то-есть, я не то хотѣлъ сказать, а я понимаю, и... вѣрю я...

Онъ путался и мѣшался потому, что хорошо, до самой глубины, понялъ смыслъ Сашиныхъ словъ, и совершенно не могъ имъ повѣрить.

— Козодоева!—сказала, опять выходя въ коридоръ, сидѣлка.—Ваша баронесса уже плачетъ... идите...

И ушла, не глядя.

Саша встала. Она не поняла и даже почти не слышала его словъ, такъ была вся душа ея поглощена тѣмъ великимъ для нея чувствомъ, которое было въ ней.

— Надо итти,—грустно сказала она.

— Какая тамъ баронесса?—и радуясь перерыву и огорчаясь, спросилъ Дмитрій Николаевичъ, тоже вставая и съ высоты своего богатырскаго роста глядя на ея потемнѣвшее личико.

— Больная моя, — отвѣтила Саша. — Капризная... страсть! Мочи съ ней нѣтъ. Только вы не думайте, голубчикъ мой, — вдругъ испугалась она,—я не то... я за ней хорошо смотрю... И хоть бы больше капризничала, пусть!

«Я потерплю», опять покорно сказали ея глаза.

Они стояли другъ противъ друга, точно не рѣшаясь выговорить чего-то. Въ коридорѣ было полутемно, и они неясно видѣли глаза другъ друга, но что-то росло и крѣпло между ними. Былъ одинъ моментъ, который Саша помнила уже потомъ всю жизнь, но чего-то нехватило. Дмитрій Николаевичъ опустилъ глаза и сказалъ:

— Жаль... Ну, я потомъ приду... Къ вамъ, значитъ, всегда можно?

Саша вздохнула покорно, но грустно.

— Всегда... Прямо меня и спросите.

— Да я и сегодня спрашивалъ, а швейцаръ сказалъ, что у нихъ такой нѣтъ.

Саша всплеснула руками.

— Ахъ, противный старичокъ какой! Я же ему сегодня сама говорила...

Саша растерялась и засмѣялась своему смущенію.

— Ну, надо итти,—сказала она и не уходила.

— А...—началъ Дмитрій Николаевичъ.

И опять, какъ раньше, что-то потянуло его, и губы его встрѣтились съ Сашиными, показавшимися ему какими-то необыкновенно вкусными.

Саша смотрѣла на него сверху, когда онъ медленно спускался съ лѣстницы. Уже съ нижней ступеньки онъ обернулся, увидѣлъ бѣлую фигурку, прилѣпившуюся къ прямымъ длиннымъ периламъ лѣстницы, и улыбнулся ей съ внезапнымъ порывомъ нѣжности и влюбленнаго восторга.

X.

Когда Рославлевъ, все еще весь переполненный смутнаго, пріятнаго и немного недоумѣвающаго чувства, пріѣхалъ домой и прямо прошелъ въ свою комнату, въ дверь къ нему тихо постучалась и позвала его сестра.

— Митя! Можно къ тебѣ?

Рославлевъ очень любилъ всѣхъ своихъ родныхъ, сестру больше всѣхъ. Теперь, когда было такъ весело и хорошо, видѣть сестру доставило ему большое удовольствіе.

— Можно, можно! — закричалъ онъ весело и нѣжно.—Входи, Нюня!

Нюня отворила дверь и вошла. Какъ всегда, что особенно умиляло брата, она была такая чистенькая и свѣженькая, что вся комната какъ-будто освѣтилась и наполнилась свѣжимъ, пріятнымъ запахомъ чистоты и молодости.

Но лицо у нея было нерѣшительное и смущенное.

— Что скажешь хорошаго? — спросилъ Рославлевъ, застегивая тужурку. Хотя всѣ они жили очень дружно, но были воспитаны болѣе, чѣмъ щепетильно, и никто не позволялъ себѣ неаккуратности въ костюмѣ при матери и сестрѣ.

Нюня сѣла на кушетку и, поднявъ на брата смущенные красивые глаза, заговорила съ такимъ видомъ, что было видно, какъ долго и обдуманно она собиралась къ нему.

— Митя, ты не сердись на меня, я хотѣла тебѣ сказать, хотя это, конечно, не мое дѣло, что папа такъ недоволенъ тобою, что я просто боюсь за ваши отношенія,— деликатно смягчая значеніе своихъ словъ, сказала она.

Рославлевъ сразу догадался, въ чемъ дѣло, и ему стало холодно, какъ-будто его поймали въ скверной и мальчишеской продѣлкѣ. Онъ тупо стоялъ передъ Нюней, не смѣя отвести глазъ, и судорожно шевелилъ пальцами лѣвой руки. И Нюня смотрѣла на него, и въ ея глазахъ ясно выражались смущеніе и смутное, тревожное любопытство. Она знала, что существуютъ дома терпимости и что ихъ посѣщаютъ всѣ молодые люди, но никакъ не могла представить себѣ, что и братъ тоже бы-

ваетъ тамъ. Она была чистая дѣвушка и даже боялась думать о такихъ сторонахъ жизни, но инстинктъ тревожилъ ее, подсказывая то, что дѣлалъ братъ, и что-то смутно и интересно волновалось въ ней.

— Что же, Митя?—вздрагивающимъ голосомъ спросила она.

И опять Дмитрій Николаевичъ съ недоумѣніемъ подумалъ:

«Да, что же это въ самомъ дѣлѣ? Неужели это дѣйствительно гадко, или всѣ такъ опошлились, что уже не могутъ видѣть ничего, кромѣ гадости... даже въ самомъ хорошемъ дѣлѣ!..».

— Видишь ли, Нюня, — заговорилъ онъ такимъ голосомъ, точно заикался на каждомъ звукѣ, — это очень тяжело... что мы съ отцомъ не понимаемъ другъ друга... И что, вообще...

— Ты бы попробовалъ объясниться съ нимъ,—робко предложила Нюня, вдругъ испугавшись, что онъ заговоритъ о томъ, о чемъ ей очень хотѣлось, чтобы онъ заговорилъ.

— Врядъ ли онъ пойметъ меня, — съ горечью сказалъ Дмитрій Николаевичъ, и очень красивою показалась ему эта горечь и ободрила его, — слишкомъ разныхъ взглядовъ мы съ нимъ люди.

— Митя, нашъ папа всегда былъ человѣкомъ интеллигентнымъ, — слегка обижаясь за отца, возразила Нюня. — Его взгляды всегда были самые лучшіе, всегда честные... И если то... все это хорошо, то онъ пойметъ...

Чувство нѣжности къ отцу появилось у него; Дмитрій Николаевичъ почувствовалъ слезы на глазахъ и рѣшимость прямо и откровенно сказать все. Онъ подошелъ къ Нюнѣ и, взявъ ее за плечи, простымъ и груднымъ голосомъ проговорилъ:

— Ты права, Нюня... Но ты сама не считаешь меня дурнымъ?

«Вотъ оно!» съ испугомъ и замирающимъ любопытствомъ подумала Нюня и, поднявъ глаза и усиливаясь не покраснѣть, отвѣтила:

— Я знаю, что ты не способенъ ни на что... гадкое...

— Спасибо, — растроганно отвѣтилъ Дмитрій Николаевичъ, искренно чувствуя въ эту минуту, что не способенъ ни на что дурное, и, не опуская рукъ, сказалъ:— Больно видѣть, Нюня, что именно то, что ты считаешь самымъ святымъ, понимается людьми близкими, какъ... преступленіе,—докончилъ онъ, испугавшись слова «развратъ», которое пришло ему въ голову.

— Митя, пойди къ папѣ! — вдругъ со слезами на глазахъ и съ особеннымъ проникновеннымъ звукомъ голоса сказала Нюня.

Дмитрій Николаевичъ смутился и замялся, но глаза Нюни такъ довѣрчиво и съ такой любовью смотрѣли на него, что онъ, противъ воли путаясь, проговорилъ:

— А онъ дома?

— Дома... онъ въ кабинетѣ и одинъ... Пойди, Митя! — умоляющимъ голосомъ протянула Нюня и взяла его за руки.

— Хорошо... я пойду, — неровно проговорилъ Дмитрій Николаевичъ, медленно подвигаясь къ двери.

— Ты такъ обрадуешь этимъ маму и меня, — ободряя, говорила Нюня, идя за нимъ.

Дмитрій Николаевичъ рѣшительно подобрался и пошелъ, но въ дверяхъ остановился, и, поддаваясь внезапному влеченію, спросилъ, глядя прямо въ глаза Нюнѣ:

— А ты бы сдѣлала на моемъ мѣстѣ такъ?

— Конечно, — твердо отвѣтила Нюня, потому что была въ этомъ убѣждена.

— Если бы ты видѣла эту дѣвушку, — вспоминая Сашу и испытывая какое-то нѣжное и тревожное чувство, продолжалъ Дмитрій Николаевичъ, — она такая

несчастная. И не она виновата передъ обществомъ, а общество передъ нею...

— Да, да,—вдругъ испуганно согласилась Нюня, ей показалось, что онъ хочетъ предложить ей увидѣться съ этой дѣвушкой.

Дмитрій Николаевичъ хотѣлъ еще что-то сказать и не находилъ словъ, а Нюня поспѣшно перебила, чтобы не дать ему высказать:

— Да гдѣ ты узналъ?..

— Да тамъ... товарищи сказали, — весь багровѣя отъ прилившей сразу крови, упавшимъ голосомъ проговорилъ Дмитрій Николаевичъ.—Такъ я пойду...

— Да, иди, иди, — также упавшимъ голосомъ и также торопливо сказала Нюня, почти догадываясь и боясь догадаться.

Она осталась въ комнатѣ, а Дмитрій Николаевичъ пошелъ въ кабинетъ отца. И у обоихъ у нихъ осталось такое чувство, точно они оба сказали что-то лживое и злое.

Николай Ивановичъ, отецъ Дмитрія Николаевича, сидѣлъ за работой у себя въ кабинетѣ, хорошо обставленной уютной комнатѣ. Онъ былъ писатель, и теперь кончалъ одинъ изъ своихъ разсказовъ. Увидѣвъ сына, онъ отложилъ перо и, избѣгая смотрѣть на него, что вошло ему въ привычку за послѣдніе дни, когда между ними явилось это невысказанное непріятное чувство, встрѣтилъ его притворно-беззаботнымъ возгласомъ:

— А, это ты... А я думалъ, ты еще не пріѣзжалъ.

— Давно уже дома, — отвѣтилъ Дмитрій Николаевичъ такимъ же притворно-беззаботнымъ голосомъ.

Онъ сѣлъ противъ отца и, взявъ со стола папиросу, сталъ закуривать. Отецъ смотрѣлъ на него искоса съ мучительнымъ и огорченнымъ выраженіемъ. Какъ разъ сегодня онъ говорилъ съ женой о сынѣ, и у нихъ было рѣшено деликатно поговорить съ нимъ. Но ему хотѣлось,

чтобы сынъ самъ заговорилъ объ этомъ и тѣмъ доказалъ, что онъ вѣритъ ему и уважаетъ его.

«Кажется, я могу разсчитывать на это» говорилъ Николай Ивановичъ, намекая не на отцовскія права, а на свою литературную дѣятельность, въ честности и передовитости которой онъ никогда не сомнѣвался. Ему казалось, что написать три книги такихъ разсказовъ, какія написалъ онъ, хорошее и большое дѣло, и въ правѣ его на уваженіе и довѣріе всѣхъ никто не можетъ сомнѣваться.

И ему было очень пріятно, что сынъ началъ самъ.

— Слушай, папа, — съ усиліемъ заговорилъ Дмитрій Николаевичъ, притворясь, что небрежно слѣдитъ за клубами дыма: — я замѣтилъ, что ты мною недоволенъ, и знаю, за что, но... только...

Николай Ивановичъ, волнуясь, всталъ и заходилъ по комнатѣ.

— Ну, да... я знаю, я знаю, — перебилъ онъ, мучительно краснѣя, — что жъ, по существу, въ этомъ нѣтъ ничего такого... и если вы съ матерью... то только ради тебя...

Дмитрій Николаевичъ былъ очень радъ, что отецъ говоритъ самъ, и молчалъ, уставившись въ узоръ ковра.

«Но если нѣтъ ничего въ этомъ позорнаго, то отчего же мы всѣ такъ волнуемся?» невольно пришло ему въ голову.

— Видишь ли, — рѣшившись прямо перейти къ этому вопросу, продолжалъ отецъ, — я самъ былъ молодъ, конечно, — онъ робко улыбнулся, — и не безупреченъ въ этомъ отношеніи... да и никто не безупреченъ,— всѣ люди, всѣ человѣки, — опять улыбнулся онъ и заторопился, — это физіологическая потребность, тутъ ничего не подѣлаешь, но зачѣмъ же подчеркивать это? Если ты чувствовалъ себя виноватымъ по отношенію къ этимъ жертвамъ общественнаго темперамента, то ты

могъ бы принять такое или иное участіе въ обществахъ... благотворительныхъ, но такъ... право, Митя, выходитъ некрасиво!.. Ты прости меня...

Дмитрій Николаевичъ покраснѣлъ и еще упорнѣе сталъ изучать узоръ на коврѣ. Ему ясно припомнилось, что онъ и самъ чувствовалъ все время что-то грязное въ этой исторіи и не могъ понять, что именно.

— Я, ты знаешь, — помолчавъ, точно дожидаясь отвѣта и не дождавшись, пороговорилъ отецъ, — самъ не мало поработалъ надъ этимъ вопросомъ, лѣтъ десять тому назадъ меня даже звали въ шутку ангеломъ-хранителемъ этихъ дамъ, и врядъ ли не лучшія мои вещи написаны ради уясненія обществу его отвѣтственности передъ этими несчастными!..

Дмитрій Николаевичъ значительно кивнулъ головой. Хотя онъ и говорилъ сестрѣ о томъ, что отецъ врядъ ли пойметъ его, но въ глубинѣ души чрезвычайно гордился отцомъ, какъ писателемъ.

— Ну, вотъ, — обрадовался отецъ, — и я не могу не радоваться тому, что ты сдѣлалъ по идеѣ... но это надо было не такъ... И, знаешь, разъ ужъ ты запутался, я готовъ дать тебѣ денегъ... пристрой ее въ мастерскую... въ какую-нибудь. Но самому тебѣ принимать близкое участіе не стоитъ... Невольно у всякаго является мысль о томъ, гдѣ ты съ ней познакомился и какія у васъ отношенія теперь... Хотя я, конечно, увѣренъ, что теперь ничего нѣтъ... Это было бы уже совсѣмъ нехорошо! — съ искреннимъ чувствомъ сказалъ Николай Ивановичъ.

Какъ и сынъ, онъ не уяснялъ и не могъ бы уяснить, почему именно это нехорошо, но былъ твердо въ этомъ увѣренъ. А Дмитрію Николаевичу показалось, что онъ ударилъ его этими словами. Онъ безпокойно зашевелился и бросилъ папиросу, но въ слѣдующую минуту, какъ и всегда, когда онъ открывалъ въ себѣ что-нибудь дурное, Дмитрій Николаевичъ подыскалъ оправданіе:

«Но вѣдь теперь совсѣмъ не то, тогда было свинство... развратъ, а теперь я... совершенно искренно, я...».

Но это оправданіе испугало его еще больше, чѣмъ слова отца.

И Николай Ивановичъ замѣтилъ это по его лицу и, понимая въ другомъ смыслѣ, заторопился кончить свое объясненіе:

— Я понимаю, что тебѣ это тяжело, и мнѣ самому непріятно... Но ты понимаешь, что я рѣшился только для твоего же блага... Повторяю, исторія, въ основаніи которой лежитъ самое благородное чувство, благодаря обстановкѣ, такъ сказать, принимаетъ некрасивую окраску... Притомъ, ты знаешь наши нравы, знаешь, какъ на это посмотрятъ... пойдутъ сплетни и даже, какъ я замѣтилъ, уже и пошли... Объ этомъ постарался Гвоздиловъ, конечно... ты сдѣлалъ большую ошибку, что заговорилъ съ нимъ... Попросилъ бы лучше Истаманова, что ли.

И, желая приласкать сына и затереть въ немъ дурное впечатлѣніе отъ объясненія, Николай Ивановичъ слегка обнялъ его и ласково проговорилъ:

— Мы съ матерью такъ любимъ тебя и уважаемъ, что намъ больно было бы, если бы твое имя хоть однимъ краемъ волочилось въ грязи... А ты знаешь, что для дурныхъ людей этого достаточно.

Въ сосѣдней комнатѣ раздался голосъ его жены и Нюни. И, торопясь, Николай Ивановичъ быстро договорилъ:

— Не правда ли, съ этимъ вопросомъ покончено?.. Да вѣдь и сдѣлалъ ты совершенно достаточно! Чего жъ еще... Передай ей эти деньги, и все прекрасно... кончится!

Онъ торопливо отодвинулъ ящикъ стола и, вынувъ, очевидно, заранѣе приготовленную пачку кредитокъ, неловкимъ и боковымъ движеніемъ отдалъ сыну.

— Ты очень добръ! — смущенно пробормоталъ Дмитрій Николаевичъ.

Они пожали другъ другу руки, какъ два друга. Такія отношенія нравились имъ обоимъ.

Провожая сына до дверей, Николай Ивановичъ съ нѣжнымъ удовольствіемъ смотрѣлъ въ его еще нѣжное, но уже мужественное, красивое лицо и хотѣлъ сказать:

«А, главное, я боюсь, что ты увлечешься этой... такіе благородные, милые юноши легко увлекаются идеей спасенія этихъ тварей; я самъ когда-то чуть не женился на проституткѣ... А это было бы ужасно!».

Но онъ не сказалъ этого и вернулся къ своей работѣ съ умиленнымъ чувствомъ гордости своимъ сыномъ и воспоминанія о томъ времени, когда онъ искренно мечталъ спасти проститутку и возродить ее къ новой жизни.

«Она ушла тогда отъ меня... а то бы... И слава Богу, во-время убѣдился, что если кто желаетъ ихъ спасенія, то это спасающіе, а не спасаемыя!».

И, закуривъ папиросу, Николай Ивановичъ серьезно и вдумчиво сталъ писать.

XI.

Въ тотъ же день къ вечеру Дмитрій Николаевичъ пѣшкомъ пошелъ на Васильевскій Островъ къ одному изъ своихъ товарищей, котораго очень любилъ, съ тѣмъ, чтобы разсказать ему все и попросить совѣта, какъ лучше устроить дѣло съ Сашей. Онъ самъ не зналъ, когда именно пришло ему въ голову такое рѣшеніе, но оно уже было непоколебимо, хотя и мучило его.

Дорогой онъ все вспоминалъ, въ какомъ невѣроятно жизнерадостномъ и даже блаженномъ настроеніи вышелъ онъ днемъ изъ больницы. Все казалось ему хорошо, мило, прекрасно. И санки извозчика, и галки на снѣгу, и городовые съ усатыми лицами, и собственное

тѣло, въ которомъ было бодрое и куда-то влекущее чувство. Ему было трудно уйти отъ Саши, и была одна минута, когда онъ чуть не назначилъ ей свиданіе, но, уже выйдя, онъ вспомнилъ и застыдился этого желанія, хотя оно было пріятно ему. И всю дорогу онъ вспоминалъ, какъ медленно и жгуче они цѣловались, и у него кружилась голова и напрягалось желаніемъ тѣло.

Теперь онъ шелъ сумрачный и разстроенный.

«Отецъ говоритъ, что теперь это было бы слишкомъ гадко... И я самъ такъ думаю, — съ удовольствіемъ отмѣтилъ онъ, что думаетъ совершенно такъ, какъ умный и писатель отецъ. — А если теперь нельзя, то какое же право я имѣлъ цѣловать ее?.. Какое-то имѣлъ!.. Было пріятно и ничуть не стыдно... А теперь стыдно! Неужели я въ нее былъ влюбленъ тогда?.. Это глупости... Вѣдь, что тамъ ни говори, она — публичная дѣвка! И... не могу же я ее любить!».

Но ему было очень пріятно вспоминать каждое слово и каждое движеніе Саши. Ея бѣленькое платье, такое чистое, пахнущее свѣжей матріей и такъ къ ней шедшее, мелькало у него въ глазахъ.

«Просто похоть!» грубо подумалъ онъ, чтобы успокоить себя, и хотя всегда считалъ похоть дурнымъ чувствомъ, но это объясненіе его успокоило, такъ страшна для него была мысль, что онъ могъ бы влюбиться въ бывшую публичную женщину, какова бы она ни была теперь.

«И надо кончить все это сразу... Папа правъ совершенно! И какой я дуракъ: у другого бы это вышло просто, легко и красиво, а у меня вышло такъ грубо, стыдно... и самъ я запутался некрасиво!.. Какой я несчастный! Почему мнѣ ничего не удается?.. Вѣдь я хотѣлъ самаго хорошаго, а выходитъ грязь!.. А почему грязь?.. Это не потому, что я ее вытащилъ, и не потому, что я ее цѣловалъ въ больницѣ... А почему же? — съ отчая-

ніемъ подумалъ Дмитрій Николаевичъ. — А потому, что на одну минуту я допустилъ возможность какой-то близости между собой и ею, допустилъ какъ-будто... что я могу любить женщину, которая всѣмъ отдавалась... Я съ нею какъ бы сталъ рядомъ, и вмѣсто спасителя сталъ близкимъ ей человѣкомъ!.. Вотъ и грязь!.. А вѣдь она въ меня влюблена! — вдругъ спохватился онъ съ ужасомъ. — О, какъ это тяжело все! Надо кончить, надо кончить!.. Конечно, дамъ ей денегъ на машинку, на прожитіе первыхъ мѣсяцевъ... И больше никто отъ меня не можетъ ничего требовать!» съ ожесточеніемъ противъ чего-то, что смутно, но упорно-тоскливо стояло у него въ груди, чуть не вслухъ проговорилъ Дмитрій Николаевичъ, подходя уже къ дому, гдѣ жилъ студентъ Василій Ѳедоровичъ Семеновъ.

Семеновъ былъ боленъ чахоткой, а потому всегда сидѣлъ дома, и теперь встрѣтилъ пріятеля желтый и сумрачный отъ усилившагося къ вечеру и отъ сырой погоды кашля.

— А, это ты, — сказалъ онъ, отворяя дверь.

Въ его комнатѣ, несмотря на открытый отдушникъ, было сильно накурено табакомъ, отъ котораго Семеновъ не отставалъ, хотя и былъ боленъ грудью.

— Опять куришь! — съ дружескимъ и соболѣзнующимъ чувствомъ сказалъ Рославлевъ, снимая шинель и шапку.

— Все равно... — неопредѣленно махнулъ рукой Семеновъ, и въ его голосѣ не было иного чувства, кромѣ тупого равнодушія.

— Ну... — проговорилъ Рославлевъ, сѣлъ и, закуривая папиросу, сейчасъ же заговорилъ о томъ, что его занимало.

— Я къ тебѣ по дѣлу... а?

— Ну? — равнодушно протянулъ Семеновъ, морщась отъ мучительнаго приступа кашля, который онъ

старался, напрягая грудь, удержать. Ему все казалось, что его болѣзнь и кашель, и то, что онъ выплевываетъ мокроту, и его постоянно окровавленный, заплеванный платокъ возбуждаютъ въ людяхъ не состраданіе, какъ они стараются показать, а брезгливое чувство. Когда онъ кашлялъ или шелъ въ переднюю выплюнуть мокроту, онъ чувствовалъ, что на него стараются не смотрѣть, отворачиваются, и самъ себѣ онъ казался тогда грязнымъ, противнымъ мокрымъ пятномъ, около котораго даже стоять противно. И всегда въ такихъ случаяхъ онъ сознавалъ, что не виноватъ въ болѣзни и въ ея симптомахъ, что имѣетъ право болѣть, плевать, кашлять, что никто не смѣетъ презирать его за это, и все-таки страдалъ и чувствовалъ страшную ненависть ко всѣмъ.

Отъ Рославлева за три шага слышенъ былъ свѣжій, пріятный запахъ холоднаго воздуха, принесеннаго со двора, и молодого, сильнаго человѣка. Этотъ бодрый и сильный запахъ входилъ въ легкія Семенова и былъ пріятенъ имъ и мучительно тяжелъ и ненавистенъ его измученному болѣзнью и страхомъ смерти сознанію.

— Ну? — повторилъ онъ и, не удержавшись, закашлялся, брызнувъ тонкими, запекшимися губами.

— О, чортъ! — съ безконечной ненавистью и къ себѣ, и къ кашлю, и къ Рославлеву прохрипѣлъ онъ.

Рославлевъ, именно съ тѣмъ чувствомъ, которое подозрѣвалъ Семеновъ, съ брезгливой жалостью сильнаго и красиваго къ больному и безобразному, смотрѣлъ въ сторону, но думалъ не о немъ, а о томъ, какъ начать.

Когда Семеновъ пересталъ кашлять, отошелъ отъ плевательницы и сѣлъ на кровать, потирая грудь рукою, Рославлевъ заговорилъ:

— Помнишь, я тебѣ разсказывалъ о той проституткѣ, что...

— Помню, — отвѣтилъ Семеновъ, вовсе не помня, сказалъ потому, что ему все хотѣлось перебить здоровый

и красивый голосъ. — По проституткамъ ходишь... — зачѣмъ-то прибавилъ онъ.

Рославлевъ вскинулъ на него удивленными глазами и, не смущаясь, весело возразилъ:

— Нельзя... всѣ люди... — и, уже сказавъ это, вспомнилъ о болѣзни Семенова и неловко замолчалъ.

Молчалъ и Семеновъ, машинально крутя пальцами тощую и маленькую бородку.

— Ну, такъ что? — спросилъ онъ опять.

— Да, — оживляясь, заговорилъ Рославлевъ, — я ее оттуда взялъ и пристроилъ въ пріютъ этотъ... ну, а она... можешь себѣ представить, въ меня влюбилась!

И при этихъ словахъ Рославлевъ вспомнилъ Сашу, такую чистенькую и свѣжую, какою онъ обнималъ и цѣловалъ ее въ больницѣ, и ему стало странно, что онъ о ней говоритъ «проститутка» такимъ смѣющимся и легкимъ голосомъ.

— Что же тутъ удивительнаго, — улавливая его презрительный тонъ и почему-то обижаясь за проститутку, точно за самого себя, возразилъ Семеновъ. — Ты ее «спасъ»... спаситель... хм!..

Рославлеву, хотя онъ былъ увѣренъ, что это прекрасно и что онъ точно — спаситель, стало смѣшно и неловко.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, — смѣясь, говорилъ онъ,—влюбилась...—И прежде, чѣмъ успѣлъ сообразить, прибавилъ: — и, знаешь, она просто прелесть какая хорошенькая!

— И ты въ нее влюбился?—усмѣхнулся Семеновъ, и усмѣшка у него вышла добродушная.

Рославлевъ сначала улыбнулся, но сейчасъ же отвѣтилъ:

— Глупости. Какая тутъ можетъ быть любовь! Просто мнѣ жалко стало, когда она руку поцѣловала, ну и... вообще, она хорошенькая, и я же ее зналъ и раньше.

— Значитъ, ты и послѣ «спасенія» съ нею «того»?— спросилъ Семенъ съ злой насмѣшкой.

— Нѣ-ѣтъ, что!» искренно считая это гадкимъ сказалъ Рославлевъ и покраснѣлъ.

— Чего жъ ты?

Рославлевъ замялся, съ испугомъ припоминая то, что было между нимъ и Сашей въ больницѣ.

— Да что... Я знаю, что это нехорошо! — довѣрчиво прибавилъ онъ, разсказывая Семенову уже все, что съ нимъ случилось.

Семеновъ молчалъ и слушалъ, все такъ же покручивая тонкіе волоски безцвѣтной бородки и такъ же удерживая кашель. И въ этой комнатѣ, съ затхлымъ лѣкарственнымъ запахомъ, около маленькой и плохой лампы, въ присутствіи молчаливаго и больного человѣка, съ озлобленнымъ на все лицомъ, было такъ неумѣстно и странно то, что онъ разсказывалъ, что Рославлевъ замолчалъ и смотрѣлъ на Семенова.

— Василій Өедоровичъ! — позвала тонкимъ голосомъ мѣщанка, хозяйка Семенова, изъ-за перегородки.

— Чего?—отозвался Семеновъ, не поворачивая головы.

— Чай будете пить?

— Давайте.

Послышалось звяканье посуды, скрипнула дверь, и тощая беременная женщина въ платочкѣ принесла синій чайникъ и другой, — бѣлый, маленькій, два стакана изъ толстаго стекла и ситный хлѣбъ. Пока она устанавливала все это на столѣ, студенты молчали.

— Сами заварите?

— Самъ,—отвѣтилъ Семеновъ.

Она ушла, натягивая концы платка на тяжелый, круглый животъ.

Семеновъ досталъ чай и насыпалъ его въ чайникъ. Рославлевъ внимательно смотрѣлъ на это и въ душѣ у него было недоумѣлое и обидчивое чувство.

«Чего жъ онъ молчитъ?.. Знаетъ, вѣдь, какъ мнѣ трудно было все высказать, и молчитъ... А, впрочемъ, чего я отъ него хочу?.. Онъ и не пойдетъ... Лучше просто написать... конечно, лучше написать».

— Ну, что же ты скажешь? — неловко и противъ воли спросилъ онъ.

— Что? — равнодушно спросилъ Семеновъ.

— Да вотъ... насчетъ всей этой «исторіи»? — притворяясь улыбающимся и уже съ досадой, весь наливаясь кровью и боясь, чтобы Семеновъ этого не замѣтилъ, пробормоталъ Рославлевъ.

— А что я тебѣ скажу? — сердито отозвался Семеновъ. — глупости все это.

— Какъ?

— Да такъ... Я тебя и не понимаю вовсе: какого ты чорта взялся за это дѣло и чего теперь мучаешься.

— Странное дѣло, — обидчиво возразилъ Рославлевъ.—Чего взялся?.. А ты бы не взялся?

— Нѣтъ,—упрямо сказалъ Семеновъ.

— Тѣмъ хуже для... — усмѣхаясь, сказалъ Рославлевъ.

— Нѣтъ, не хуже! — визгливо крикнулъ Семеновъ и вдругъ опять мучительно и тяжело раскашлялся. Онъ хрипѣлъ, задыхался, плевался и отхаркивался, и все его тщедушное тѣло дрожало и извивалось.

Рославлевъ, не глядя на него, ждалъ, когда это кончится, и ему было досадно отъ нетерпѣнія и невольно хотѣлось крикнуть: «Да перестань ты!..»

Семеновъ, тяжело дыша, замолчалъ, вытеръ наполнившіеся слезами глаза и холодный мокрый лобъ и всталъ.

— Какое ты-то право имѣлъ ее «спасать»? — заговорилъ онъ, задыхаясь. — Подумаешь, спаситель... Спасители...

— Когда человѣкъ тонетъ!..

— А другой по уши увязъ, — съ насмѣшкой перебилъ Семеновъ. — Скажи мнѣ, пожалуйста, ты-то живешь добродѣтельно?

— Странное дѣло... сравнительно, — почему-то смущаясь, пробормоталъ Рославлевъ.

— Сравнительно!.. — визгливо передразнилъ Семеновъ. — Всякій человѣкъ сволочь, и ты сволочь, и она сволочь. Ты самъ, какъ и всѣ, такъ же далекъ отъ идеала нравственной чистоты, какъ и она, а небось, если бы тебя спасать вздумали, ты бы даже въ негодованіе пришелъ...

— Ну, это что! — протянулъ Рославлевъ. — Можно все сравнять, а... все-таки она — публичная женщина, а я...

— А ты — человѣкъ, который этой публичной женщиной пользуешься... А, впрочемъ, и не въ томъ дѣло... Скажи ты мнѣ на милость, за что мы это такъ презираемъ эту самую «публичную женщину»? Что онѣ... зло кому-либо дѣлаютъ?.. Вѣдь у насъ воровъ, убійцъ и насильниковъ всякихъ меньше презираютъ... Себя-то презирать трудно, такъ давай другого презирать за свои же... А впрочемъ, и это не то, — перебилъ себя Семеновъ, махнулъ рукой и сталъ наливать чай.

— А, что, — глядя на него съ удивленіемъ спросилъ Рославлевъ.

«Нѣтъ, его нельзя просить объ этомъ!» сказалъ онъ себѣ съ досадливымъ чувствомъ.

— Да что... ни къ чему все это! — грустно проговорилъ Семеновъ и замолчалъ.

Рославлевъ помолчалъ тоже.

— Вотъ ты говоришь, кому онѣ зло дѣлаютъ,—нерѣшительно заговорилъ онъ, подыскивая слова, чтобы высказать свою просьбу, и не находя ихъ:—а сифилисъ развѣ не зло?

Семеновъ вдругъ сдержанно и грустно улыбнулся.

— Болѣзнь, братъ, всякая, — зло, самое скверное зло... это я тебѣ скажу. И сифилисъ — зло... но только если бы я могъ, — вдругъ опять озлобляясь, заторопился онъ, расширяя зрачки, — такъ я бы эту дрянь, которая слюнки распускаетъ за всякой бабой, заражается, а потомъ еще и хнычетъ, и лѣчить бы не сталъ!..

«Нѣтъ, его нельзя просить», опять подумалъ Рославлевъ и всталъ.

— Ну, ты, братъ, сегодня какой-то... Пойду я лучше на бильярдѣ поиграю...

— И я тебѣ еще вотъ что скажу,—машинально подавая руку и не замѣчая, что онъ уходитъ, продолжалъ Семеновъ: — если люди хотятъ и считаютъ нужнымъ исправлять другихъ, такъ это прежде всего — ихъ собственное желаніе... ну, ихъ собственная потребность тамъ, что ли... А въ такомъ случаѣ не ихъ должны униженно благодарить за это, а они должны прилагать всѣ старанія, чтобы еще удостоились другіе исправляться-то по-ихнему... Вотъ!

Рославлевъ, уже надѣвшій шинель и фуражку, безсмысленно посмотрѣлъ на него и сказалъ:

— Къ чему это ты?

— Да ты же вотъ... самъ лѣзешь съ исправленіями и самъ же...

— Да она сама попросила.

— Сама?.. Да ты же разсказываешь, что она въ тебя влюбилась... Она... она утебя счастья, человѣка искала, ей постоянное животноое презрѣніе опротивѣло... А ты что ей приподнесъ? Добродѣтель картонную... Да развѣ нужно добродѣтель несчастному человѣку? Эхъ, вы!..

— Что ты говоришь, ей-Богу?.. — съ досадой сказалъ Рославлевъ, уходя.

Но Семеновъ со злобой и съ накипающими почему-то слезами жалости къ самому себѣ пошелъ за нимъ въ

темную переднюю. Рославлевъ возился съ калошами, а Семеновъ продолжалъ говорить:

— Неужели ты до сихъ поръ не понимаешь, что добродѣтель нужна и хороша только сытому брюху.

— Слыхали мы это! — пробормоталъ Рославлевъ, котораго начало тяготить это непонятное ему озлобленіе и хриплый, тонкій голосъ больного.

— Нѣтъ, не слыхали! — закричалъ Семеновъ съ злыми слезами въ голосѣ и размахивая руками. — А это правда! Я тебѣ это говорю... Я вотъ умираю и знаю это теперь... теперь меня никто не надуетъ жалкими словами! Счастье нужно, здоровье нужно, не умирать нужно, а не... вотъ...

Рославлевъ взялъ его за пуговицу и, глядя ему въ лицо сверху внизъ, добродушно проговорилъ:

— Ну, счастье... Я тебя и хочу просить... Я больше всего хочу, чтобы она была счастлива... — и лицо у него стало самодовольно-скромное.

— А ты женись на ней... любитъ тебя и женись!.. Вотъ и счастье!.. Пока, на первый случай...

— Глупости, — искренно и машинально засмѣялся Рославлевъ, — а мнѣ въ самомъ дѣлѣ кажется, что она не на шутку того... Голубчикъ, пойди къ ней завтра... она въ больницѣ теперь сидѣлкой... Отдай ей деньги и скажи, что это отъ меня на машинку и тамъ... А то, ей-Богу, невозможное положеніе получилось... Чортъ знаетъ что такое... Вѣдь не могу же я на ней въ самомъ дѣлѣ жениться!

Семеновъ молча посмотрѣлъ въ его покраснѣвшее пухлое и здоровое лицо.

— И какая же ты дрянь! — съ страшной ненавистью задавленнымъ голосомъ проговорилъ онъ.

— Что?—спросилъ, не разслышавъ, Рославлевъ.

Онъ былъ почти вдвое больше Семенова, и отъ всего

его здороваго тѣла дышало страшной силой и самоувѣренностью.

— Дрянь ты, говорю! — повторилъ Семеновъ, но противъ воли его голосъ былъ уже шутливый и игривый.

— Ну, пускай! — самодовольно и весело улыбнулся Рославлевъ.—А ты все-таки будь другомъ, устрой это дѣло... а?

Жидкіе волосы прилипли къ холодному лбу Семенова, ему было трудно стоять, жалко себя и стыдно того, что онъ сказалъ.

— Хорошо, — проговорилъ онъ и скосилъ глаза въ уголъ.

Рославлевъ крѣпко и дружелюбно пожалъ ему руку.

— Ну, вотъ спасибо! А теперь я пойду... Такъ сходишь завтра?

— Схожу.

— Ну, до свиданья.

— До свиданья.

Рославлевъ отворилъ дверь и вышелъ на лѣстницу, оборачиваясь и улыбаясь Семенову. Дверь затворилась, и слышно было, какъ онъ медленно спускался внизъ. Семеновъ остался одинъ въ полутемной передней. Съ минуту онъ стоялъ неподвижно и все больше и больше блѣднѣлъ, а потомъ вдругъ сорвался съ мѣста, выскочилъ на холодную лѣстницу и, перегнувшись всѣмъ тѣломъ черезъ перила, сорвавшимся голосомъ, съ невѣроятной злостью и презрѣніемъ изъ всѣхъ силъ крикнулъ въ пустоту:

— Сволочь проклятая!

Голосъ гулко задробился въ пустыхъ пролетахъ лѣстницы, а Семеновъ, дрожа всѣмъ тѣломъ и отъ пронизывающаго холода, и отъ злого возбужденія, долго прислушивался, свѣсившись внизъ, пока ему не стало чего- жутко въ этомъ пустомъ, молчаливомъ мѣстѣ, слабо освѣщенномъ плохими коптящими лампочками.

XII.

Дежурная сидѣлка, измучившаяся за ночь, разбудила Сашу и прошла будить другихъ. Было еще совсѣмъ темно, въ окна проникалъ только слабый, тоскливый и тусклый сѣрый свѣтъ, было сыро и холодно въ огромномъ, остывшемъ за ночь сыромъ зданіи. Вся дрожа такъ, что зубы дробно стучали, и чувствуя, какъ все тѣло сжимается, покрываясь непріятными пупырышками, Саша торопливо одѣлась. На другихъ кроватяхъ тоже молча дрожали смутно видныя въ полумракѣ сидѣлки. Та, которая будила, не раздѣваясь, повалилась на сосѣднюю кровать и сейчасъ же заснула; Саша видѣла ея блѣдное, казавшееся мертвымъ и синимъ при блѣдномъ свѣтѣ, лицо, съ замученными, впавшими щеками и темными вѣками.

Все еще дрожа и стараясь собственными движеніями согрѣться и удержать дрожь, Саша пошла внизъ, въ столовую для служащихъ. Столовая была въ подвальномъ этажѣ и въ ней было еще холоднѣе и сырѣе и такъ темно, что горѣли электрическія лампочки, подвѣшенныя къ низкому сводчатому потолку.

За такимъ же точно зеленоватымъ столомъ, какіе были въ пріютѣ, Саша, торопясь и обжигая губы, напилась чаю, грѣя лицо и руки надъ горячимъ паромъ.

— Рукъ не отогрѣешь!—проговорила она.

Сидѣвшая рядомъ толстая и старая сидѣлка молча посмотрѣла на посинѣвшія руки Саши и равнодушно отвернулась...

«Экія всѣ непривѣтливыя!» подумала Саша. «Всѣ тутъ такія!»

Она уже замѣтила это и поняла, что это оттого, что работа тутъ очень тяжелая, скучная, противная, и живутъ сидѣлки скучно, однообразно, постоянно другъ у

друга на глазахъ, среди однообразно мучающихся, тяжело пахнущихъ, капризничающихъ, однообразно умирающихъ людей.

«Ну и жизнь!» подумала она, вставая и относя свою кружку на мѣсто. «Вотъ ужъ ни за что не осталась бы тутъ!.. А вонъ живутъ же, тутъ и старѣютъ... ни свѣта, ни радости! Господи... Кабы не Митенька, такъ бы и плюнула на все...»

— Козодоева, васъ больная зоветъ! — сказала сидѣлка и прошла, звякая пузырьками.

Саша вздохнула, поправила волосы и пошла опять наверхъ по пустой, черезчуръ широкой и чистой лѣстницѣ, по которой странно-дико отдавались ея шаги.

Въ комнатѣ больной баронессы было душно и не только тепло, а даже парко, какъ въ предбанникѣ. Пахло лѣкарствами, духами, которыми душили въ комнатѣ, чтобы заглушить нудный, сладковатый и острый запахъ разлагающагося человѣка. Сашѣ даже въ голову ударило, когда она вошла въ эту атмосферу изъ холоднаго коридора.

Баронесса лежала на спинѣ, глядя на дверь запавшими больными и раздражительными глазами, уголки губъ у ней все опускались, и она судорожно, болѣзненно-торопливо перебирала по одѣялу токними пальцами. На той груди, которую ѣлъ ракъ, не поддававшійся операціямъ, лежалъ пузырь со льдомъ, обернутый полотенцемъ.

— Господи, — капризнымъ, страдающимъ голосомъ встрѣтила она Сашу, — васъ не дозовешься... Эта дура ничего не умѣетъ... Я всю ночь не спала... Льду дайте... Поверните меня-а...

Ея слабый, нудный голосъ капризно звенѣлъ Сашѣ въ ухо, когда она, подсунувъ руки подъ странно-тяжелое, вялое тѣло баронессы, поднимала его на подушки.

— Выше... еще... Господи, да больно же... еще...

Отъ мокрой больнымъ потомъ рубашки ея пахнуло въ ротъ и лицо Саши тяжелымъ запахомъ. Простыни подъ ней сбились и были горячія, противныя.

— Чаю хотите или молока принести? — спросила Саша, запыхавшись отъ усилій и поправляя разбившіеся волосы.

Баронесса не сразу отвѣтила, въ упоръ глядя на нее злыми отъ болѣзни, темными глазами.

— Молока?—повторила Саша.

— Ахъ, да конечно же! Вы же знаете, что я пью по утрамъ! — раздражительно отвѣтила баронесса.

Саша промолчала и пошла за молокомъ.

«И ни чуточки мнѣ ея не жаль, — подумала она о баронессѣ, сходя съ лѣстницы: — она и здоровая должно такая же злая была...»

Первый день Саша жалѣла баронессу, и ей казалось страшно и странно, что вотъ эта женщина больна, что у нея гніетъ тѣло и она скоро умретъ, но тяжелая и противная забота возлѣ нея скоро притупила это чувство, и, какъ тѣ два сѣдые мужика въ бѣлыхъ фартукахъ, которые равнодушно протащили навстрѣчу Сашѣ бѣлыя носилки для кого-то умершаго ночью, протащили, ругаясь между собой изъ-за какой-то простыни, Саша, уже совершенно машинально ухаживала за больной, переворачивала ее, носила посуду, кормила, думая совсѣмъ не о ней, а о себѣ.

Молоко уже скипѣло, и Саша пошла назадъ.

— Неужели вы не можете скорѣе... О, Гос-споди,— чуть не скрежеща зубами, встрѣтила ее баронесса, съ ненавистью безконечной зависти больного и несчастнаго человѣка къ здоровому и счастливому тѣмъ.

— Чего ужъ скорѣе, — досадливо пробормотала Саша.

— Не смѣйте грубить мнѣ! — взвизгнула баронесса.

Саша промолчала.

— Опять молоко... сколько разъ кипѣло?

— Два.

— Неправда... врете... вскипятите еще разъ.

— Да, ей-Богу два, — улыбнулась Саша.

— А я говорю нѣтъ... какъ вы смѣете спорить. Я говорю прокипятите еще разъ...

Саша пошла внизъ.

День понемногу разсвѣталъ, и въ коридорахъ стало свѣтло и тепло. Сквозь огромныя окна полились цѣлые потоки солнечныхъ лучей, но больница не замѣчала ихъ, наполненная своей тошной, тяжелой, умирающей жизнью. И Саша не замѣчала этого свѣта и тепла, дѣлала тяжелое безрадостное дѣло, поднимала больныхъ, кормила, давала лѣкарства, потомъ обѣдала внизу, въ подвальной столовой.

Послѣ обѣда она поссорилась со своей больной.

Дрянь!.. — кричала баронесса, захлебываясь слезами и безсильной злостью.—Какъ вы смѣете мнѣ грубить! Вы знаете, кто я и кто вы!..

Саша испугалась и обидѣлась. Съ тѣхъ поръ, какъ она ушла изъ публичнаго дома, никто не кричалъ на нее такъ, и ей уже казалось, что и никогда никто не будетъ ее ругать, что никто не имѣетъ теперь на это права.

Въ этомъ рѣзкомъ крикѣ ей вдругъ послышались тѣ же самыя обиды, которыми осыпали ее въ прошлой жизни, и ей показалось на мгновеніе, что она опять сидитъ на полу, закрываясь руками, а на голову и спину ея больно сыплются удары «тетеньки».

И когда вдругъ больная притихла, поблѣднѣла и, прищуривъ глаза, какъ-то хитро и упрямо толкнула ее костлявымъ и слабымъ кулакомъ въ плечо, Саша сразу заплакала и, закрывая лицо руками, ушла.

— Господи, Боже мой, — прошептала она: — хоть бы скорѣе вырваться въ настоящую жизнь!.. Что жъ это такое... Митенька, мой милый! Что жъ ты...

И она сама не знала, чего ждала отъ него.

Такъ прошелъ день, тяжелый, скорбный и скучный.

Совсѣмъ передъ вечеромъ сидѣлка пришла и позвала Сашу.

— Тамъ васъ спрашиваютъ,—сказала она.

— Пришелъ! А я-то... глупая! — чуть не вскрикнула Саша и почти бѣгомъ, легкая и радостная, вся замирая отъ любви и ожиданія чего-то невѣроятно-радостнаго, свѣтлаго, побѣжала по коридору.

Семеновъ, въ худомъ длинномъ сюртукѣ, порванномъ подмышками, и съ шапкой въ рукахъ стоялъ въ коридорѣ.

— Вы — Козодоева? — спросилъ онъ сердито, сердясь вовсе не на нее, а на увеличившуюся въ этотъ день одышку и боль въ груди.

— Я, — отвѣтила Саша, сразмаху останавливаясь передъ нимъ.

— Я къ вамъ отъ Рославлева,—сказалъ Семеновъ.

— Ахъ, пожалуйста, — почему-то сказала Саша и покраснѣла.—Они не больны?—тревожно прибавила она.

— Нѣтъ, здоровъ... должно быть, — сердито отвѣтилъ Семеновъ и закашлялся.

Саша молчала.

— Рославлевъ просилъ меня сказать вамъ, что онъ теперь уѣзжаетъ и, вѣроятно, долго не будетъ... то-есть не то, а просто... вотъ вамъ тутъ деньги, — сквозь кашель со злостью выкрикнулъ Семеновъ, не глядя на Сашу и доставая изъ кармана пакетъ, который онъ самъ тщательно склеилъ утромъ,—и если вамъ тутъ не нравится, такъ онъ похлопочетъ... мѣсто въ магазинѣ портнихи, мадамъ Эльзы, что ли...

Саша молчала. Семеновъ съ удивленіемъ взглянулъ на нее и стоялъ, неловко протянувъ деньги.

Было такъ тихо, что слышно было, какъ ходилъ кто-то, шаркая туфлями и звонко плюя куда-то.

— Возьмите деньги, — сердито проговорилъ Семеновъ.

У него кружилась голова отъ слабости и въ ушахъ звенѣло, и ему уже не было дѣла ни до кого и ни до чего на свѣтѣ, кромѣ тупой, ноющей боли въ груди.

Саша взяла.

— Больше ничего?—спросилъ Семеновъ.

— Ничего,—только прошевелила губами Саша.

Семеновъ помолчалъ.

— Ну, прощайте.

— Прощайте.

Семеновъ пошелъ прочь, согнувъ спину и покашливая.

Саша долго и тихо стояла и смотрѣла въ спускающуюся съ лѣстницы худую, потертую спину студенческаго сюртука, потомъ положила деньги въ карманъ и пошла въ «дежурную» комнату. Тамъ она прилегла на кровать и сжалась въ комокъ, точно стараясь, чтобы никто ея не видѣлъ.

— Больны, Козодоева?—спросила сидѣлка.

— Неможется,—тихо отвѣтила Саша.

— Долго ли тутъ заболѣть! — съ ненавистью къ кому-то проговорила сидѣлка.—Такъ я за васъ поставлю дежурную, а вы полежите. Градусникъ поставьте.

— Хорошо,—покорно отвѣтила Саша.

На этой кровати, съ маленькой, жесткой кожаной подушкой, которую она помнила всю жизнь, Саша пролежала весь вечеръ и ночь.

XIII.

Передъ глазами у нея колыхались въ темнотѣ и расплывались золотые круги и, какъ-будто гдѣ-то внутри глазъ отчетливо освѣщенныя внутреннимъ свѣтомъ, выплывали, стояли и расплывались одни за другими лица,

сцены и люди. Все, что Саша видѣла и слышала за эти дни, вставало передъ нею, и она ясно чувствовала, что оборвалась какая-то, выдуманная ею самой связь, что она и теперь также одна, никому ненужная, несчастная, какъ и прежде.

«Ну, что жъ... не любитъ, такъ не любитъ, — машинально думала она, всматриваясь въ оживающій знакомыми образами мракъ. — Я думала... Мало ли чего я думала... Развѣ такихъ любятъ?.. Знай свое мѣсто!».

Проплылъ передъ нею модный магазинъ, въ которомъ она работала, прежде чѣмъ сбилась на улицу, и Саша будто почувствовала даже ощущеніе тоненькой иголки и боль въ пальцахъ и въ спинѣ. Согнутыя за вѣчной скучной и ненужной имъ самимъ работой, прежнія подруги ея смутно рисовались ей.

«Опять, значитъ, въ эту каторгу!» — съ ужасомъ вдругъ, точно просыпаясь, чуть не вскрикнула Саша.— Да за что?.. Развѣ для того я всю эту муку перенесла, чтобы опять все сначала начать? Тутъ оставаться? Всегда за больными ходить... безъ свѣта, безъ радости... Да развѣ я этого хотѣла, когда изъ той жизни ушла?».

Раздался нерѣшительный, подавленный звукъ и потухъ въ темнотѣ.

«А вѣдь это я плачу», мелькнуло у Саши въ головѣ.

Слезы выбѣжали на напряженные глаза, и золотые круги закружились, исчезли, все пропало, и она уже ясно почувствовала себя и то, что съ ней дѣлается, и что встало впереди.

Что-то придавило сначала легонько, а потомъ съ мучительной силой сердце Саши, и жалость къ себѣ наполнила всю ее. Она сдѣлала усиліе, чтобы поймать что-то, и вдругъ поняла, что ей жаль того свѣтлаго, тихаго и радостнаго умиленія, которое она испытала въ первую ночь въ пріютѣ, когда лежала на кровати, смотрѣла на сѣрѣющее пятно окна и ждала, что съ завтрашняго дня

начнется новая жизнь, какая-то удивительно чистая и счастливая.

«Дура, дура!» — съ горькимъ упрекомъ сказала она себѣ:—ничего этого нѣтъ...».

Гдѣ-то далеко провизжала на блокѣ и хлопнула дверь, кто-то, волоча ноги, прошелъ по коридору, а потомъ застонала умиравшая въ третьей палатѣ чахоточная.

Саша вспомнила звукъ рояли подь пальцами Любки, тоскливый и одинокій звукъ, мгновенно родившійся и мгновенно исчезнувшій, и ей представилось, что это не больная стонетъ, а рояль подъ пальцами погибающей Любки.

«И выходитъ, что Любка всѣхъ лучше поступила, — пришло ей въ голову, — умерла и нѣтъ ея... коли нѣтъ счастья, такъ и самой ея нѣтъ!.. И чего мучилась!.. Коли нѣтъ счастья, такъ не все ли равно, гдѣ жить, какъ жить... «Исправляютъ!» — вспомнила она слова Ивановой:—проклятые...».

Кто-то, тяжело ступая, подошелъ къ двери и отворилъ ее. Черная тѣнь заслонила полосу яркаго свѣта, ворвавшагося черезъ всю комату изъ освѣщеннаго коридора.

— Козодоева... Александра! — позвала фельдшерица своимъ безнадежно тусклымъ голосомъ, выцвѣтшимъ въ однообразно тяжелой жизни больницы.

— А?—отозвалась Саша и сѣла на кровать.

— Идите ради Создателя къ своей... зоветъ васъ... замучила! — скучающимъ и просительнымъ тономъ сказала фельдшерица.

Саша машинально одѣлась и вышла, щурясь отъ свѣта усталыми, безжизненными глазами.

— Капризничаетъ невыносимо... никто не угодитъ...

Саша смотрѣла на ея молодое и очень некрасивое, безцвѣтное лицо съ сѣрыми волосами, пропитанными

запахомъ іодоформа и карболки, съ тусклыми глазами, съ безрадостнымъ выраженіемъ въ уголкахъ опустившагося рта.

«Такой и мнѣ быть!» подумала она съ испугомъ.

И внезапно что-то протестующее, сознающее свое право, сильное и молодое вспыхнуло въ ней.

— Всѣ онѣ такія,—сказала она со злостью и пошла по коридору.

Въ комнатѣ баронессы было также душно и полутемно.

Баронеса опять лежала на спинѣ и лихорадочно-блестящими глазами встрѣтила Сашу.

— Чего вамъ? — спросила Саша, и сама удивилась своему злому и грубому голосу.

— Сколько разъ я вамъ говорила, что я не могу такъ... не могу!—съ плаксивой злобой напряженно закричала баронесса.

— Чего? — съ недоумѣніемъ спросила Саша.

— Вы не знаете?.. Ахъ, хорошо! Сколько разъ я говорила вамъ, что не могу, чтобы мнѣ прислуживали разныя... Она ничего не знаетъ! Я требую прислуги, которая бы мнѣ... которая бы знала мои привычки! А это Богъ знаетъ что... Я буду жаловаться!

Саша смотрѣла на нее, и что-то странное происходило у нея въ головѣ.

— Куда вы пропали?

— Я спала... вѣдь...

Баронесса дернулась всѣмъ тѣломъ.

— Спали? Ахъ, скажите, пожалуйста... такъ васъ потревожили?

Саша вдругъ подошла къ ней близко и нагнулась.

— У меня свое горе случилось, барыня... — проговорила она тихимъ и выразительнымъ голосомъ.

Баронесса удивленно помолчала.

— Какое горе? Что вы говорите?

— Меня любовникъ бросилъ... человѣкъ любимый,— такъ же тихо поправилась Саша, въ упоръ глядя въ глаза баронессѣ.

— Что?.. Да мнѣ какое дѣло? — вскрикнула баронесса.—Скажите, какія нѣжности!..

— А вы вонъ плачете, когда письма читаете,—упорно, точно подхваченная чѣмъ-то, продолжала Саша.

Баронесса поблѣднѣла, въ ея лицѣ мелькнуло то мягкое и растерянно-жалкое выраженіе, какое бываетъ у всѣхъ людей, у которыхъ нѣтъ счастья.

Тѣ письма, о которыхъ говорила Саша, были письма отъ ея мужа, давно не посѣщавшаго больной и скучной жены.

Но баронесса преодолѣла свое чувство, считая унизительнымъ выдать его такому ничтожному человѣку, какъ Саша.

— Вы, кажется, сравниваете меня съ вами? — высокомѣрно проговорила она.

— Все равно,—сказала Саша: — всѣмъ счастья хочется... что вамъ, что мнѣ!

— Счастья... скажите, пожалуйста! Вы не для счастья здѣсь, а для того, чтобы ухаживать за больными!.. Дѣлайте свое дѣло... Подымите меня!

Саша не тронулась съ мѣста.

— Да вы слышите или нѣтъ?

— А вы бы стали ухаживать за больными? — спросила она.

Баронесса съ испугомъ и ненавистью скосила на нее блестящій больной глазъ.

— Я уже сказала вамъ! Не смѣйте сравнивать меня и себя... Вы... вы должны быть счастливы, что вамъ дышать позволили!.. Дрянь!—сорвалась баронесса.

— Эко счастье! — усмѣхнулась какъ въ какомъ-то бреду, Саша. — Дышать вездѣ можно... дорого за дыханье-то берете... вы!

— Да какъ ты смѣешь со мной говорить такъ, — крикнула въ изступленіи баронесса и прибавила скверное и грубое слово, гдѣ-то слышанное ею.—Я велю вышвырнуть тебя отсюда, несчастная!.. На улицѣ сгніешь! — крикнула она.

Холодное и тяжелое чувство прошло въ Сашѣ и вырвалось рѣзкимъ крикомъ:

— Ну, и пусть! Экъ напугали... Всѣ сгніемъ... вы еще скорѣе меня!

— О!.. — испуганно и жалко вскрикнула баронесса.

Что-то злобно-веселое подхватило Сашу и, точно мстя кому-то, она кричала::

— Ну, да... сгніете, сгніете... вы и теперь уже гніете!.. Вы честная... чтобъ вамъ!..

Баронесса что-то слабо и неясно выговорила, подняла руку и зарыдала. И рыданіе это было такъ безконечно жалко и страшно, что Саша, расширивъ глаза, замолчала, а потомъ съ ужасомъ и гнѣвомъ выскочила въ коридоръ и побѣжала прочь.

На дворѣ уже свѣтало.

Саша подошла къ запотѣвшему окну и, глядя на смутно виднѣвшуюся улицу, взялась за голову и сказала громко и протяжно:

— Всѣ сгніемъ... и я и всѣ... кабы радость какая! А такъ все равно! Скучно... ску-учно!..

Мимо окна съ тусклымъ дребезжаньемъ пронеслась карета съ зажженными фонарями... Рослыя лошади стлались по мостовой, и Саша замѣтила важнаго, вытянувшаго руки кучера.

«Съ балу, должно, — подумала она, — такъ ежели бы... а то!.. Что жъ?.. Богъ съ ними совсѣмъ... Кучеръ-то, чай, всю ночь сидѣлъ, ждалъ, — почему-то пришло ей въ голову. — Ахъ ску-учно!.. За что?..».

За окномъ блестѣла мокрая мостовая.

И глаза у Саши стали мокрые, какъ мостовая, и ей

показалось, что вся она слилась въ одно съ этой мостовой, сѣрымъ небомъ, сѣрымъ мокрымъ городомъ, будто нигдѣ нѣтъ ничего яснаго, чистаго, живого, а только одна больная, безсмысленно-нудная слякоть.

И это ощущеніе, противное и неестественное въ молодомъ, полномъ силы, красоты и желанія счастья существѣ, прошло только тогда, когда Саша въ новомъ стального цвѣта, красивомъ платьѣ, купленномъ на деньги Рославлена, въ огромной прелестной шляпѣ вошла въ залъ «Альказара» и въ зеркалѣ увидѣла то, что любила больше всего: самое себя, красивую, нарядную, прелестную съ ногъ до головы.

И уже когда она была совсѣмъ пьяна, Саша выговорила::

— Чортъ съ вами со всѣми!

Пьяный, веселый господинъ въ блестящемъ цилиндрѣ засмѣялся.

— Что такъ?

Саша безшабашно махнула рукой.

— Поѣдемъ, миленькій... все равно!..

И ночью, въ его объятіяхъ, отъ вина и безшабашнаго угара Сашѣ было пріятно, шумѣло въ головѣ и казалось, что весело.

Утро встало сѣрое, мертвое, безконечно и безнадежно печальное...

1904 г.

ЖЕНА.

I.

Моя жена была высокая, красивая и стройная женщина. До свадьбы она постоянно ходила въ малороссійскомъ костюмѣ, жила на дачѣ въ старомъ деревянномъ домѣ, окруженномъ густымъ вишневымъ садомъ, пѣла хохлацкія красивыя и грустныя пѣсни и любила путать въ черныя волосы самые простые, красные и желтые цвѣты.

За садомъ той дачи, гдѣ жила она съ братомъ и его семьей, проходила желѣзная дорога съ высокой, странно ровной насыпью, внизу поросшей репейникомъ, а сверху засыпанной ровнымъ пескомъ, бѣлѣвшимъ въ лунномъ свѣтѣ, какъ голубой мѣлъ.

Братъ ея, большой желчный и лысый человѣкъ, съ низкимъ животомъ, въ желтой парусиновой парѣ, всегда потной подмышками, не любилъ меня, и на ихъ дачѣ я никогда не бывалъ. Она выходила ко мнѣ на свиданія черезъ вишневый садъ, по насыпи, въ тоненькую и бѣлую березовую рощицу. Еще издали была видна ея высокая и гибкая фигура и мягкимъ силуэтомъ вырѣзывалась въ безконечно широкомъ и глубокомъ небѣ,

усѣянномъ золотыми, голубыми и красными звѣздочками и далеко облитомъ ровнымъ холоднымъ свѣтомъ луны.

За насыпью была густая, черная и жуткая тѣнь, въ которой неподвижно и чутко стояли тоненькіе стволы березокъ и молчаливо тянулась отъ земли высокая, влажная трава. Въ этой рощѣ я ждалъ ее, и мнѣ было жутко и весело въ прозрачной голубой тѣни. Когда въ небѣ, высоко надо мною, вырисовывался знакомый силуэтъ, я карабкался навстрѣчу, скользя по мокрой травѣ, подавалъ ей руку, и мы оба, точно падая, стремительно сбѣгали внизъ, съ силой разгоняя густой воздухъ, развѣвавшій волосы и шумѣвшій въ ушахъ, влетали въ сумракъ и тишину рощи и вдругъ сразу замирали, по колѣна въ травѣ, сильно и смущенно прижимаясь всѣмъ тѣломъ другъ къ другу.

Мы почти не говорили, и намъ не хотѣлось говорить. Было тихо, пахло страннымъ, таинственнымъ непонятнымъ ароматомъ, отъ котораго кружилась голова, и все исчезало изъ глазъ и сознанія, кромѣ жгучаго и тревожнаго наслажденія. Сквозь тонкую, сухую матерію я чувствовалъ, какъ чуть-чуть дрожало и томилось, наслаждаясь, молодое, сильное, упругое и нѣжное тѣло, какъ подавалась и ускользала изъ моихъ влажныхъ пальцевъ круглая и мягкая грудь. Близко-близко отъ своего лица я видѣлъ въ темнотѣ полузакрытые, какъ-будто ничего не говорящіе, слабо и таинственно поблескивающіе изъ-подъ рѣсницъ глаза. Трава была мокрая и брызгала холодной, пріятной росой на голое тѣло, странно теплѣвшее въ прохладномъ и влажномъ воздухѣ. Какъ-будто на всю рощу разносились торжествующіе удары нашихъ сердецъ, но намъ казалось, что во всемъ необъятно-громадномъ мірѣ нѣтъ никого кромѣ насъ, и никто не можетъ притти помѣшать намъ среди этихъ сдвинувшихся березокъ, ночныхъ тѣней,

влажной травы и одуряющаго запаха сырого, глубокаго лѣса. Время шло гдѣ-то внѣ, и все было наполнено однимъ жгучимъ, неизъяснимо-прекраснымъ, могучимъ и смѣлымъ наслажденіемъ жизнью.

Потомъ, когда небо начинало свѣтлѣть и тьма подъ березками становилась прозрачной и блѣдной, луна молчаливо и тихо выходила надъ насыпью, и ея блѣдный таинственный свѣтъ кое-гдѣ трогалъ тьму, пестрилъ блѣдными пятнами стволы тоненькихъ березокъ и вытягивалъ ихъ спутанныя тѣни по мокрой травѣ. По насыпи, черной какъ уголь, мгновенно закрывая луну и застилая рощу, насыпь и звѣзды клочьями разорваннаго, цѣпкаго дыма, проносился длинный черный поѣздъ. Земля дрожала и гудѣла, скрежетало и лязгало что-то металлически жесткое и твердое, а внизу, въ тихой, рощѣ, слабо и пугливо вздрагивали тоненькія вѣточки березокъ.

Когда поѣздъ затихалъ вдали и дымъ тихо таялъ въ предразсвѣтной мглѣ, я помогалъ ей подняться на насыпь, самъ черезъ силу держась на сильно ослабѣвшихъ ногахъ. На самый верхъ она поднималась одна, а я стоялъ шагомъ ниже и смотрѣлъ на нее снизу вверхъ, слыша возлѣ самаго лица шорохъ и запахъ измятыхъ юбокъ. Она улыбалась стыдливо и торжествующе, мы говорили что-то шопотомъ, и она уходила по насыпи, облитая блѣднымъ свѣтомъ низко стоящей луны и еще слабаго разсвѣта, а мнѣ долго еще казалось, что все вокругъ шепчетъ ея голосомъ и пахнетъ ея тревожнымъ и остро-сладострастнымъ запахомъ.

Я долго смотрѣлъ ей вслѣдъ, а потомъ уходилъ по насыпи, широко шагая сильными ногами, глубоко и легко дыша и улыбаясь навстрѣчу разсвѣту.

Внутри меня все пѣло и тянулось куда-то съ неодолимой живой силой. Мнѣ хотѣлось взмахнуть руками, закричать, ударить всей грудью о землю, и казалось

страннымъ и смѣшнымъ уступать дорогу встрѣчнымъ поѣздамъ съ ихъ мертвыми огненными глазами, грохотомъ и свистомъ.

Разсвѣтъ разгорался передо мною радостной волной, охватывавшей все небо, а внутри меня было могучее, умиленное и благодарное чувство.

II.

Я работалъ тогда надъ большой картиной и любилъ эту картину. Но съ ней я никогда не говорилъ о моей картинѣ, какъ вообще не говорилъ о своей жизни. Въ моей жизни было много веселаго, скучнаго, тяжелаго и отраднаго, больше же всего мелкаго, обыкновенно не интереснаго,—я ѣлъ, пилъ, спалъ, заботился о костюмахъ и работалъ, у меня были товарищи, съ которыми мнѣ было свободно и просто, и все это было обыкновенно и понятно. А она была такая красивая, тревожная и таинственная, и мнѣ нужна была такою красивою и таинственной, не похожей на все другое: она должна была дать мнѣ то, чего я не могъ найти во всей остальной жизни.

И въ моей жизни, какъ день и ночь, стало два міра, и хотя оба они давали полную жизнь, но не сливались вмѣстѣ.

III.

Обвѣнчались мы въ маленькой и темной дачной церкви, только при самыхъ необходимыхъ свидѣтеляхъ. Я не думалъ о бракѣ, и она не настаивала на немъ, но объ этомъ хлопотали другіе люди, и мы не противились, потому что намъ казалось, будто такъ и должно быть. Только наканунѣ свадьбы мнѣ было тяжело, страшно, душно.

Въ церкви было темно и гулко. Попъ и дьячокъ чи-

тали и пѣли что-то неразборчивое и незнакомое мнѣ. Было любопытно и немного стыдно,—было странно и неловко сознавать, что все это совершенно серьезно, важно и дѣйствительно навсегда должно измѣнить мою жизнь, таинственно, какъ смерть и жизнь. Когда я старался внушить себѣ это, я невольно улыбался и боялся обидѣть всѣхъ этой улыбкой. Жена, какъ всегда красивая, стройная и нѣжная, стояла рядомъ, и вмѣсто обычнаго, простого и пестраго костюма на ней было сѣрое твердое и длинное платье. Она казалась мнѣ такою красивою, таинственно и пріятно близкою, но гдѣ-то внутри меня было что-то странное, недоумѣвающее и враждебное. Когда мы цѣловались при всѣхъ, мнѣ было только неловко, и я чувствовалъ съ холоднымъ любопытствомъ, что губы у нея горячія и мягкія.

Потомъ мы всѣ вмѣстѣ шли пѣшкомъ по безтолково-шумной улицѣ. Братъ, котораго мнѣ было неудобно и непріятно цѣловать при поздравленіи, предложилъ напиться чаю въ ресторанѣ, и всѣ согласились не съ удовольствіемъ, а такъ, какъ-будто этого только и недоставало. Мы съ женой шли впереди подъ руку, и намъ было стыдно и пріятно итти рядомъ, прижимаясь другъ къ другу при другихъ.

Пока мы шли, подъ сѣрымъ твердымъ платьемъ я локтемъ чувствовалъ знакомое сладострастно-мягкое и теплое тѣло, теплѣвшее подъ натянутой холодной матеріей, и все повторялъ, напрасно стараясь сосредоточиться:

«А вѣдь это такъ и есть теперь: она моя жена... жена... жена...».

Я старался произносить это слово на всѣ лады, отыскивая тотъ тонъ, въ которомъ оно звучитъ какъ великій и таинственный символъ. Но слово звучало, какъ и всякое слово—пусто и легко.

Въ гостиницѣ мы взяли отдѣльный кабинетъ, пили

невкусный чай и ѣли какія-то конфеты. Говорить было не о чемъ, и все казалось страннымъ, что ничего особеннаго не происходитъ вокругъ, когда въ нашей жизни произошло то, чего никогда не было.

Потомъ мы ѣхали въ почти пустомъ вагонѣ дачнаго поѣзда и подъ грохотъ колесъ спорили о какой-то пословицѣ, которая казалась мнѣ ужасно глупой, а брату ея и студенту-шаферу—умной и мѣткой.

Жена слушала и молчала, а глаза у нея сильно блестѣли въ полусумракѣ. Мнѣ показалось, что я и студентъ вовсе не споримъ о томъ, что насъ интересуетъ, а сотязаемся въ остроуміи передъ нею, и я ясно видѣлъ, что то же думаетъ и она и что ей это пріятно. Мнѣ было обидно и странно, что и теперь она можетъ относиться равно къ намъ обоимъ. Потомъ она встала и вышла на площадку, а мнѣ хотѣлось пойти за нею, но почему-то я не пошелъ. Кажется, потому, что всѣ ожидали, что я встану и пойду, и потому, что такъ и было «нужно».

На дачѣ опять думали пить чай, но вмѣсто этого другой студентъ, веселый и простой малый, досталъ водки. Я тогда пилъ мало и не любилъ пить, но очень обрадовался водкѣ, смѣялся, пилъ, закусывалъ селедкой, непріятной на вкусъ. Съ женой мнѣ было неловко говорить, и она сѣла далеко. Я изрѣдка незамѣтно взглядывалъ на нее, и мнѣ казалось въ ту минуту страннымъ, что она можетъ такъ спокойно и самоувѣренно сидѣть и смотрѣть на всѣхъ при мнѣ, что ей не стыдно того, что было въ рощѣ.

Еще мнѣ казалось, что студентъ ненавидитъ меня за нее, и я чувствовалъ себя тревожно, какъ между врагами, которыхъ надо бояться и ненавидѣть. Когда студентъ заговорилъ почему-то о фехтованіи, я сказалъ, что недурно фехтую. Другой студентъ, смѣясь, принесъ намъ двѣ жестяныя дѣтскія сабельки и предложилъ попробовать:

— А, ну... отхватите другъ другу носы!

Мы стали между столомъ и диваномъ, въ узкомъ неудобномъ мѣстѣ, и скрестили свои сабельки, слабо и тревожно бренчавшія. Жена встала, чтобы дать намъ мѣсто, и я опять увидѣлъ въ ея глазахъ сладострастное любопытство. И вдругъ меня охватила страстная, неодолимая злоба и ненависть къ студенту, и по его быстро поблѣднѣвшему лицу я понялъ, что и онъ ненавидитъ и боится меня. Должно быть, всѣ почувствовали это, потому что жена брата встала и отняла у насъ сабельки.

— Еще глаза другъ другу повыкалываете, — сказала она и бросила сабельки за шкапъ.

Братъ странно хихикалъ, студентъ молчалъ, а у жены было самодовольное и лживое выраженіе лица.

Ночью жена ушла къ себѣ въ комнату, а мы, я и два студента, улеглись въ той же комнатѣ на полу.

Въ темнотѣ мнѣ опять пришло въ голову: почему женѣ не было стыдно того, что происходило между нами въ рощѣ? Почему же это было тайной?.. Или вообще это вовсе не стыдно, а хорошо, или она — безстыдная, наглая и развратная. Если это хорошо, то зачѣмъ всѣ прячутся съ этимъ, и зачѣмъ мы повѣнчались; а если дурно, значитъ, она — развратная, падшая, и зачѣмъ тогда я женился на ней? Почему я думаю, что она не будетъ теперь, тайно отъ меня, какъ прежде отъ всѣхъ, отдаваться другимъ, какъ отдавалась мнѣ?..

Когда она не была еще моей женой и оба мы были свободны всѣмъ существомъ своимъ, мнѣ нравились свобода и смѣлость, съ какими она отдавалась мнѣ, шла на все ради жизни и любви. Тогда я совершенно не думалъ о томъ, что такъ же пріятно, и страшно, и интересно ей будетъ со всякимъ мужчиной, который можетъ занять мое мѣсто. Это такъ же не касалось меня, какъ не касается свободный полетъ птицы, которою я любуюсь. А теперь, когда она стала моей женой и вошла въ

мою жизнь и взяла ее, а мнѣ отдала свою, это стало казаться мнѣ ужаснымъ, потому что это было бы нелѣпо, смяло бы все, уничтожило бы всякій смыслъ въ томъ, что мы сдѣлали и что мы усиливались считать неизмѣримо важнымъ.

Я всю ночь силился не спать. Мнѣ было жарко и тяжело отъ тяжелаго, жестокаго, жаднаго чувства, и все казалось, что стоитъ мнѣ только уснуть, какъ тотъ студентъ встанетъ и, крадучись, пойдетъ къ моей «женѣ». Что-то въ родѣ кошмара горѣло въ груди и въ головѣ и чудилось, что жена не спитъ за своей запертой дверью и чего-то молчаливо и гадко ждетъ.

Я чувствовалъ, что съ головой погружаюсь въ какую-то грязь, пустоту, мерзость, и сознавалъ, что это безобразное, нелѣпое, омерзительно-ничтожное чувство вовсе не свойственно мнѣ, а надвинулось откуда-то со стороны, какъ кошмаръ, какъ чадъ, давитъ меня, душитъ, уничтожаетъ меня.

«Этого не можетъ быть... это, вѣдь, не такъ, не то!..» старался я увѣрить себя и не зналъ, почему нѣтъ.

IV.

Мнѣ стало странно и трудно сознавать, что я уже не одинъ, что всякое слово и дѣло мое страшно отзывается въ другомъ человѣкѣ, который видитъ, чувствуетъ и думаетъ совсѣмъ не то и не такъ, какъ я.

И съ перваго же дня исчезло все то красивое, таинственное и сильное, что давала намъ ночная страсть. Тысячи мелочей, сухихъ и суровыхъ, поднялись откуда-то безтолковой массой и сдѣлали все некрасивымъ, простымъ и ничтожнымъ. Въ первый разъ въ жизни мнѣ стало стыдно того, что было «я»: было стыдно своей бѣдности, было стыдно интересоваться пошлостями жизни, дѣлать некрасивыя отправленія, было стыдно одѣ-

ваться при женѣ. Несвѣжее бѣлье, случайная рвота, протертый, замасленный пиджакъ, то маленькое мѣсто, которое я занималъ въ обществѣ, — все было мелко и уничтожало безъ слѣда тотъ красивый и сильный образъ, который создали въ ея глазахъ ночь, роща, лунный свѣтъ, моя сила и страсть.

И жена какъ-то сразу опустилась, отяжелѣла и обуднилась. Черезъ три дня она уже была для меня такою же понятной и обыкновенной, какъ всякая женщина въ домахъ и на улицахъ, и даже больше. Утромъ, еще неумытая и непричесанная, она казалась гораздо хуже лицомъ, носила талейку изъ желтой чесучи, которая такъ же мокро потѣла подъ мышками, какъ и пиджакъ ея брата. Она много ѣла и ѣла некрасиво, но очень аккуратно, легко раздражалась и скучала.

Мнѣ пришлось дѣлать то, къ чему я не привыкъ: массу мелкихъ и серьезныхъ дѣлъ, не такъ, какъ то нравилось и казалось нужнымъ именно мнѣ и для меня, а такъ, какъ нужно было для насъ обоихъ, для двухъ совершенно разныхъ людей. Это было возможно только при отказѣ отъ многаго именно своего, и съ каждымъ днемъ росло число этихъ отказовъ и уменьшалось то, что я хотѣлъ сдѣлать и испытать въ своей жизни.

Поселились мы въ городѣ, въ небольшой, не нами обставленной комнатѣ, гдѣ было чистенько и аккуратно, и оттого всякій стулъ, лампа, кровать говорили простымъ и скучнымъ языкомъ о долгой однообразной жизни.

Жена забеременѣла. Когда она сказала мнѣ объ этомъ, меня больше всего поразило самое слово, такое грубое, тяжелое, скучное и конченное.

И еще больше поднялось съ пола жизни, какъ пыль, мелочей, которыя уже не были мелочами, потому что назойливо и властно, какъ законъ, лѣзли въ глаза, требовали серьезнаго вниманія, напряженія душевныхъ

силъ, поглощавшаго жизнь. Когда я былъ одинъ, я не боялся за себя, если у меня не было чего-либо,—платья, пищи, квартиры: я могъ уйти куда-нибудь, хоть въ ночлежку, искать на сторонѣ, могъ побороть тяжесть нужды юморомъ и беззаботностью, и было всегда легко и свободно, и не было границъ моей жизни, а когда насъ стало двое, уже нельзя было ни уйти, ни забыть ничего, а надо было во что бы то ни стало заботиться, чтобы «было» все, и нельзя было двинуться съ мѣста, какъ-будто изъ тѣла вошли въ тяжелую землю корни. Можно было весело терпѣть самому, но нельзя было спокойно знать, что терпитъ другой человѣкъ, дорогой тебѣ и связанный съ тобою на всю жизнь. Если бы даже и удалось забыть, уйти, то это не было бы уже легкостью, а жестокостью. И гдѣ бы я ни былъ, что бы ни дѣлалъ, мелочи неотступно шли теперь за мной, напоминали о себѣ каждую минуту, назойливо кричали въ уши, наполняя душу тоской и страхомъ.

Дни шли. Я любилъ жену, и она любила меня, но уже новой, спокойной, неинтересной любовью собственника, въ которой было больше потребности и привязанности, чѣмъ страсти и силы. И иногда просто даже странно было вспомнить, что все «это» сдѣлалось именно и только ради страсти. А въ то время, пока мы думали, чувствовали, дѣлали все, что было нужно намъ, пока все это казалось жизнью, волновало, радовало или мучило насъ беременность жены шла своимъ путемъ, по независящимъ отъ насъ желѣзнымъ законамъ, занимая все больше и больше мѣста въ нашей жизни, вытѣсняя всѣ другіе интересы и желанія.

Странно мнѣ было то, какъ жена относилась къ своему положенію: это было для нея что-то неизмѣримо важное, глубокое и притомъ святое. Она ни минуту не забывала объ этомъ, берегла будущаго ребенка и никогда не спрашивала себя, кто это будетъ, зачѣмъ онъ

намъ нуженъ, почему придетъ, и счастье или горе принесетъ со собою. Рожденіе его представлялось ей чѣмъ-то въ родѣ свѣтлаго восхода какого-то лучезарнаго солнца, которое освѣтитъ и ея и мою жизнь съ иной, настоящей стороны и всему въ ней придастъ смыслъ и радость. И въ то же время я ясно сознавалъ, что ребенокъ идетъ ко мнѣ независимо отъ своей воли, что я могу желать его или не желать, а онъ все-таки придетъ, что мнѣ никогда не нужно было его, не нужно и теперь (совсѣмъ не такъ, какъ всегда и всѣмъ нужно солнце), что мнѣ нѣтъ никакого дѣла до будущаго человѣка, что его жизнь можетъ быть совсѣмъ не такою, какая интересна и кажется хорошею мнѣ, и что у меня есть своя, большая, свободная и захватывающая жизнь, которой я еще не исчерпалъ и которую никто не можетъ требовать у меня. И чѣмъ больше я думалъ о будущемъ, тѣмъ болѣе ненужнымъ, обременительнымъ казалось мнѣ рожденіе ребенка: оно спутывало всѣ мои планы на жизнь, и наконецъ вся эта беременность стала возбуждать во мнѣ злое чувство, какъ неудобное, тяжелое обстоятельство жизни.

Одинъ разъ жена сказала мнѣ:

— Отецъ и мать рабы своего ребенка!—и счастливо улыбнулась.

Я удивился и промолчалъ. До сихъ поръ я всегда думалъ, что не могу быть ничьимъ, и полагалъ, что это—хорошо. Теперь же я чувствовалъ, что это такъ и есть и иначе и быть не можетъ: я буду рабомъ и не могу не быть имъ, потому что я незлой и совѣстливый человѣкъ, и потому, что инстинктъ окажется сильнѣе меня и вложитъ въ меня эту тупую, безсмысленную, узко животную любовь къ своему дѣтенышу. И въ ту же минуту я ощутилъ приливъ безсильнаго отчаянія и горькое, злое чувство. Я увидѣлъ, что это сильнѣе меня, и возненавидѣлъ будущее той неумолимой и безнадежной не-

навистью, какою случайный рабъ ненавидитъ своего господина. А жена видѣла въ этомъ рабствѣ истинное счастье, какъ прирожденная вѣрная раба, даже и не понимающая свободы.

«Чѣмъ объяснить,—подумалъ я,—что даже Библія говоритъ, что Богъ далъ материнство какъ наказаніе, а люди сдѣлали изъ этого радость?..»

V.

У меня было два товарища, оба художники, какъ и я, простые, веселые и живые люди, которыхъ я очень любилъ. Прежде мы съ ними постоянно мотались изъ стороны въ сторону, и въ жизни нашей была вся безконечно-разнообразная прелесть ничѣмъ несвязанной, веселой богемы.

Теперь мнѣ было неудобно вести такой образъ жизни, даже часто уходить надолго изъ дому: я бы причинилъ этимъ горе женѣ, а я не хотѣлъ огорчать ее, потому что любилъ. Правда, она охотно отпускала меня на этюды и даже сама посылала, но морщилась, грустила и, видимо, страдала, когда я уходилъ туда, гдѣ была игра или были женщины, и хотя ничего не говорила объ этомъ, но безмолвно осуждала меня за игру, за разгулъ, за безалаберность. Хуже всего было то, что она была права: все это было дурно, и я самъ зналъ это, но было странно и обидно, что не «я» рѣшаю перемѣнить жизнь, а дѣлаетъ это за меня другой человѣкъ.

На этюдахъ исчезло именно то, что составляло ихъ прелесть: прежде, выходя изъ города, я чувствовалъ только одно — что мнѣ хорошо въ безконечномъ просторѣ полей, и желалъ только одного—уйти какъ можно дальше. Если я сбивался съ дороги, ночевалъ въ полѣ,—это было еще лучше, еще свободнѣе, еще шире. А те-

перь я думалъ, что нехорошо съ моей стороны оставлять жену одну на цѣлый день.

— Ты придешь къ обѣду?—спрашивала жена.

И я все время докучливо думалъ только о томъ, что не надо заходить слишкомъ далеко, старательно замѣчалъ дорогу, торопился на возвратномъ пути, и искренно страдалъ, когда товарищи мои увлекались этюдами и останавливались гдѣ-нибудь по дорогѣ?

— А ты отчего не пишешь? — спрашивали они, весело набрасывая живыя краски.

— Такъ... лѣнь...—притворно улыбался я, вставалъ, ложился, отходилъ и приходилъ съ томленіемъ въ душѣ, боясь, чтобы они не догадались объ этомъ, и думая, что они догадываются. Было чего-то стыдно.

Было мучительно такъ, какъ мучительно здоровому и веселому животному, пущенному въ луга съ веревкой на ногахъ.

Товарищи долго не могли понять этого, а когда поняли, то изъ деликатности старались не задерживать меня. Это было имъ скучно и неудобно, и оттого скоро, скорѣе даже, чѣмъ можно было ожидать, они возненавидѣли жену, какъ досадную, Богъ вѣсть откуда и за что свалившуюся на нихъ помѣху. Они стали ходить безъ меня и, чтобы не обидѣть, скрывали это, а я замѣтилъ, и мнѣ было досадно и обидно. Дома у меня они чувствовали себя неловко: они понимали только живопись, говорили только о ней, а жена была гораздо развитѣе и начитаннѣе ихъ, и ей хотѣлось говорить о томъ, что ихъ вовсе не интересовало. Я любилъ ее и потому всегда съ радостью отзывался на каждую ея мысль, хотя бы въ данный моментъ она и не занимала меня сама по себѣ. Но товарищамъ моимъ вовсе не хотѣлось подчиняться человѣку, который былъ имъ чуждъ и непонятенъ. Если бы не я, они просто были бы равнодушны, мало касаясь другъ друга, но я связывалъ ихъ собою на-

сильно, и они стали тяготиться женой, а она—ими, а мнѣ было тяжело и трудно въ этой душной атмосферѣ. И изъ любви къ женѣ я сталъ злиться на нихъ; мнѣ казалось, что они должны, хотя изъ деликатности, быть не такими, какъ они есть, а такими, какъ нравится женѣ. Мало-по-малу они перестали ходить ко мнѣ, и тогда произошелъ разрывъ. Это само по себѣ было тяжело для меня, а въ томъ, что произошло это противъ моей воли и желанія, было что-то особенно тяжелое, унизительное, обидное, какъ насмѣшка. Мнѣ казалось, что я принесъ большую жертву женѣ, а она думала, что сдѣлала хорошо для меня, открывъ мнѣ глаза на то, какіе пустые и ничтожные люди были мои товарищи, точно я не зналъ этого самъ. Мы не понимали другъ друга: она искала въ людяхъ одного, я — другого, и у меня явилось досадное чувство къ женѣ, хотя она и не была виновата въ томъ, что мои взгляды не были ея взглядами.

VI.

Одинъ разъ подъ вечеръ мы поѣхали съ женой въ дачную мѣстность. Слѣзли на опустѣломъ полустанкѣ, гдѣ спали въ повалку мужики и ходили, какъ сонныя мухи, унылы стрѣлочники, тихо, подъ руку прошли по насыпи съ полверсты и съ трудомъ спустились по скользкой, сухой травѣ къ рощѣ. Мы вошли въ нее со страннымъ чувствомъ грусти и недоумѣлаго ожиданія. Трава уже завяла и на ней толстымъ, мягко и тихо шуршащимъ слоемъ лежали опавшіе листья. Березки наполовину осыпались и оттого будто раздвинулись и порѣдѣли, стало пусто и вверху просвѣчивало пустое, холодное небо. Мы сѣли на насыпь, смотрѣли на тихо и беззвучно кружащіеся между березками желтые листья, долго молчали, не двигаясь, и тихо поцѣловались. Пахло увядающими листьями, гдѣ-то слабо трещали су-

хія вѣточки, и далеко уныло и протяжно кричалъ паровозъ. Мы опять поцѣловались, посидѣли смирно, грустно улыбаясь другъ другу, и поцѣловались еще разъ. Все тише и тише становилось вокругъ, опавшіе листья все тихо кружились въ воздухѣ и беззвучно устилали землю, сумерки надвигались прозрачной, но глухой тѣнью, неслышно, незамѣтно, но быстро. Становилось холодно и неуютно. Сталъ накрапывать дождь.

— Поѣдемъ лучше домой,—сказала жена:—въ гостяхъ хорошо, а дома все лучше,—слабо шутя, добавила она.

Мы пошли назадъ, не оглядываясь, и намъ было больно и хотѣлось плакать о чемъ-то похороненномъ.

Дома горѣла лампа и былъ готовъ самоваръ. Тамъ за самоваромъ, совершенно неожиданно для себя, я вдругъ озлобленно и жестоко, наслаждаясь этимъ озлобленіемъ, какъ местью, сталъ говорить, придравшись къ какому-то пустяку, котораго не помнилъ уже въ серединѣ разговора:

— ...Не можетъ быть два человѣка въ плоть едину, это невозможно... любовь приходитъ и любовь уходитъ, какъ все, а нѣтъ конца желанію жить... А что они родятъ вмѣстѣ ребенка, такъ это еще ничего не значитъ...

— Какъ ничего не значитъ? — обиженно и сердито вскрикнула жена.

— Такъ... Да и не родятъ они вмѣстѣ, а только зачинаютъ вмѣстѣ, а это не то... А родитъ женщина, кормитъ женщина и воспитываетъ женщина!.. Мужчины даже и воспитывать не умѣютъ, человѣчество испортилось, огрубѣло, onaглѣло, стало жестокимъ, потому именно, что много вѣковъ воспитывать дѣтей брались мужчины...

Жена смотрѣла на меня испуганными глазами, какъбудто я говорилъ что-то дурное и стыдное. И именно потому, что я тогда и самъ не зналъ еще, говорю ли я дур-

ное или хорошее, этотъ взглядъ еще больше раздулъ во мнѣ чувство озлобленнаго протеста.

— Мужчина и женщина встрѣчаются только для наслажденія, а не для рожденія младенцевъ, — визгливо кричалъ я, и мнѣ хотѣлось что-нибудь ударить объ полъ, и я страдалъ отъ этого желанія;—и ты это знаешь, и я знаю, и всѣ знаютъ. Никто не посмѣетъ отрицать, что, когда онъ сходится съ женщиной, онъ думаетъ только о ней и желаетъ только ее... Это—правда!.. И мужчина не виноватъ въ томъ, что женщина устроена такъ, а не иначе...

— Такъ нечего и подходить къ женщинѣ!

— А ты оттолкни!—тихо и злобно радуясь, сказалъ я, скрививъ губы.

Жена поблѣднѣла и потупилась.

— У женщины сильнѣе всего инстинктъ материнства, и...

— А инстинктъ отцовства?—спросила жена.

— Какой инстинктъ?! — грубо сказалъ я.—Такого инстинкта нѣтъ...

— У тебя!..

— И нигдѣ... нѣтъ его въ той полной, рѣшающей формѣ, какъ у женщины... Нигдѣ нѣтъ, и у меня нѣтъ...

— Нѣтъ, есть... а ты — уродъ! — тихо и злобно выговорила жена.

— Ну и пусть... Кто это докажетъ?.. Да и не въ томъ дѣло...

— Даже у животныхъ,—растерянно говорила жена и дѣлала руками такое движеніе, будто хваталась за что-то скользкое и твердое.

— Глупости!—крикнулъ я.—Терпѣть не могу этого... Воробушки, голубки, волчица съ дѣтенышами!.. Удивительно!.. Да какое же намъ дѣло до всей этой дряни? Когда человѣкъ сдѣлаетъ что-либо, хуже чего нельзя, говорятъ — «звѣрство». А когда надо разжалобить,

сейчасъ на сценѣ «животныя»... Ха! Не надуете!—сказалъ я съ злобной радостью: — съ какой стати я стану руководиться всякой дрянью въ родѣ воробьевъ, синицъ... и что тамъ еще!.. Да тотъ же воробей... Онъ только самку кормитъ, а посади его въ самомъ дѣлѣ на яйца... ни за какія коврижки не сядетъ воробей на яйца, чортъ бы его дралъ совсѣмъ!..

— Такъ хоть самку же кормитъ... — страннымъ, жалкимъ голосомъ сказала жена.

— Э, я не о томъ... — съ досадой сказалъ я: — кормитъ... и я кормить буду, и объ этомъ говорить не стоитъ... Это слишкомъ справедливо, просто и хорошо, тутъ жалость ужъ одна чего стоитъ... Но всю жизнь свою въ жертву приносить, принести все свое «я» въ другого человѣка, въ жену ли, въ ребенка... Да съ какой стати?.. За что?.. Если ты раба по природѣ, такъ тѣмъ хуже для тебя... А я не хочу!..

— Что ты всѣмъ этимъ хочешь сказать? — вдругъ спросила жена и тихо заплакала.

Я сразу замолчалъ, и мнѣ стало жаль ее и оттого стыдно того, что я сказалъ. Но когда я началъ ее утѣшать, а она все плакала и отталкивала меня, съ злымъ и жестокимъ лицомъ, мнѣ стало досадно и обидно.

«Вѣдь, не говорилъ же я, что не люблю ея, а какое ей дѣло до того, что я чувствую къ ребенку... Чего ей нужно отъ меня? Того, чего во мнѣ нѣтъ, — притворства?.. Не могу же я и мысли свои подчинить ей...»

И тутъ мнѣ въ первый разъ пришло въ голову, что и всѣ люди, не одна жена, по какому-то праву хотятъ подчинить мои мысли своимъ, заставить меня вѣрить и чувствовать такъ, какъ вѣрятъ и чувствуютъ они. И такая злость охватила меня при этомъ, что мнѣ захотѣлось крикнуть, ударить жену, бросить въ нее чѣмъ-нибудь тяжелымъ и уйти куда-то, на край свѣта, отъ всѣхъ лю-

дей, отъ всего того, что они выдумали, дурно устроили, признали хорошимъ и заставляютъ меня признать.

Ночью я испугался чего-то грознаго, сильнѣе и больше меня, и, глядя во тьму широко раскрытыми бездонными глазами, сталъ стыдиться своей жестокости. И мнѣ казалось, что я никогда не былъ такимъ жестокимъ и сталъ такимъ только благодаря «всему этому», безцѣльной путаницѣ, тяжелой цѣпи, надѣтой на свою жизнь, а слѣдовательно, не я виноватъ въ своей жестокости, а то, что вызвало ее.

VII.

Черезъ мѣсяцъ мнѣ пришлось надолго ѣхать въ другой городъ, и жена оставалась. Когда я уходилъ за вынесеннымъ чемоданомъ, я заплакалъ крупными частыми слезами. Мысль о томъ, что я надолго не увижу ея, казалась мнѣ грустной и тяжелой.

Больше я не возвращался къ ней.

Я пріѣхалъ въ другой городъ, поселился въ большой и шумной гостиницѣ, пошелъ въ театръ, побывалъ у знакомыхъ людей и у одного изъ нихъ пилъ всю ночь. Я еще тосковалъ о женѣ, но все-таки самое пріятное въ оперѣ, которую я слушалъ, въ людяхъ, которыхъ я видѣлъ, въ пѣсняхъ, въ винѣ, въ путешествіи по желѣзной дорогѣ было то, что я былъ одинъ, что пьесу я могъ слушать и не слушать по своему желанію, что людей я могъ искать именно мнѣ пріятныхъ, вина могъ пить, солько я хотѣлъ, не думая о томъ, какъ на это смотритъ другой человѣкъ.

Вездѣ, въ театрѣ, на улицѣ, въ гостяхъ, я широко раскрытыми глазами смотрѣлъ на всѣхъ женщинъ, и мнѣ казалось, что я ихъ вижу въ первый разъ, что передо мною снова развернулся богатый, неизмѣримо инте-

ресный міръ, который закрывала отъ меня уже давно моя жена собою.

Кутежъ у знакомыхъ былъ шумный и размашистый, кутежъ здоровыхъ, сильныхъ и, казалось, свободныхъ людей. Было такъ много свободы, веселья, размаха, громкаго, удалого пѣнія, что становилось душно и тѣсно не только въ накуренной до сизаго тумана комнатѣ съ выгорѣвшимъ воздухомъ, а какъ-будто даже во всемъ мірѣ.

Одинъ изъ гостей громовымъ и красиво-веселымъ голосомъ спѣлъ:

Въ ста-рину живали дѣ-ѣ-ды
Ве-селѣй своихъ внучатъ!..

Хозяинъ, покачиваясь, подошелъ ко мнѣ и, близко наклоняя свое сухощавое живое лицо, сказалъ пьянымъ и грустнымъ голосомъ:

— А знаешь, мы вотъ все думаемъ, что хорошо— христіанство, культура, гуманность тамъ... все... а вѣдь это — смерть! Именно тогда и была жизнь, когда человѣкъ бродилъ по лѣсу, въ полѣ, по колѣна въ травѣ, боялся, боролся, убивалъ, бралъ, самъ погибалъ... было движеніе, сила, жизнь, а теперь... Скучно, братъ, сухо... вяло... смерть идетъ.

Онъ махнулъ рукой и, слабо улыбаясь, сказалъ:

— А, впрочемъ, я пьянъ... трезвый бы еще подумалъ, прежде чѣмъ сказать это... Шалишь!.. Трусы мы всѣ, братъ, вотъ что!.. Да...

На дворѣ была бѣлая пушистая зима, морозъ отчетливо визжалъ подъ ногами, а небо было, какъ всегда зимой въ морозъ, особенно безконечно чистое, глубокое, звѣздное. Я смотрѣлъ на далекій блѣдный кружокъ луны, мимо котораго быстро-быстро бѣжали облака, и мнѣ хотѣлось сильнаго, безстрастн го, полнаго, безпечальнаго.

Мимо прошла женщина, торопливо поскрипывая мел-

кими шагами маленькихъ ногъ, и сзади я видѣлъ тонкій силуэтъ мягкой круглой таліи, покатыя плечи и большую черную шляпу надъ бѣлѣвшей подъ волосами у затылка шеей.

Я пошелъ за ней и долго шелъ и все смотрѣлъ на мягкую волнующуюся талію и мерцавшую въ темнотѣ бѣлую шею. И было что-то пріятное и странное. Я ясно чувствовалъ, что это именно то, что больше всего нужно и мнѣ, и всему живому. У меня не было ни мыслей, ни словъ, а одно сладкое, тревожно-томительное желаніе жить.

Женщина легко и быстро скрылась подъ воротами большого и чернаго дома, а я пошелъ домой, глядя въ безконечный просторъ, гдѣ сіяла блѣдная, тихая луна. Она стояла вверху, прямо передо мной, и ея свѣтъ наполнялъ всего меня, и казалось, что въ душѣ моей такъ же свѣтло, какъ и вездѣ кругомъ въ громадномъ мірѣ.

И когда я пришелъ домой, я потянулся въ постели такъ, что затрещала кровать, и ясно и сознательно увидѣлъ, что мнѣ незачѣмъ возвращаться къ женѣ, что то, что она чувствуетъ, что «надо» любить и жалѣть ее, что надо заботиться о будущемъ ребенкѣ именно потому, что это надо,—вовсе не касается меня, не имѣетъ никакой связи въ тѣмъ жгучимъ и могучимъ любопытнымъ желаніемъ жить, которое прекрасно, сильнѣе меня, есть я самъ.

И сколько я, изъ трусливой жалости, ни старался вспомнить жену любимою, дорогою, нужною, сколько ни старался разжалобить себя, мнѣ все скучно и ничтожно вспоминалась она такою, какою была уже женой. А мнѣ было жгуче пріятно вспомнить всѣ встрѣчи наши, когда между нами ничего, кромѣ страсти, случайной и свободной, не было.

И въ эту ночь не разъ и послѣ мнѣ снилось, что я лежу съ нею на мокро-тепловатой травѣ, обнимаю мяг-

кое, податливое тѣло, смотрю въ странно-поблескивающіе глаза, и широкая, полная, круглая луна точно подошла близко-близко и тутъ сейчасъ же сквозь тоненькія, чеканящіяся на ней черныя вѣточки, неподвижно и таинственно, въ упоръ глядитъ на насъ. Глядитъ, молчитъ и все молчитъ.

Во всемъ было острое, тревожное и неизмѣримо полное наслажденіе, и казалось, что времени больше нѣтъ. А потомъ все пропадало, приходили какіе-то люди, было душно и жаль чего-то.

VIII.

Послѣ того я видѣлъ жену только два раза.

Первый разъ, когда она пріѣхала за мной, остановилась у какихъ-то знакомыхъ и пришла ко мнѣ. Она недавно родила и была еще худая и блѣдная, съ большими темными глазами, которые смотрѣли недоумѣло и пугливо. И мнѣ было жаль ее, хотѣлось приласкать и обнять, я чувствовалъ къ ней сладострастное влеченіе и нѣжность. Мы стояли въ темныхъ сѣняхъ, и не знаю, что я говорилъ ей. Что-то очень сбивчивое и совсѣмъ не выражающее того, что я чувствовалъ и хотѣлъ сказать. Наконецъ, она спросила страннымъ, срывающимся голосомъ:

— Значитъ, кончено?..

Я молчалъ, а она отвернулась, стала передъ какой-то кадкой на колѣни и изо всей силы укусила себя за руку.

Все сердце у меня разрывалось отъ любви и жалости; я зналъ, что мнѣ жаль вовсе не того, что она теряетъ мужа, и зналъ еще я, что если обниму ее, скажу хоть одно ласковое слово, то это не исправитъ ничего и не поможетъ ничему, а сдѣлаетъ все такимъ же нуднымъ, тяжелымъ, душнымъ, какъ было раньше.

Потомъ я не видалъ ее три года, а только, безъ писемъ, посылалъ ей деньги на ребенка. Это я дѣлалъ не изъ жалости и не потому, что это было нужно, а потому, что это мнѣ казалось справедливымъ, и, дѣлая такъ, я чувствовалъ себя совершенно спокойнымъ.

Мнѣ пришлось побывать въ томъ городѣ, гдѣ жила она зимой. Когда поѣздъ подходилъ къ полустанку, я прижался лбомъ къ холодному стеклу и далеко внизу, подъ насыпью, увидѣлъ покрытое бѣлымъ, ровнымъ, печальнымъ снѣгомъ безконечное поле и прижавшійся къ бѣлой насыпи смутный остовъ знакомой рощицы, уныло, какъ призракъ, шевелящейся въ бѣлой мглѣ.

И тутъ мнѣ захотѣлось увидѣть жену такъ, что прямо съ вокзала я поѣхалъ къ ней.

Жены не было дома, и я долго ждалъ ее въ пустоватой, мало женской комнатѣ, съ узкой желѣзной кроватью. На столѣ стояла карточка незнакомаго мнѣ студента съ красивымъ и преувеличенно смѣлымъ, но не оригинальнымъ лицомъ, а подъ нею я нашелъ альбомъ стиховъ, подписанныхъ именемъ, ничего мнѣ не говорившимъ.

Внутри меня было радостное, немного смущенное ожиданіе и живой интересъ къ тому, что и какъ должно произойти.

Она пришла одна и прямо, въ шубкѣ и шапкѣ, подошла ко мнѣ. Лицо ея красиво и свѣжо румянилось отъ мороза, и отъ нея пахло свѣжестью, холодомъ и слабыми духами. Было видно, что она, какъ и я, не знаетъ, что дѣлать и внутренно боится меня.

— Здравствуйте, — сказалъ я притворно-простымъ голосомъ и протянулъ руку.

Она задумалась на минуту, но все-таки протянула свою, мягкую, знакомую, съ длинными, тонкими пальцами.

— Что вамъ угодно? — спросила она, и губы у нея вздрогнули и опустились.

— Ничего,—отвѣтилъ я и сразу почувствовалъ, что во всемъ этомъ нѣтъ никакого трагизма, что все это просто, интересно, а, значитъ, и хорошо, хотя и кажется трудно и неловко.

Она опять подумала, и въ остановившихся на мнѣ темныхъ глазахъ была видна смутная мысль. Потомъ она встряхнула головой, сняла шапочку и шубку, бросила на кровать и стройно стала передо мною въ двухъ шагахъ.

— Ну, какъ поживаете?—улыбнулся я.

— Хорошо, — коротко отвѣтила она, и лицо у нея не измѣнило выраженія смутной мысли и насторожившагося вопроса.

Я молчалъ и улыбался. Я очень радъ былъ ее видѣть, слышать знакомый, такъ милый когда-то голосъ. И мнѣ было досадно и странно, что она не понимаетъ того, что понимаю я, и не дѣлается такой же простой, весело спокойной.

— Кто это? — спросилъ я, беря со стола карточку.

Жена помолчала.

— Мой любовникъ, — жестко и мстительно отвѣтила она потомъ, и по мгновенно вспыхнувшимъ и отвердѣвшимъ глазамъ я увидѣлъ, что именно съ этой минуты, потому что сказала это, она уже ненавидѣла меня и мстила.

— Развѣ?—спросилъ я.

— Да, — съ жестокой и мстительной радостью повторила она, не двигаясь съ мѣста и не мѣняя позы.

— Ну, и что же, счастливы?

— Да, счастливы, очень, — ударила она сквозь зубы.

— Ну и слава Богу, — сказалъ я.

Я въ самомъ дѣлѣ былъ почти радъ и не желалъ ей ничего, кромѣ счастья.

Но она вдругъ вспыхнула вся и изо всей силы стиснула зубы. Ей было больно и обидно, что я спокоенъ.

— Вотъ видите, — сказалъ я, — если бы мы съ вами разошлись тогда, раньше... послѣ рощи, мы бы увидѣлись теперь, какъ старые друзья... потому что за что же намъ было бы ненавидѣть другъ друга? Не за то же наслажденіе, которое мы доставили себѣ?.. А вотъ именно потому, что мы были мужемъ и женою, потому что у насъ есть общій ребенокъ, вы меня ненавидите... и глупо это и жалко!

— Вы думаете? — съ злобной и растерянной ироніей спросила она, и сложила руки на груди, крѣпко сжавъ пальцы.

— Еще бы я этого не думалъ!.. И сколько въ одномъ человѣкѣ можетъ быть злости и глупости!.. Вѣдь вы меня не любите теперь?

— Конечно.

Странно было, что лицо у нея было такое же неподвижное, злое и мстительное.

— За что же вы меня теперь ненавидите?

Она вдругъ безсильно опустила руки, отошла, сѣла на кровать и заплакала. И сразу стала маленькой и жалкой.

— Я головой о стѣну билась тогда... — проговорила она.

Я всталъ и подошелъ къ ней со жгучимъ желаніемъ приласкать и утѣшить...

— А если бы я тогда остался?.. Ну, прошелъ бы годъ, два, десять... вѣдь надоѣли же бы мы другъ другу... ну, не надоѣли, такъ успокоились бы... обратились бы въ скучную, однообразную супружескую чету... и вся жизнь была бы кончена.

Я говорилъ и взялъ ее за руку. Она смотрѣла на меня снизу вверхъ сквозь спутавшіеся волосы и слезы, текущія по покраснѣвшимъ и сразу вспухшимъ щекамъ.

— А вотъ теперь и вы любите кого-то... опять переживаете все то, что пережили мы вмѣстѣ... Помните?.. И я тоже... Теперь у насъ впереди какъ разъ столько жизни, сколько молодости и силы. Мы не убиваемъ и не укорачиваемъ жизни. А останься я тогда, все свелось бы только къ воспитанію младенцевъ, да къ ожиданію смерти... Личная жизнь была бы завершена, кончена, а вы не можете себѣ представить весь ужасъ этого!.. Это смерть, гніеніе заживо!.. Было бы страшно, скучно, мертво... И при всемъ томъ мы все-таки были бы еще молоды, сильны, хотѣли бы жить, страстно хотѣли бы. Мы, какъ и всѣ люди, родились въ разной обстановкѣ, жили разно, были и есть существа совершенно различныя, съ разной душой,—имѣли двѣ разныя жизни, и ихъ нельзя было привести къ одному знаменателю, не исковеркавъ вконецъ.

— А... — начала она и не договорила.

Я молчалъ, и мнѣ было хорошо отъ того, что я сказалъ. Жена задумалась, уставившись черными, еще блестящими отъ слезъ глазами въ уголъ.

— Что жъ... можетъ быть, вы и правы... — вдругъ сказала она и тяжело вздохнула, потомъ неожиданно, робко взглянула на меня и улыбнулась.—Можетъ быть, къ лучшему... теперь, а...—она опять не договорила.

Потомъ встала и долго поправляла волосы, а я ждалъ.

— А дѣти? — не поворачиваясь, спросила она.

— Ну, что дѣти... — спокойно и серьезно возразилъ я: — они всегда счастливѣе съ матерью чѣмъ съ отцомъ.

— Но нуженъ же имъ все-таки отецъ?

— Зачѣмъ? — удивился я. — Спрашиваетъ ли когда-нибудь обо мнѣ мой?

— Теперь, конечно, нѣтъ...

— И не спроситъ никогда, если ему не внушить безсмысленной и глупой мысли, что стыдно не имѣть подъ

бокомъ отца. Если, выросши, пожелаетъ онъ увидѣть меня... такъ, изъ любопытства, пусть... мы, можетъ быть, будемъ друзьями.

— Матеріальныя условія? — тихо спросила опять жена.

— Что объ этомъ говорить!.. Иначе было бы слишкомъ тяжело для женщины... А любить?.. Вы поймите, что любовь приходитъ безъ нашего вѣдома, не по закону... Вѣдь это банальнѣйшая истина, и приходится ее напоминать всѣмъ каждую минуту. Странно!..

— Хотите чаю? — вдругъ спросила она, поворачиваясь.

Я засмѣялся.

— Хочу.

И она засмѣялась, и стала вдругъ такой близкой, простой, доброй, милой.

— А мнѣ вѣдь сейчасъ, передъ вами, было ужасно весело, — проговорила она, — и въ самомъ дѣлѣ... что... то-есть, что собственно случилось непоправимаго? Какъ болѣзнь, такъ... Есть и лучше васъ, есть! И жизнь хороша вообще... Это такъ только.. не могу я такъ легко смотрѣть, какъ вы!

— Жаль, — сказалъ я.

— Да, жаль, — встряхнула она головой и тяжело вздохнула.

Черезъ два часа, когда я уходилъ, просто и дружелюбно простившись съ ней, въ воротахъ столкнулся со мною высокій и красивый студентъ, котораго я сейчасъ же узналъ. Онъ посторонился, посмотрѣлъ на меня равнодушно и прошелъ. На одну секунду гдѣ-то въ глубинѣ меня шевельнулось дурное, ядовитое, какое-то гнилое и противное мнѣ самому чувство, но сейчасъ же и прошло. Мнѣ захотѣлось сказать ему что-то бодрое и веселое, ударить по плечу, улыбнуться. Стало радостно и легко.

«Ревность, самолюбіе... — подумалъ я, уходя: — всѣ смѣются надъ ними, а какъ трудно стать выше ихъ... такъ трудно, что вѣря, всѣмъ сердцемъ вѣря, что это дурное чувство, страшно сознаться, что его нѣтъ!»

Я шелъ по пустыннымъ, длиннымъ улицамъ, облитымъ холоднымъ голубымъ серебромъ луннаго свѣта и перерѣзаннымъ рѣзкими черными тѣнями отъ домовъ, деревьевъ и телеграфныхъ столбовъ, и чувствовалъ себя такъ легко, точно свалилась съ меня какая-то огромная прилипчивая тяжесть. Я былъ радъ за жену, за себя, за всякаго человѣка, который можетъ свободно, смѣло и весело жить.

Я поднялъ глаза къ небу, и передо мною всталъ огромный міръ, необозримый бездонный просторъ, залитый милліонами сверкающихъ звѣздъ и потоками радостнаго, живого, безконечнаго свѣта.

1904 г.

УЖАСЪ.

I.

По обыкновенію весь вечеръ Ниночка провела у старичковъ Иволгиныхъ. Ей было хорошо, весело у нихъ, и потому, что у старичковъ было свѣтло и уютно, и потому, что отъ молодости, радости и надеждъ, наполнявшихъ ее съ ногъ до головы, ей вездѣ было весело. Все время она болтала о томъ, какъ удивительно ей хочется жить и веселиться. Часовъ въ одиннадцать она собралась домой, и провожать ее пошелъ самъ старичокъ Иволгинъ.

На дворѣ было темно и сыро. Отъ рѣки, невидимой за темными, смутными силуэтами избъ и сараевъ, слитыхъ въ одну и призрачную, и тяжелую черную массу, дулъ порывистый, сырой и упругій вѣтеръ, и слышно было, какъ грозно и печально гудѣли вербы въ огородахъ. На рѣкѣ что-то сопѣло, медленно ползло съ тягучимъ нарастающимъ шорохомъ, и вдругъ разсыпалось съ страннымъ звономъ, трескомъ и всхлипываніемъ.

— Ледъ тронулся,—сказалъ Иволгинъ, съ трудомъ шагая противъ вѣтра.

Вѣтеръ рвалъ и моталъ полы его шинели и юбку Ниночки и откуда-то брызгалъ въ лицо мелкими холодными каплями.

— Весна идетъ! — весело и звонко, какъ все, что говорила, отвѣтила Ниночка.

И дѣйствительно, казалось, что во мракѣ ночи кто-то идетъ по рѣкѣ, по воздуху, по вѣтру. Идетъ властный, могучій, теплый и сырой.

— Вотъ скоро вы и домой! — сказалъ Иволгинъ, только для того, чтобы сдѣлать пріятное милой дѣвушкѣ, такой молодой, такъ веселой, доброй и нѣжной, всегда возбуждавшей въ его старомъ сердцѣ особенное и теплое, и радостное, и грустное чувство.

— Да, теперь, слава Богу, скоро уже! — отворачиваясь отъ вѣтра, прокричала Ниночка, и голосъ ея радостно и сладко вздрогнулъ.

Они прошли темную и мокрую улицу и повернули на площадь. Тамъ было пусто и вѣяло холодомъ, какъ изъ погреба. У ограды церкви еще лежалъ талый снѣгъ и смутно бѣлѣлъ въ сѣроватой мглѣ. За церковью, едва видной изъ темныхъ голыхъ деревьевъ, точно черными костями шуршащихъ верхушками, выдвинулся большой кирпичный съ голыми углами домъ и взглянулъ прямо имъ въ глаза двумя яркими освѣщенными, зловѣщими отъ общей тьмы, окнами.

— А кто-то пріѣхалъ, — съ любопытствомъ сказала Ниночка.

Они дошли до воротъ, заглянули во дворъ, темный и глухой, откуда дохнуло въ лицо теплымъ мокрымъ навозомъ, и остановились подъ крыльцомъ школы.

— Ниночка протянула руку. Иволгинъ дружески пожалъ ея маленькіе нѣжные пальцы своей старой ладонью и сказалъ:

— Спокойной ночи, маленькое счастье!

Надвинувъ ушастую фуражку на уши и торопливо перебирая палкой, онъ пошелъ назадъ, оглянулся на окна, мелькнулъ согнутой спиной въ полосѣ ихъ яркаго свѣта и ушелъ въ сѣрую вѣтреную мглу.

Ниночка торопливо поднялась на крыльцо и постучалась въ темное окно. Кто-то вышелъ изъ воротъ и, тяжело шагая по лужамъ, подошелъ снизу къ крыльцу.

— Это ты, Матвѣй?—спросила Ниночка.—Ключъ у тебя?.. Кто пріѣхалъ?..

— Я, барышня,—сипло и хрипло отвѣтилъ черный человѣкъ.

— У тебя ключъ?

— Тутъ...

Матвѣй, скрипя ступеньками, поднялся на крыльцо, протиснулся мимо Ниночки и открылъ дверь. Тихо скрипнувъ, она тяжело осѣла въ черную тьму. Запахло хлѣбомъ.

— Кто пріѣхалъ?—опять спросила Ниночка.

Матвѣй молчалъ.

— Слѣдователь съ докторомъ, да становой... Въ Тарасовкѣ мертвое тѣло объявилось...

Ниночка ощупью прошла сѣни, вошла въ классную и долго искала спичекъ.

— Куда я ихъ всегда засуну!..

Матвѣй стоялъ гдѣ-то въ темнотѣ и молчалъ.

Ниночка нашла спички и зажгла лампу. Слабый свѣтъ, дрожа и замирая, расплылся по комнатѣ, уставленной похожими на гробы партами.

— Мнѣ, барышня, надо за лошадьми на пошту итти и чтобъ понятыхъ въ Тарасовку тоже...

— Ночью? — удивилась Ниночка, стоя передъ нимъ съ лампой.

Матвѣй повелъ шеей и вздохнулъ.

— Вы бы, барышня, лучше къ батюшкѣ, что ли, пошли, а то дюже пьяные. Орутъ, спать вамъ не дадутъ, гляди.

— Ничего, — отвѣтила Ниночка: — а развѣ очень пьянствуютъ?

— Да извѣстно, — не то съ досадой, не то съ зави-

стью неохотно отвѣтилъ Матвѣй и опять вздохнулъ.— Цѣлый вечеръ безъ передыху пили... Вы бы, пра, къ батюшкѣ... А то это у нихъ на цѣлую ночь...

— Ничего,—опять отвѣтила Ниночка.

Матвѣй неодобрительно помолчалъ.

— Ну, такъ я пойду, значитъ.

Ниночка проводила мужика, заперла за нимъ дверь на засовъ, прошла въ классную и ушла съ лампой въ свою комнату.

И сейчасъ же изъ-за запертой и завѣшенной ковромъ двери, которая отдѣляла комнату Ниночки отъ комнаты «для пріѣзжающихъ чиновниковъ», она услышала громкій, совсѣмъ пьяный смѣхъ, звонъ стекла и скрипѣніе дивана. Изъ-подъ двери сильно тянуло табакомъ и еще чѣмъ-то тяжелымъ и горячимъ.

Ниночка отворила форточу, съ любопытствомъ оглянулась на дверь и, наставивъ ухо, прислушалась.

— Ладно, ладно... знаемъ мы васъ!.. А самъ, небось, давно ужъ зондировалъ... — кричалъ кто-то грубымъ и непріятнымъ голосомъ.

— Тише, ты! — захлебываясь пьянымъ и тупымъ смѣхомъ, сказалъ другой.

И всѣ трое захохотали такъ, что дверь задрожала.

— Нѣтъ, ей-Богу, господа, всего только одинъ разъ...

Ниночкѣ вдругъ стало отчего-то обидно и тяжело, хотя она ничего и не поняла. Смущенно и нерѣшительно она отошла къ столу.

«И правда, лучше бы остаться ночевать у Иволгиныхъ», пугливо и брезгливо подумала она.

За стѣной кричали, шумѣли, двигали стульями и иногда, казалось, начинали драться, какъ дикіе звѣри въ клѣткѣ.

Ниночка старалась не слушать. Она задумчиво сидѣла у стола, смотрѣла на огонь лампы и думала:

«А еще говорятъ, что образованіе смягчаетъ чело-

вѣка... Наши мужики не стали бы такъ орать... Вѣдь знаютъ же они, что я здѣсь... Нѣтъ, скверный человѣкъ отъ образованія становится еще сквернѣе... точно онъ нарочно все это дѣлаетъ».

Потомъ она стала думать, что къ концу апрѣля уже можно будетъ уѣхать.

«Хоть бы уже скорѣе... устала!»

И Ниночка безсознательно дѣлала усталое, скучное лицо, но вмѣсто того ей представлялось что-то веселое и свѣтлое, впереди мелькали какія-то интересныя лица, открывался какой-то широкій и яркій просторъ, и губы ея тихо и радостно улыбались потемнѣвшимъ задумчивымъ глазамъ.

Кто-то вдругъ дробно и отчетливо постучалъ въ дверь.

Ниночка вздрогнула и подняла голову.

— С... сударыня, — такъ близко, точно въ этой комнатѣ, громко прокричалъ кто-то: — нельзя ли у васъ с...свѣчечкой одолжиться... у насъ лампа тухнетъ.

Ниночка застѣнчиво улыбнулась, какъ-будто ее могъ видѣть говорившій, и такъ же застѣнчиво отвѣтила:

— Ахъ, пожалуйста...

Она встала, торопливо порылась въ комодѣ, достала свѣчу и подошла къ двери. Задвижка была на ея сторонѣ, Ниночка отодвинула ее, чуть-чуть пріотворила дверь и просунула въ щелку руку.

— Вотъ возьмите, пожалуйста.

— Тысяча бл-а-дарностей, сударыня... — неестественно вѣжливо и пьяно путаясь, проговорилъ тотъ же голосъ, и Ниночкѣ показалось, что онъ расшаркался, но свѣчи не бралъ. Ниночка держала руку за дверью и смущенно двигала свѣчей. Ей послышалось, какъ-будто кто-то хихикнулъ, и вдругъ почувствовала, что вблизи ея руки гадко, тайно и молчаливо дѣлается что-то. Но, прежде чѣмъ она успѣла сообразить что-нибудь, потная

пухлая рука взяла свѣчу, съ фривольной любезностью слегка прижавъ кончики пальцевъ Ниночки къ скользкому холодному стеарину.

— Мерси, мерси, сударыня, — торопливо и еще болѣе неестественно проговорилъ тотъ же голосъ.

— Не стоитъ, право, — машинально отвѣтила Ниночка и втянула руку обратно.

Въ сосѣдней комнатѣ какъ-будто затихло. Слышалось только смутное, сдержанное гудѣніе.

Ниночка успокоилась, сѣла на кровать, устало вздохнула и стала раздѣваться. Она сняла башмаки, юбку и кофточку и осталась сидѣть въ одной рубашкѣ и длинныхъ черныхъ чулкахъ съ голубыми резиновыми подвязками. Плотно обтянутыя чернымъ ноги казались мило маленькими и дѣтски нѣжными, руки, тоненькія и круглыя, наивно блестѣли. Она стала причесываться на ночь: выбрала шпильки на колѣни, начала плести косу.

— Сударыня,—опять раздался за дверью голосъ,— мы пьемъ чай... можетъ, вы желаете съ нами чашечку?

Голосъ былъ тотъ же пьяный, неестественно галантный, но что-то новое, безпокойное, послышалось въ немъ: казалось, что при каждомъ словѣ у говорившаго жадно и тревожно раздувались ноздри.

— Нѣтъ, спасибо! — испуганно отвѣтила Ниночка, хватаясь за одѣяло.

Голосъ умолкъ, и наступила тишина. Одну секунду казалось, что все молчитъ, но потомъ въ форточку стало слышно далекое шуршаніе и сопѣніе на рѣкѣ. Вѣтеръ рванулъ ставню и прогудѣлъ по крышѣ, откуда посыпалось что-то и съ стекляннымъ звономъ разбилось внизу. Должно быть, сорвалась ледяная сосулька.

Нина тихо, почти крадучись, будто стараясь спрятаться, легла и натянула на себя одѣяло до самаго подбородка. Глаза у нея округлились и съ непонятнымъ, но холоднымъ ужасомъ, не моргая, смотрѣли на дверь,

а въ головѣ, точно вспугнутыя птицы, быстро и странно кружились мысли:

«Надо бѣжать... Хоть бы Матвѣй пришелъ...»

Но вмѣсто того, чтобы бѣжать, она боялась пошевельнуться, крѣпче притягивая къ подбородку одѣяло судорожно зажатыми пальцами и стараясь себя успокоить:

«Чепуха, пьяные... что они могутъ сдѣлать... не посмѣютъ же они войти...»

Ей казалось, что это такъ просто и несомнѣнно, но въ эту же минуту она уже чувствовала приближеніе чего-то невѣроятнаго, нелѣпаго, но ужаснаго.

За дверью было тихо.

— Ну да... а задвижку-то, небось, оставила...—страшнымъ тихимъ шопотомъ прошепталъ кто-то близко-близко, точно надъ самымъ ухомъ Ниночки. И отъ этого шопота, ужаснаго именно тѣмъ, что онъ былъ еле-еле слышенъ, а она услышала его такъ, точно кто-то прокричалъ пронзительно и громко, смертный страхъ ударилъ въ голову Ниночки.

— А чѣмъ мы рискуемъ?.. — вошелъ въ ея ухо тотъ же острый шопотъ, и въ ту же минуту послышался странный, осторожный и зловѣщій шорохъ. Какъ-будто за ковромъ кто-то тихо, чуть дыша, пробовалъ отворить дверь. Все хлынуло и закружилось въ головѣ Ниночки, страшный животный ужасъ охватилъ ея тѣло и душу, какая-то острая и яркая мысль объ ужасной, невѣроятной безсмыслицѣ и о неизбѣжности освѣтила, казалось, весь міръ, и какъ-будто, кто-то бросилъ ее. Ниночка вскочила и стала возлѣ кровати полуголая, маленькая и остро-красивая, какъ звѣрекъ.

Коверъ тихо зашевелился, и изъ-за него, въ тѣни, выступила и стала какая-то неопредѣленная и тяжелая тѣнь.

— Кто... что вамъ!.. Уйдите, я закричу!.. — проговорила Ниночка жалкимъ, дрожащимъ голосомъ.

Тѣнь вдругъ качнулась, шагнула, и большой красный тяжелый человѣкъ не то упалъ, не то вошелъ въ комнату. И сейчасъ же за нимъ выдвинулась другая тѣнь и третья.

— А... мы пришли... поблагодарить васъ за свѣчку... и... вообще... можетъ-быть, вамъ скучно... такая прекрасная дѣвица и вдругъ... — нелѣпо и страшно заговорилъ человѣкъ, и по его круглымъ и жирнымъ, лишеннымъ человѣческаго выраженія, глазамъ Ниночка увидѣла и поняла, что онъ пьянъ и еще что-то, послѣднее и неизбѣжное уже. И метнувшись, какъ ущемленная, она дико и остро закричала:

— Помогите!!.

— Тсс... ты! — испуганно свистнулъ кто-то.

Потомъ огромный, тяжелый и горячій навалился на нее и всѣмъ тѣломъ придавилъ поперекъ кровати. Кто-то потными твердыми пальцами крѣпко схватилъ голую ногу выше колѣна и отталкивалъ въ сторону, что-то нетерпѣливо бормоча и мокро задыхаясь отъ накатившей злобы безудержно сорвавшагося вожделѣнія...

II.

Они сразу отрезвѣли, когда все было кончено, и они пресытились, и тогда весь ужасъ содѣяннаго предсталъ передъ ними, холодный и растерянный.

На дворѣ уже сѣрѣло, лампа тухла, въ комнатѣ было душно и гадко. Подушки валялись на полу, одѣяло было сбито въ ногахъ. Вмѣсто рубашки на Ниночкѣ были одни лохмотья, и она лежала голая, вся въ ссадинахъ и синякахъ, извивалась, билась, плакала и кричала, и была уже не красива, а жалка и страшна, можетъ быть, даже омерзительна.

Блѣдный, длинный становой, въ одной рубашкѣ и рейтузахъ держалъ ее на кровати, навалившись попе-

рекъ всѣмъ тѣломъ, и зажималъ ей ротъ. Докторъ и слѣдователь стояли возлѣ, нелѣпо толклись на мѣстѣ. Руки у нихъ вздрагивали, глаза мутно ширились, лица странно сѣрѣли въ сумракѣ утра.

— Послушайте, голубушка... вѣдь теперь уже все равно... не воротишь... Послушайте... Вѣдь ужъ все равно теперь, поймите... — твердили всѣ трое, перебивая другъ друга то разомъ, трусливо и растерянно замолкая.

Но Ниночка, въ которой уже не было ничего прежняго, мягкаго, нѣжнаго, милаго, а только жалкое, изуродованное, грязное, извивалась въ рукахъ станового, рвалась и, безумно закативъ глаза, кричала.

— Что съ ней теперь дѣлать!? — съ отчаяніемъ и трусливой злобой сквозь зубы проговорилъ слѣдователь.

Въ деревнѣ уже слышался неопредѣленный отдаленный шумъ. Подъ самымъ окномъ три раза громко и бодро прокричалъ пѣтухъ.

— А!..—пронзительно крикнула Ниночка, вырвавъ ротъ изъ-подъ руки станового, и вдругъ его лицо исказилось страшной животной злобой, — съ безпощадной увѣренной силой онъ схватилъ ее за лицо и страшно сжалъ, скомкалъ, такъ что слюна и кровь облѣпили его пальцы. Съ секунду они смотрѣли другъ другу въ глаза, въ упоръ, какъ бы сливаясь въ одинъ острый взглядъ, и страшенъ былъ этотъ взглядъ и нечеловѣченъ.

— А ну, ну... зак-крич-чи! — съ безсмысленнымъ торжествомъ прошипѣлъ онъ.

III.

Было ясное, солнечное утро. Отъ домовъ и заборовъ еще лежали длинныя мокрыя тѣни, а тамъ, гдѣ свѣтило солнце, ослѣпительно сверкали лужицы и затоптанныя въ мерзлую грязь соломенки блестѣли, какъ золотыя. На

школьномъ дворѣ было уже пусто, и виднѣлись только ровные слѣды колесъ, оставшіеся на мокрой землѣ. Въ комнатѣ для пріѣзжающихъ была сдвинута вся мебель, кромѣ дивана, аккуратно и твердо стоявшаго поперекъ двери, валялись бутылки, мутные стаканы, куски размокшаго отвратительнаго пепла, растоптанные окурки. Было странно думать, что здѣсь были люди. За дверью, въ комнатѣ Ниночки, было тихо и неподвижно, и, казалось, ея плотно запертыя половинки, какъ крѣпко стиснутые зубы, молчаливо хранятъ тайну.

Часовъ до одиннадцати возлѣ крыльца школы толпились мальчишки и дѣвчонки, гонялись другъ за другомъ, толкались, дрались и звонко кричали, будто стая воробьевъ. А въ одиннадцать часовъ наступила внезапная, тревожная и зловѣщая тишина. Кто-то, тяжело и отчетливо ступая ногами, съ страшной вѣстью пробѣжалъ по улицѣ, и улица ожила. Все зашевелилось, со всѣхъ сторонъ, точно изъ пустоты, появились и бѣжали къ школѣ люди, черные, испуганные и кричащіе. Прибѣжалъ старый Иволгинъ, толстый старшина и урядникъ. Дверь отворили, и въ тихую, навсегда, казалось, замолкшую, печальную комнату Ниночки шумно ворвались люди съ чужими, испуганно любопытными глазами.

Было тутъ тихо и печально и говорило молчаливымъ скорбнымъ языкомъ о невѣдомомъ, страшномъ концѣ жизни. Все было прибрано, видимо, на-скоро и неумѣло, чужими руками; мебель была разставлена въ слишкомъ рѣзкомъ порядкѣ, кровать убрана, какъ давно брошенная и забытая, платье Ниночки сложено на стулѣ черезчуръ аккуратно, лживо. И пахло въ комнатѣ чуть замѣтнымъ, почти неуловимымъ, но страшно неподвижнымъ запахомъ.

Ниночка въ чистой бѣлой рубашкѣ, съ еще неразгладившимися складочками и еще пахнущей мыломъ, висѣла въ углу комнаты на вѣшалкѣ, съ которой было

снято все платье. Тоненькія руки, уже зеленоватыя и безпомощныя, висѣли вдоль тѣла, ноги въ черныхъ чулкахъ съ голубыми подвязками, неестественно выгнулись, точно мучительно стремясь къ землѣ, а голова была закинута назадъ, огромная, раздутая, синяя, съ нечеловѣческими стеклянными глазами, съ шершавымъ синимъ языкомъ, горбомъ вставшимъ въ мертвомъ, холодномъ рту, съ застывшей грязно-кровавой пѣной на синихъ губахъ и съ выраженіемъ ужаса и боли, уже непонятныхъ, невообразимыхъ живому человѣку.

Дико кричалъ старикъ Иволгинъ, безумно кричали, безтолково говорили, точно внезапно сошедшіе съ ума, люди, ходилъ по улицѣ тяжелый слышимый вздохъ и расплывался въ сплошной черной массѣ народа, навалившагося на крыльцо. Не было конца и мѣры ужасу и омерзѣнію, и росла ищущая месть.

IV.

Становой, слѣдователь и докторъ пріѣхали на другой день къ вечеру не вмѣстѣ, а порознь. Было еще свѣтло, но тѣни уже стали вытягиваться, и въ нихъ забѣлѣлъ тоненькій хрустящій ледокъ. Изъ волости пошли въ школу, вокругъ которой было уже пусто и стояли только двое безличныхъ десятскихъ съ яркими бляхами. Чиновники молча поднялись на крыльцо и вошли въ школу. Толстый, пухлый докторъ тяжело дышалъ и безтолково шевелилъ пальцами, какъ придавленное животное царапаетъ землю; худой, высокій становой шелъ впереди, и лицо у него было твердое, какъ камень, рѣшительное и увѣренное; а слѣдователь держался въ сторонѣ, и тонкая бѣлая шея подъ его маленькимъ нахальнымъ лицомъ съ закрученными свѣтлыми усиками ежилась и втягивалась въ плечи.

Становой первый вошелъ въ комнату и прямо подошелъ къ трупу Ниночки, неподвижно и холодно сквозившему сквозь простыни. Одну секунду онъ смотрѣлъ ей прямо въ страшное мертвое лицо, потомъ отвернулся и глухо, желѣзнымъ голосомъ сказалъ:

— Тащи...

Оба десятскіе проворно бросили шапки за дверь и, осторожно топоча лаптями, подошли къ кровати. Руки у нихъ дрожали, и ужасъ, и жалость видны были даже на согнутыхъ, напряженныхъ спинахъ, но дыханіе ихъ было тупо и покорно.

— Живѣе,—съ тѣмъ же глухимъ и привычно твердымъ голосомъ сказалъ становой.

Мужики засуетились. Черныя ножки дрогнули, поднялись и безпомощно опустились внизъ. Изъ-подъ локтя, покрытаго грубой, рыжей, какъ земля, дерюгой, выпала блѣдная зеленоватая ручка и свѣсилась къ полу.

— Выноси на дворъ, въ сарай...

Мужики двинулись, стали, опять двинулись и, перехватывая руками, понесли вонъ что-то, казалось, страшно тяжелое и хрупкое.

И когда черныя ножки, странно вытягиваясь впередъ, выдвинулись изъ дверей школы на крыльцо, тотъ же тяжелый, подавленный вздохъ ужаса и недоумѣнія пошелъ по улицѣ, вдругъ освѣтившейся сотнями широко открытыхъ глазъ.

— Разгоните народъ, — быстро и съ ужасомъ, задыхаясь, проговорилъ докторъ надъ ухомъ становового.

Становой выпрямился. Лицо у него стало властное и холодное, и громкимъ голосомъ онъ крикнулъ:

— Вы еще чего тутъ... Расходись маршъ!..

Толпа молча зашевелилась, поежилась, колыхнулась и стала.

— Расходись, расходись! — вдругъ нестройно и пу-

гливо закричали урядникъ и десятскіе, махая на толпу руками.

Ниночку уже донесли до сарая и тамъ опустили на подмерзлый твердый помостъ. Маленькая мертвая головка тихо качнулась и замерла.

Одинъ изъ десятскихъ, русый и блѣдный, пугливо перекрестился.

Становой мелькомъ взглянулъ на него и машинально сказалъ:

— Ступай вонъ... Зови понятыхъ.

Лицо мужика съежилось, какъ-будто ушло куда-то внутрь, и тупой страхъ микроцефала выступилъ на его лицѣ изъ-за свѣтлой и прозрачной жалости.

V.

Послѣ вскрытія докторъ и слѣдователь молча сидѣли въ волостномъ правленіи. На дворѣ уже стояла беззвѣздная ночь и черно смотрѣла въ окно. Въ темной прихожей, казалось, кто-то стоялъ и слушалъ.

— Ахъ, Боже мой, Боже мой! — тихо вздохнулъ докторъ, скручивая папироску толстыми, какъ-будто позабывшими, какъ это дѣлается, пальцами.

Слѣдователь быстро взглянулъ на него и заходилъ по комнатѣ.

Обоимъ было невыносимо страшно и казалось невозможно посмотрѣть другъ другу въ глаза. Въ отяжелѣвшихъ головахъ, ставшихъ вдругъ огромными и болѣзненно-пустыми, какъ у сумасшедшихъ, воспоминанія проносились скачками и зигзагами. Они были безформенныя, но острыя, какъ ножи.

Минутами казалось доктору, что все это «такъ», ошибка, ошибка поправимая, что все это кончится, пройдетъ, и опять будетъ такъ же хорошо, весело и удобно жить, какъ и прежде. Но вдругъ наплывалъ огненный пе-

понятный туманъ: хорошенькая голая женщина, въ черныхъ чулкахъ съ голубыми подвязками, женщина, которая мгновеніе, была только вещью, съ которой дѣлали они, что хотѣли, съ безумнымъ наслажденіемъ, жестокостью, и властью терзая мягкое, сладострастное, жгучее тѣло вдругъ выплывала изъ тумана пьянаго безумія и забвенія—синимъ холоднымъ трупомъ. И жизнь исчезала, исчезала возможность жизни, будущій день проваливался въ черную дыру безысходнаго страха. Вставали какіе-то карающіе образы, знакомыя лица становились чужими и страшными, подымались надъ головой неизбѣжныя властныя руки, и сердце падало, замирая, въ бездну стыда и страха.

— Ахъ, Боже мой, Боже мой! — тоскливо вздыхалъ докторъ, умоляя о жалости, и ему хотѣлось развести руками, скорбно ударить себя въ голову и плакать.

А слѣдователь быстро ходилъ изъ угла въ уголъ, все скорѣе и скорѣе, и похоже было на то, будто онъ старается отъ кого-то убѣжать. За нимъ неотступно скрипѣлъ полъ, — кто-то невидимый, казалось, гонялся за нимъ. Въ круглой и гладко остриженной бѣлой головѣ его, какъ мыши, стремительно бѣгали черненькія мысли и торопливо искали выхода. Вздохи доктора раздражали его. Ему казалось, что вздыхать нечего и некогда, а надо теперь одно: выкручиваться. Холодная мысль о маленькой погибшей женщинѣ стояла въ темномъ углу его мозга, неподвижная и ненужная.

— Ахъ, Боже мой!—вздыхалъ докторъ.

Бѣшенство овладѣло слѣдователемъ. Ему казалось, что эти тяжелые вздохи виснутъ на его мысли, и, юркія, изворотливыя, онѣ безсильно ползаютъ и кружатся на одномъ мѣстѣ. Онъ быстро повернулся и, выкативъ маленькіе прозрачные, какъ студень, глаза, бѣшено крикнулъ:

— Что вы поете! Какого чорта, въ самомъ дѣлѣ!..

Вдругъ одна черненькая и юркая мысль выскочила и засверкала въ его глазахъ обманчивымъ, невѣрнымъ свѣтомъ.

— Самъ заварилъ кашу, а теперь и хнычетъ, какъ старая баба... — съ страшнымъ и зловѣщимъ выраженіемъ проговорилъ онъ, не глядя въ глаза доктору.

Докторъ понялъ и побагровѣлъ. Огромное круглое лицо его стало красно и блестяще, какъ раздутый шаръ. На всю комнату было слышно, какъ коротко и трудно задышалъ онъ.

— Что?.. Я?.. все я?.. — отрывистыми толчками, медленно поднимаясь на короткихъ ногахъ, заговорилъ онъ.

— Конечно, вы! — бѣшено встряхнувъ головой и лязкнувъ зубами, рванулся ему навстрѣчу слѣдователь.

Лампочка пугливо зашаталась на столѣ, и зеленый колпакъ, предостерегая, жалобно задребезжалъ. Свѣтъ падалъ внизъ, на разставленныя ноги и судорожно сжатые кулаки, а лица были въ тѣни, и только глаза тускло и страшно блестѣли.

— Я?—переспросилъ докторъ и подавился съ хрипомъ и визгомъ.

— Вы, вы, вы! — пронзительно и дико закричалъ слѣдователь.

— А кто первый сказалъ!—прохрипѣлъ докторъ.

— Я въ шутку сказалъ, а вы первый вошли!

— А кто билъ по головѣ, по головѣ!.. Я?..

— А кто сказалъ, что намъ бояться нечего!

Они стояли другъ противъ друга, съ искаженными въ страшныя гримасы лицами и потерявшими иное, кромѣ страха и ненависти, выраженіе круглыми глазами, и выкрикивали нагія и уродливыя, какъ фантомы, обвиненія. Въ ихъ потерявшихся душахъ и помутившихся разумахъ какъ-будто кричалъ одинъ невыносимо пронзительный голосъ, взывающій ради спасенія:

— Не я, не я... онъ, онъ, онъ!..

Было похоже на то, какъ лѣзутъ другъ другу на плечи, душатъ и колотятъ по головамъ попавшіе внезапно въ душный и узкій колодезь, полный страданія и страха.

Дверь стукнула, и, пугаясь звука, они сжались, поблѣднѣли и замолчали.

Вошелъ становой. На немъ была холодно-сѣрая шинель съ блестящими пуговицами, твердая шашка. Лицо казалось каменнымъ и глаза металлическими. И весь онъ — сѣрый и твердый.

Онъ подошелъ къ столу, оперся на него руками и сказалъ, глядя въ стѣну между ними:

— Сейчасъ начнемъ дознаніе...

И, не видя, но чувствуя, какъ они поблѣднѣли, онъ скривилъ на сторону губы и проговорилъ:

— А славно провели ночку... Жаль, дура попалась. Ну, ничего.

Онъ насмѣшливо посмотрѣлъ по очереди на того и другого и сурово, мѣняя голосъ, прибавилъ:

— Какъ бы тамъ ни было, а намъ не пропадать же изъ-за бабы... Надо выкручиваться. Что жъ?.. Вотъ я сейчасъ узналъ, что двое мужиковъ видѣли, какъ сторожъ Матвѣй Повальный выходилъ ночью изъ школы... А?..

— Ну, что жъ?..—беззвучно спросилъ докторъ.

И опять черная юркая мысль выскочила въ мозгу слѣдователя. Въ горлѣ у него вспыхнуло что-то радостное.

— Вотъ и спасеніе!.. Изнасилованія не будетъ, будетъ грабежъ... Грабежъ понятнѣе и не такъ громокъ!.. Понимаете?.. Сторожа сбить съ толку не трудно, я берусь... А изнасилованія не надо...

— Ага... — какъ-будто прислушиваясь къ чему-то отдаленному и вытянувъ длинную жилистую шею, протянулъ становой.

А слѣдователь торопливо, брызгая слюной и съ безумной быстротой бѣгая глазами, шепталъ и хватался за рукавъ сѣрой шинели.

По мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, чтобы свалить все на сторожа, толстый, вздутый докторъ какъ-будто слабѣлъ и раскисалъ. Новый ужасъ, — еще ужасъ! — вставалъ передъ нимъ, облеченный въ трусливую, рвущуюся рѣчь, и доктору казалось, что онъ не вынесетъ. И когда слѣдователь замолчалъ, докторъ грузно и безсильно опустился на стулъ, ударивъ локтями о столъ и закрывъ лицо толстыми пухлыми пальцами, глухо проговорилъ:

— Да вѣдь это... Господи, что же это такое!

Становой медленно повернулъ къ нему неподвижное желѣзное лицо.

— А что жъ дѣлать? — холодно спросилъ онъ.

— Да вѣдь за это каторга... За насъ невинный человѣкъ пойдетъ!

На личикѣ слѣдователя все сильнѣе и сильнѣе разыгрывалось что-то безудержно дикое, какой-то изступленный восторгъ спасшагося звѣря.

— Ну, такъ что же, — твердо и жестоко, такъ спокойно, какъ самое обычное, сказалъ становой.

— Это невозможно... я не могу! — простоналъ доктогъ, еще крѣпче прижимая пальцы къ лицу.

— Какъ это — не могу!—взвизгнулъ слѣдователь.

— Нѣтъ, не могу... — не открывая лица, покачалъ головою докторъ. И голосъ у него былъ скорбный, подавленный и глухой: — не могу...

— А могъ?!—крикнулъ слѣдователь.

— То... не знаю какъ... случилось... Ну, что жъ... А этого не могу!..—также глухо возразилъ докторъ.

— А, не можете? А въ каторгу на двѣнадцать лѣтъ.., —а? — съ безконечной ненавистью и кошачьимъ тор-

жествомъ, нагибаясь къ самому его уху, спросилъ слѣдователь. — А жена, а семья... а?

Докторъ быстро оторвалъ руку отъ краснаго, мокраго, вспухшаго лица, неподвижно посмотрѣлъ на него мутными, безумными глазами и, вдругъ упавъ головой на столъ, визгливо заплакалъ и застоналъ.

— Боже мой, Боже мой... что же это такое, что же это такое?..

Голова его прыгала и ѣздила на краю стола, какъ большой мягкій пузырь.

— Да уймите его... — съ холоднымъ презрѣніемъ сказалъ становой, отходя отъ стола. — Что тутъ дурака ломать... Не понимаю...

Докторъ началъ захлебываться, а потомъ стало казаться, будто онъ начинаетъ громко и страшно хохотать.

Слѣдователь пугливо бросился за водой, тыкалъ стучащій стаканъ въ мокрые зубы доктора и трусливо твердилъ:

— Перестаньте... Ну, что это вы... Ну, поиграли съ дѣвочкой... пьяны были... На нашемъ мѣстѣ и всякій то же самое сдѣлалъ бы... Что мы ей смерти хотѣли, что ли? Выпейте воды... Перестаньте... Не кричите... Ну, вышло такъ, что же дѣлать...

Становой вдругъ не то застоналъ, не то засмѣялся. Слѣдователь испуганно повернулся къ нему, и одно мгновеніе что-то странное показалось ему: точно всѣ сошли съ ума, и онъ самъ, и по черепу у него прошла судорожная дрожь. Становой рванулся съ мѣста, вышибъ у него изъ рукъ стаканъ, со звономъ ударившійся объ полъ, и, съ бѣшеной силой схвативъ доктора за плечи, прокричалъ:

— Замолчи... тебѣ говорятъ, сволочь паршивая!.. Убью!!

Докторъ трясся въ его рукахъ, какъ-будто голова его отрывалась отъ тѣла, и безпомощно лепеталъ:

— Я п... поним... маю... п... пустите... я нич-ч-че-го...

VI.

Еще съ вечера невидимая и неслышимая, ползущая тайно, изъ устъ въ уста, пошла во всѣ стороны тяжелая молва о злодѣяніи. Было совсѣмъ глухо и тихо, но въ этой мертвой тишинѣ отчаянный крикъ, казалось, летѣлъ отъ человѣка къ человѣку, и въ душахъ становилось больно, страшно, и тяжелое, кошмарное рождалось возмущеніе. Оно таилось въ глубинѣ и какъ-будто уходило все глубже и глубже, но вдругъ, неизвѣстно никому, какъ и гдѣ, точно крикнулъ въ толпѣ какой-то паническій голосъ, оно вырвалось наружу, вспыхнуло и покатилось изъ края въ край. На разсвѣтѣ рабочіе на бумагопрядильной фабрикѣ и на ближайшей желѣзной дорогѣ побросали работы и черными кучками поползли черезъ поля въ деревню.

— Сами убили да сами и судъ вели,—заговорилъ тяжелый, глухой голосъ, и въ его шопотѣ стало нарастать что-то огромное, общее, грозное, какъ надвигающаяся туча.

Оно росло съ сокрушающей силой и стремительной быстротой. И въ своемъ стихійномъ движеніи увлекало за собой все потаенное, задавленное, вѣковую обиду. Казалось, тѣнь маленькой замученной женщины, въ дѣтскихъ черныхъ чулкахъ съ наивными голубыми подвязками, воплотила вдругъ въ себѣ что-то общее, свѣтлое, молодое, милое, безконечно и безнадежно задавленное и убитое. Не хотѣлось вѣрить, не хотѣлось жить, и ноги сами собой шли въ ту сторону, какъ на зовъ погибающаго голоса, сами собой принимали грозное и отчаянное выраженіе.

Когда рано утромъ десятскіе вынесли некрашенный гробъ на улицу, огромная, точно въ черномъ омутѣ кру-

тящаяся толпа уже запрудила всю улицу. Она молча разступалась передъ медленно плывущимъ по воздуху желтымъ ящикомъ. Никто не зналъ, что надо дѣлать, и мучительно всматривался въ желтую крышку, подъ которой, казалось, затаилось напряженное, молчаливое отчаяніе. Было тихо, но гдѣ-то сзади вдали, уже глухо и тяжело ворочался какой-то мѣрный, нарастающій подземный гулъ.

Бѣлое небо уже стало прозрачнымъ, и иней призрачно бѣлѣлъ на крышахъ, на землѣ, на заборахъ. Одинокая звѣзда на востокѣ блѣднѣла тонко и печально. Черная толпа, медленно свивая черныя кольца, тронулась и поползла за гробомъ по тихой длинной улицѣ. Было такъ чисто, прозрачно и изящно вверху, въ небѣ, и такъ безпокойно грубо внизу, на черной землѣ. Гробъ быстро донесли до церкви и медленно стали заворачивать къ погосту.

Кто-то пронзительно и настойчиво закричалъ. Иволгинъ, безъ шапки, сѣдой и дикій, бѣжалъ за гробомъ и, махая костлявыми руками, кричалъ:

— Стой, стой!..

Гробъ какъ-будто самъ собою остановился и нерѣшительно закачался на мѣстѣ. Иволгинъ добѣжалъ. Сѣдые пучки его волосъ торчали во всѣ стороны, и старые глаза его пучились надъ искривленнымъ ртомъ.

— Куда?! — закричалъ онъ, задыхаясь и хватаясь за гробъ.—Назадъ!.. Убили и концы въ воду?!. Врете, мерзавцы!.. Назадъ!.. Это мы еще посмотримъ, какъ...

Толпа глухо загудѣла, и похоже было гудѣніе на растущій прибой.

— Господинъ Иволгинъ, за эти слова вы и отвѣтить можете... очень просто!—угрожающе закричалъ урядникъ и протиснулся между нимъ и гробомъ.—Неси, ребята, неси!..

Иволгинъ машинально ухватился за его руку и су-

дорожно шевелилъ трясущимися губами, дико пуча обезумѣвшіе глаза.

— Да вы меня не хватайте! — съ силой выдернулъ у него руку урядникъ, и голосъ его прозвучалъ оскорбленно и увѣренно.

Но Иволгинъ такъ же молча и машинально ловилъ его за локоть и, какъ-будто молча, бормоталъ что-то, судорожно, по-рыбьи, открывая и закрывая ротъ.

— Пустите!—съ бѣшенствомъ крикнулъ урядникъ.

— Они убили... сами убили... — наконецъ пробормоталъ Иволгинъ:—а вамъ... грѣхъ... вѣдь вы знаете...

— Что я знаю? — странно, какъ-будто озлобясь на что-то, преувеличенно дерзко закричалъ урядникъ. — Чего тамъ... Ваше дѣло?.. Десятскій, бери его!..

Русый и блѣдный мужикъ робко взялъ Иволгина за руку.

— Братцы, что жъ это такое?—прокричалъ кто-то въ толпѣ съ скорбнымъ недоумѣніемъ.

— Пусти, чего хватаешься!.. Убивцы!.. Робята, не давай хоронить... Прокурора... А-а... Не давай! — нестройно и негромко закричали голоса, и вдругъ двинулось, отлило и опять подалось впередъ.

Урядникъ закричалъ что-то изо всѣхъ силъ, но только дикой нотой вошелъ въ хаосъ ревущихъ голосовъ. Гробъ порывисто закачался и быстро опустился внизъ, на дно толпы.

VII.

На другой день, къ полудню, вызванные по телеграммѣ, данной со станціи желѣзной дороги, пріѣхали исправникъ и становой.

Вся деревня съ утра гудѣла и дрожала. Гробъ одиноко стоялъ въ церкви, и на его желтой крышкѣ мутно отсвѣчивало солнце.

Толстый исправникъ грузно и властно слѣзъ съ брички и негромко, но твердо и коротко буркнулъ становому:

— Ипполитъ Ипполитовичъ, распорядитесь, чтобы понятыхъ и чтобъ сейчасъ же закопать.

А самъ короткими и твердыми шагами пошелъ къ церкви. Вся паперть и весь церковный дворъ былъ покрытъ черной молчаливой толпой. Прошли десятскіе, прошелъ становой и урядникъ. Слышно было, какъ гулко и нестройно топотали ихъ ноги по каменному полу церкви. Потомъ они опять вышли, и желтая крышка гроба показалась въ черной дырѣ дверей и закачалась въ воздухѣ, высоко надъ толпой.

— Живо поворачивайся!—торопливо и властно говорилъ исправникъ, угрюмо и зорко кося глазами по сторонамъ.

Молча, какъ автоматъ, толпа сдвинулась и насѣла на паперть. Гробъ сталъ.

— Расходись! — выступая впередъ, крикнулъ исправникъ.

— Какъ это — расходись!? — Убили, да и расходись... ловко!—отвѣтилъ кто-то изъ толпы.

Иволгинъ, сѣдой и аккуратный, съ бѣленькимъ крестикомъ на сѣрой шинели, вѣжливо и рѣшительно выступилъ навстрѣчу исправнику.

— Позвольте,—сдержанно и тихо началъ онъ, близко нагибаясь къ исправнику:—разъ голосъ народа указываетъ на...

— Что-съ? — быстро поворачивая голову къ нему, спросилъ исправникъ и гнѣвно нахмурился.

— Я говорю, что убійцы намъ всѣмъ извѣстны... нельзя допустить, чтобы это ужасное дѣло...

Исправникъ коротко и невѣрно взглянулъ ему въ глаза и сейчасъ же отворотился.

— Позвольте... Это не ваше дѣло!.. Кто вы такой?.. Потрудитесь удалиться.

Онъ мягко, но рѣшительно отстранилъ стоявшаго на дорогѣ Иволгина.

— Осторожнѣй!—вдругъ бѣшено и страшно крикнулъ Иволгинъ, съ силой отшвыривая его руку прочь.

Исправникъ съежился и внезапно поблѣднѣлъ.

— Потише, потише, вы... чуть слышно и не глядя на Иволгина, пробормоталъ онъ.—Неси, ребята...

Было долгое, томительное молчаніе и неподвижность. Гробъ тихо качался на паперти.

— Ребята,—блѣднѣя все больше и больше, закричалъ исправникъ тонкимъ, напряженнымъ голосомъ:—знаете вы, что дѣлаете?.. За это отвѣчать надо! Пропусти... Слѣдствіе выяснило виновника... судъ разсудитъ, а вы отвѣчать будете...

— Судить... разсудитъ... Слѣдствіе! Го-гого!—какъ-будто весело и голосисто закричали въ толпѣ.—Ловкачи!.. Нѣтъ, братъ, ходи мимо!.. Го!..

— Пропустить! — вдругъ теряясь, черезчуръ громко и неровно крикнулъ исправникъ. — Это — еще что тутъ!..

— А то! — крикнулъ Иволгинъ, опять прорываясь къ нему.—Вы думаете, на васъ суда нѣтъ?.. Такъ врешь, подлецъ!.. Вотъ тебѣ судъ!

Исправникъ молча исподлобья оглянулся кругомъ и ступилъ ногой назадъ. И вся толпа, какъ завороженная, двинулась за нимъ.

— Ипполитъ Ипполитовичъ, — растерянно проговорилъ исправникъ.

Высокій сѣрый становой увѣренно шагнулъ мимо него къ Иволгину, и на его стальномъ лицѣ было твердое, холодное, какъ-будто чего-то еще не понимающее выраженіе.

Какъ разъ въ ту минуту, когда становой и урядникъ

схватили Иволгина, высокій и худой мастеровой съ длиннымъ и безцвѣтнымъ лицомъ, вдругъ измѣнился въ лицѣ и, бѣшено опустивъ зрачки, ударилъ корявымъ и грузнымъ кулакомъ прямо въ лицо становому.

— Убивецъ!!.—простоналъ онъ.

Брызнула кровь, и что-то болѣзненно и противно хряснуло. Становой качнулся,. но на ногахъ устоялъ Его твердое лицо стало безобразнымъ, но не выразило ни ужаса, ни боли, а одно безумное удивленное, какое-то звѣриное бѣшенство. Онъ коротко и хрипло заревѣлъ, и, изогнувшись, какъ кошка, бросился на мастерового. Съ минуту они простояли обнявшись, потомъ закачались и разомъ рухнули внизъ, гремя и звеня по ступенькамъ паперти.

И тутъ все мучительно охнуло и завертѣлось. Страшный, блѣдный призракъ разгрома всталъ надъ толпой, и его блѣдный ужасъ отразился на замелькавшихъ въ дикой свалкѣ лицахъ.

— А ну... Бей, ребята! — прокричалъ кто-то тонкимъ, веселымъ и страшнымъ голосомъ.

Исправникъ и старшина бѣжали рядомъ, по грязной землѣ, по талому снѣгу, по холодной брызгающей въ лица водѣ. Бѣжали, хрипя и задыхаясь, грязные, оборванные, съ разбитыми страшными лицами, и были похожи на какихъ-то огромныхъ, безобразныхъ зайцевъ, рѣжущихъ поле напрямикъ, не разбирая дороги. Далеко сзади, съ уханьемъ и свистомъ, вразсыпную бѣжала толпа.

VIII.

Ночью по темной и грязной дорогѣ, выходящей изъ мрака и уходящей во мракъ, вползала въ деревню огромная, тяжелая масса. Ничего нельзя было разобрать въ ней, но слышно было, какъ предостерегающе фыркали

лошади, дробно и многозвучно шлепали по землѣ подковы и, со скрежетомъ, чуть слышно позванивало оружіе. Не было видно ни лицъ, ни движеній, и казалось, что идетъ одна сплошная грозная сила.

Войска стали на площади. На улицѣ было тихо и пусто, только взбудораженныя собаки выли и лаяли по дворамъ. Кой-гдѣ въ темныхъ, таинственныхъ окнахъ мрачно засвѣчивались огоньки и сейчасъ же гасли.

Часть солдатъ, неуклюжими однообразными силуэтами, спѣшилась и вошла въ ограду церкви. Потомъ вынесли изъ мрака темный ящикъ и быстро понесли его кругомъ смутно бѣлѣвшей ограды на погостъ. Было тихо.

И долго было тихо, пока не насталъ сѣрый и тревожный день.

Днемъ по главному шоссе отъ фабрики, на которой не курились и стояли, какъ огромныя потухшія свѣчи, мертвыя трубы, опять потянулись черныя кучки мрачныхъ и зловѣщихъ людей. Прилегающія къ площади улицы, казалось, рождали ихъ черные силуэты. Они липли другъ къ другу, росли и расплывались по площади, какъ густыя пятна пролитаго на снѣгъ чернаго масла. Блѣдныя, напряженныя лица сходились и расходились, поворачивались другъ къ другу и смотрѣли на солдатъ съ страннымъ, углубленнымъ выраженіемъ.

Половина площади у церкви была запружена сплошной черной толпой. На оградѣ церкви торчали люди. На сваленныхъ возлѣ ограды бревнахъ и доскахъ кишѣла пестрая и въ то же время однообразная масса головъ.

По другую сторону площади было попрежнему пусто и тихо. Тамъ неподвижно длинной полосой стояли конные солдаты, и рядъ ихъ каменныхъ, непроницаемыхъ лицъ былъ обращенъ къ толпѣ. Они сидѣли однообразно и неподвижно, и только лошади махали головами да расхаживали впереди какіе-то сѣрые люди,

никому неизвѣстные, странно блестящіе на сѣрой землѣ и сѣрыхъ заборахъ.

Потомъ эти люди прошли къ лошадямъ и быстро увѣренно поднялись на сѣдла. Раздался одинокій возгласъ, и длинная полоса солдатъ разомъ заколебалась, тронулась и съ громомъ и звономъ рысью двинулась черезъ площадь на толпу.

Толпа зашевелилась. Одинокіе крики изумленія и ужаса порвали тишину, и вся черная масса съ дикимъ крикомъ и визгомъ полѣзла назадъ на бревна, на ограду церкви. Огромныя лошади круто взмахивали головами и, упираясь, надвигались на людей. Сзади толпы, съ ограды, засвистали и закричали. Высокій, худой мастеровой вприпрыжку побѣжалъ отъ церкви навстрѣчу лошадямъ и высокимъ голосомъ закричалъ:

— Наши, сюда! Наши, сюда!..

И одинъ по одному побѣжали назадъ огромные черные люди.

— Бей, бей!—закричали они нестройно и страшно.

Все смѣшалось, какъ въ кошмарѣ. Въ воздухѣ засвистали палки, камни, замелькали руки и закрутились ополоумѣвшія багровыя лица съ дикими глазами. Слышался уже не крикъ, а какая-то каша изъ хрипѣнія, визга, жесткихъ ударовъ по чему-то живому и глухихъ, тяжелыхъ паденій. И вдругъ раздался стихійный, торжествующій ревъ. Вдали, на концѣ площади, виднѣлись казаки, но уже не правильной сѣрой полосой, а разрозненными жалкими кучками. А въ нихъ неуклонно и страшно все летѣли и летѣли тяжелые и круглые камни.

— Наша взяла! — прокричалъ высокій человѣкъ и улыбнулся съ дѣтской радостью и торжествомъ.

— Гляди!..—тихо и внятно сказалъ кто-то въ толпѣ.

На той сторонѣ площади медленно и мѣрно развертывалась длинная сѣрая полоса, и отчетливо было вид-

но, какъ отбивали торопливый и мѣрный тактъ сотни ногъ. Сразу все стихло, и на площади опять всталъ какой-то молчаливый и блѣдный призракъ.

— Не смѣютъ, пугаютъ!—робко и недоумѣло заговорили въ толпѣ.

Что-то свѣтлое, правдивое и казавшееся такимъ простымъ и естественнымъ, безсильно заметалось, стараясь увѣрить сжавшіяся сердца.

— Братцы... какъ же такъ?.. Что жъ теперь?.. — спросилъ высокій мастеровой упавшимъ жалкимъ голосомъ.

И вслѣдъ за тѣмъ что-то ударило въ землю и небо. Сѣрые люди куда-то исчезли и затянулись полосой легкаго и сизаго дыма...

IX.

Къ вечеру разошлись тучи и выглянуло солнце. На улицахъ было пусто, и только куры тихо бродили по дорогѣ да возлѣ церкви, трусливо поджимая хвосты, бѣгали и нюхали землю собаки. Было тихо и страшно, и, казалось, надъ землей, между замершей и затаившейся жизнью и глубокимъ, свободнымъ голубымъ небомъ стояла какая-то невидимая мертвая, давящая сила.

Въ сараѣ, при волости, на помостѣ лежали рядами неподвижно мертвые люди и смотрѣли вверхъ остановившимися навсегда бѣлыми глазами, въ которыхъ тускло блестѣлъ вопрошающій и безысходный ужасъ...

1905 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

